МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И СТРАНОВЕДЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ПИТЕР АКРОЙД

ТЕМЗА

СВЯЩЕННАЯ РЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОЛЬГИ МОРОЗОВОЙ

Темза. Священная река
Питер Акройд

Аннотация
Питер Акройд. Темза. Священная река
Список карт
I. Зеркало истории
  Глава 1. Река как факт
  Глава 2. Река как метафора
  Глава 3. Речное время
II. “Отец Темз”
  Глава 4. Крещение
  Глава 5. Река из камня
  Глава 6. Рождение
III. Юная струя
  Глава 7. Притоки
IV. Начало
  Глава 8. В начале…
  Глава 9. Священные линии
  Глава 10. Битва на Темзе
V. Священная река
  Глава 11. Святой поток
  Глава 12. Речные святые
  Глава 13. Привет тебе, святая река, матерь милосердия

Глава 14. Руины
Глава 15. Текучая история
VI. Неизменная первооснова
Глава 16. Воды жизни
Глава 17. Река-уравнительница
VII. Рабочая река
Глава 18. Речное судно
Глава 19. Мосты довольства и туннели тьмы
Глава 20. Речной закон
Глава 21. Преступный элемент
Глава 22. Речные труженики
Глава 23. Аборигены
VIII. Торговая река
Глава 24. Мировая торговля
Глава 25. Река необъятности
Глава 26. Пар и скорость
IX. Природная река
Глава 27. “И дождь, и град, и ветер…”
Глава 28. Старые деревья
Глава 29. “После многих лет умирает лебедь…”
X. Поток удовольствий
Глава 30. Пей сколько душе угодно
Глава 31. Вверх по реке
Глава 32. Сады наслаждений
Глава 33. Поганая река
Глава 34. “Живенькие, живенькие, живень-

кие-о!”
XI. Целебный источник
Глава 35. Вода-целительница
Глава 36. Свет Темзы
XII. Река искусств
Глава 37. Речное художество
Глава 38. Речная словесность
Глава 39. Речная песнь
XIII. Тени и глубины
Глава 40. Речные грезы
Глава 41. Речные легенды
XIV. Река смерти
Глава 42. Приношения
Глава 43. Речные головы
Глава 44. Река смерти
XV. Конец реки
Глава 45. Низовья реки
Опыт альтернативной топографии: от истока до моря
От автора

Аннотация

В новом бестселлере «Темза» Питер Акройд приглашает читателя в путешествие по берегам знаменитой реки. Акройд рассказывает, какой ее видели художники, поэты, писатели и музыканты прошлого. Он проходит путь от истоков Темзы до того таинственного места, где она встречается с открытым морем. Это история реки от доисторических времен до настоящего времени. История ее призраков и тайн, ее мостов и набережных. «Темзу» Акройда отличают те же качества, что и книгу «Лондон»: эрудиция, остроумие, тонкие наблюдения. Питер Акройд обладает удивительным даром – находить никем незамеченные детали и писать о них с интонацией волшебника.

Питер Акройд
Темза. Священная река

Посвящается Пенелопе Хор

The Thames — Copyright © Peter Ackroyd, 2007
This edition published by arrangement with
The Susijn Agency Ltd and Synopsis Literary Agency.

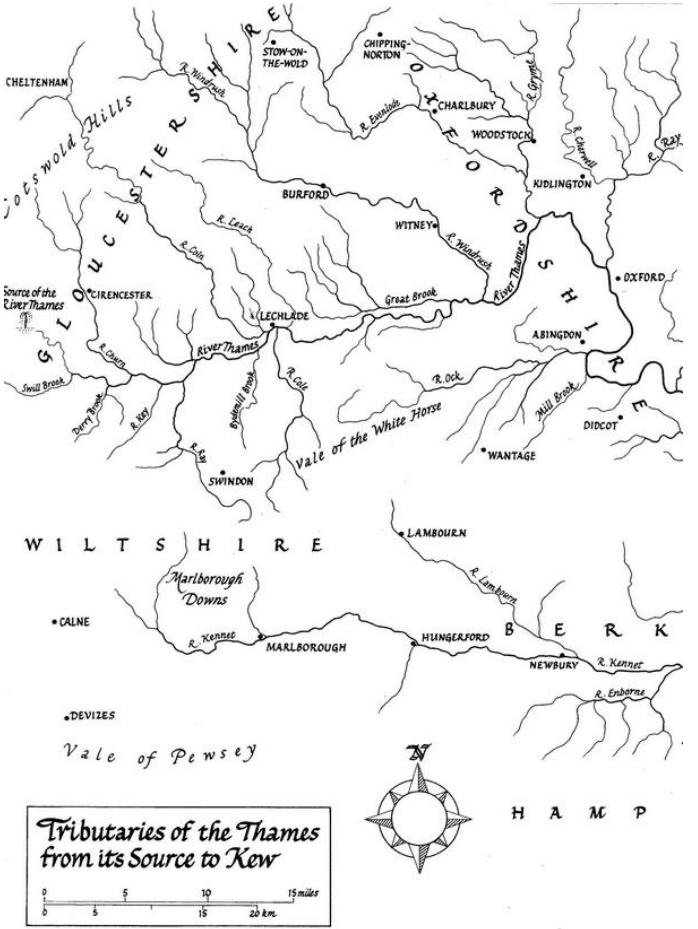
© Издательство Ольги Морозовой, 2009
© Л. Мотылев, перевод, 2009
© А. Бондаренко, оформление, 2009

Список карт

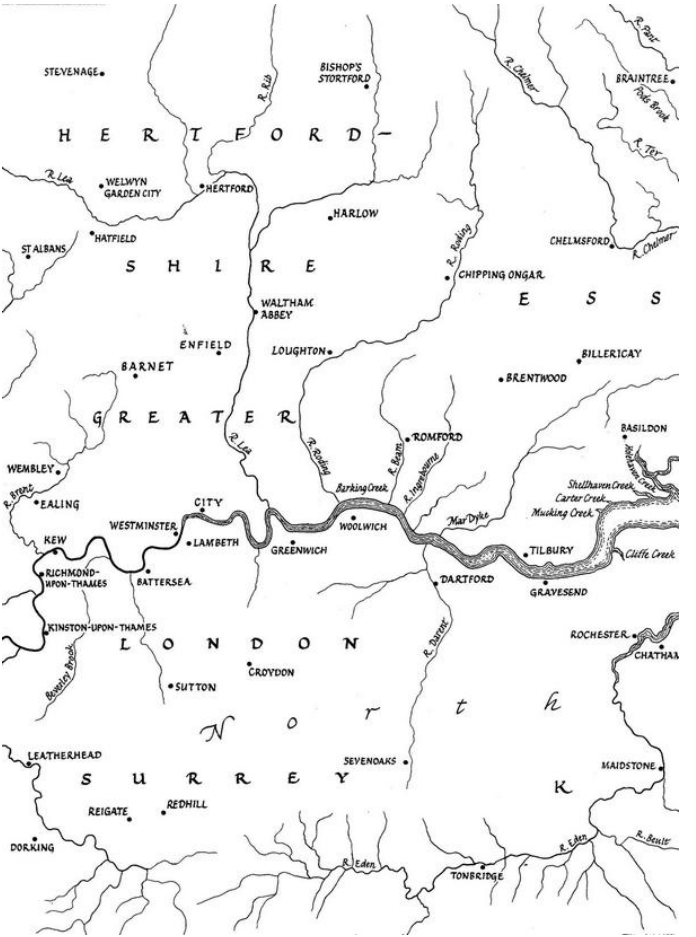
Темза от истока до моря
Темза и ее притоки от истока до Кью
Темза и ее притоки от Кью до Северного моря

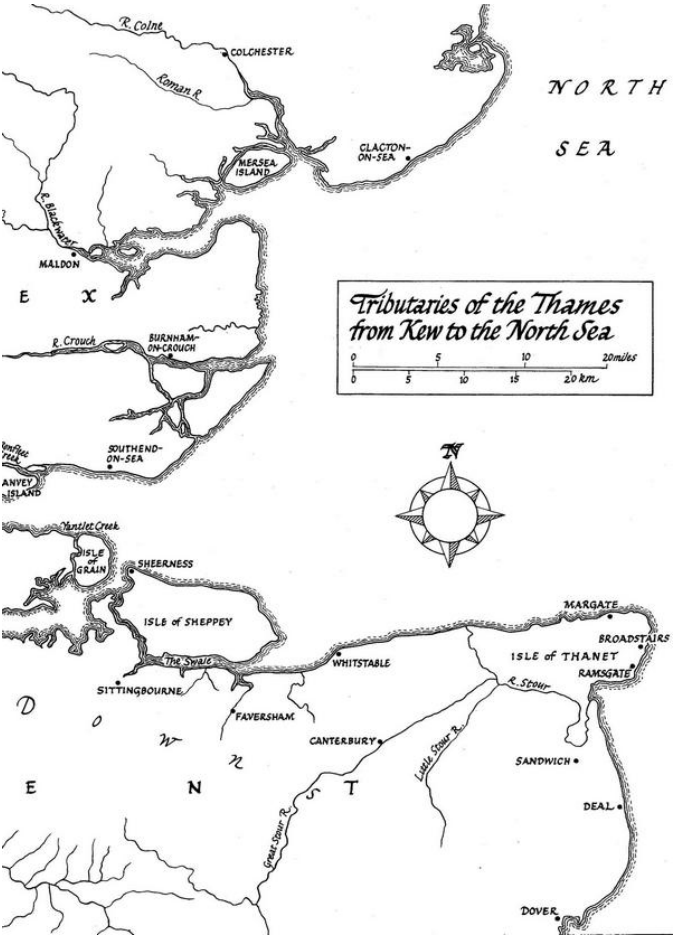
THE RIVER THAMES

FROM SOURCE TO SEA


CHELTENHAM
R. Windrush
STOW-ON-THE-WOLD
CHIPPING-NORTON
R. Evenlode
CHARLBURY
R. Glyme
R. Cherwell
R. Ray
WOODSTOCK
KIDLINGTON
OXFORDSHIRE
BURFORD
R. Leach
WITNEY
R. Windrush
River Thames
OXFORD
Cotswold Hills
GLOUCESTERSHIRE
Source of the River Thames
CIRENCESTER
R. Coln
LECHLADE
Great Brook
ABINGDON
River Thames
R. Churn
Swill Brook
Derry Brook
R. Key
Bydemill Brook
R. Cole
R. Ock
Mill Brook
DIDCOT
Vale of the White Horse
WANTAGE
R. Ray
SWINDON
WILTSHIRE
LAMBOURN
R. Lambourn
Marlborough Downs
CALNE
R. Kennet
MARLBOROUGH
HUNGERFORD
BERK
NEWBURY
R. Kennet
R. Enborne
DEVIZES
Vale of Pewsey
N
HAMP
Tributaries of the Thames from its Source to Kew
0 5 10 15 miles
0 5 15 20 km.

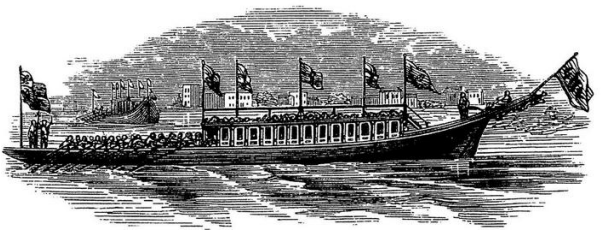
BEDFORDSHIRE
BUCKINGHAMSHIRE
DUNSTABLE
LUTON
R. Lea
R. Thame
AYLESBURY
HERTFORDSHIRE
BERKHAMSTED
HEMEL HEMPSTEAD
ST ALBANS
THAME
PRINCES RISBOROUGH
R. Misbourne
R. Chess
WATFORD
AMERSHAM
R. Colne
Chiltern Hills
HIGH WYCOMBE
RICKMANSWORTH
WALLINGFORD
BEACONSFIELD
CHILTERN
HARROW
CHOLSEY
MARLOW
HUNDREDS
WEMBLEY
HENLEY-ON-THAMES
EALING
MAIDENHEAD
SLOUGH
GREATER
River Thames
KEW
READING
The Cut
WINDSOR
RICHMOND UPON-THAMES
R. Pang
R. Crane
STAINES
LONDON
KINGSTON-UPON-THAMES
BRACKNELL
The Bourne
R. Blackwater
Finchy Brook
R. Cobbler
R. Hart
R. Mole
WOKING
R. Wey
LEATHERHEAD
FARNBOROUGH
BASINGSTOKE
R. Whitewater
ALDERSHOT
GUILDFORD
DORKING
North Downs
R. Wey
GODALMING


STEVENAGE
BISHOP'S STORTFORD
R. Rib
R. Chelmer
R. Pant
BRAINTREE
Pod Brook
R. Ter
H E R T F O R D -
R. Lee
WELWYN GARDEN CITY
HERTFORD
HARLOW
HATFIELD
ST ALBANS
S H I R E
R. Roding
CHELMSFORD
R. Chelmer
CHIPPING ONGAR
E S S
WALTHAM ABBEY
ENFIELD
LOUGHTON
BILLERICAY
BRENTWOOD
BARNET
G R E A T E R
R. Lee
R. Roding
ROMFORD
R. Beam
R. Ingrebourne
BASILDON
Holehaven Creek
WEMBLEY
R. Brent
EALING
CITY
Barking Creek
Shellhaven Creek
Carter Creek
Mucking Creek
WESTMINSTER
WOOLWICH
Mar Dyke
KEW
LAMBETH
GREENWICH
TILBURY
Cliffe Creek
RICHMOND-UPON-THAMES
BATTERSEA
DARTFORD
GRAVESEND
KINGSTON-UPON-THAMES
L O N D O N
R. Darent
ROCHESTER
CHATHAM
Bowyers Brook
CROYDON
SUTTON
N o r t h
LEATHERHEAD
SEVENOAKS
MAIDSTONE
S U R R E Y
K
REIGATE
REDHILL
DORKING
R. Eden
R. Eden
R. Beult
TONBRIDGE


R. Colne
COLCHESTER
Roman R.
NORTH
SEA
CLACTON-ON-SEA
MERSEA ISLAND
R. Blackwater
MALDON
E X
R. Crouch
BURNHAM-ON-CROUCH
SOUTHEND-ON-SEA
ANVEY ISLAND
Yantlet Creek
ISLE OF GRAIN
SHEERNESS
ISLE of SHEPPEY
The Swale
SITTINGBOURNE
WHITSTABLE
MARGATE
BROADSTAIRS
ISLE of THANET
RAMSGATE
R. Stour
FAVERSHAM
CANTERBURY
Little Stour R.
SANDWICH
DEAL
Great Stour R.
DOVER
D O W N E N T
Tributaries of the Thames from Kew to the North Sea
0 5 10 20miles
0 5 10 15 20 km

Автор карт — Реджинальд Пиггот
Автор дизайна — Дина Дрейзин

I
Зеркало истории



Церемониальная барка лорд-мэра

Глава 1
Река как факт

Ее длина составляет 215 миль, а судоходна она на протяжении 191 мили. Это самая длинная река Англии, но не Великобритании: Северну она уступает примерно 5 миль. Так или иначе, из всех рек на свете, имеющих славную историю, эта самая короткая. Протяженность Амазонки и Миссисипи — почти 4000 миль, Янцзы — без малого 3500 миль, причем ни одна из этих рек не привлекала к себе такого внимания во всем мире, как Темза.

По Темзе проходят границы девяти английских графств, что подчеркивает ее разделительное и оборонное значение. Она отграничивает Уилтшир от Глостершира, Оксфордшир от Беркшира; ниже по течению она отделяет Суррей от Мидлсекса (или Большого Лондона, как он неэлегантно называется с некоторых пор) и Кент от Эссекса. Она, кроме того, служит рубежом Букингемшира. Темза обороняла эти некогда племенные земли в далеком прошлом, и она останется их хранительницей в обозримом будущем.

Через Темзу переброшено 134 моста, выше Теддингтона на ней устроено 44 шлюза. Сейчас у нее осталось примерно двадцать крупных притоков, тогда как некоторые (например, Флит) убраны под землю. Площадь ее бассейна, откуда она собирает дождевую и почвенную влагу, — приблизительно 5264 квадратных миль. В лесах и около ручьев поблизости от Темзы много родников. Один такой “вечный источник” чистой воды бьет, к примеру, у холмов Сайноден-хиллз в Оксфордшире.

Средний расход воды в районе Теддингтона (эта точка выбрана потому, что в ней кончается действие приливов) составляет 5205 млн литров в день, или примерно 56,6 кубометров в секунду. Скорость течения колеблется между 0,5 и 2,75 миль в час. Главный напор воды приходится на так называемый тальвег — самую глубокую часть русла; но ее движение нельзя назвать ровным и поступательным, оно скорее спиралевидное и подвержено воздействию всевозможных поверхностных и придонных потоков. Более 95 % энергии реки теряется вследствие турбулентности и трения.

Нечего удивляться, что направление Темза выбирает прихотливо, по-донкихотски. Предпо-

ложительно ее водам следовало бы двигаться на восток, но она посрамляет все примитивные предсказания. Выше Хенли и близ Теддингтона она течет на северо-запад, выше Абингдона — на запад, от Кукема — на юг, выше Марлоу и Кингстона — на север. Темза хоть и не вьется, как Евфрат, где, по словам Геродота, твое судно трижды за три дня подходит к одному и тому же селению, но все же петляет изрядно. Путешествие вдоль нее оказывается в два-три раза длиннее, чем по дороге. Так что Темза учит тебя не спешить, учит посмотреть на мир с иной точки зрения.

Среднее падение реки по всему ее протяжению составляет 432–533 мм на милю. Подчиняясь силе тяжести, вода неизменно ищет простейший путь к морю. Перепад высоты между истоком и устьем — 183 м, причем на первых 9 милях спуск довольно крутой (91,5 м), на следующих 11 милях — 30,4 м, а дальше уклон реки уменьшается. Но усредненные величины не так уж важны: они маскируют переменчивость и своеобразие Темзы. Средняя ширина реки — 1000 футов (305 м), средняя глубина — 30 футов (9 м); но ширина варьируется от 1–2 футов близ Трусбери до 5,5 миль в районе Ширнесса.

Приливы и отливы — это, по словам Теннисона,

“движение во сне, слишком наполненное, чтобы шуметь и пениться”. Прилив сулит порой выгоду, порой опасность; отлив намекает на расставание и приключение. Всякий раз это одно общее перемещение воды, но оно включает в себя тысячи разнообразных потоков и завихрений; возникают разнонаправленные течения, и наивысший уровень реки не всегда соответствует окончанию прилива. Вода порой начинает спадать раньше. Средняя скорость приливных течений — между 1 и 3 узлами (1,15–3,45 миль в час), но иногда она может достигать 7 узлов (8 миль в час). В районе Лондонского моста прилив продолжается почти шесть часов, отлив — шесть с половиной. По сравнению с прежними временами приливы сейчас заметно усилились. Разница между наинизшим и наивысшим уровнями воды за сутки может составлять 7,3 м; у Лондонского моста она колеблется между 4,5 и 6,7 м. В период римской оккупации — 2000 лет назад — она составляла всего 0,9 м.

Причина проста. Юго-восток Англии постепенно погружается в море со скоростью примерно 305 мм за столетие. В 4000 г. до н. э. окрестности Темзы располагались на 14 м выше, чем сейчас; в 3000 г. до н. э. — на 9,4 м выше. В соединении с

эффектом таяния полярных льдов это приводит к тому, что уровень прилива в нижнем течении Темзы повышается со скоростью 0,6 м за столетие. Вот почему сооруженный не так давно Барьер (плотина через Темзу) не обеспечивает полной защиты от наводнений и уже слышны предложения о строительстве новой плотины.

Прилив, как известно, обусловлен взаимным расположением Земли, Луны и Солнца. Максимальный уровень прилива достигается через два дня после полнолуния, минимальный ("квадратурный") — посередине между полнолунием и новолунием. Самые высокие приливы бывают поблизости от равноденствия; это наиболее опасные периоды для тех, кто живет и трудится около реки. Угрозу представляют также высокие приливы поздней осени и ранней весны. Неудивительно, что в древности люди, жившие на берегах Темзы, обожествляли реку и старались ее умилостивить.

Нынешний вид этих берегов разнообразен, хоть и не поражает взгляд яркой живописностью; около воды попеременно теснятся атрибуты старины и современности. Во многом Темза сейчас — одомашненная река, над приручением и усмирением которой трудилось много поколе-

ний. В этом смысле она — отчасти искусственное образование, крупные куски ландшафта вокруг которого сознательно спланированы так, чтобы гармонировать с водной гладью. Можно было бы написать историю Темзы как произведения искусства.

Эта работа все еще продолжается. После того, как Темзу сдвинул на юг последний ледниковый период, она уже десять тысяч лет течет по одному и тому же руслу. У Сайноден-хиллз по берегам по-прежнему заметны британские и римские земляные насыпи, что замечательно, если учесть разрушительное действие проточной воды. Уровень реки менялся на протяжении тысячелетий — например, во времена англосаксонского завоевания случился внезапный подъем. Свидетельствами затопления служат обнаруженные остатки ушедших под воду лесов. Вид Темзы тоже, конечно, не остался неизменным, она лишь недавно стала сравнительно глубокой и узкой, и тем не менее сохранность во времени и верность своему характеру — один из важных источников ее силы.

При этом, разумеется, каждому ее участку присуще собственное лицо и атмосфера, своя история. Противоположности рождают энергию,

контрасты — красоту. Сам состав воды от истока до устья весьма различен: чистая и пресная в верхнем течении, она становится солоноватой в эстуарии и весьма соленой вблизи моря. Вследствие вихревых потоков вода у северного берега более солона, чем у южного. Облик Темзы в районе Лечлейда и Баттерси, Хенли и Грейвзенда совершенно разный: безмятежность верхнего течения контрастирует с беспокойными завихрениями длинных лондонских участков. После Нового моста река, словно предвидя перемену, становится шире и глубже.

Сельский пейзаж тоже переменчив: плоские открытые участки стремительно чередуются с лесными, и возделанные поля Дорчестера совершенно не похожи на густые леса Кливдена. Ниже Годстоу речные берега становятся местом отдыха: сплошное веселье, жизнерадостность, ялики и плоскодонки, водно-спортивные состязания в Порт-Медоу, пикники у воды близ Бинзи. Но дальше происходит некая перемена колорита: все делается темно-зеленым, река окружена растительностью, как в джунглях, а затем с воды становятся видны здания Оксфорда, и Темза опять преображается. Оксфорд — разделительная точка. Отсюда можно взглянуть вверх, на тихий

исток, можно вниз, на грядущую лондонскую огромность.

Перед Лечлейдом река течет через безлюдные пастбища; в Уоппинге и Ротерхайте здания теснятся так, что, кажется, едва не падают в в воду. Темза равно питает сельское и городское начала. Вот почему одни участки реки навевают покой и забвение, другие рождают тревогу и отчаяние. Это река сновидений и вместе с тем река самоубийств. Ее потому называли текучей историей, что она растворяет и несет в себе все эпохи и все поколения. Они движутся, завихряясь, подобно воде.

Глава 2
Река как метафора

Река течет и сквозь наш язык, и мы говорим о ее воздействии в любом мыслимом контексте. О ней вспоминают, когда речь заходит о жизни и смерти, времени и судьбе; она служит метафорой непрерывности и растворения, обволакивающей близости и мимолетной эфемерности, искусства и истории, поэзии как таковой. В “Принципах психологии” (1890) Уильям Джеймс впервые употребил термин “поток сознания”: “всякий отчетливый образ, рождаемый разумом, погружен… в свободно обтекающую его струю”. То есть наше сознание подобно реке. Но река с ее глубиной, с ее невидимой подводной жизнью ассоциируется и с миром бессознательного.

Река — символ вечности, говорящий о нескончаемом цикле движения и перемен. Это один из немногих обобщенных символов, которые нам легко понять и оценить, и в непрерывном водном потоке ум и душа способны разглядеть намек на возможность нашего собственного бессмертия.

В поэме Джона Денема “Куперз-хилл” (1642)

Темза — метафора человеческой жизни. Робкое начало, уверенное продолжение и неизбежность впадения в великий океан:

> *Торопится отдать дань морю,*
>
> *Как смертная жизнь – встретиться с вечностью*[1].

В стихах, посвященных Темзе, всегда подчеркивалась ее связь с человеческими нуждами и человеческими реальностями. Чистота ее истока сменяется широким извилистым руслом коммерческой жизни. В младенчестве река невинна, прозрачна и незапятнанна. Приближаясь к большому городу, она делается гнилой и грязной, ее оскверняют жадность и спекуляция. Этот регресс перекликается как с бытием отдельного человека, так и с историей человечества. Но река имеет одно огромное преимущество перед своими метафорическими подобиями. Ее воды возвращаются к истоку и могут очиститься от скверны. Вот почему люди некогда инстинктивно связали с рекой обряд крещения. Темза была символом искупления и обновления, символом надежды и избавления от времени как такового.

---

[1] Примечания: 1

Подстрочный перевод. (Здесь и далее — *примеч. перев.*)

Глядя на реку во время отлива, когда “могучее сердце” Лондона “лежит спокойно”, Вордсворт использовал метафору человеческого кровообращения, уподобил речную воду пульсирующей в городских артериях крови, без которой лондонская жизнь остановилась бы. Сэр Уолтер Рэли, созерцая Темзу во время прогулки в Тауэре, где он был заточен, заметил, что “кровь, коя ветвями сосудов по всему телу растекается, подобна водам, несомым ручьями и реками по земле”. Свою “Историю мира” (1610) Рэли написал в тюремной камере, и ощущение Темзы как символа человеческой судьбы переполняло его. Река ассоциировалась с разворачиванием событий во времени, с бременем прошлого, которое она словно бы несет на своих плечах. Рэли чувствует, что груз времени по мере его течения оказывается все более сложным и отягчающим; жизнь людская становится темней и глубже, делается менее чистой и более восприимчивой к приливам и отливам обстоятельств. Однако Рэли в своей “Истории” приметил и отличие: “сей прилив жизни человеческой, после того как сменился неизменным отливом и упадком, *никогда более не возвращается*”.

Темзу, кроме того, воспринимали как зеркало

нашего характера, нашей нравственности. Клонящиеся ивы и тростники давали уроки кротости и терпения; скромной траве, растущей вдоль берегов, воздавали должное за отсутствие всякой напыщенности. И кто из пустившихся по реке в плавание не познал ценность терпения, выносливости, бдительности? Джон Денем выводит разговор на новый уровень:

> *Ты глубока, но чиста; спокойна, но не скучна;*
>
> *Сильна без ярости; полна, но не переполняешься*[2].

Приходит на ум, что река воплощает в себе английскую меру, эстетическую гармонию, которой мы желаем и ищем; более того — Денем, кажется, видит в ней символ английского характера как такового. Темза — метафора страны, по которой она течет. Она скромна и умеренна, спокойна и уверена в себе; она сильна, но без буйства. В ней нет ничего ослепительного. Она велика, но не огромна. Она чурается крайностей. Она течет по своему извилистому руслу без искусственных отклонений и вмешательств. Она полезна во всех

---

[2] Примечания: 2
Подстрочный перевод.

отношениях. Это практичная река.

Когда Роберт Мензис, дважды избиравшийся премьер-министром Австралии, приехал в Раннимид, он упомянул о “тайных ключах”, питающих “неспешный английский характер”. Это отождествление характера земли и воды с характером населяющих страну людей остается содержательным. Есть глубинная и тесная связь между рекой и теми, кто живет на ее берегах, пусть даже эта связь не всегда осознается.

В некотором смысле поэтому Темза дает образ нации, где мягко соединены земля и вода, согласованы друг с другом несхожие регионы. Она способствует росту и распространению единой культуры. Она творит гармонию из того, что кажется дисгармонией, и одним этим больше сделала для английского начала, чем любая другая национальная принадлежность.

Идеализированные образы английской жизни с крытыми тростником домиками, лужайками посреди деревень, утиными прудами и обнесенными живой изгородью полями происходят от окрестностей Темзы. Река служит источником нескончаемых мечтаний об “английскости”. Стоит только приехать в Кукем, в Пангборн, в Стритли или в один из сотен других мелких на-

селенных пунктов вдоль Темзы, чтобы понять идущую издавна важность реки в формировании национального лица.

Темза была и дорогой, и границей, и маршрутом атаки; она была игровой площадкой и канализационной трубой, источником воды и источником власти. Она была, пользуясь римским понятием, "публичной" рекой, но могла вместе с тем дарить глубокое личное довольство. Ее сила имеет и частный, и исторический аспект. Джон Килл в "Исследовании соображений о теории Земли" (1699) пишет о реках, что "без них не может быть ни больших городов, ни сообщения с отдаленными внутренними областями, ибо помимо рек почти невозможно снабжать великие множества людей всем необходимым для жизни". Темза сотворила цивилизацию в этих краях. Она сформировала Лондон.

Вот почему о ней писали как о некоем музее английского начала. Она заключает в себе историю нации: Гринвич и Виндзор, Итон и Оксфорд, Тауэр и Кентерберийское аббатство, Сити и королевский двор, Лондонский порт и Раннимид… В этом смысле она — великий объединитель. Она говорит от лица всего сообщества борющихся за свои частные интересы людей, которые жили

и живут подле нее. Кроме того, она, особенно в верхнем течении, представляет идеализированный и гармонизированный пейзаж страны. Она вдохновляла английских поэтов. Ее неоднородность и многообразие великолепно отвечают национальному вкусу:

> *Многоразличные почвы, беспредельные удовольствия,*
>
> *Жар, не убивающий прохладу, и холод, не изгоняющий тепла…*
>
> *Не слишком краткое лето, не слишком долгая зима*[3].

Так Майкл Дрейтон пишет о Темзе в “Полиольбионе” (1612). Следует добавить, что она осталась сравнительно неиспорченной. За последние две тысячи лет с ней не произошло значительных изменений.

На немалом протяжении ее берега пустынны и малолюдны. И сейчас можно пройти вдоль нее по тропке несколько миль и не встретить ни одного человека. Районы истока и устья сходны по безлюдью. Река выражает здесь идею бегства от мира “берегом, под сенью ив”. Поэтому она слы-

---

[3] Примечания: 3
Подстрочный перевод.

вет источником покоя, освобождающего от суеты. Мэтью Арнолд сказал о Темзе близ Стейнза, что “ее очарование — в полном уединении”. Остров Кэнви в ее устье в свое время назвали “самым одиноким местом в графствах, примыкающих к Лондону”.

Глава 3
Речное время

Она — *сама* история, историческая река, близ которой произошло большинство важных событий английской жизни за последние две тысячи лет; но это также и река как история.

Чем ближе Темза подходит к Лондону, тем более исторической она становится. Такова ее внутренняя природа. Она отразила карнавальное шествие веков. Ее история — это, конечно, история Англии, или, точнее, история бриттов и римлян, саксов и датчан, норманнов и всех прочих пришлых людей, решивших поселиться на ее берегах. Около нее цвели искусство и цивилизация. Каждое поколение понимало ее по-своему, и поэтому она век за веком накапливала смыслы. Мало-помалу она стала эмблемой национального характера. Судьба Англии неотделима от судьбы этой реки. Легенды утверждают, что она дает острову энергию. Дарит ему плодородие.

Никто не будет отрицать важнейшее значение Темзы для Лондона. Она принесла с собой торговлю, а вместе с ней — красоту, грязь, богат-

ство, нищету и достоинство. Лондон не мог бы существовать без Темзы. Вот почему она всегда занимала центральное место в жизни Англии и вполне может претендовать на то, чтобы называться самой исторически значимой (и уж точно самой богатой событиями) рекой на свете. Проплыв по Темзе или пройдя вдоль нее пешком, можно больше узнать о человеке, чем в любом длительном путешествии через мировые океаны. Однако вода — зеркало. У нее нет своей формы. У нее нет собственного смысла. Так что по сути своей Темза — отражение обстоятельств: геологических или экономических.

Однако есть взаимосвязи, которые говорят о некоей глубинной, завораживающей жизни. Почти повсеместно тут были человеческие поселения того или иного рода. Река была центром человеческого бытия со времен первого появления здесь людей. Поэтому ей мы обязаны идеей человеческой общности. Это одно из самых благотворных ее свойств, столь глубоко ей присущих, что мы его почти не замечаем. Одни и те же способы сельского хозяйства применялись на ее берегах от Бронзового века до середины XIX столетия. Луга косили косами, глинистую землю распахивали плугом; сеяли пшеницу, потом жа-

ли ее серпами. В августе срезали тростник, чтобы крыть крыши; для зимнего обогрева собирали торф и хворост. Эти древние и долгоживущие виды деятельности воздействовали на пейзаж Темзы и вместе с тем сами подвергались его воздействию. Нынешние линии земельного раздела и границы полей — прямое наследие наших доисторических предков. Техника каменной кладки без раствора насчитывает примерно шесть тысяч лет. Река дарит людям глубокое ощущение оседлости и принадлежности.

Время дает здесь себя знать весьма любопытным образом. Темза существует не в человеческом времени, а в геологическом. Размытые и нечеткие фигуры на ранних фотографиях — это ее жрецы, уже уплывающие в незримость. В книге “Историческая Темза” (1914) Хилэйр Беллок пишет, что “можно пустить человека XV столетия плыть по реке ниже шлюза св. Иоанна, и до самого Баскотского шлюза ему будет невдомек, что он попал в другую эпоху”. Джон Бечемен всю Темзу выше Оксфорда назвал “средневековой”, и в некотором смысле она остается вечным напоминанием о минувших временах. Есть старинный стишок:

Пускай колокола звенят везде —

Какое дело тем, кто на воде?

Люди реки пребывают в речном времени, которое находится в глубоком родстве с миром, существовавшим до возникновения самого понятия о времени. Может быть, следовало бы назвать это состояние вневременным. Это некое вечное настоящее — единственная, по словам философов, реально существующая часть времени. Но если задержать этот поток, он перестанет быть собой.

При этом, что интересно, воду использовали для измерения человеческого времени. Водяные часы, или клепсидра, употреблялись уже много тысячелетий назад, и первое такое приспособление было просто-напросто сосудом с продырявленным дном. Между тем Темза может в некотором смысле претендовать на то, чтобы быть “местом, где начинается время”: ведь через Гринвич, находящийся на ее берегу, проходит нулевой меридиан. Большой красный “шар времени”, сооруженный в 1833 году, поднимается на шесте над башней Обсерватории и резко падает ровно в час дня, сигнализируя о точном времени по Гринвичу. Большие лондонские часы тоже находятся у реки. Предшественницей Биг-Бена была “высокая остроконечная башня” во дворе

старого дворца в Вестминстере. По словам историка XVI века Джона Стоу, это была “каменная башня с часами, кои громко отбивают всякий час… В тихую погоду бой сих часов слыхать во граде Лондоне”. Огромные часы имеются и на здании концерна “Шелл-Мекс”. Так вечная река входит в мир людей.

Течение Темзы некогда вызвало к жизни и другой временной ритм. Монастырь бригиттинок в аббатстве Сайон и картезианский монастырь Чартерхаус стояли друг напротив друга на разных берегах Темзы, и король Генрих VI повелел, чтобы “немедля по окончании службы в одном монастыре она начиналась в другом и так продолжалось до скончания времен”. Эти беспрерывно возносимые молитвы — духовный образ текущей меж них воды. Темза может служить символом как времени, так и вечности, быть этаким двуликим Янусом, похожим на изваянные головы на мосту Хенли-бридж, глядящие и вверх и вниз по течению. В своей книге “Юная Темза” (1909) Фред Теккер сказал об этом вот как:

Древняя река, никогда не меняющаяся,
Символ вечности,
Скользящая вода, постоянно исчезаю-

щая,

Зеркало непостоянства[4].

Это — неизменный парадокс.

Один отрезок реки, сам по себе малозаметный, может восприниматься как микрокосм национальной жизни. В Брентфорде есть место, где в свое время была переправа. Чуть выше по течению, на северном берегу, находится участок, который несколько столетий называли просто-напросто “Старая Англия”; теперь он обозначается на картах как “Старый Брентфорд”. Совсем близко отсюда в 54 году до н. э. Кассивеллан бился с Цезарем. Здесь же 834 года спустя Оффа Мерсийский держал совет со своими епископами. Здесь же в 1016 году Эдмунд Железный Бок отбросил войско датского короля Кнута на ту сторону Темзы. Здесь же в 1642 году войско Карла I сражалось с армией парламента. Если существуют приречные места, густонаселенные духами прошлого, то вот вам одно из них.

Может быть, именно поэтому движение речной воды часто приводило на ум движение самой истории. Темза вызывает к жизни идеалы прошлого, которые втекают в настоящее и идут

---

[4] Примечания: 4
Подстрочный перевод.

к будущему. Когда Тернер, держа на коленях этюдник, плыл по Темзе, река подвигла его на то, чтобы изобразить на ее берегах Дидону и Энея, Помпея и Корнелию и других персонажей мифического и классического прошлого. Не вызвало бы большого удивления даже внезапное появление среди прибрежных тростников верхней Темзы матери Моисея или фараоновой дочери. В здешней воде есть нечто от этой древности.

В иных тернеровских этюдах чувствуется внезапный порыв вдохновения, спонтанная импровизация в миг, когда на бумагу просятся все силы речного мира. На ней порой даже видны дождевые брызги, что подчеркивает погружение художника в природу, в “здесь и сейчас”. Но в некоторых своих оконченных полотнах Тернер дает образы Темзы, которые не назовешь иначе как вневременными. Персонажи пасторальных мифов населяют здесь пейзаж, навеянный классикой. Темза при этом узнаваема: вот окрестности Ричмонда, а вот Виндзор.

Темза содержит в себе все времена. В начале романа Уильяма Морриса “Вести ниоткуда” (1890) рассказчик плывет по Темзе, и река переносит его в далекое будущее. “Какая чистая вода сегодня утром!” — восклицает он. Даже в юмористиче-

ской книге Джерома К. Джерома “Трое в одной лодке, не считая собаки” (1889) повседневная жизнь конца XIX века на время уходит в сторону, и рассказчик попадает в мир начала XIII столетия. Трудно найти роман или исследовательскую книгу о реке, где не возникла бы греза о прошлом. Темза даже в Лондоне оказывает на человека особое меланхолическое воздействие, уводящее в былые времена: стоя темной ночью на набережной, невольно воссоздаешь нависающие над водой очертания прежнего города. Река — самое старое, что есть в Лондоне, и она не меняется совсем.

25 марта 1952 года Фрэнсис Ноэл-Бакстон, пэр Англии и почитатель реки, решил проверить свою теорию, согласно которой римляне перешли Темзу вброд в районе нынешней Вестминстерской набережной. Надеясь, что под илистым, закручивающимся водоворотами потоком по-прежнему существует некая тропа, он двинулся через реку пешком во время отлива. Глубина, по его оценке, должна была составлять 1,5 м, тогда как его рост равнялся 1,9 м. Но Темза обманула его ожидания. После второй опоры Вестминстерского моста он ушел под воду и оставшийся путь вынужден был проплыть. Река оказалась более

глубокой и скрытной, чем он воображал. Так или иначе, лорд Ноэл-Бакстон называл себя “поэтом-археологом” и стремился представить себе реку и ее окрестности, какими они были раньше. Он видел болото, на котором были выстроены здания Вестминстера, перечислял некогда росшие там растения; он рисовал в воображении дворец Кнута и маленький саксонский монастырь, на месте которого потом возникло большое аббатство. Это было своего рода поэтически-археологическое “прочесывание местности”, при котором тому, у кого зрячие глаза, открываются следы прошлого.

Не случайно существует такой вид дивинации, как гидромантия, или “чтение” воды. Мысли человека, стоящего у реки, кажется, должны с неизбежностью обращаться и к будущему, и к прошлому; их может увлекать с собой течение как таковое, но есть у реки, кроме того, некое внутреннее свойство, побуждающее мысли к разнонаправленному движению особого рода. Имеется одно старое, но ходовое выражение, связанное с рекой: suspended in time[5], что подразумевает еле заметное покачивание взад-вперед. Это почти неощутимое колебание между двумя

[5] Примечания: 5
Буквально: подвешенный во времени (*англ.*).

мирами — между ожиданием и воспоминанием. И, разумеется, когда долго смотришь в одну точку — так, что она словно бы отделяется от потока, — иной раз время останавливается. Что это за состояние? Можно ли сказать, что ему присуще некое вневременное качество? Или это всего лишь отсутствие качеств, пробел, которому нельзя дать никаких характеристик? С такой дилеммой сталкиваешься, глядя на картину Тернера “Темза близ Итона”, выставленную в 1808 году, где сумрачные водные массы вбирают в себя закатный свет и оставляют окружающий мир более темным, чем оставляло бы его любое естественное отражение.

Стоит отметить, что, отправляясь в путь по реке, ты в некотором смысле отделяешь себя от обыденного мира, как если бы, перейдя границу между землей и водой, ты пересек и некий иной рубеж. Опять-таки возникает чувство “подвешенности”. Не исключено, что ты перешел в какое-то другое время или, по крайней мере, начал по-новому его ощущать. Для некоторых, конечно, радость от возможности “войти” в реку связана с ощущением избавления от времени как такового. Все сходятся на том, что люди, живущие близ Темзы, склонны к фатализму, к смирению

перед своенравной натурой реки, которая в любой момент может вторгнуться в их жизнь. Они тоже накоротке с иным уровнем времени и быстротечности.

Но время изгибается, скручивается. Река вьется и петляет. Спирали внутри потока, то поднимающиеся к поверхности, то опускающиеся к самому дну, — символ временной турбулентности. Река удлиняет время. Идущий приречной тропкой живет в ином времени, нежели тот, кто проезжает в автомобиле или поезде по мосту. Река убеждает нас, что время подразделяется на зоны. Изгибаясь столь прихотливо, то к северу, то к западу, она рискует потерять себя в лабиринте, который сама же создала. У острова Пентон-Хук между Чертси и Стейнзом река делает петлю длиной в полмили, преодолевая при этом по прямой расстояние всего в 18 м. Часы тут бесполезны. Близ Блэкуолла Темза пересекает меридиан трижды, что подчеркивает ее своеволие.

Река течет столетие за столетием, но, разумеется, она не вечна. Ее не станет, когда не станет всего нашего мира. Однако по человеческим меркам это самое близкое, что только может быть, к нескончаемому процессу. В стихотворении Теннисона “Ручей” (1853) поток говорит:

Людская жизнь так коротка,
Я ж буду течь вовеки.

Но это ощущение может породить у человека смутную тревогу. Река текла еще до возникновения людей, которые с самого начала непрестанно с нею сражались: переходили ее вброд, наводили мосты, плавали по ней, укрощали ее, перекрывали ее плотинами, меняли ее русло — и знали при этом, что река перетерпит все. Она будет струиться бесконечно.

Четвертому герцогу Куинсберри, которого прозвали “старым Кью”, надоело смотреть на Темзу из окна своего дома в Ричмонде. “Да что в ней такого, скажите на милость? — брюзжал он. — Течет, течет, течет, вечно одно и то же”. Лонгфелло писал, что на большой реке “медлительные годы плыли мимо и исчезали”. Те, кто хорошо знает Темзу, ходят неторопливо. У нее есть участки, где вода течет как бы неохотно. Индустриальная революция обошла в свое время Темзу стороной, промышленные предприятия возникли на ее берегах только после Первой мировой войны. В верхнем течении Темзы все еще различимы следы архаической сельской жизни. Некоторые деревни — например, Лечлейд

и Криклейд, — словно бы законсервировались в своем преклонном возрасте, как будто находясь в скрытом союзе с рекой, которая всегда им служила. Кеннет Грэм, сотворивший мифологию Темзы в книге “Ветер в ивах” (1908), заметил об одной приречной деревне, что в ней царят “святое спокойствие” и “природная дремотность”; тот, кто бродит по берегу, — “бездельник”, чья душа вольно летит “сквозь золотые просторы воображения”. Для многих это — естественное состояние человека, прогуливающегося берегом реки. Высвободившись из мира дней и часов, он парит среди грез. Тот, кто предается мечтаниям у реки, может мечтать как о будущем, так и о прошлом.

Но, когда речь идет о жизни Темзы, определить, где начало и где конец, не так-то просто. Понятие гидрологического цикла, круговорота воды между рекой и морем создает проблему для тех, кто существует в линейном времени. Можно ли сказать, что Темза где-либо кончается? И если да, то где он, этот конец? Теоретически говоря, ее конец — это точка, в которой она начинается вновь. Беспрерывно двигаясь вперед, она в то же время течет назад. Исаак Розенберг написал о Стэнли Спенсере, создавшем много изображений

Темзы близ Кукема, что “от его полотен исходит то переживание вечности, то ощущение безначальности и бесконечности, какое рождают в нас все шедевры”. Можно предположить, что этой “безначальностью и бесконечностью” Спенсер обязан проживанию около реки. Он писал сцены библейской древности в антураже XX века. Нескончаемая жизнь Темзы наводит на мысль, что природа всего на свете циклична.

Вот почему будущее реки часто описывали в терминах ее давнего начала. Шелли предсказал однажды, что “вокруг опор моста Ватерлоо образуются камышово-ивовые островки, и на пустую реку будут бросать зазубренную тень обломки арок”. В антиутопии Ричарда Джеффериса “После Лондона” (1885) Темза будущего названа “огромным застойным болотом”. В картинах грядущего, которые мы себе рисуем, часто возникает Темза, вернувшаяся к некоему первобытному состоянию, причем неявно предполагается, что в каком-то смысле она всегда оставалась первобытной. Начало реки содержится в ее конце. Историк Томас Бабингтон Маколей изобразил разрушенный мир будущего, когда “некий приезжий новозеландец… посреди громадного безлюдья, стоя над уцелевшей аркой разбитого Лондонского

моста, будет зарисовывать развалины собора св. Павла". Здесь река становится центром какого-то античного, почти первобытного мира поверженных камней.

Если река бросает вызов понятию времени, то она также, кажется, ставит вопросы о соотношении времени и пространства. Является ли сопутствующее пространство — берег, исток, — принадлежностью реки? Можно ли вообще говорить о ее пространственном контексте? Ведь она — беспрерывный свободный поток. Можно ли, например, создать прозрачную скульптуру реки, какой она является в данную наносекунду? Вряд ли. Тогда каково ее тело? Как определить ее объем?

Уильям Моррис владел двумя домами у Темзы. Один, в Хаммерсмите[6], назывался Келмскотт-холл, и его сад выходил на Темзу. Другой дом располагался в деревне Келмскот близ Лечлейда. Моррис с удовольствием думал о том, что вода, протекающая под его окном в Хаммерсмите, уже побывала около его сельского жилища. Само пространство, таким образом, становится как бы текучим, бесконечно пластичным. Для Морриса

---

[6] Примечания: 6
Хаммерсмит — район Лондона.

два места на земле, отстоящие друг от друга более чем на сто миль, наделены единым очарованием. Тут, может быть, кроется объяснение тому, что писатели и мечтатели, жившие у реки, такие, как Льюис Кэрролл, неизменно отличались гибким отношением к размерам и расстояниям. Они могли сделать их крохотными, могли — непомерно большими.

Но не ошибся ли Моррис, считая, что в Хаммерсмите и Лечлейде течет “одна и та же” вода? Есть основания говорить, что вода в реке вечно обновляется, и это метафизическое утверждение можно подкрепить любопытными физическими фактами. Темза на участке от Лечлейда до Теддингтона (здесь она не подвержена действию приливов) содержит примерно 20450 млн литров воды. Общий объем осадков в этом регионе оценивается цифрой 19 820 млн литров. Итак, это новая вода, вечно циркулирующая, вечно очищающаяся, вечно восполняющаяся. Но на эту “новизну” бросает странный свет другой интересный статистический факт. Одна капля дождевой воды, выпавшей в районе холмов Котсуолдс, будет, прежде чем достигнет моря, выпита восемью людьми. Вода изымается из реки, очищается и затем возвращается обратно. Река не может

быть в точности той же, какой была вчера, или в прошлом месяце, или сто миллионов лет назад. Или может? В этом-то и состоит секрет ее вечного обновления.

Подлинную “меру” реки можно увидеть в чувствах, которые она вызывает. Иным из тех, кто смотрит на нее или бродит по берегу, она навевает образы их грядущей судьбы, у других она пробуждает воспоминания. Мало найдется людей, которые, сидя у потока, в той или иной степени не поддаются мечтательности, пусть даже она сводится к банальной мысли о текучести всего и вся. Вот почему в книгах, где говорится о Темзе, звучат постоянные сетования о посягательствах настоящего на славное достояние минувшего. Река сама рождает подобные настроения.

Задал тон этой речной меланхолии Томас Грей в стихотворении “Ода виду издали на колледж в Итоне” (1742). Снова и снова мысль о бесконечном изменении рождает печаль. На многих картинах Тернера, посвященных Темзе, изображены сцены посадки на судно, прощания и отплытия. В романах Диккенса берег Темзы часто служит местом встреч и расставаний. Вода — меланхолическая стихия. Она растворяет в себе все. Есть люди, которые приходят на берег в поисках забвения.

Речной вид может избавить тебя от мыслей, притупить наблюдательность. Он может даже стереть воспоминания. Река смывает, вбирает в себя все нежеланное. Она погружает человека в сон, в беспамятство, в задумчивость. В водах Темзы текут воды Леты.

Однако идея круговорота, вечного возрождения может дать повод и для ликования. Даже в наше время река порой рождает чувство счастливого бегства, приключения. За ее поворотом всегда ждет что-то неизведанное. Близ устья Темзы, где она катит свои воды к морю, она кажется наполненной новой жизнью и энергией.

II
“Отец Темз”

Глава 4
Крещение

Темза — старое название. Если не считать Кента, это, возможно, самое древнее название в Англии. Считают, что оно идет оттуда же, откуда происходят названия британских рек Теймар, Тим и Тафф, — от кельтского tam, что означает “гладкий” или “широко раскинувшийся”. Isa и esa — варианты кельтского корня, означающего проточную воду. Они прослеживаются в названиях рек Уз (Ouse) и Экс (Exe); слово “Оксфорд” произошло от Ousenford или Osenford[7]. Так что мы можем интерпретировать слово “Темза” как “текучая жидкость” (ooze). Но все это только предположения. Слово может иметь и совсем иное происхождение. В Сербии есть приток Дуная под названием Тамиш. В Италии есть река Тамезе, а главный город племени бруттиев в южной Италии назывался Темеза.

Есть, кроме того, приток Ганга, называющийся на санскрите Тамаса, что означает “темный”. Во второй книге “Рамаяны” имеется глава “Тама-

---

[7] Примечания: 7
Ford означает “брод”.

са”. Так что название может быть докельтским. Не исключено, что оно возникло среди первобытных племен эпохи мезолита или неолита, которые, странствуя по свету, имели общий язык. Слог “тем”, возможно, означает тьму как нечто внушающее священный страх. Он может быть чрезвычайно древним, восходящим к первым наименованиям, которые человек давал явлениям окружающего мира. Интересно, что в XIX и начале XX века Темзу часто называли “темной рекой”, невольно откликаясь на ее первое имя.

Ни кельты, ни римляне, ни саксы не переименовывали ее — возможно, потому, что имя реки считалось мистическим. Кельты называли ее Тамеза или Тамезис, римляне в лице завоевателя Юлия Цезаря — Тамезис. Под этим названием река была известна также Тациту и Диону Кассию. Саксонские поселенцы именовали ее Temes или Temese. Сохранение концевого “s”, редкий случай в англосаксонском языке, указывает на высокую вероятность того, что саксы знали это слово до возникновения его кельтских и латинских вариантов. Слух о великой реке Темзе дошел до них через моря. В одной рукописи 699 года она названа Thamise (Тамиза). В хрониках Ненния, датируемых VIII — началом IX века,

она идет как Tamisia. Количество латинских и англосаксонских названий реки достигает как минимум двадцати одного, в среднеанглийском языке добавляется еще девять. Но во всех случаях используется корень tame или teme. Это священный элемент, предположительно обозначающий тьму.

Вскоре Темза вошла в хартии англосаксов. В первой же из тех, что дошли до нас, относящейся к VII веку, упоминаются земли, принадлежащие аббату Альдхельму, cujus vocabulum Temis juxta vadum qui appelatur Somerford[8]. Деревушка Сомерфорд-Кейнс все еще существует около Темзы, всего в 2–3 милях от истока; здесь имеется церковь с резьбой викингов, построенная самим Альдхельмом, и остатки саксонских водяных мельниц.

Для крещения реки необходимо некое божество-покровитель. Лудд, таинственный и неуловимый кельтский бог лондонцев, возможно, имеет отношение к Нудду, или Ноденсу, божеству-покровителю реки Северн, однако в этих тонких вопросах никакой определенности быть не может. Более осязаемая и увесистая

---

[8] Примечания: 8
Чье название — Темис близ брода, зовущегося Сомерфорд (*лат.*).

фигура — Старый Отец Темз, водяное божество неизвестного происхождения, отличающееся разительным сходством с богами Нила и Тибра. Его развевающаяся борода и волосы ассоциируются с водным потоком. Считалось, что Ганг проистекает из спутанных волос Шивы; в записных книжках Леонардо есть изображения волос, переходящих в водяные струи, как если бы завихрения и рябь на воде были эхом человеческого организма. Греко-римская скульптура Тибра с развевающейся бородой и волосами датирована I веком до н. э. и находится в основании лестницы на Капитолийском холме в Риме. Там же, сходный с ним внешностью и позой, полулежит бог Нила.

В мифах Греции и Рима речной бог Ахелой считался также источником всякого познания. В облике быка он сражался с Гераклом, и тот отломал один из его рогов. Ахелой скорбел о потере рога, ставшего “рогом изобилия” и превращенного затем в сосуд, который держит Отец Темз; это можно истолковать как мысль о том, что укрощенная река становится плодоносной. Но образы говорят также и другое. Ахелой — мощный бог, неистовый, если его разозлить. Он стар, но, владея секретом вечной юности, наделен даром омоложения. Отсюда берет начало понятие об

“источнике юности”.

Иное его воплощение, Отец Темз, запечатлен в статуе, которая вначале располагалась у истока Темзы, а затем была перенесена в Лечлейд, где находится первый шлюз. Старик окружен бочками и тюками с товаром, которые показывают, что Темза — не только священная, но и коммерческая река. На плече у него лопата — символ ремесла, необходимого для создания шлюзов, которые внесли вклад в укрощение реки. Есть еще одно его скульптурное изображение около лондонского Хем-хауса на берегу Темзы, где он назван просто “речным богом”; скульптура датируется серединой XVIII века, то есть на сто лет старше лечлейдской, и бог здесь, отдавая дань античной древности, держит опрокинутый сосуд. Другие копии были утрачены.

Статуя этого же божества имеется и на площади Тринити-сквер в Лондоне, где она играет роль “гения места” для бывшего Управления Лондонского порта. В одной руке бог держит трезубец, другой показывает на восток — на открытое море. Борода и волосы опять-таки тщательно детализированы. На пьедестале — эмблемы Производства и Экспорта, Коммерции и Навигации. Бронзовая фигура Отца Темза стоит во дворе Сомерсет-хауса,

и на той стороне здания, что выходит на Стрэнд, имеется замковый камень с его высеченным изображением. Большие изваянные головы старика можно увидеть у входа в Хаммерсмитскую ратушу со стороны реки, а на мосту Воксхолл установлен барельеф этого божества, борющегося с исчадиями глубин. Его изображение есть на лондонском мосту Кью-бридж, еще одно — на мосту в Хенли, где его волосы и борода окружены камышом и рыбами. Так что он не позабыт. Его воспел великий почитатель Темзы Александр Поуп:

> *С его волос падали капли, и над потоком*
>
> *Его светящиеся рога сияли золотом.*
>
> *На его урне была изображена Луна, которая руководит*
>
> *Его взбухающими водами, приливами и отливами*[9].

Поэма Джона Денема “Куперз-хилл” в свое время считалась образцом сладкозвучия и чистоты языка, примером гладкого течения слов, напоминающего течение реки, о которой поэт ведет речь.

---

[9] Примечания: 9
Подстрочный перевод.

Он тоже отдал дань почтения ее божеству — “Темзу, любимейшему из сынов Океана”. Получается, что Темз произошел из старой и прославленной семьи. У него, однако, есть компаньонка, которая может похвалиться еще более почтенным возрастом и большей славой.

Многие указывали на связь Темзы с египетской богиней Исидой. Английскую реку часто сравнивали с Нилом — видимо, из-за плодоносности и из-за центрального положения в стране. Нилу приносились человеческие жертвоприношения, чтобы умилостивить его богов; следы таких же ритуалов были обнаружены и у берегов Темзы. Некоторые участки Темзы легко рождают ассоциации с Нилом. Чуть выше Криклейда — тростники и зыбучие пески; дремотное, меланхолическое течение воды в районе Челси нередко уподобляли египетской реке. Более существенно, однако, то, что и Нил, и подверженная воздействию приливов Темза ассоциируются со смертью и рождением, с постоянным воскрешением. Обе реки считаются темными.

Один из самых знаменитых монументов на берегу Темзы — это, несомненно, Игла Клеопатры, хотя обелиск имеет к прославленной царице довольно косвенное отношение. Он, однако, имеет

отношение к Нилу. Он был высечен при фараоне Тутмосе III и пятнадцать столетий простоял в Гелиополе на восточном берегу Нила. В 1878 году его перевезли на берег Темзы и установили с помощью гидравлических приспособлений. Розовый асуанский гранит обелиска потемнел от лондонских туманов и копоти и стал такого же цвета, как сама английская река. Перед нами — священный символ мутной и таинственной Темзы.

Связь между Темзой и Нилом впервые была проведена в “Полихронионе”, или “Всеобщей истории”, Ранульфа Хигдена, монаха из Честера, жившего в первой половине XIV века. В этой компиляции средневековых текстов Хигден пишет: Tamisia videtur componi a nominibus duorum fluminium, quae sunt Thama et Ysa aut Usa. Перевод: “Тамизия, видимо, составлена из названий двух рек, кои суть Тама и Иза или Уза”. Более чем вероятно, что хигденовская “Иза или Уза” происходит от упомянутого выше кельтского isa или esa. Получается, что в XIV столетии люди, жившие по берегам реки, называли ее кельтским именем. Может быть, она всегда была известна как Иза.

Но затем исторический текст творит свое собственное таинственное чудо. Иза довольно легко

превратилась в блистательную Айсис (Isis, т. е. Исиду). Распространителем ошибки стал Джон Лиланд, написавший в своем “Путеводителе” (1546), что “исток Айсис находится в трех милях от Сайренсестера”. Уильям Камден в “Британии” (1586) пишет: Isis vulgo Ouse, то есть “Айсис, известная в народе под названием Уз”. Никаких подтверждающих соображений он не приводит, но отождествление оказалось весьма многозначительным. Камдену последовали Холиншед и Стоу. Авторитет Лиланда был таким, что никто не смел с ним спорить. В частности, в конце XVII века валлийский ученый Эдвард Ллойд назвал Лиланда человеком, “с коим я не дерзаю состязаться”. Поэтому в “Приходских записках” (1695) он называет Дорчестер местом, “близ коего Темза вливается в Айсис, откуда и произошло имя Тамезис, или Темза”. Из-за диковинного смешения имен и понятий реку Тамезис сочли результатом слияния Темзы и Айсис (Исиды).

Чтобы объяснить произошедшее, выдвинули теорию: якобы “Айсис” — это река от истока до Дорчестера, а “Темза” возникает после Дорчестера, где в нее впадает приток Тейм. Взгляда на англосаксонские источники, где вся река неизменно называется Темзой, было бы достаточно,

чтобы перечеркнуть это предположение. Однако теория жила из века в век. В парламентских актах с 1750 по 1842 год фигурируют “реки Темза и Айсис”, в акте об охране Темзы (1894) — то же самое. Даже на картах Государственного картографического управления участок от истока Темзы до Дорчестера именуется “Река Темза, или Айсис”. Не так-то просто все с названиями рек.

Пусть это и ошибка, но ошибка плодотворная. Живучесть ложного представления о Тейме и Айсис наводит на мысль о внутреннем резонансе, о некоей сущностной правоте хронистов и картографов вопреки законам этимологии. Ведь Исида, так или иначе, несет в себе заряд общечеловеческой памяти. Она — Богиня-Мать, благодетельница рек. Утроба нового рождения. Богиня плодородия и изобилия, сестра и супруга Осириса, правителя подземного мира. Животворящая Темза течет из непознанных глубин. Она — женская душа мира, anima, способная являться в тысяче разных обличий. На ее дне у Лондонского моста были найдены три скульптурных изображения Хора, сына Исиды. Возникает образ матери, рождающей сына на реке, подверженной колебаниям приливов и отливов. Здесь представлен один из самых мощных мифов о

возрождении.

Культ Исиды процветал в эпоху Римской империи, и в храме Исиды в Помпеях на головы верующих в знак благословения брызгали водой. Темзу использовали для ритуального омовения и христианского крещения. Исида была крылатой богиней, “старейшей из старых”, покровительницей сельского хозяйства, врачевания, закона и справедливости. Она “распространяла сладость в собраниях”. Все эти виды деятельности, включая законотворчество и отправление справедливости, много веков, а может быть и много тысячелетий были представлены на берегах Темзы. Можно вспомнить о Раннимиде[10]. Близ Темзы был обнаружен курсус[11] эпохи неолита. Ныне у ее берега заседает парламент.

Неудивительно, что в речной поэзии Исида занимает почетное место. У Спенсера она овеяна древностью как некая первобытная богиня. В сцене брачного пира в “Королеве фей” перед Темзом идут

---

[10] Примечания: 10

Раннимид — место на берегу Темзы, где в 1215 году король Иоанн Безземельный подписал Великую хартию вольностей.

[11] Примечания: 11

Курсус — прямоугольник из длинных валов и канав, предположительно имевший ритуальное значение.

Престарелые родители: старый Тейм;

Но еще намного древней была супруга его

Уза, которую люди по праву называют Исидою,

Весьма слабым и сгорбленным созданием выглядела она

И почти слепа была от старости,

так что едва видела дорогу[12].

В “Полиольбионе” Дрейтона нам является более юное воплощение богини:

За сей Исидой, наследницей Котсуолдс, долго ухаживал

юноша и наконец добился взаимности,

И пришла пора ей венчаться с Теймом,

сыном старого Чилтерна.

Ему вторит Уортон:

Прекрасная Исида и супруг ее Тейм,

Соединив воды свои, вечно текут вместе.

---

[12] Примечания: 12

Этот фрагмент и два последующих даны в подстрочном переводе.

Поэты прославляют ощущение места и творят в сфере мифа то, что имеет лишь весьма шаткое и сомнительное обоснование в мире фактов. Так уж повелось у людей.

Исида, в свой черед, стала прародительницей всех речных нимф, русалок, фей и богинь, украшающих собой реки и ручьи по всему миру. Вергилий в “Энеиде” упомянул пять десятков таких существ. Название реки Северн произошло от имени британской богини Хабрины, или Сабрины. Клайд находится под покровительством Клото. Река Ди принадлежит Дэве. Любопытно, что Темза не имела своей богини-покровительницы — если не считать, конечно, самой Исиды. Вполне возможно, что именно это отсутствие божества женского пола побудило Лиланда провести связь с египетской богиней. Это был способ утвердить античные верования о мистической силе вод. Вот почему в 1806 году Тернер выставил картину, изображающую идеализированную Темзу (предположительно в районе Уэйбриджа) и озаглавленную “Исида”. Это визионерский образ реки с темнеющей водой под огромными деревьями и чем-то похожим на развалины храма на переднем плане.

Каков же все-таки пол реки, которой, с одной

стороны, покровительствует Отец Темз, с другой — Исида? Из всех рек на Британских островах только Деруэнт — определенно “он”. Что касается Темзы, она, кажется, меняет свое естество: в верхнем течении слывет особой женского пола — “далекой, одинокой матерью Темзы”, как сказал Уильям Моррис; но близ Лондона превращается в мужчину. Когда река проявляет свою силу или неистовый нрав, ее тоже представляют себе в мужском обличье. Так гендерные стереотипы проявляются в восприятии природы как таковой. В битве полов притоки Темзы обычно считаются носителями женского начала.

Исида — это влага в ее женской ипостаси, циркулирующая в природе, как околоплодные воды. В представлениях об Исиде вода также отождествляется с питательной жидкостью — с молоком. Вода — женская субстанция, поскольку, соединяясь с глиной, она творит формы. Тут возникает множество ассоциаций и уподоблений, которые противятся рациональному исследованию, ибо восходят к самым ранним периодам человеческого сознания. Так в царство мифов, где текут Стикс и Ахерон, Лета и Флегетон, может войти и Темза — река, которая выносит идущего вдоль нее за пределы обыденности в мир мечтаний и духа.

Легенды о ее половой принадлежности отражают тот очевидный факт, что река — живое существо. Темза творит отчетливый эффект присутствия. Заряженная тем, что Бернард Шоу называл жизненной силой, она подчиняется своим собственным органическим законам роста и изменения. Волновая структура водной поверхности столь сложна, что эта поверхность кажется мембраной живого организма — ушной, к примеру; "капиллярная" система, потревоженная каким-то движением, передает изменения целому. Река так тесно переплетена с судьбой человека, с его желаниями и страхами, что приобрела человеческую индивидуальность.

Много столетий ее обожествляли и стремились умилостивить. Хилэйр Беллок в "Исторической Темзе" пишет: "Не могу отделаться от мысли, что Темза — живое существо". Некоторые путешественники признавались, что на иных участках берега им казалось, будто за ними следят. Великий историк Темзы Ф.С. Таккер говорит в своей "Дороге под названием Темза", что "Темза — единая живая душа, цельная и нераздельная, от одиночества Трусбери-Мид до последнего морского одиночества за отмелью Нор". Многие поклонники Темзы поистине ощущают эту душу,

эту атмосферу, эту задумчивую жизнь, существующую из века в век.

Когда кто-либо берется описывать эту реку, она всякий раз приобретает человеческое измерение. Она терпелива, когда преодолевает или обходит препятствие. Она безжалостна, когда стачивает самые твердые камни. Она непредсказуема — особенно когда ей перечат, когда ее течение пытаются повернуть. Стадии ее движения от истока до моря уподобляли юности, зрелости и старости. Ее характер меняется от места к месту. Она может стать жестокой, мстительной. Может — игривой. Может — коварной. Может — имперски-властной. Может — деловитой, усердной. Она наделяет участки своей топографии человеческими чертами.

Глава 5
Река из камня

Бассейн Темзы по большей части опоясан холмами. На западе это Котсуолд-хиллз; у своего северного края эта гряда, описывая дугу, идет к Эдж-хиллу, а затем стена холмов пересекает Центральное плоскогорье и достигает вытянутой полосы Восточноанглийской возвышенности, идущей в восточном направлении. К югу от реки холмы, образуя изогнутый край бассейна, тянутся через Марлборо-Даунз, а затем через Норт-Даунз к побережью Кента. Внутри бассейна высота над уровнем моря редко превышает 60 м, и в целом ландшафт можно назвать мягко-волнистым, если не считать большого мелового кряжа Чилтернз. За тысячелетия Темза сумела преодолеть меловую преграду, но холмы Чилтернз все еще стоят как знак древнего катаклизма.

Геология Темзы чрезвычайно сложна, по крайней мере для тех, кто не занимается этой наукой профессионально, но она представляет интерес для интересующихся давними эпохами жизни земли. Выше так называемой Горингской бреши,

где Темза пробила себе путь сквозь меловую гряду, часть которой составляет Чилтернз, преобладают долины с мягкой глинистой почвой и кряжи из песчаника и известняка. Ниже Горинга река течет через “Лондонский бассейн”, состоящий из мела, песка, гравия и глины. На западе известняк Котсуолдс сменяется районом, называемым “Оксфордская глинистая долина”, следом за которым идет мел Чилтернз и Беркшир-Даунз; далее, на юг от Чилтернз, снова глина, а затем — песчаник, песок и гравий.

Всюду, конечно, есть местные вариации и отличия, обусловленные течениями древних океанов и доисторическими катаклизмами. Имеются, например, моренные участки гравия и валунной глины, которые перемещались вследствие движения ледников. Сама река тоже создавала вдоль своего русла разнообразные слои глины и гальки. Уровни глины и камня — это следы процессов, длившихся сотни миллионов лет, символы продолжительности, недоступной уму человека. Это ленты в волосах Геи. Вспомним вопрос, заданный Богом Иову: “Где был ты, когда Я полагал основания земли? Скажи, если знаешь”. В конце XVII века епископ Бернет написал книгу, озаглавленную “Священная теория Земли”; подобную книгу

и сегодня можно было бы написать о реке.

“Лондонский бассейн” может служить образцом топографического разнообразия. Меловая основа покрыта здесь гравием и глиной, причем глубина мела варьируется в зависимости от места: в Ламбете это 76 м от поверхности, а немного ниже по реке — в Ротерхайте — всего 14 м. Chilt — это мел по-саксонски, отсюда название Чилтернз. Поверх мела лежат слои крапчатой глины и пропускающего влагу песка, выше идет наносная “лондонская глина”, чей возраст около 60 миллионов лет, и наконец — гравий и кирпичная глина.

Эти древние каменные породы все еще играют важную роль в приречной жизни; такие города, как Гринвич и Гринхайт, Вулидж и Грейвзенд, стоят на меловых обнажениях. Там, где Темза перед впадением притока Чируэлл круто поворачивает на юг, имеется участок древнего гравия. На нем выстроен Оксфорд. Эти камни служат основанием нынешней жизни. Упомянутая кирпичная глина стала материалом для множества лондонских построек. Часто замечали, что в городках и деревнях вдоль Темзы строения соответствуют своему окружению — от золотистого котсуолдского камня фермерского дома до крем-

нистых стен и известковой штукатурки амбара или голубятни. Всякий раз камень составляет часть “гения места”.

В свое время обсуждалась тайна меловых пещер около реки — больших, сязанных между собой подземных полостей, похожих на сосуды с узкими горлышками. Они представляли собой вертикальные шахты, оканчивающиеся колоколообразными камерами, которые были соединены с другими похожими камерами. Их назначение объясняли по-разному: одни считали их древними обсерваториями, другие — зернохранилищами, третьи — гробницами, четвертые — убежищами от врагов. Скорее всего, однако, саксы добывали в этих шахтах мел. Прямых доказательств этому, впрочем, нет.

Есть также феномен террас, образовавшихся при понижении уровня моря. Когда этот уровень падает, соответственно опускается и уровень реки, и прежняя пойма образует выступ (террасу) над новой поймой. Например, Бойн-хиллская терраса возвышается над нынешним уровнем реки на 30 м, и возникла она примерно 375 000 лет назад. Позднее появилась терраса Таплоу, она на 15 м ниже. Самая недавняя называется просто Пойменная терраса. Есть и другие града-

ции и вариации террас, с другими названиями. Аллювиальная пойма в верхнем течении Темзы — сравнительно новое образование, датируемое всего-навсего вторым тысячелетием до н. э., а что касается террас в черте Лондона, то они, как ни странно, очень заметны, ибо, чтобы облегчить их преодоление, потребовалась человеческая изобретательность. Крутой подъем от набережной Виктории к Стрэнду у станции метро Чаринг-Кросс — свидетельство разлома, произошедшего в былую геологическую эпоху. Расстояние между средней и верхней террасами Темзы можно оценить взглядом, если встать возле Национальной галереи к северу от Трафальгарской площади. Мы топчем ногами предысторию.

Те, кто склонен верить в дух места, должны принимать во внимание эти геологические градации и сдвиги. Нет причин сомневаться, что человеческое сознание меняется в зависимости от того, глина у нас под ногами или мел, пусть даже механизм этих изменений нам непонятен. Можно поразмышлять о том, существует ли различие отзвуков между оолитами Котсуолдс и песчаником Клифтон-Хэмдена. К каким выводам приводит сравнение глины Вулиджа, содержащей окаменелости, с песчаным галечни-

ком Блэкхита? Имеет ли значение, что обитатели низовий Темзы ходят по остаткам древних лесов? Оказывает ли огромное болото, находящееся под Долиной Белой Лошади, влияние на людей?

Самые ранние жители долины Темзы верили во внутреннюю силу, присущую камню, и создатели гигантских британских памятников считали необходимым использовать для своего предприятия какой-то определенный вид камня. Разные его типы, взятые из разных мест, неодинаковы по воздействию и по ассоциациям. Люди из древних племен были, возможно, более чутки к природному миру и ощущали то, что в XXI веке обитатели долины Темзы не замечают или отвергают.

Есть, например, основания считать, что люди, жившие севернее Темзы, в свое время отличались от тех, кто жил к югу от реки. Во многом это может быть связано с племенными особенностями, с особенностями графств и общей разъединенностью; но земля как таковая — ее топография и геология, — возможно, тоже сыграла свою роль. В прошлом разница между севером и югом была, конечно, более заметна. В начале XX века один историк региона Темзы много лет исследовал песни и обычаи приречных жителей. В книге “Народные песни верхней Темзы” (1923) Альфред

Уильямс пишет, что в Уилтшире и Букингемшире — графствах, прилегающих к Темзе с юга, — люди “несколько более шумны и непосредственны, они здоровей, выносливей, сильней, прямей, решительней и чуть менее музыкальны”; напротив, жители Глостершира и Оксфордшира к северу от Темзы “добрей, покладистей, мягче, но при этом слабей, податливей и менее стойки”. Северяне более утонченны и артистичны, чем южане, но “у них нет того упорства и той внутренней независимости”.

Сходные тенденции подмечали и другие наблюдатели. В XIX веке в северных графствах главным развлечением был танец моррис[13], тогда как в южных — борьба и фехтование. Ни в одном из графств южнее Темзы пристрастия к танцу моррис не отмечено. При этом к северу от реки преобладает мягкий котсуолдский камень; камень юга — кремень и кирпич. Прослеживается некая человеческая преемственность: те же самые различия в темпераменте и характере обнаруживались в древности между англами к северу от Темзы и саксами к югу. Определенная связь, возможно, существует и с особенностями

[13] Примечания: 13

Моррис — театрализованный народный танец в средневековых костюмах.

законодательства: различия между датскими и саксонскими установлениями по ту и другую стороны Темзы вели к различиям в поведении.

До сравнительно недавнего времени в определенных районах, несомненно, сохранялся более или менее одинаковый состав населения. В середине XIX века жители окрестностей Чилтерн-хиллз были “менее культурны”, чем их соседи, местность слыла в то время “дикой”, и здесь встречались народные названия вроде “Адской Дыры” или “Виселичного Луга”, каких не увидишь ни на одной географической карте. При этом Джеймс Торн, автор истории Темзы, озаглавленной “Прогулки по речным берегам” (1847), пишет, что “эта грубость не пересекает Темзу” и что “беркширцы цивилизованней”, но при этом наделены “решительностью” — той самой, которую полвека спустя отметил Альфред Уильямс.

Однако наиболее очевидное и характерное различие можно было обнаружить в самом Лондоне, где разделяющее присутствие Темзы породило в свое время две весьма различные зоны человеческой деятельности и два типа личности. В XIX веке это очень ярко показал Чарльз Маккей в книге “Темза и ее притоки” (1840), где он пишет

о южнобережных людях, что “прогресс цивилизации не отразился на них никак… за тысячу лет они сумели лишь сменить шалаши на лачуги и на этой точке остановились”. На северном берегу, говорит он, строят железные дороги и вводят иные усовершенствования, но к югу от Темзы все как было, так и остается. Можно, конечно, объяснять это действием случайных топографических обстоятельств и ссылаться на обилие на южном берегу болот и пустошей, которые теперь во многом застроены благодаря неумолимому ходу цивилизации, — но никакой случайности тут точно нет. Причина — в глубинной природе места, формированию которой способствовала река. Интересно, что в IX веке король Альфред заявил, что, когда он сел на трон, к югу от Темзы не было или почти не было ученых людей. Жители разных берегов эстуария Темзы и сейчас очень плохо знают друг друга.

Есть и языковые различия. Южнее Темзы шелковник трехлистный называют водяной лилией, севернее — кувшинкой. Нивяник обыкновенный в Уилтшире известен как собачья или конская маргаритка, а на другом берегу, в Оксфордшире — как лунная маргаритка. Река всегда была рубежом.

Глава 6
Рождение

Исток реки — зачарованное место, где проходит граница между царствами зримого и незримого. Он нередко считается святилищем, охраняемым духами юной воды. Влагу, проистекающую из темных земных глубин, можно, помимо прочего, рассматривать как образ человеческого бытия, возникающего из неведомого. Мы следим за тем, как поток выходит из тьмы, из глухой впадины, на свет открытого дня. Это метафора рождения и смерти, начала и конца. Вода как таковая символизирует начало всякого живого существа. Путешествие к истоку — это путешествие вспять, за грань человеческой истории. От истока исходят сила и чистота. От него веет молодостью. Так возникает миф об источнике вечной юности. Это — fons et origo[14]. Это — родник жизни, или, пользуясь образом из скандинавской мифологии, колодец Урд.

Сенека в трактате “Натурфилософские вопросы” заявил, что “если уразумеешь подлинное

[14] Примечания: 14
Исток и происхождение (*лат.*).

происхождение рек, поймешь, что больше вопросов у тебя нет". Исток реки всегда считался местом, дарующим силу и удачу. Когда ассирийский царь Салманасар III обнаружил исток Тигра, он "принес жертвы богам… устроил радостный пир". Цезарь сказал египетскому первосвященнику, что прекратит свои войны, если ему удастся найти исток Нила. Нерон послал экспедицию на поиски этого истока — но безуспешно. Согласно египетской мифологии, Нил был создан в самом начале сотворения мира, и его исток вечно будет оставаться неведомым. Исток Хуанхэ (Желтой реки), много тысячелетий игравшей жизненно важную роль для Китая и ставшей подлинной матерью его культуры, нашли только в 1952 году.

Для многих мыслителей путешествие к началам рек было в подлинном смысле возвращением в Рай. Существовало представление, что воды первобытного Эдема циркулировали под землей и изливались на поверхность для ее орошения из пещер и пропастей. Исток был местом, где можно приобщиться тайн вечной жизни. В проповедях Бернара Клервоского есть молитва о том, чтобы "реки благодати возвращались к истоку своему и текли сызнова". В этом контексте самое близкое, чему можно уподобить человеческую душу, —

первоначальный источник. Чосер, живший в Гринвиче на берегу Темзы, так обращался к другу, обитавшему выше по реке:

> *Скоган, преклонивший колени у истока*
>
> *Реки милосердия, всякой чести и достоинства,*
>
> *В конце коего потока я, угрюмый, как мертвец,*
>
> *Прозябаю один в заброшенности и глуши…*[15]

Весьма уместно, что с истоком Темзы связана своя тайна. Любитель старины и топограф елизаветинских времен Уильям Гаррисон сетовал на то, что люди так же непомерно озабочены местоположением этого истока, как “в былые времена истоком Нила, который… так и не был найден”. Он имел в виду то, что право называться истоком Темзы оспаривали два места: Севен-Спрингс (“Семь источников”) и Темз-Хед (“Исток Темзы”).

С географической точки зрения пальму первенства следовало бы присудить Севен-Спрингс в приходе Коуберли, или Кабберли, к северу от Сайренсестера: это место примерно на 12 миль

---

[15] Примечания: 15
Подстрочный перевод.

дальше от моря, чем Темз-Хед, и на 90 с лишним метров выше. Здесь имеется старинная каменная насыпь с семью маленькими отверстиями, из которых бьют семь источников. Табличка гласит: Hic Tuus O Tamesine Pater Septemgeminus Fons (“Здесь, о Отец Темз, твой семикратный исток”). Однако признать справедливость этого притязания мешает одно важное обстоятельство. Ручей, которому дают начало эти семь источников, всегда назывался Черн, и он впадает в Темзу в районе Криклейда. Нет сомнений, что он течет издревле — его название происходит от кельтского chwern, что значит “быстрый”, — но где же все-таки исток Темзы?

Исторические документы согласно отдают предпочтение Темз-Хеду. В начале XVI века Джон Лиланд утверждал, что “Исида”, как он называл Темзу, берет начало “недалеко от деревни, называемой Кембл, в полумиле от Фоссуэя[16]”; в том же столетии Джон Стоу отметил, что “прекраснейшая и благообразнейшая река начинается в Котсуолде, примерно в миле от Титбери и на таком же расстоянии от тракта, называемого Фосс”; Уильям Камден писал, что “она проистекает близ

[16] Примечания: 16

Фоссуэй — старинная дорога, построенная еще римлянами. Она соединяла города Эксетер и Линкольн.

Тарлтона, около знаменитой дороги Фосс-уэй". Цитаты можно было бы приводить и дальше, но вывод ясен. Фоссуэй — это нынешняя дорога A 433, и исток Темзы находится совсем близко от нее.

Темза начинается в поле, называемом Трусбери-Мид, подле бывшего римского лагеря, от которого до сей поры осталась насыпь, называемая Трусбери-касл (Замок Трусбери). Без сомнения, лагерь был устроен здесь из-за близости к источнику, и вполне вероятно, что люди селились здесь гораздо раньше, чем пришли римляне. Соседняя деревня называется Юэн — от саксонского слова, означающего ручей или родник. Итак, с очень древних времен это место считалось особым, или святым, из-за протекающей здесь влаги. "Лицо" округи сформировалось на протяжении столетий. Томас Лав Пикок запечатлел ее облик в хвалебной поэме "Гений Темзы" (1810):

Пусть воображение ведет нас от поля Трусбери-Мид,

Окаймленного орешником и густой молодой порослью,

Где, едва видимые сквозь яркую зелень,

Мягко струятся твои младенческие воды,

Туда, где широко раскинувшийся Нор
Глядит на тебя под грохот волн…[17]

Еще в XVIII веке на Трусбери-Мид был колодец, обнесенный круглой стеной высотой 2,4 м. Потом стена была разрушена или развалилась, колодец в конце концов засыпали. Все, что осталось поныне как знак зарождения реки, — это небольшая группа камней под деревом, образующих круглую выемку в земле; чем-то эти оолитовые камни напоминают древнее святилище.

Здесь, у Темз-Хеда, мифы сходятся в одну точку. Дерево, осеняющее исток, — это ясень, который простоял здесь около двухсот лет. На его коре в свое время были вырезаны буквы Т. Н. — кто-то видит их и сейчас, кто-то не видит. Впрочем, эмблема не столь важна. В любом случае это необыкновенное дерево. В скандинавской мифологии говорится о мировом дереве — гигантском ясене Иггдрасиле, чьи корни уходят в нижние миры. Он связывает между собой три круга существования и считается “тропой духов”. Подле мирового дерева находится источник или водоем, и от него берет начало река. Что может быть многозначительней, чем ясень, оберегающий исток

[17] Примечания: 17
Подстрочный перевод.

Темзы? Но есть и другие важные ассоциации. В греческой мифологии ясень посвящен Посейдону — богу воды.

У истоков многих рек можно увидеть храмы или камни с резьбой на священные сюжеты. Часто туда по обету приносили деревянные резные изображения. В Темз-Хеде в свое время был установлен камень. Этот древний замшелый камень упоминается в земельной дарственной короля Ательстана, датируемой 931 годом, — он служил тогда знаком границы. Или, возможно, он был надгробным камнем некоего важного лица, похороненного у водного источника. Позднее камень использовался как подставка для посадки на лошадь у места, где всадник и его конь могли отдохнуть и напиться чистой воды. В прошлом столетии его заменили мраморным параллелепипедом, на котором высечено: “Комитет по охране реки Темзы. 1857–1974. Этот камень отмечает исток Темзы”.

Впрочем, не во всякое время года здесь можно было утолить жажду. Лиланд пишет, что “летом в большую засуху тут очень мало или совсем нет воды, однако река питается водою многих родников, стекающей в единое русло”. В 1796 году Джон Бойделл писал в “Истории реки Темзы”: “Не

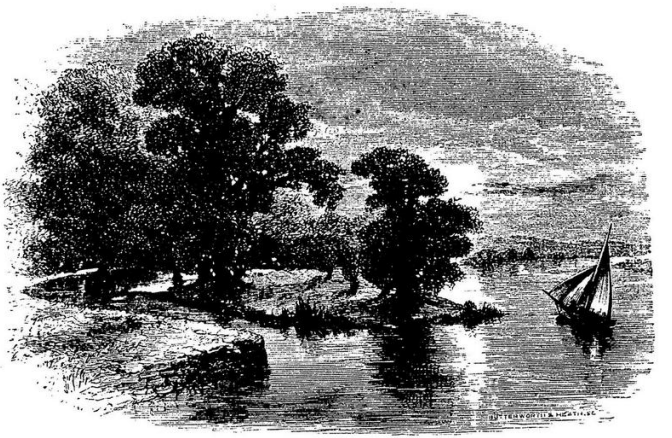
думаю, что вы сможете увидеть тут воду в летнее время". То же самое отсутствие воды отмечают и два столетия спустя. Это одна из тайн Темзы. Подпитки у истока сейчас нет. Большую часть года здесь сухо. Легкий уклон земли — вот и все, что осталось от новорожденной Темзы, и можно ходить посреди реки, не рискуя намочить ноги.

Под земной поверхностью вода, конечно, есть. Один лозоходец наших дней засек проточную воду на глубине 1,5–1,8 м с шириной русла около 25 см. После обильных дождей поток вырывается на поверхность. Есть снимки, сделанные в 1960 и 2000 годах, где на месте колодца виден пруд. На фотографиях 1960 года мальчишки плавают под ясенем на лодках. Но в целом вода спала, и один историк начала XX века записал во влажный год слова местного жителя, сказавшего, что "во-он на тех холмах родники проснулись, и воды опять стало много, как в старые времена, когда я был пацаном". Вырубка лесов в регионе привела к уменьшению конденсации, к чему добавилась и деятельность человека. Недалеко от колодца на возвышенном месте в свое время был установлен паровой насос, чтобы качать воду для канала Темза — Северн. В 1878 году была сооружена насосная станция для железнодорожных мастер-

ских в Суиндоне.

Впрочем, еле заметные линии и подземные потоки по-прежнему существуют. Вдоль сухого русла новорожденной реки неровной цепью растет старый колючий кустарник. Под уклон идет тропа, у которой виднеется груда разбросанных камней, очень похожих на развалины моста; дальше, примерно в полумиле, — большой пруд, гораздо более богатый водой, чем собственно исток Темзы. Он называется Лид-Уэлл, что в переводе со староанглийского означает “громкий ручей”. Но “Лид” может значить и другое. Слово может иметь отношение к Лудду — божеству древних лондонцев. Существует мнение, что Лудд — это также и первобытный бог реки. Пусть же Лид-Уэлл станет началом нашего путешествия по берегам Темзы.

III
Юная струя



Место слияния Чируэлла и Темзы

Глава 7
Притоки

У Темзы множество притоков, и есть веские причины, чтобы почтить их вниманием. Считалось, что у слияния вод танцуют боги. Место впадения было священным, и охраняли его три сидящие богини — так называемые Матроны. Около таких мест в верхнем течении Темзы отмечены скопления курсусов, датируемых предположительно неолитом. Так что встреча двух рек — повод для религиозного ритуала.

Для этого существует особый бог. Кельтский бог Кондатис, который в некоторых позднеримских памятниках отождествляется с Марсом (несомненно, благодаря своим качествам целителя), получил имя от галльского словосочетания “воды встречаются”. Это бог именно двух потоков, их слияния. Правда, его культ характерен прежде всего для северной Британии, в частности, рек Тайна и Тиза, но есть основания считать, что такое важное божество перемещалось по всему острову.

Главные притоки Темзы следующие: Черн,

Тейм, Коулн, Лич, Уиндраш, Эвенлоуд, Чируэлл, Кеннет, Вир, Уэй, Моул, Медуэй, Ли и Родинг. Впадают в нее и более мелкие речки и ручейки: Эмпни-брук, Гатуик-стрим, Рэй, Коул, Блэкуотер, Ок, Ламборн, Панг, Лоддон, Уай, Борн, Хогсмилл и Эмбер. В ту часть Темзы, что испытывает действие приливов, впадают также Брент, Стамфорд-брук, Беверли-брук, Уондл, Челси-крик, Хоул-борн, Флит, Уолбрук, Детфорд-крик, Баркинг-крик, Бим, Рэйнхем-крик, Мар-дайк, Дартфорд-крик, Билл-Мерой-крик, Клифф-крик, Макинг-крик, Шелл-Хейвен-крик, Хоул-Хейвен-крик, Клифф-Флит, Солт-Флит и Янтлет-Флит.

Многие из них убраны под землю; многие позабыты; многие пребывают в заброшенности. Например, некоторые лондонские реки давно уже заключены в подземные трубы и служат водоводами или каналами для стоков. Иные из этих похороненных ручьев, возможно, нашли себе иные русла и стали безымянными “теневыми реками”, бесшумно текущими под землей. Тем не менее эти древние потоки оказывают влияние на мир, находящийся на поверхности. Они порой дают себя знать запахами и сыростью; подземный приток Флит, к примеру, время от времени затопляет подвалы на своем пути. На зарытые

реки в свое время возлагали вину за малярию и лихорадку, и в их долинах (ныне распределенных между разными улицами и зданиями города) особенно густо скапливался туман. В более близкие нам времена с протеканием подземных вод связывали повышенную частоту аллергических заболеваний среди жителей.

Спенсер прославил впадение в Темзу Мидуэя и Ли как явление не только природного, но и космического порядка. Дрейтон в своем обширном поэтически-топографическом "Полиольбионе" (1622) упоминает "прозрачный Коулн", "свежий Лич" и "сверкающий Элнлоуд". Драммонд из Готорндена в "Гимне прекраснейшей из прекрасных" (1623) пишет о ручье и реке так:

…одна нераздельная суть – ни в чем
Не различаются, кроме сана.

Так река может стать метафорой духовной благодати. Переходя к живописи, нужно заметить, что Тернер всегда был чуток к мистическому значению притоков. Одна из его самых знаменитых картин называется "Союз Темзы и Исиды". На ней изображено место слияния Темзы и Тейма близ Дорчестера под древними холмами Сайноденхиллз. Но первейшим поэтом речного слияния

следует назвать Александра Поупа, который в “Виндзорском лесе” превращается в жреца, выкликающего священные имена:

Те, кто прозванье в прошлом дали ей,
Близ Темзы Тейм и Айсис всех видней;
Вот Кеннет, где проворные угри,
Вот Лоддон в зелени ольхи, смотри!
Кто в островах, как в россыпи цветной,
Кто с меловою, млечною волной;
Вот Вэндэлис, чья глубина светла;
Вот Ли: осока там всегда росла;
Поток угрюмый прячется в туман,
В потоке молчаливом кровь датчан[18].

Мы тоже можем по очереди вызывать их из скромных убежищ. Приток, экстравагантно именуемый Уиндраш, зарождается среди холмов Котсуолдс и, прежде чем припасть к лону Темзы, минует Бортон и Уитни. Откуда такое название? Он что, вьется среди тростников?

---

[18] Примечания: 18
Перевод В. Микушевича.

Или несется как ветер[19]? Размышляя об имени этой реки, Дрейтон заявил, что она “промывает” окрестный ландшафт и “торопливо бежит / Через оксфордские поля”. Но это преувеличение. Уиндраш — миловидная и тихая речка, которая убыстряется лишь среди коттеджей городка Бортон-он-де-уотер. Но Темза после впадения Уиндраша сразу становится шире и глубже.

Кеннет впадает в Темзу у Рединга. Их соединение прославил Майкл Дрейтон в “Полиольбионе”:

> *Прибыв в Рединг, ясная Кеннет догоняет*
>
> *Своего господина, величественного Темза, который*
>
> *эту великую реку снова*
>
> *Со многими знаками радости милостиво приемлет*[20].

Иными словами, это священный брак, прославляющий мировое жизненное начало. Это — символ плодородия. Один из ранних вари-

---

[19] Примечания: 19
Здесь обыгрываются разные значения слов wind и rush.

[20] Примечания: 20
Подстрочный перевод.

антов названия Кеннет — Кунецио, поэтому не исключено, что здесь есть некий рудиментарный намек на репродуктивный орган (cunnus) земной богини. Здешний мост называется Хорсшу-бридж (Мост подковы), а подкова — древний символ удачи. Близ устья Кеннета существует древнее захоронение, ныне известное под названием Броукен-Боу, что может быть вариантом Броукен-Барроу (“разрушенный могильный холм”). На речном дне тут находили металлические и глиняные предметы, что говорит о ритуальных приношениях на месте впадения Кеннета. Археологические находки (в частности, уникальная хижина или укрытие на берегу) указывают на то, что в эпоху мезолита здесь было нечто вроде ярмарки. Так что точка слияния имела не только религиозное, но и коммерческое значение. Мост сейчас исписан граффити; одна из надписей гласит: “Ждите пришествия Христа”.

Ок, впадающий в Темзу пониже Абингдона, дает избыточным водам Долины Белой Лошади единственную возможность для стока; в свое время здесь случалось столько наводнений, что Ок соперничал с Темзой. На его берегу были обнаружены остатки святилища Железного века и римско-кельтского храма. Здесь, кроме того,

найдены mansio (своего рода гостиница для паломников) и сооружение, которое могло служить либо амфитеатром, либо священной купальней. Соседство реки указывает скорей на второе. Здесь было также кладбище. У некоторых умерших римлян во рту лежали монетки, чтобы было чем заплатить перевозчику.

“Печальный Моул” впадает в Темзу чуть ниже Хэмптонского моста; он не особенно печален, если даже считать воду способной к такому настроению, и его название заставляет предполагать поэтическую ассоциацию с повадками крота (mole). Поуп вообще-то позаимствовал эпитет у Мильтона, который упоминает про “печальный Моул, текущий в подземелье”. Мильтон, в свою очередь, опирается на Спенсера, у которого

> *Моул, как мышонок-крот, пробирается*
> *Под землей, пока не соединится с Темзой*[21].

Это впечатляющая перекличка поэтических приношений маленькой реке, и сравнение с подземным существом — ни в коем случае не плод пустой фантазии. Поблизости от Боксхилла

---

[21] Примечания: 21
Подстрочный перевод.

и Норбери-парка река исчезает, а затем вновь появляется. В засушливый период русло здесь пересыхает, но дальше, близ Ледерхеда, течение возобновляется. Любитель старины Уильям Камден считал, что Моул прячется в некую темную длинную подземную пещеру, а потом снова выходит на поверхность. О том же явлении упоминает и Дефо, который полагал, что причина — в подземных протоках. Наличие таких протоков, как мы знаем, характерно для карстовых пород, которыми этот район действительно изобилует. Моул и вправду исчезает, а затем появляется и впадает в Темзу у Моулсуорта.

Река Черн начинается среди источников Севен-Спрингс, и некоторые считают это место истоком самой Темзы. На протяжении 14 миль до впадения в Темзу Черн спускается на 120 м. Майкл Дрейтон назвал его “легконогий Черн”: точная характеристика, во всяком случае по меркам поэтической топографии. Это быстрая, живая форельная речка — по крайней мере до Криклейда, где прозрачная вода притока смешивается с завихряющейся коричневатой водой Темзы.

Пониже Шиплейкского шлюза в Темзу впадает Лодден. Поуп называет его “медленный Лоддон”, но на самом деле он отнюдь не медленный. У

него быстрое течение, вращавшее в былые годы немало водяных мельниц. У этой реки есть одна любопытная особенность. Многоопытные пловцы уверяют, что всякого, кто плывет здесь против течения, неизменно тошнит. Очевидного объяснения этому явлению нет — и тем не менее оно существует. Невольно приходишь к выводу, что некоторые участки реки могут приобретать свойства, недоступные рациональному анализу.

Уондл вливается в Темзу у Баттерси, и это один из ее притоков с наиболее быстрым течением. От этой реки произошло название лондонского района Уондсворт. Это тот самый "Вэндэлис, чья глубина светла" из поэмы Поупа: поэт явно решил латинизировать название, хотя на самом деле оно происходит от саксонского Wendleswurth, то есть "поселение Венделя".

Название притока Рэвенсборн имеет экзотическое происхождение. Говорят, что Цезарь, стоя со своим войском лагерем близ Блэкхита, заметил, что к одному месту поблизости часто прилетает ворон. Он заключил, что там должна быть вода, и после поисков его люди нашли маленький чистый источник. Он получил название Рэвенс-уэлл (Родник ворона), а река — Рэвенсборн. Имеется стихотворение — правда, сомнительно-

го качества, — посвященное ее превращению из “кристально чистого ручейка” в “поток”. Глубине этого потока обязан своим названием лондонский район Детфорд (от deep ford — глубокий брод). Но он имеет, кроме того, определенное историческое значение. Водой Рэвенсборна освежали себя повстанцы Уота Тайлера, а позднее — повстанцы Джека Кейда. Перкин Уорбек, притязавший на английский трон, встречался здесь со своими приверженцами, и здесь же в 1497 году корнуоллские повстанцы, руководимые лордом Одли, были разгромлены военачальниками Генриха VII. Больше ни один из притоков Темзы не имеет такой богатой истории мятежа и кровопролития.

Реку Ли обессмертил Спенсер, который назвал ее “своенравной Ли, часто сбивающейся с пути”. Она действительно сильно петляет. Исток ее — близ Лутона в Бедфордшире, затем она направляется к Хертфорду и Уэру, далее течет мимо Амуэлла, где в свое время проходил также канал Нью-ривер, после чего минует Ходсдон, Чезант, Уолтем-Эбби, Энфилд, Эдмонтон, Тотнем, Стратфорд, Уолтемстоу и Боу; наконец, поблизости от Блэкуолла начинается последний ее участок, называемый Боу-крик. Реку Ли

в свое время восхваляли за отменную рыбалку, и рыбак из “Искусного удильщика” Исаака Уолтона часто наведывается на ее берега и ночует в близлежащих гостиницах. Сейчас, однако, Ли — это прежде всего река восточных пригородов Лондона и промышленных зон, занявших место “вонючих производств” на ее берегах. Лейтон — это, как видно по самому названию, “город на реке Ли”. Между тем река связана с важными историческими событиями. Датские завоеватели поднялись вверх по ее течению от Блэкуолла и построили укрепление близ Уэра. Мост через Ли в Стратфорде, или Стратфорде-ле-Боу, был старейшим каменным мостом Англии, сооруженным на столетие раньше, чем Лондонский мост. Аббатство Уолтем стало местом упокоения последнего саксонского короля Англии, на надгробной плите которого выбита простая надпись: Harold infelix (Гарольд несчастливый).

Чируэлл — еще один приток Темзы — зарождается на богатых железной рудой холмах близ Хеллидона, после чего сорок миль до впадения в Темзу течет через Нортгемптоншир и Оксфордшир. Его иногда считают малозначительным ручьем, однако близ Иффли он повышает расход воды в Темзе примерно на треть.

Название реки Эффры происходит от кельтского слова yfrid, что означает “стремительный поток”, и в старину она начиналась в районе, который называется сейчас Кристал-Пэлис. Она протекает через Норвудское кладбище, Далидж, Херн-хилл, Брикстон и Кеннингтон и впадает в Темзу у моста Воксхолл. Любопытный символ ее былой значимости — следы деревянного строения, предположительно датируемые серединой Бронзового века, на южном берегу Темзы у места впадения Эффры. Во время отлива остатки деревянных столбов видны и поныне — но от самой Эффры мало что сохранилось. Она стала так называемой “подземной рекой”, давно уже погребенной под городскими зданиями; некоторые ее участки с XVII века использовались для канализационных нужд, и почти вся она сейчас превращена в коллектор ливневой канализации. Попасть в нее можно только через подземную систему стоков с улицы Эффра-роуд в Брикстоне. Мистические силы покинули ее.

Но самым знаменитым из погребенных притоков следует признать Флит, который и ныне втекает в Темзу под мостом Блэкфрайерз. Проплывая под мостом на судне, можно увидеть круглое отверстие, сквозь которое изливаются его

воды. Это единственный зримый знак погребенной мощи. Название скорее всего происходит от англосаксонского слова, означающего “эстуарий, подверженный приливам”, — как в названии городка Нортфлит. Но не исключено, что оно связано с быстротой (fleetness) течения этого притока, питавшегося источниками и ручьями к северу от Лондона. Их воды сливались воедино близ Кларкенуэлла, и оттуда вдоль Тернилл-стрит (этимология тут ясна[22]) уже текла настоящая река, расширяясь у Холборна (от old bourne, что значит “старый ручей”), где был построен мост. Далее Флит втекал в спускавшуюся к Темзе долину, очертания которой и сегодня различимы при взгляде на Фаррингдон-стрит, идущую вниз от Флит-стрит к Брайдуэллу.

В Средние века Флит широко использовался, большей частью — судами, привозившими уголь с северо-востока Англии. Одна из улочек, ответвляющихся от Фаррингдон-стрит, и сегодня называется Си-Коул-лейн (Угольный переулок). Джон Стоу в своем “Обзоре Лондона” пишет, что “в минувшие времена ток воды, бегущей в Темзу под Олдборнским мостом в Лондоне, был столь широк

---

[22] Примечания: 22
Turn — вращать, mill — мельница.

и глубок, что десять, а то и двенадцать груженых судов могли подойти к упомянутому Флитскому мосту, а часть из них — к Олдборнскому мосту". Что менее приятно, Флит с самого начала также был для лондонцев обычным местом сброса мусора и экскрементов, и его периодически чистили. Большая чистка была устроена, к примеру, в 1502 году, так что после нее "рыбу и топливо подвозили на гребных лодках к Флитскому мосту"; но к концу XVI столетия река в некоторых своих частях опять стала зловонной сточной канавой, и ее берега считались местом нездоровым и даже опасным. Заключенные тюрьмы Флит (большей частью несостоятельные должники) подавали петиции, жалуясь на болезни и высокую смертность из-за ядовитых испарений. В 1732 году река была заложена кирпичом от Холборнского моста до Флит-стрит, и на этом месте устроили рынок. Тридцать три года спустя ее замуровали и на участке от Флит-стрит до впадения в Темзу.

Флит, однако, удостоился чести быть воспетым Беном Джонсоном и Александром Поупом в традиции, которую можно, наверно, назвать антипасторальной. В поэзии XVII–XVIII веков Темза обычно ассоциируется с чистотой и прозрачностью — а вот Флиту выпала участь стать ее

мрачной тенью. Бен Джонсон в поэме “Славное путешествие” (1610) пишет про здешнюю “грязь, и вонь, и шум” как существенную и неотъемлемую часть городской жизни. Если некогда на месте слияния двух рек возносились хвалы богам, то единственные божества, танцующие у здешних вод, это “жуткого вида мегеры и гарпии”:

> *…над берегом пронеслось несколько привидений,*
>
> *Только недавно умерших от скопления кишечных газов,*
>
> *Белых, черных, синих, зеленых существ…* [23]

Флит стал потоком “испарений” и “жира”, “слабительного латука”, “кала и мочи”, он стал миазматической рекой, приобретшей все скверные свойства “Стикса, Ахерона, / Коцита и Флегетона”. Эпические свойства реки здесь изменили знак на противоположный. К началу XVIII века Флит сделался своего рода символом Лондона. Как написано в стихотворении, опубликованном в 1710 году в журнале “Татлер”,

> *Грязь всех оттенков и ароматов словно*

---

[23] Примечания: 23
Здесь и далее подстрочный перевод.

бы рассказывает

Видом своим и запахом, с какой улицы она плывет.

В “Дунсиаде” (1728) Поуп расширяет и заостряет фекальную картину, нарисованную Джонсоном:

…где канава Флит

Несет в Темзу богатую дань дохлых собак.

О королева канав! Никакой грязный поток

Не пятнает черней, чем ты, серебряную струю.

Здесь — метафорическое пространство для “мерзости” и “грязелюбия”, фекальный центр лондонской нечистой жизни. В воображении Поупа все дешевые стихоплеты и писаки ныряют в “чавкающую грязь” притока словно в свою естественную стихию. У серебряной Темзы — свита нимф и богинь, а у Флита свой кортеж: “нимфы грязи… черная Нигрина и коричневая Дерьмина”, которые завлекают поклонников в свои зловонные объятия, “всасывают” их. Эти “каштановолосые девы”, переселившиеся из лесов в сточные канавы, приобрели цвет и запах своей

вонючей среды обитания. Национальный миф о “серебряной Темзе” не должны были пятнать никакие локальные “неудобства”, и поэтому вся грязь была отдана Флиту. Это — одна из важных услуг, которую притоки оказали главной реке.

IV
Начало

Кукем, где историческое и доисторическое тесно соседствуют между собой.

Глава 8
В начале…

История Темзы так же глубока и темна, как история любого моря. Поначалу она была всего лишь ложбинкой на подвижной земной поверхности. Каменная порода речного русла зародилась примерно 170 миллионов лет назад, когда великие океаны Юрского периода носили в себе зачатки известняка и глины, ставших впоследствии подпочвой Темзы; в эту эпоху над будущим руслом Темзы плавали плезиозавры и рыбы с клювами и зубами.

Меловой период, последовавший за Юрским, длился 77 миллионов лет. За это время из океанических окаменелостей сформировались меловые массивы южной Англии. Они легли в основу речного ландшафта. Кроме того, в этот период великий континент Пангея начал разделяться, что привело к возникновению Америки и Европы. Теперешняя южная Англия была огромным заливным лугом. Над Лондоном плавали гиганты глубин — элазмозавры и мозазавры; позднее они были уничтожены глобальным катаклизмом,

ознаменовавшим переход от Мезозойской эры к Кайнозойской.

Река впервые появляется в поле зрения примерно 30 миллионов лет назад — в середине Кайнозойской эры, в которой живем и мы. Нынешние Британские острова были соединены с Европейским материком, Темза была в то время притоком гораздо более крупной реки, которая струилась тогда через Европу. Самый длинный ее участок называется сейчас Рейном.

По окаменелостям можно частично воссоздать вид местности около древней Темзы: здесь росли пальмы и лавры, виноград и цитрусовые, а наряду с ними — дубы и буки. На поверхности реки цвели кувшинки, в теплой воде реяли длинные водоросли. Возникла трава — новый тип растения. В некоторых отношениях это был узнаваемый тропический пейзаж. Во влажной атмосфере благоденствовали термиты и пауки, жуки и муравьи; в Темзе водились черепахи и крокодилы, а еще ящерицы, похожие на нынешних игуан. Вместе с тем в реке плавали угри, предки окуней и других костистых рыб.

Темза тогда текла по гораздо более высокому руслу, чем ее нынешнее воплощение. Из Уэльса, от Бристольского залива она тянулась через

Англию до долины Эйлсбери, затем — через Сент-Олбанс, Челмсфорд и Ромфорд в большое озеро где-то к югу от Хариджа. В 1890-е годы, когда строили железную дорогу от Ромфорда до Апминстера, было обнаружено старое забытое русло реки, подобное окаменевшему скелету некогда живого существа. Это озеро, находившееся около Хариджа у северного края массива суши, который соединял Британские острова с Европой, в конце концов затопило водораздел между нынешними Северным морем и Английским каналом.

Это была огромная и быстрая река, тропическая река, река джунглей, к которой приходили на водопой предки лошади и бизона, носорога и лемура. Потом климат начал становиться более холодным. Джунгли уступили место лесам умеренной зоны, лугам и прериям. Темза текла сквозь все эти перемены. Они произошли за невообразимо долгие промежутки времени, намного превышавшие длительность существования человека. Древность реки невообразима. Она лишь мимоходом соприкасается с человеческим миром. Ракушки на ее дне, осока и камыши по ее берегам принадлежат доисторическим временам.

На Земле холодало и холодало, и в период

первого обледенения в северном полушарии (примерно 2,8 млн лет назад) северная полярная ледяная шапка начала ползти на юг. Планета стояла на пороге возникновения человека. Гоминиды, или “обезьянолюди”, пили из реки и спали под деревьями на ее берегу прежде чем двигаться дальше. Вместе с тем продвижение ледника оказало существенное и бесповоротное воздействие на Темзу. Она стала перемещаться к югу — все ближе и ближе к нынешнему руслу.

Кромка льда в конце концов остановилась чуть севернее Чилтернских и Беркширских холмов, и примерно четверть миллиона лет назад Темза сотворила то, что мы называем долиной этой реки. На ее берегах появились люди. Первые из них пришли посуху из Центральной и Западной Европы. Их считают представителями эпохи палеолита, но эта безличная категория покрывает чрезвычайно длинный период присутствия людей в мировой истории — примерно в три раза дольше, чем все время бытия homo sapiens на нашей планете, и в сто раз дольше, чем Британские острова существуют отдельно от материка. Однако уже тогда Темза была древней рекой.

Люди появились здесь примерно полмиллиона лет назад — между 500 000 и 450 000 годом до н. э.,

но ни о них, ни об их отношениях с рекой мы практически ничего не знаем. Они — то, что немцы называют geschichtlos, “люди без истории”. Но это не значит, что у них не было традиций, легенд, песен, мастерства и предприимчивости. Трудно поверить, к примеру, что за тысячи лет они не научились делать плоты или примитивные лодки — пусть даже только для того, чтобы добираться до островков посреди реки. То, что таких суденышек не было обнаружено, ничего не значит; нам повезло, что от столь давних времен сохранилось хоть что-то.

Последнее крупное обледенение кончилось примерно двенадцать тысяч лет назад после ледникового периода продолжительностью в тысячу лет. Более мягкий климат привлек новых переселенцев, как и лосей и оленей, на которых они охотились. То было время, когда на Трафальгарской площади валялись гиппопотамы, а по Стрэнду бродили слоны. Это был важный период в истории Темзы, ибо после появления около 10 000 года до н. э. в долине Темзы человека эпохи мезолита люди жили здесь непрерывно.

Вначале — до того, как Северное море соединилось с Английским каналом, — они приходили по суше. Было много групп и племен разнообраз-

ного происхождения, но преобладали в районе Темзы светловолосые представители культуры Маглемозе — “болотные люди”, чьи следы были обнаружены в северо-западной Европе. Они жили маленькими поселениями на гравийных берегах реки, кормились главным образом охотой и рыболовством. Они мастерили рыболовные крючки, делали из коры поплавки для сетей. Но главным их отличительным признаком было изготовление микролитов — мелких каменных орудий, используемых как лезвия или как наконечники для копий. Они расчищали большие поляны от берез и сосен, приручали собак для охоты и обороны; кости рыб и бобров, свиней и диких кошек, птиц и барсуков обнаруживаются в большом количестве. Из кости и оленьего рога они делали наконечники копий и лезвия топоров; они были искусны в обращении с древесиной и кожей. Например, они делали жилища, натягивая звериные шкуры на каркас из березовых стволов. В центре хижины располагался очаг. Так были устроены первые дома на берегу Темзы.

Изготовляли они и лодки, пользуясь преимуществами, которые давали каменные орудия. Самые ранние суда, чьи остатки обнаружили археологи, были сделаны в эпоху мезолита и представляли

собой цельный древесный ствол, выдолбленный и выжженный внутри. Длина одной лодки, найденной в реке у Шеппертона, составляет 5,4 м, и в ней помещалось три или четыре человека. На древесине и сегодня видны следы тесла. Другие челны, обнаруженные на дне Темзы у Борн-Энда, имеют в длину более 7,5 м, ширина их — 1,05 м. Сиденья были вырублены из цельного куска дерева. Возможно, делались также лодки из ивовых прутьев, на которые натягивали звериные шкуры: такие суда были легче и более маневренны на мелководье. Можно, таким образом, предположить, что Темза стала тогда судоходной рекой. Это было началом великих перемен. Поняв, что ветер может нести тебя дальше и быстрее, чем ты сумел бы продвинуться собственными усилиями, люди стали смотреть дальше границ своих физических возможностей. Началось их медленное восхождение к свободе. Можно, кроме того, быть уверенным, что Темза обладала могучим символическим потенциалом. Она была символом жизни и движения. Не исключено, что в основе всей истории религиозно-праздничных событий, связанных с рекой, от крещений XII века до регат XX столетия, лежат атавистические воспоминания об этих ранних этапах заселения берегов.

Обожествление реки отлилось в более четкие формы в эпоху нового заселения, которое произошло в регионе Темзы примерно в 3500 году до н. э. Это время, охватывающее почти две тысячи лет человеческой истории, называется эпохой неолита. За этот сравнительно короткий промежуток люди смогли оставить в долине Темзы долговечный след. Они пришли в районы, которые и до них были заселены, и, судя по всему, занялись сельским хозяйством на участках, расчищаемых от леса. Это было начало фермерской жизни, которая в относительно неизменном виде продолжалась до середины XIX века. В районе Мейденхеда неолитический рисунок полей фактически просуществовал до 1960-х годов.

Ранняя стадия неолитического заселения долины Темзы отмечена постоянной сменой стереотипов деятельности. Вместо микролитов и заостренных копий археологи находят серпы, полированные каменные топоры и жернова. Впервые появляются гончарные изделия. Из веток тиса делались луки; стрелы были деревянные с наконечниками из кремня. По существу это те же длинные полутораметровые луки, из каких люди Генриха v стреляли под Азенкуром. Их использование на протяжении тысячелетий

— очередной пример преемственности и силы привычки как важнейших факторов человеческого существования. Не внезапное появление новых орудий, а медленная эволюция, которая скорее всего даже и не замечалась в процессе перемен.

Только в среднем течении Темзы обнаружено более восьмидесяти неолитических поселений, и можно предполагать, что берега реки во множестве выгодных точек от истока до устья были обитаемы. Люди жили в хижинах, группировавшихся в маленькие и, вероятно, временные деревушки, над которыми поднимались дымки, видимые на мили вокруг. Люди занимались земледелием и, что еще важнее, скотоводством; на лесистых участках разводили свиней, на лугах — коров и овец (оба типа местности были представлены у реки в избытке). От жилищ эпохи неолита до нас, однако, дошло очень мало: только ямы от столбов и канавы. Найдены, разумеется, кремневые орудия, следы пшеницы, ячменя и фасоли.

Не так давно около реки, близ нынешнего Раннимидского моста, на обоих берегах были найдены столбы деревянного строения, которые сочли остатками пристани эпохи неолита, впо-

следствии замененной конструкцией Бронзового века. Если эта интерпретация правильна, то Темза в те эпохи была важной транспортной и торговой артерией. Существенно также, что русло реки более или менее совпадало с теперешним.

Глава 9
Священные линии

Таинственность, чужеродность первобытной жизни неизъяснима. Мы не знаем, зачем в эпоху неолита сооружались курсусы и огороженные участки (“лагеря с вымостками”), и можем только догадываться о ритуальном значении, которое придавалось их очертаниям. Тот факт, что они расположены около Темзы, создает специфический круг возможных смыслов. Хоть с какой-то определенностью мы можем сказать только, что древние племена верили в действенность особых участков земли, в огораживание значимых мест и в далекий обзор. И это неотвратимо вело их к реке.

Благодаря аэрофотосъемке последних десятилетий мы имеем размытые очертания доисторических, окруженных насыпями и рвами мест около Темзы, потусторонний узор из отрезков, прямоугольников и кругов, еле различимый на сегодняшней местности. Но все это по-прежнему здесь: лица уснувших предков составляют часть нашей земли. Подобно гигантским фигурам в

пустыне Наска, эти линии лучше всего видны сейчас с воздуха; но в древние времена они наделяли участки земли священной силой.

Огороженные места в районе Темзы отличаются сходством рисунка. Они состоят из рвов, образующих, грубо говоря, концентрические овалы, с промежутками, или “входами”, между отдельными участками рва и насыпными дорогами, ведущими в обрядовое пространство. Иногда имеется только один овальный ров с насыпью вдоль внутреннего края, но в других случаях обнаружено несколько концентрических замкнутых линий. Скорее всего, земляные работы велись здесь на протяжении столетий. Во рвах найдены кости животных, гончарные изделия и большое количество кремневых орудий. Что еще более важно, здесь обнаружены останки людей. Эти места использовались для захоронения.

Возможно, люди собирались здесь на региональные или племенные сходки, и группа таким образом закрепляла за собой данный участок. Также очень вероятно, что эти места исполняли и другие функции — церемониальные, ритуальные. Они использовались не для постоянного проживания, а для разовых или сезонных акций. Эти участки более открыты и уязвимы, чем укреп-

ления Железного века, и вряд ли служили целям обороны. Их лучше всего было видно при подходе с определенной стороны, и это наводит на мысль, что они играли роль в обожествлении самой земли. Свою роль — роль границы — играла, конечно, и сама река, что нуждалось в периодическом и церемониальном подтверждении. На определенных участках обнаружены следы строений, ямы, образующие определенный рисунок. Возможно, тут располагались временные жилища “элиты” — жрецов или правителей. Но, скорее всего, у этих огороженных участков было не одно предназначение: в течение столетий они, возможно, использовались с разными целями.

Из пяти “лагерей”, расположенных около Темзы, самым важным следует признать Абингдонский. Река является одной из границ, так что участок пребывал в гармонии с ее природной силой. Если он периодически затоплялся, что вероятно, то в глазах приходивших туда людей это должно было добавлять ему святости. Внешний круг в Абингдоне содержит следы человеческой деятельности, тогда как внутреннее пространство, судя по всему, использовалось для специфических ритуалов или церемоний. Средоточием всего было поклонение божеству.

Огороженное место, благословляемое близостью реки, возможно, сулило некую особую защиту. Благодаря легендам и изустным преданиям этим людям должна была хорошо быть известна связь между Темзой и их предками. Не исключено, что река играла свою роль в мифах о происхождении человека. И тогда что могло быть естественней, чем создать и огородить святилище в тесной близости с вечно текущей Темзой?

Около Абингдонского “лагеря” обнаружен ряд продолговатых овальных курганов. Эти погребения были засыпаны землей и мелом. На местности они, скорее всего, выделялись белым цветом. Курганы расположены параллельно огороженному участку и параллельно реке. Более поздним поколениям метафора должна была бросаться в глаза — но нашим дальним предкам мы, разумеется, не можем навязывать стереотипы современного воображения. Мы в состоянии сказать только, что тела умерших располагались так, что это может указывать на связь с направлением течения реки.

В непосредственной близости от Темзы здесь насчитывается примерно двадцать пять курганов различных типов. Единственной причиной выбора места представляется соседство реки.

Тут, кроме того, обнаружены следы более ранней, мезолитической деятельности, что говорит об использовании одних и тех же приречных участков в течение тысячелетий. Возможно, в курганах хоронили вождей или жрецов, если эти категории людей тогда существовали. Курганы группируются по расположению и по периодам. Один из них был насыпан в пять этапов. От появления здесь огороженного места до возникновения последнего кургана эпоха развития и перемен длилась примерно две тысячи лет. Это — глава в первобытной истории Темзы. Абингдонские и другие захоронения наводят на мысль, что переход умершего в мир иной связывали с проточной водой: ведь река через множество водотоков соединена с подземным миром. В разных мифологических системах мертвые плывут в свое новое царство речным путем. Мы вышли из воды — и в нее возвращаемся.

В длинных курганах обнаружены погребальные камеры, сооруженные с помощью камня и древесины, и во многих случаях там были каменные полы и входы; в Средние века сложилось поверье, что эти камни имеют волшебные свойства. Один из самых впечатляющих курганов, названный саксонскими переселенцами

Уэйлендс-Смити (Кузницей Вёлунда), находится в верхнем течении Темзы. Но есть и другие, расположенные ближе к реке: в Дорчестере, в Стэнтон-Харкорте, в Дрейтоне, в Бенсоне. Это были места, посвященные предкам, где люди воздавали дань родственным узам и преемственности. Река, подобно камню, противостояла времени. И все это — отнюдь не только древняя история. Это имеет важнейшее значение для осознания огромной роли реки в человеческой памяти. Если мы не понимаем связанных с ней былых ассоциаций, нам не постичь суть ее бытия в современном мире.

На чуть более поздней стадии неолита — приблизительно между 3600 и 3000 годами до н. э. — подле Темзы были сооружены другие великие памятники. Самые необычайные из них приобрели известность под названием “курсус”. Это — случай человеческого вмешательства в ландшафт: два параллельных рва с насыпями по внутренней стороне. Концы иногда сведены воедино, иногда разомкнуты; длина варьируется от 50 футов (15 м) до 5 миль. Долина Темзы — самый важный из районов, где имеются курсусы. Скопления курсусов обнаружены близ Норт-Стоука, Саут-Стоука и Дрейтона; есть эти памятники и

около Стадхэмптона, Соннинга, Стануэлла и Горинга. Все они расположены поблизости от реки, а вот на холмах Котсуолдс нет ни одного. Иначе говоря, они имеют прямое отношение к Темзе.

Имеется, например, очень важный комплекс курсусов около ее истока — близ Лечлейда и Баскот-Уика; есть также ряд курсусов, курганов, длинных курганов и огороженных участков вдоль отрезка реки между Абингдоном и Дорчестером. В обоих этих районах археологи и палеоисторики видят признаки активной ритуальной деятельности на протяжении почти двух тысячелетий. Дрейтонский курсус, протянувшийся вдоль Темзы близко от нее, был сооружен около 3600 года до н. э. и использован для постройки курганов раннего Бронзового века между 2000 и 1800 годом до н. э. Это длительный период человеческой истории, в течение которого Темза была центром системы обрядов или церемоний.

Курсусы устраивались на древних гравийных террасах или на специально расчищенных участках посреди леса. Они могли использоваться для процессий, ритуальных собраний или состязаний. Во рвах по их сторонам обнаружены остатки гончарных изделий и кремневых орудий, кости животных. Но расположение курсусов не менее

важно, чем их назначение. Они устремлены туда же, куда и река на тех отрезках, где она течет с севера на юг и с запада на восток. Курсус словно бы имитирует движение воды. Между Дрейтоном и Абингдоном курсус совпадает по направлению с главным руслом реки за исключением участка, где она огибает кряж из песчаника и течет на восток. Ее движению и направлению соответствует длинный курган, который смотрит на восток и соединяется с концом курсуса. Это — некая священная геометрия. Все ее объекты, кажется, соединены в одно целое, так что длинный курган в Дрейтоне устремлен в сторону курсусов, расположенных ниже по реке — в Дорчестере.

Символическая роль курсусов связана, кроме того, с местами впадения притоков. Некоторые из этих древних памятников находятся именно возле притоков — например, около Тейма под Дорчестером, — и словно бы указывают на точку слияния вод. Обнаружены скопления курсусов там, где в Темзу впадают Ок, Лич и Коул. Стоит упомянуть и про ров в Лечлейде у места соединения двух рек. Люди обожествляли впадение одной реки в другую. На таких участках делались сакральные приношения.

Поэтому кажется вероятным, что ритуальное

шествие всего племени или нескольких избранных его членов сознательно копировало текущую реку: участники действа отождествляли себя с водой или с потоком жизни. Курсус служил неким символом этого потока. Возможно, люди видели в курсусе иное воплощение реки, символ или даже изображение Темзы в ландшафте. Как ритуализованные рисунки животных должны были обеспечивать изобилие пищи, так, может быть, и курсус рассматривался как способ контролировать реку. Устраивался своего рода спектакль под открытым небом, обрядовая имитация, во время которой, возможно, происходила и инициация. Люди двигались сквозь ландшафт, чтобы прочувствовать его и взять под контроль. Не исключено, что курсус был связан и с понятием о некоем ритуальном очищении, омовении, которое играло столь важную роль в более поздних отношениях человека и реки.

В одной из ям внутри курсуса близ Дрейтон-Саута найдены десять человеческих черепов, в другой — скрюченные останки женщины, ребенка и младенца. Дорчестерский курсус проходит через место погребения. Ритуальные свидетельства уходят очень глубоко. Можно предположить, что прибрежный ландшафт был также погре-

бальным ландшафтом, что река очень тесно ассоциировалась со смертью. Смысл слова tamasa (темная река) тогда проясняется для позднейших поколений.

Итак, живые и мертвые не обязательно или не полностью были разделены. Есть все основания полагать, что древние люди использовали для обитания и прочих целей участки земли в непосредственной близости от курсусов, и следы домашнего быта сохранились у самых речных берегов. Разумеется, вдоль священных путей шли дороги и тропы для людей и скота. Не исключено, что поселения (а позднее и города) вырастали подле кладбищ и что возникновение крупных людских скоплений связано с культом предков. Это может пролить некоторый свет на зарождение первых городов и деревень на берегах Темзы.

Поблизости от курсусов в более позднюю эпоху появились так называемые хенджи. В основе своей это земляные сооружения: округлые рвы с валами по внешнему краю. На первый взгляд они напоминают огороженные погребальные участки, но хенджи всего лишь ограничивают некую зону, обычно расположенную между курсусом и рекой. Позднее там могли возникать деревянные

или каменные сооружения (самый знаменитый пример — конечно же, Стонхендж). Широко известный хендж находится близ Стэнтон-Харкорта в долине верхней Темзы (так называемые “дьявольские камни”). То, что хенджи сосуществуют в речном ландшафте с огороженными участками и курсусами, укрепляет нас в мысли: многие тысячелетия берега Темзы оставались священным районом, заряженным особой энергией.

Глава 10
Битва на Темзе

Когда Юлий Цезарь во время своего второго вторжения в 54 году до н. э. впервые подошел к Темзе, силы британских племен были собраны на ее северном берегу. Это первый зафиксированный в исторических анналах случай, когда Темзу использовали для обороны. Цезарь пишет, что “берег был укреплен острыми кольями, вбитыми перед ним; такие колья были вбиты в воде и ею маскировались”[24]. Но римское войско переправилось и одолело противника. Согласно одному из источников, Цезарь, чтобы напугать британцев, пустил через реку слона. Если так, то это было первое появление слона у Темзы после плейстоцена.

Цезарь встретился с опасным противником. К концу Бронзового века земля по берегам Темзы была распределена между племенами, каждое из которых находилось под властью одного вождя или семьи вождей. Отсюда выросли так называемые chiefdoms (догосударственные объединения,

---

[24] Примечания: 24
Перевод М. Покровского.

возглавляемые вождями) Железного века, продолжавшегося примерно пятьсот лет — с 600 до 100 года до н. э. Люди Железного века плавали по Темзе в судах из кожи, натянутой на каркас из ивовых прутьев. Они были легче, чем долбленые челны, и маневренней на мелководье. Римский автор IV века Авиен утверждает, что британцы выходили на этих судах в море. Если это не преувеличение, можно предположить, что древние мореходы доплывали от устья Темзы до европейского континента.

Картину дополняет тот факт, что у самой Темзы или чуть поодаль теснился целый ряд мелких государств. Можно представить себе группу военных лидеров, властвовавших как над территорией, так и над людьми, которые ее населяли. Британские вожди были, кроме того, подчинены или связаны некими узами с племенными вождями Галлии. Не исключено даже, что некоторые племена целиком прибыли с материка. Севернее Темзы жили катувелланы, их земля простиралась на запад до Чируэлла; их столица Верламион (в латинизированной форме — Веруламий) находилась близ нынешнего Сент-Олбанса. Под водительством Кассивеллана это племя или, возможно, просто вооруженный отряд сверг

владыку племени триновантов, которое занимало район к северу от устья Темзы. К западу, по ту сторону речки Чируэлл, с катувелланами соседствовали добунны. Их столица называлась Багендон и располагалась близ Сайренсестера. Южнее Темзы жили атребаты (столица — Каллева около нынешнего Силчестера). Багендон и Каллеву связывала дорога, которая пересекала Темзу в районе Криклейда. По найденным монетам можно заключить, что вожди по обе стороны реки боролись за сравнительно мелкие сферы влияния. Тот явный факт, что Темза по-прежнему служила границей между племенами, отделяя, например, атребатов от катувелланов, мог только увеличивать ее значение для общественных и политических ритуалов.

Место первой битвы Цезаря на Темзе было предметом бесконечных споров. Поначалу считали, что она произошла в Кауэй-Стейкс близ Шеппертона, где в реке стояли деревянные колья. По словам Беды Достопочтенного, писавшего через семь столетий после вторжения Цезаря, толщиной они были с бедро мужчины. Сейчас там кольев нет, но один из них был выставлен в Британском музее со следующим пояснением:

> Этот кол был 16 октября 1777 года извлечен из дна реки Темзы, куда был погружен по меньшей мере на пять шестых своей длины; рядом с ним стояло еще несколько, которые благодаря необычайно низкому уровню воды были тогда хорошо видны. Примерно в трети ширины реки от южного берега, на четверть мили выше Уолтонского моста.

Предположили, что это те самые колья, с помощью которых катувелланы пытались предотвратить переправу Цезаря на другой берег. Есть некоторые аргументы в пользу этого вывода. Чуть южнее реки, у нынешнего Уолтон-апон-Темза, был римский лагерь, и, кроме того, римские объекты обнаружены в соседнем приходе Оутлендс. Но, возможно, происхождение кольев более прозаично. Высказывалась мысль, что они служили опорами моста, построенного в древности одним из вестминстерских аббатов, или же отмечали путь переправы для скота.

Славу (или бесславие) места, где перешло реку войско Цезаря, приписывали и другим точкам на Темзе. В их числе — Чертси, Уоллингфорд и Кингстон. Называли и Брентфорд, где на берегу в

память о той переправе воздвигли колонну. Еще один популярный в этом смысле район — Челси. В 1850-е годы, когда здесь строили мост, соединяющий Челси и Баттерси, было найдено много британского и римского оружия, а также человеческие останки. Черепов оказалось так много, что это место стали называть “нашей кельтской Голгофой”.

Но скорее всего переправа произошла в Вестминстере. Первая римская дорога от Кентского берега до Веруламия, ставшая нынешней Уотлинг-стрит, проходила примерно в тридцати милях к северу от Лондона и пересекала Темзу в районе Вестминстера. Тут в то время проходила граница прилива, и река, которая течет здесь с юга на север, заливала всю пойму. Из воды выступало несколько островков. Берега были низкие.

Река была тогда примерно в два раза шире, чем нынешняя Темза в черте Лондона, и на 4,2 м мельче. Саутуоркский берег, к примеру, проходил на 90 м дальше, чем сейчас. Темза текла через болотистую местность, делая широкие изгибы; на южной стороне среди травы и ивняка попадались ручейки и озерца, северный же берег порос кустарником. В реку вливалось множество притоков, которые давно исчезли

или убраны под землю. В отлив Темза медленно текла между берегов из голого гравия и песка. Пониже Вестминстера воду усеивали многочисленные островки, в прилив уходившие под воду. Кажется вероятным, что в климатически более благоприятные времена на этих островках стояли типичные британские круглые жилища. Колебания уровня реки в исторический период доступны измерению: в римскую эпоху, к примеру, этот уровень падал и вернулся к прежнему значению лишь века спустя. Немалая часть берега времен римских завоеваний, таким образом, безвозвратно ушла под воду.

Цезарь оставил важные записки, где повествует о своем вторжении. Британцы совершали спорадические набеги на его войско. “Повсюду у них были расставлены сторожевые посты, так что одни регулярно сменяли других и место уставших заступали неутомленные бойцы со свежими силами”. Цезарь пишет, кроме того, что британцы одеваются в шкуры и “красятся вайдой, которая придает их телу голубой цвет, и от этого они в сражениях страшней других на вид”. Вайда (isatis tinctoria) растет на берегах Темзы и ныне.

Почти столетие спустя — в 43 году н. э. — римляне использовали реку при новом вторжении.

Как пишет историк Дион Кассий, римляне разбили войско британцев, и произошло это на реке Медуэй, после чего остатки британских сил отступили туда, где Темза "вливается в океан и в пору прилива образует озеро". Где именно находилось это "озеро", точно сказать невозможно, поскольку уровень Темзы с тех пор повысился примерно на 4,5 м, но наиболее вероятным местом кажется Лоуэр-Хоуп-пойнт в нынешнем эстуарии. Поле одной из самых важных битв в английской истории скрыто под водой.

Все теперь было готово к появлению императора Клавдия. Он прибыл к легионам, ждавшим его на берегу Темзы, после чего, переправившись через реку, они разбили британцев на ее северном берегу и двинулись к неприятельской столице — Колчестеру. Клавдий находился в Британии всего шестнадцать дней, но овладение Темзой обеспечило ему власть над всем регионом. Это была знаменательная победа, которая подчеркивает центральную роль Темзы в британской истории. Выше по течению потом, кажется, были новые бои, есть сведения о сражениях близ Криклейда и истока Темзы, но данные о них скудны. Так или иначе, в верхнем течении Темзы признаки римского завоевания всегда были менее заметны,

чем в нижнем.

Оккупация легионами Клавдия носила более постоянный характер, чем вторжение Цезаря, и на протяжении столетия возникла прослойка римско-британских земледельцев, живших около Темзы и ее притоков. Поселения появлялись вдоль всей реки от истока до моря — от Криклейда до Тилбери; было много вилл и обширных поместий к северу от Темзы близ римских городов Сайренсестера и Дорчестера. Согласно одной оценке, вдоль Темзы существовало примерно шестьсот вилл, которыми владели либо римские ветераны, либо состоятельные романизированные туземцы; независимо от форм собственности и аренды, это был период изобилия для всего приречного региона.

На илистом, затопляемом приливами берегу Темзы близ Ист-Тилбери были обнаружены остатки четырех больших римско-британских строений с плетеными стенами и коническими черепичными крышами; совсем рядом археологи нашли много глиняной посуды, и, поскольку печи для обжига найдено не было, специалисты сделали вывод, что здесь действовал своего рода склад местных изделий. Тропа, спускавшаяся от этих строений к реке, вела, судя по всему, к

перевозу. Сравнивая эти простые постройки с виллами вдоль Темзы, которые были оборудованы банями и печами для обогрева помещений снизу, можно представить себе населявшее долину Темзы общество землевладельцев и крепостных. В тех или иных формах такое общество могло просуществовать много столетий.

И, конечно же, предполагается, что римляне основали Лондон. Гораздо более вероятно, однако, что здесь и до них существовало некое британское поселение; одна из версий связывает название “Лондон” с британским Llyn-Din, то есть “холм у озера”. Так или иначе, все сходятся на том, что римляне первыми сполна использовали естественные преимущества района. Прежняя переправа у Вестминстера, медленная и вялая, не годилась, чтобы устроить там порт, и римляне предпочли другой участок реки, хорошо защищенный, который находился в зоне приливов и мог служить гаванью. Римляне смотрели на реку совсем не так, как британцы. Для них это была артерия, проводник военной и коммерческой мощи, элемент линейного имперского сознания. Связь с богами река не утратила (на ее дне потом находили римские культовые предметы), но первобытную святость она потеряла. Нередко, к

примеру, римские дороги прокладывались прямо через круглые курганы и хенджи, словно бы намеренно уничтожая их мистическую власть. Первый деревянный мост через Темзу римляне построили примерно в 52 году н. э.; постоянный мост появился к концу I века. В IV веке лондонские стены были продлены, чтобы защищать прибрежную полосу. Натура Темзы изменилась. Ее надлежало укрощать и оборонять.

Свою первичную коммерческую функцию река выполняла очень хорошо: всего через 18 лет после вторжения Клавдия римский историк Тацит писал о Лондиниуме как о городе, наполненном купцами, известном центре торговли. С этого времени судьба города неразрывно связана с рекой и приливами. Лондон, как все великие древние города, — порождение реки. Там, где раньше были только гравийные берега и болотистые бухты, возник шумный порт. Причалы и склады сооружались и в районе нынешнего Саутуорка; когда уровень реки понизился, римлянам пришлось застраивать берег заново, чтобы сохранить все возможности порта.

Некоторые памятки этой коммерции были найдены в Темзе. В 1962 году у моста Блэкфрайерз обнаружили плоскодонную барку; часть ее груза

составляла партия камня, необходимого для строительства римского Лондона. В 1918 году во время береговых земляных работ близ Вестминстерского моста нашли остатки римского грузового судна. Воодушевление было так велико, что для их перевозки в музей Лондона соорудили специальный фургон и организовали процессию.

Из Темзы, кроме того, извлекались свидетельства трудовой жизни древнего города и многочисленные изделия: гвозди, иглы, ножи, заколки для волос, масляные лампы, разнообразная глиняная утварь. Римские времена также положили начало осквернению Темзы. Из римского прибрежного здания, остатки которого были обнаружены на Каннон-стрит, в реку вели деревянные канализационные трубы. В истории Темзы прослеживается постоянная связь между коммерческим прогрессом и прогрессирующим загрязнением воды. Тем не менее Темза по-прежнему, конечно, была важным источником еды. В римском Лондоне производился рыбный соус гарум, на который шли сельдь, килька и песчанка, вылавливаемые из реки.

Когда римские легионы в начале V века покинули Британию, это не вызвало внезапного коллапса цивилизации, развитию которой они

способствовали. За 350 лет туземцы и поселенцы стали жителями одной и той же земли. Их семьи выросли на берегах Темзы. И эта земля по-прежнему была плодородна, позволяла вести самодостаточное сельское хозяйство. Знаменательно, что многие прибрежные деревни, существующие в начале XXI века, возникли раньше 500 года. Часто эти деревни возникали у римских дорог и переправ, или же поблизости от богатых римско-британских усадеб. Не было ни кризиса выживания, ни пробела в исторических анналах. Археологи пришли к выводу, что на протяжении v века крупные виллы постепенно приходили в упадок, но жителей региона интересовали не столько сами виллы, сколько прилегающие к ним поля.

Один отрезок вдоль устья Темзы издавна называли “саксонским берегом”. Ранее преобладало мнение, что название возникло из-за укреплений для защиты от саксонских захватчиков, но куда более вероятно, что берег стал “саксонским” просто потому, что там селились саксы. Первые саксы с немецкого побережья Северного моря, видимо, прибывали в регион мирно — как купцы, а затем и как поселенцы. В VI веке, через столетие после ухода римлян, восточные саксы колонизировали

территорию к северу от Темзы, приблизительно соответствующую нынешнему Эссексу. “Средние саксы” поселились в Мидлсексе, а к югу от реки западные и южные саксы в конце концов создали единое королевство Уэссекс. До того, как возник Уэссекс, в верхнем течении Темзы существовал нежесткий союз племен и родственных групп, известный под названием Gewisse (Верные). Скорее всего, это были вооруженные отряды (возможно — наемные), устанавливавшие господство над более слабыми британскими поселениями региона.

Река оставалась важным источником власти и могущества. В Олд-Виндзоре в VII столетии был построен дворец, в Кингстоне короновались по меньшей мере семь саксонских королей; местом коронации в свое время считалась церковь св. Марии в этом городе, и в XVII веке любитель старины Джон Обри увидел там изображения королей Ательстана, Эдреда, Эдви, Эдуарда Мученика и Этельреда. Еще один дворец VII века находился недалеко от Темзы в Саттон-Кортни, и нет сомнений, что другие крупные резиденции еще просто не обнаружены. Военная власть нередко шла рука об руку с религиозной: в 635 году первому епископу Уэссекскому была пожа-

лована римская крепость у городка Дорчестер.

Саксонские поселения создавались на всем протяжении Темзы, и они существуют до сих пор. Такие названия, как Соннинг, Рединг, Баркинг и Горинг, имеют англосаксонское происхождение. Название Теддингтон произошло от имени племенного вождя, которого звали Тудда. В таких названиях, как Питершем и Твикнем, присутствует саксонское окончание hamm, что означает огороженное место в излучине реки. Фоббинг, Макинг и Террок на берегу эстуария — тоже саксонские названия, как и Кембл (от саксонского Camele). Такие слова, как weir (запруда) и eyot (речной островок), используемые по сей день, имеют англосаксонское происхождение. Саксы присвоили Темзу настолько основательно, что в ней до сих пор чувствуется саксонское начало. Жилые дома второй половины XVIII века в верхнем течении Темзы отчетливо походят на своих саксонских предшественников.

Река, кроме того, служила границей между Уэссексом и Мерсией — границей, которая оспаривалась и нарушалась много веков. Прибрежный монастырь в Кукеме переходил из рук в руки несколько раз. “Англосаксонская хроника” определяет Уэссекс как королевство к югу от Тем-

зы — suthan Temese. Как утверждает “Хроника”, было достигнуто согласие, “чтобы с этой поры река разделяла их королевства, Мерсийское и Уэссексское, и чтобы родичи их во всех грядущих поколениях это соблюдали”. Но стычки между Уэссексом и Мерсией продолжались, хоть и спорадически, и в 755 году река все еще приносила “невзгоды, а не радость, в отличие от меньших рек”. Позднее большая битва между войсками двух государств произошла в Бенсоне на Темзе, и в результате Уэссексу снова пришлось довольствоваться территорией к югу от реки.

Темза стала, кроме того, важным торговым путем, соединяющим юго-восток страны с центральными и южными районами. Без нее эти области были бы разобщены. Главным местом торговли был, конечно же, Лондон. В VII веке саксы основали Лунденвик, расположенный чуть западнее римского города, и очень быстро здесь возник большой порт, обеспечивавший жизненно важные торговые связи с континентальной Европой. Здесь жили главным образом восточные саксы, поддерживавшие коммерческие отношения с долинами Эльбы и Рейна; в реку заходили корабли с грузом леса и смолы, а обратно они везли зерно и шерсть. Сохранились сведения

о денежных сборах с кораблей в X веке: четыре пенса за стоянку у причала в Биллингсгейте. На речном берегу строились и другие причалы и пристани, большей частью под защитой стены, которая была сооружена для обороны Лондона от вторжений с реки.

В 893 году на берег эстуария высадилось огромное датское войско, и началось его грабительское продвижение к Лондону. Датчане прибыли с женами и детьми в намерении остаться надолго. Поистине это было нападение на саму Темзу. Датчане сосредоточили на ней внимание потому, что знали: контроль над рекой обеспечит контроль над всей прилегающей местностью. Кроме того, Темза давала возможность добираться до более отдаленных вражеских территорий. Со своей приречной базы датчане могли совершать набеги и на Мерсию, и на Уэссекс. Но река, с другой стороны, делала их уязвимыми для контратаки, и в 895 году, как сказано в “Хронике”, “жители Лондона забрали датские корабли и сломали то, что не могли унести, а все ценное доставили в порт Лондона”. И в последующие десятилетия многие нападения совершались с использованием реки. В 1010 году Торкель Длинный проплыл вверх по Темзе и предал огню Оксфорд. Четыре года спустя

норвежский король Олаф поднялся по реке и приказал обвить канатами опоры лондонского моста, другие концы канатов прикрепить к кораблям и отплыть. Опоры рухнули. Именно этот эпизод лежит в основе детского стишка “Рухнул Лондонский мост”.

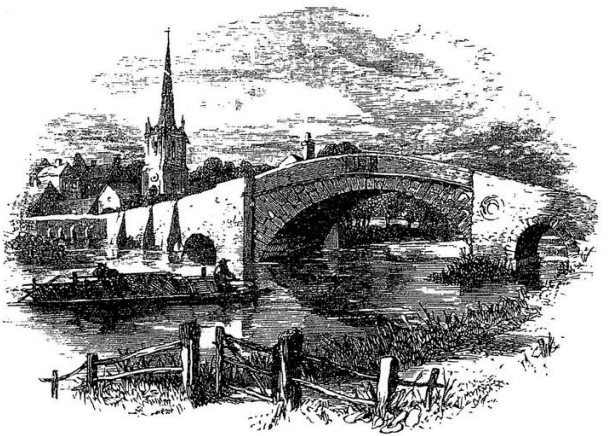
Датский король Кнут, или Канут, с 1016 по 1035 год имел над Англией неоспоримую власть именно потому, что установил контроль над Темзой. Но он знал пределы своего могущества. Как утверждает один норманский поэт, местом, где он показал придворным, что прилив ему не подчиняется, и дал им тем самым урок ограниченности всякой земной власти, было не морское побережье Суссекса, а берег Темзы. На эту здравую мысль навела Кнута река в зоне действия приливов — в Вестминстере, где он воздвиг свой дворец. “Есть только один Король, — сказал он якобы. — Тот, Кому подчиняются небо, земля и море…” Так Темза дала великий урок постижения божественного начала.

В эти столетия завоевания и ассимиляции река играла формирующую роль. Как пишет Гильдас, монастырский летописец VI века, Темза всегда была хранительницей границ. Ее берега были пограничной зоной, рубежом между двумя

юрисдикциями, и поэтому она стала важным местом встреч и переговоров между противоборствующими сторонами. На ней устраивались и церковные совещания. Одни и те же места, такие, как Кингстон и Дорни, попеременно использовались из года в год, а может быть, и из столетия в столетие. Знаменитая встреча в Раннимиде, когда была подписана Великая хартия вольностей, вполне возможно, была одним из многих совещаний на этом священном — или, по крайней мере, выделенном — месте.

Река как разделяющая линия пребывала под охраной духов. В разные времена ее хранителями считались разнообразные нимфы, боги, богини, феи и демоны. Нарушая водную границу, человек оскорблял эти божества еще сильнее, чем владельца прилегающей земли. И, помимо прочего, Темза стала рекой святых.

V
Священная река



Лечлейд. Идя вдоль Темзы, этот шпиль можно увидеть не за одну милю.

Глава 11
Святой поток

В 1770-е годы один житель деревни на берегу Темзы оставил посмертное признание в убийстве, где написал, что “очистительные воды” этой реки близ Баскота “должны смыть с меня преступление”. В одной из ведических Пуран говорится, что все реки святы, что все они словно матери для мира, что все они смывают грехи. Что касается Темзы — ее неизменно считали священной рекой, носительницей спокойствия, превосходящего любое понимание.

С самых ранних эпох человечества люди видели в реках священное начало. Древние персы называли загрязнение рек святотатством. Реку Ганг чтили как богиню. В сосульках гималайской пещеры, где она берет начало, индуисты видели развевающиеся волосы бога Шивы. Абиссинцы поклонялись Нилу. Египтяне отмечали ежегодный подъем уровня Нила жертвами и огненными ритуалами; они связывали реку с богом Хапи. Обитатели Месопотамии почитали Тигр и Евфрат как жилища драконов, отдавая

должное тому факту, что воды могут нести не только плодородие, но и разрушение. В культурах Междуречья и Нильской долины жрецы и прорицатели совершали свои обряды на берегах рек. Заповедные тропы у аборигенов Австралии и Океании проходили вдоль рек. Карл Юнг в "Видении Зосима" (1937) заявляет, что вода и дух зачастую равнозначны.

Фессалийцы обожествляли мифическую реку Пеней за ее красоту, скифы поклонялись Дунаю за его величие, этолийцы почитали Ахелой за его древность. Считают, что британские друиды видели божественное начало в реках, текущих с запада на восток, одна из которых — разумеется, Темза. Потому-то Гильдас, английский христианский историк VI века, называл местные реки "мерзостью и погибелью, коей слепцы отдают божественные почести". Гальфрид Монмутский, хронист более позднего времени, также поместил Темзу в контекст священных событий: к ее берегам приплыл Брут, внук Энея, чтобы основать Новую Трою. В Литл-Уитнеме на берегу Темзы был обнаружен жертвенник, посвященный Юпитеру Наилучшему; в Баблокхайте археологи нашли ритуальную резную фигуру некоей богини. Рядом с развалинами Рединского аббатства протекает

Святой ручей.

Духовное воздействие реки было запечатлено многими способами. У поэта XIX века Фрэнсиса Томпсона в стихотворении “Не в чужом краю” Христос идет по водам “не Генисаретского озера, но Темзы!” Нечто подобное изобразил Стэнли Спенсер, художник XX века, увидевший в реке ассоциации со Священным Писанием. К примеру, Христос у него проповедует с лодки, стоящей у речного берега близ Кукема — родного города художника. В поэме “Salve Deux, Rex Judaeorum” поэтесса XVI века Эмилия Лэньер обращается “к милому Кукему, где я впервые обрела благодать”. Она называет Кукем “Раем”. Для многих берега Темзы были одним из благословенных мест земли. В 1966 году польский эмигрант Александр Возняк организовал водное путешествие по Темзе от Криклейда до Лондона в ознаменование тысячелетия христианства у него на родине.

Чтобы запечатлеть таинственную святость реки, Кеннет Грэм, один из великих певцов Темзы, ненадолго отвлекся в книге “Ветер в ивах” от изображаемой в ней детско-звериной береговой жизни. В главе “Свирель у порога зари” Крот и дядюшка Рэт “в некотором торжественном ожидании” подплывают к речному острову. Вы-

садившись, Рэт шепчет: “Вот это место, о котором рассказывала музыка. Здесь, здесь мы его встретим, того, который играл на свирели”[25]. Это древнее языческое речное божество — отчасти Пан, отчасти Шива, отчасти Хапи, бог, которому оба зверя, припав к земле и склонив головы, стали молиться.

Есть такие, кто готов утверждать, что эти боги и богини суть выражения природной божественности воды. Река воплощает идею божественного вмешательства в жизнь природы; это символ способности мира к совершенствованию и надежды на его спасение. Это старейшая из всех природных сил. Святые воды несут как жизнь и плодородие, так и разрушение. В них воплощены тайна природного мира и его благосклонность к человеку. В сорок шестом псалме[26] говорится: “Речные потоки веселят град Божий, святое жилище Всевышнего”.

Итак, речное божество принимает текучую форму. Это одновременно и Пан, и Протей. В Баттерси-парке установлены и глядят на реку с высоты четыре позолоченные статуи Будды.

---

[25] Примечания: 25
Перевод И. Токмаковой.

[26] Примечания: 26
В православной традиции это сорок пятый псалом.

В 2004 году на берегу Темзы близ Челсийского моста было обнаружено индуистское молитвенное хранилище со свечами и латунными изображениями. Сикхи и индуисты сейчас ведут кампанию за то, чтобы им разрешили развеивать над Темзой прах своих умерших. В первое утро иудейского Нового года на северном берегу Темзы, на набережной напротив Кастом-хауса, собирались верующие евреи и возносили молитвы в память о своем пленении. Древняя река может стать прибежищем для всех древних религий. В мост Блэкфрайерз намеренно встроены каменные подобия церковных кафедр, напоминающие прохожим о монастырских традициях этого участка реки.

У Темзы некогда обитали рыцари-храмовники (Knights Templar); все физические следы их к нынешнему времени стерлись, но они оставили памятки о себе в таких прибрежных названиях, как Темпл-Лок, Темпл-Хаус, Темпл-Комб и Темпл-Миллз. Старинная переправа в Марлоу, где теперь находится мост, имеет отношение к рыцарям-храмовникам из Бишемского аббатства. В книге Иэна Синклера “Вниз по реке” (1991), полной фантастических образов, навеянных Темзой, он сравнивает сооружения так называ-

емого Барьера (плотины, построенной в районе бывших лондонских доков), с головами храмовников в капюшонах; воображаемые рыцари “предостерегают нас вспышками, сигналами, стрелами, красными крестами”. Не первый раз этот писатель внутренним взором видит древних обитателей речных берегов.

Темзу пересекали паломники, которые шли в поисках спасения или по крайней мере облегчения бремени грехов. Тропа паломников, соединявшая Уолтем-Кросс с Кентербери, тянулась через пустынные болота приречного полуострова Айл-оф-Догс; у реки стояла церквушка для паломников, где они могли помолиться об удачной переправе. Церквушка показана на одной карте начала XVIII века; вокруг — никаких строений, кроме нескольких ветряных мельниц. Еще одна старинная насыпная дорога пролегала около прихода Хайем в районе устья: по ней шли поклониться мощам св. Фомы Беккета паломники Эссекса. Некоторые другие переправы, которыми пользовались средневековые паломники, были обнаружены благодаря найденным на берегу эмблемам.

На участке Темзы, называемом Сент-Клементс-рич, близ Уэст-Террока стоит приречная церковь

и ныне называемая Церковью паломников. У нее возникла репутация и иного свойства: в ней снимался один из эпизодов популярного фильма “Четыре свадьбы и похороны”. Церкви на речном берегу действительно всегда были популярными местами свадеб. Весной и летом здесь совершается много свадебных обрядов, причем ясно прослеживается связь с магией плодородия, носительницей которой считается Темза. По обычаю новобрачные должны от церкви перейти реку по мосту, если есть такая возможность, и сфотографироваться на другом берегу. Такое пересечение символической границы между мирами — далеко не единственный ритуал перехода, в котором участвует река.

Креститься в реке — значит заново родиться, перейти в новую жизнь. На горбатом каменном мосту в Радкоте, старейшем мосту через Темзу, сохранились остатки каменной купели. В Криклейде у небольшого дощатого моста есть традиционное место, называемое Хатчетс-форд (брод Хатчетс), или же просто “Дощатый мост”, где в начале XX века еще происходили крещения с полным погружением. Имеется фотография, где женщину, одетую в белое, ведут на середину реки, а с берега на обряд смотрят более сотни человек.

Это был один из самых древних ритуалов, связанных с Темзой. Людей крестили в реке и у острова Шеппи близ аббатства VII века, основанного королевой Сексбургой. В более близкие нам столетия деревни в верхнем течении Темзы были известны многочисленными баптистскими общинами, как если бы их веру определяла некая атавистическая память. Баптистская молельня в Коуте близ Шиффорда — возможно, старейший в стране оплот протестантов, поскольку она связана с именем Уиклифа и его “бедных проповедников” XIV века. В Рединге в доме у реки собирались анабаптисты, и туда к ним приходил Джон Беньян. На берегу Темзы стоят как минимум три церкви св. Иоанна Крестителя. И существует картина Стэнли Спенсера “Крещение”, где изображен Христос, принимающий крещение в водах Темзы.

У реки искали убежища отшельники. Средневековый скит, называвшийся “Лебединое гнездо”, находился на берегу Темзы в Уоппинге; с 1371 по 1380 год в нем жил Джон Инграм, позднее — другие анахореты. В келье близ приречной церкви св. Марии в Иффли жила, будучи замурованной, отшельница Аннора. Старожилы помнят отшельника, обитавшего в береговых лесах около Хэмблдина и носившего прозвище Джек-судный-

день. Река дарует уединение и тишину, в которой умолкают людские голоса.

Одной из составных частей жизни на Темзе всегда были нимфы. Их скульптуры и сейчас видны повсюду. У старой береговой тропы в Твикнеме, чуть ниже острова Ил-Пай-айленд, на скалах лежат семь каменных нимф. На фронтоне приречного Сомерсет-хауса в Лондоне полулежит нимфа с трезубцем в руке. В поэме “Виндзорский лес” (1713), которая была хвалебным гимном Темзе, Александр Поуп пишет, что “и звездам в небесах не заблистать” краше нимф, обитающих на ее берегах. Нимфу считали целительницей, провожатой странников, опекуншей юных и источником познаний. Она воплощала в себе природное речное волшебство. Из местных божеств нимфу чтили больше всего. В античном мире, к примеру, чуть ли не у каждого ручья и родника стоял маленький жертвенник. Нимфы были могущественными и добрыми духами, способными дарить своим прибрежным угодьям богатство и плодородие.

Писатель XVI века Джон Дикенсон в “Арисбасе” (1594) восславил “милую Тамезис, прекраснейшую из прекрасных Нереид”. У него же “прекрасные Нимфы движутся в лад с волнением

ее кристальных вод, текущих в Океан". Когда Елизавета I или Яков I проезжали через приречные графства, монархам обычно показывали представление, героиней которого была "местная нимфа". Это был способ выразить особые качества данного района, натуру места, облагороженного рекой или ручьями. Это был, кроме того, способ почтить туземных богинь, более древних, чем античные божества европейских шествий эпохи Возрождения, способ продолжить старинные речные традиции.

В 1660 году в процессии лорд-мэра Лондона, которая шла вдоль Темзы, участвовали "четыре девственницы в свободных одеждах и венках из шалфея, изображавшие речных нимф". Это было устойчивое народное поверье, просуществовавшее до середины XIX века. Но затем, как сетовал в "Бесплодной земле" (1922) Т. С. Элиот, нимфы исчезли. Это — признак великого перехода, отказа от природной религии мироздания.

С рекой было связано много ритуалов. В X веке абингдонские монахи клали на щит сноп пшеницы и ставили горящую свечу, после чего пускали щит плыть по Темзе. Путь щита показывал, кому принадлежит спорный участок земли. В Итоне у Темзы в 1598 году приезжие немцы были удивле-

ны, увидев местных крестьян, шествовавших со снопом, увенчанным цветами. В том же столетии 1 мая оксфордские студенты собирались у моста через реку и пели латинский гимн в честь Девы Марии, после чего жарили ягненка и угощали собравшуюся толпу. В приходе Камнер перевозчик через Темзу во время церемониального “обхода” приносил местному викарию 6 шиллингов и 8 пенсов. Деньги лежали в миске с речной водой, и, достав оттуда монеты и вытерев руки чистой салфеткой, викарий раздавал шиллинги и пенсы пришедшим молодым людям. Происхождение этого обычая непонятно, но надо помнить, что перевозчик с древнейших времен ассоциируется со смертью. Ритуалу омовения рук в реке отдавали должное и жители деревень по берегам Рейна: в день Иоанна Крестителя местные женщины окунали руки в речную воду, чтобы, как писал итальянский поэт Петрарка, “смыть возможные бедствия грядущего года”. В молебственные дни перед Вознесением деревенские жители все того же прихода Камнер на Темзе переправлялись на другую сторону реки и там хватались за прибрежные ветки и тростник. Возможно, это некий обряд обладания, подобный обходу границ, но тут видна, кроме того, тесная связь с почитанием

“гения места”.

Похожий ритуал обладания был связан с так называемым “Лондонским камнем”. Это не тот камень, что ныне выставлен на Каннон-стрит как некий хранитель Лондона, а другой, располагавшийся на берегу Темзы чуть выше моста в Стейнзе. Он отмечал границу юрисдикции Лондонского Сити над водами Темзы и был установлен в 1280 году. Церемония включала в себя ритуальный обход камня и характерное бросание монет в толпу, но эгалитарная натура Темзы выразилась в том, что лодочники должны были толкать бортами суда присутствующих шерифов или олдерменов. Копия камня стоит сейчас на северном берегу, укрытая под деревьями.

Практика гадания и предсказания будущего на берегах Темзы по-прежнему существует, хоть и в ослабленном виде, приняв форму гидромантии. Вода — око земли. Медитируя над образом, который появляется в проточной воде, мы созерцаем будущее и прошлое этого образа в постоянном движении. Это одна из причин того, что Темзу использовали для прорицания. Существовал, например, обычай кидать в воду три камешка и смотреть на возникшую рябь. Важную роль, в частности, играло количество кругов, его чет-

ность или нечетность. Волнение воды считалось значимым и в разнообразных иных ритуалах. Некоторые искали смысл в цвете речной воды — от грозового серого до ласкового зеленого. Гадатель непременно должен был пребывать в спокойном и мирном расположении духа — иначе картина могла исказиться. Такое же душевное состояние требовалось для гадания по зрительным образам, возникающим в воде. Мечтательно глядя в воду, улавливая внезапные блики солнца на ее поверхности, человек пытается уловить сцены и образы, поднимающиеся из ее глубин.

В 2001 году на берегу Темзы нашли лист бумаги и свечи, на которых было написано имя человека. Оно же было трижды повторено на бумаге. Человека нашли, и он подтвердил, что это элементы обряда, предназначенного для защиты его от зла. Автор этих строк однажды увидел на набережной близ Ирита следующие предметы, выложенные ритуальным образом: нож с голубой ручкой и кровью на лезвии, белую футболку с кровавыми пятнами и моток клейкой ленты.

С рекой связано множество примет и предрассудков. Монета, брошенная с парома в Баблокхайте, должна была, как считалось, принести хозяину всемеро большую сумму. Очень плохой

приметой считалось увидеть плывущую по реке змею. Жители деревень близ Темзы выходили из лодок, если впереди показывалась змея. У моряков и рыболовов на Темзе были иные предрассудки, нежели у сухопутных людей. Черная кошка на судне считалась дурным предзнаменованием в шторм. Увидев около судна зайца, отменяли предстоящее плавание. Рыбаки ни за что не хотели брать в качестве балласта белые камни, а камень с отверстием означал дырявую сеть. Если ловили морского черта[27], его прибивали к мачте, чтобы отвести несчастье. Возможно, это связано с суеверием, из-за которого священников и монахов никогда не пускали на суда, ходившие по Темзе. Вплоть до совсем недавних времен, съев селедку, хребет и кости бросали обратно в реку, чтобы умилостивить Короля Сельдей.

Но одно из известнейших поверий, имеющих отношение к Темзе, — одновременно одно из старейших. По воде как дань местной водной богине пускали хлеб. Если он тонул, приношение считалось принятым и благосклонность богини обеспеченной, если продолжал плыть — дань

---

[27] Примечания: 27
По-английски — monk-fish (рыба-монах).

была отвергнута. Этот древний обычай находит отражение в одном из видов гадания по воде. Человек кидает в воду кусок хлеба, имея в голове вопрос. Если хлеб тонет, ответ положительный, если нет — отрицательный. Для той же цели иногда использовали палки: ответ узнавали по их направлению в воде. Возможно, от этой древней традиции произошла игра Винни-Пуха в “пустяки”, которой и ныне многие предаются на мостах через Темзу.

Глава 12
Речные святые

Первым и главным святым покровителем Темзы издавна считался св. Биринус. В VII веке он первым начал обращать саксов в христианство, крестя их в реке в таких местах, как Сомерфорд-Кейнс, Таплоу, Юэн, Пул-Кейнс и Кембл. Он крестил в Темзе близ Дорчестера уэссекского короля Синегилса; примерно там же в следующем году он крестил королевского сына. Река стала для него источником благодати. В первой половине VII века он, как утверждают, основал церковь на речном берегу в Херли, где до того было языческое святилище, и церковь Пресвятой Троицы в Кукеме. Кладбище при этой церкви изобразил Стэнли Спенсер на картине, написанной в 1926 году и изображающей воскрешение мертвых в день Страшного Суда. “Крестильный пруд” Бапси-Пул в Таплоу, который также связывают с деятельностью Биринуса, и ныне существует на территории, прилегающей к дворцу Таплоу-корт. Его епископская резиденция находилась около Темзы — в Дорчестере; в тамошнем аббатстве он

и похоронен, и его гробница в Средние века стала объектом паломничества. Гробница сохранилась по сей день, и к ней приходят современные речные паломники.

Покровителем Гринвича считается св. Алфегий. Он был архиепископом Кентерберийским в начале XI века. Датские захватчики забрали его из собора в свой гринвичский лагерь и там забили до смерти бычьими костями. Нынешняя церковь св. Алфегия возведена на месте его мученичества Николасом Хоксмуром. Есть все основания полагать, что святому начали поклоняться там сразу после его гибели в 1012 году.

Св. Альбан, которого идолопоклонники решили убить, заставил воды Темзы расступиться, чтобы он мог пройти к месту казни. Это случилось 20 июня 304 г. Как пишет Беда Достопочтенный,

> он подошел к быстрой реке, протекавшей между городской стеной и ареной, где предстояло ему пострадать, и увидел там великое множество людей обоего пола и всех званий и возрастов… Они так заполнили мост, что в тот вечер его едва можно было перейти… Святой Альбан, горячо желая как можно скорее принять

> муки, спустился к реке и возвел глаза к небу. Тотчас же дно реки обнажилось в том самом месте, и он увидел, что воды расступились и дали ему дорогу[28].

Гильдас в хронике VI века “О разорении Британии” пишет об Альбане, что “горячей молитвой он открыл путь через русло благородной реки Тамесы, подобно такому же сухому пути израильтян, когда ковчег Завета долго стоял на камнях посреди Иордана. В сопровождении тысячи человек он прошел там, не замочив ног, в то время как текущие воды стояли по обе стороны от него, как стены обрыва”[29].

В честь св. Хада, как считают, получил название церковный приход Чадуэлл-сент-Мэри близ устья Темзы, где в VII веке якобы был источник (well), в котором Хад крестил восточных саксов в христианскую веру. Св. Эркенвальд в том же VII веке основал аббатства Баркинг и Чертси, и его тоже вполне можно считать святым покровителем Темзы. Св. Эдмунд, родившийся у реки в Абингдоне, ходил однажды по пойменным

---

[28] Примечания: 28
Перевод В. Эрлихмана.

[29] Примечания: 29
Перевод В. Эрлихмана.

лугам около Темзы и удостоился видения. Как пишет Кэкстон в “Золотой легенде” (1483), “вдруг явилось ему прекрасное дитя в белой одежде и сказало: ‘Привет тебе, о юноша, гуляющий один’”. Так что, возможно, он не столько святой реки, сколько святой всех тех, кто бродит в одиночестве близ текучей воды, находя в ней мир, тишину и подспорье для мечтаний.

Были, конечно, и женщины-святые, имевшие прямое отношение к реке. Пожалуй, наиболее известна из них св. Фридесвида. Во второй половине VII века она и две ее сестры бросились к Темзе, спасаясь от домогательств англосаксонского князя Альгара, и близ Оксфорда увидели юношу небесной красоты в ослепительно-белых одеждах. Он посадил их в лодку и через час высадил в Абингдоне в десяти милях ниже по реке. Там Фридесвида совершила чудо и, когда о ее присутствии стало известно, отправилась вверх по реке в деревушку Бинзи, где воздвигла на берегу Темзы церковь из “камней и грубо обтесанных бревен”. Там благодаря молитве она обнаружила источник, который стал для последующих поколений целебным. Ее историю можно назвать историей речной нимфы, бежавшей от сексуального надругательства и освятившей при

этом воду Темзы. Однако прежде всего Фридесвида связана с городом Оксфордом, чьей небесной покровительницей она остается по сей день. Монастырь, который она основала, кардинал Вулси позднее преобразовал в Крайстчерч-колледж. Она умерла в Бинзи в 740 году, и ее гробница находится в соборе Крайстчерч. Ее любимым изречением, согласно легенде, было: “Все, что не есть Бог, есть ничто”. Часть кентского берега Темзы, известная под названием Ху, пребывала под особым покровительством св. Вербурги, дочери Вульфгера, короля Мерсии; об этой благочестивой особе мало что известно помимо того, что она не любила гусей.

В Редингском аббатстве в свое время хранилась реликвия — кисть руки, принадлежавшая, как считали, апостолу Иакову. В конце XVIII века среди развалин аббатства были обнаружены кости человеческий руки, и в конце концов они оказались в церкви св. Петра в Марлоу, тоже находящейся у Темзы. Эта река всегда притягивала к себе предметы поклонения. Стоит отметить, между прочим, что скелет св. Иакова, погребенный в соборе Сантьяго-де-Компостела, лишен кисти левой руки. В монастыре в Кавершеме тоже было много реликвий, в том числе наконечник копья,

которым пронзили тело Иисуса на кресте.

После этого перечня святых и реликвий вполне естественно будет назвать Темзу рекой церквей. Их история часто начинается с деревянных саксонских построек, однако почти все церкви в долине Темзы приобрели нынешний вид уже к XI веку. Это впечатляющий пример преемственности. Некоторые прибрежные церкви, узкие и продолговатые, стоят на очень старых фундаментах. Присутствие Темзы в них всегда ощущается — хотя бы по той причине, что многие из них расположены так близко к реке, как только это было возможно для строителей. Церкви в Касл-Итоне и Кемпсфорде близ истока Темзы стоят практически в воде. Церковь св. Марии Магдалины в деревне Бовни, чье название означает “место выше острова”, находится так близко к реке, что добраться до нее можно только по пешеходной тропинке; первоначально она якобы была часовней на пристани. Ныне ее взяло под опеку благотворительное Общество друзей заброшенных церквей.

Церковь Всех святых в Бишеме стоит у реки. Церковь Девы Марии в Хенли расположена на высоком берегу около моста. Церковь св. Петра в Кавершеме — тоже на крутом берегу. Церкви в

Стритли и Горинге смотрят друг на друга через Темзу.

Существует некая глубинная связь между молитвой и пересечением реки. Церковь Всех святых в Марлоу, возведенная на участке, чья история начинается по меньшей мере с XII века, находится около моста. Поблизости от реки и моста построена и церковь св. Леонарда в Уоллингфорде. Место для церкви св. Марии в Херли было выбрано близ важной переправы, которая упоминалась еще в VII веке. Очень похоже, однако, что переправа там была и в доисторические времена. Церковь св. Андрея в Соннинге стоит у моста. Прибрежная деревня Соннинг с X века была, кроме того, резиденцией епископов Солсберийских, что лишний раз подтверждает связь между Темзой и религиозной властью.

Побывать в этих церквах сейчас — значит проникнуться углубленным духом старины; здесь царит осязаемая тишина, здесь вечное прибежище молитвы. Во многих из них сохранились следы самых разных стилей, от IX до XIX века. Это наслоение периодов — характерная черта церквей, построенных близ Темзы. Здесь само время перемешивается, запутывается. С определенной точки на лугу близ Лечлейда кажется,

будто шпиль церкви св. Лаврентия поднимается прямо из воды и выражает ее глубинную суть.

Глава 13
Привет тебе, святая река, матерь милосердия

Есть церковь Пресвятой Девы Марии в деревне Уитчерч-он-Темз. Есть церковь Девы Марии в Рединге, основанная св. Биринусом в начале VII века. В Уоргрейве тоже имеется очень древняя церковь Девы Марии. Ей же посвящена старинная церковь в Криклейде; на северной стене церкви была фреска — поясное изображение Богоматери с Младенцем. Церковь св. Лаврентия в Лечлейде первоначально была посвящена Деве Марии. В церкви Пресвятой Девы Марии в Касл-Итоне была ее фреска. Самая прекрасная из норманских церквей страны — церковь Богоматери, стоящая над рекой в Иффли. Ей посвящены приходская церковь в Патни, церковь в Бамптоне. На краю деревни Лонг-Уитнем тоже стоит церковь Девы Марии. Среди складов Ротерхайта на берегу Темзы по-прежнему возвышается церковь Пресвятой Девы Марии.

Церковь на рыночной площади в Уоллингфорде называется Сент-Мэри-де-мор (Св. Мария

Большая), в отличие от Сент-Мэри-де-лесс (Св. Марии Меньшей), которую в XIV веке объединили с церковью св. Петра. Древняя церковь Богоматери в Айси (что означает “речной остров”) была возведена на вершине холма, но в прошлом веке ее снесли из-за отсутствия прихожан. На острове Шеппи в устье Темзы некогда был монастырь, посвященный Пресвятой Деве; монастырская церковь Девы Марии по-прежнему стоит на самой высокой точке острова. Церковь Пресвятой Девы Марии в Чолси, то есть на “острове Кеола”, была первоначально построена на сухом месте среди болот. Вероятно, этим участкам суши, дававшим прибежище в окружении воды, приписывалась некая святость. В центре полуострова, называемого Айл-оф-Догс, в свое время стояла маленькая церковь Девы Марии, построенная для молитв за души моряков. Ее давно уже нет. Лондонская церковь Сент-Мэри-эт-хилл (св. Марии-у-холма) была так названа из-за ее положения на крутом берегу в Биллингсгейте. Столичная Сент-Мэри-ле-Стрэнд стоит на возвышении, где ныне встречаются улицы Стрэнд и Флит-стрит. Когда ее возводили, река, не ограниченная набережными, была к ней, конечно, намного ближе, чем теперь.

Джон Стоу пишет, что на заболоченном берегу

напротив Гринвича имелись “остатки каменной часовни”, посвященной Деве Марии; часовня, видимо, была связана с монастырем Пресвятой Марии Благодатной, находившимся около Тауэра. Приходские церкви, посвященные Деве, имеются в Кемпсфорде, Хорнз-Кроссе, Грейвзенде, Бенфлите, Коррингеме, Датчете, Хэмблдине и Теддингтоне. Церковь Девы Марии в Санбери построена на месте доисторического поселения. Церковь Пресвятой Девы Марии в Перли стоит близко от того места на реке, откуда в прошлом ходил паром в Мейплдарем. Церковь Девы Марии в Стритли тоже находится у реки, как и церковь Девы Марии в Норт-Стоуке. Паром, который курсировал между Кукемом и Кливденом, назывался “паромом Богоматери”. Университетская церковь на Главной улице в Оксфорде посвящена ей же, как и приходские церкви в Мортлейке, Хэмптоне, Барнсе, Твикнеме, Уолтон-апон-Темзе и Тейме.

Есть расхождения по поводу того, кому посвящена приходская церковь в Лэнгфорде близ Келмскотта — Деве Марии или св. Матфею, но, как пишет Фред Теккер в книге “Юная Темза”, “посвящение Богоматери встречается среди этих церквей очень часто”. Церковь в Абингдонском аббатстве первоначально была тоже посвящена

ей, но в XV веке стала церковью Всех Святых. Норт-Стиффорд и Чадуэлл, где имеются церкви Богоматери, — места малоизвестные, но они составляют часть мощного потока веры. Церковь Девы Марии в Баскоте стоит у Темзы, и в ней есть витражи работы Эдварда Берн-Джонса. У южной стены маленькой прибрежной церкви в Инглшеме есть резное изображение Богоматери с Младенцем, датируемое началом XI века и сделанное по византийскому образцу. Церковь Девы Марии в Стейнзе возведена на месте церкви VII века. Церковь в Ламбете посвящена Пречистой Деве. Чуть дальше по берегу, в Баттерси, тоже стоит церковь Девы Марии.

Аббатство в Эйншеме, от которого осталось лишь несколько камней, было названо в честь Девы Марии. Монастырь в Херли был также посвящен ей и назывался Леди-плейс (“Место Богоматери”). Улица Грейсез-элли близ Уэллклоуз-сквер в лондонском Ист-энде — единственное, что напоминает ныне о цистерцианском аббатстве Сент-Мэри-оф-Грейсез (св. Марии Благодатной), стоявшем у реки. Женский монастырь в Годстоу был освящен “в честь Девы Марии и св. Иоанна Крестителя”. Небольшой монастырь в Бишеме был посвящен Богоматери. Бригиттинский

монастырь Сайон был посвящен не только св. Бригитте, но и Пресвятой Деве. Итонская школа, находящаяся у Темзы, была основана в XV веке как “колледж Пречистой Девы Марии в Итоне близ Виндзора”. Саутуоркский собор в Лондоне первоначально назывался Сент-Мэри-оувери, то есть “церковь св. Марии-за-рекой”.

На одном из парапетов моста в Радкоте и ныне имеется ниша; скульптура Девы Марии, стоявшая в ней некогда, была уничтожена во время гражданской войны. Один из пролетов средневекового Лондонского моста назывался “перемычкой св. Марии”. От той же эпохи остались упоминания об “образе Богоматери на мосту”, а в церкви св. Магнуса около моста существовал придел Девы Марии, где каждый вечер в ее честь звучала хвалебная песнь “Salve Regina”.

В старинном аббатстве в Баркинге имелась часовня Богоматери, которая была местом паломничества. Тамошняя статуя Девы Марии обладала, как считалось, чудотворными свойствами. Придел Богоматери в Кавершеме — единственное, что сохранилось от посвященного ей большого храма с украшенным драгоценными камнями образом Марии, к которому, считая его чудотворным, тоже стекались паломники со всей страны.

Придя к этому святому месту во времена роспуска монастырей, доктор Лондон, агент короны, с явным неудовольствием написал в отчете: “Пока я там пребывал, их заявилась целая дюжина, с восковыми образами”.

Когда в Кингстоне короновали саксонских королей, церемония проводилась в часовне Девы Марии; как пишет Джон Обри в “Древностях графства Суррей” (1718), он увидел в этой часовне пять изображений саксонских монархов. У старинного здания Калем-корт около реки стоит копия скульптуры Элизабет Фринк, известной под названием “Шагающая Мадонна”.

Этот длинный перечень имен и названий наводит на мысль, что связь между Богоматерью и Темзой — закономерна. От церквей верхней Темзы до церквей нижнего течения имя Мария встречается намного чаще других. Можно сказать, что Темза — река Богоматери. С VII по XIV век церкви, посвященные ей, возникали на обоих берегах от истока до устья. На Темзе стоит более пятидесяти церквей, часовен и приделов Девы Марии — ошеломляющее количество для реки протяженностью всего в 215 миль.

Эта взаимосвязь не была замечена авторами книг о Темзе, однако она имеет важное значение

для истории реки, которая всегда ассоциировалась с “великой матерью” древних поверий, более древних, чем кельтская мифология. Здесь действуют странные ассоциативные закономерности. В ирландских мифах Бригит была богиней плодородия и, кроме того, “богиней-Лебедью”. Как пишет Роберт Грейвз в книге “Белая богиня” (1948), “в средневековой ирландской поэзии Марию явно отождествляли с Бригит”. Великие речные богини древних и античных мифов, и в частности Исида, оказываются таким образом связаны с Пречистой Девой, с Богоматерью. Исида ведь тоже считалась Богиней-Матерью, символом плодородия и утробой новых рождений. От веры в Исиду не так уж далеко до веры в Деву Марию. В “Описании Британии” Уильяма Гаррисона (1587) есть странное место, где говорится, что жители Рединга “называют упомянутую церковь Сент-Мэри-Одерис, то есть Святая Мария-над-Исидой”. Имена соединяются, заменяют друг друга. Мария — просто самая поздняя и, возможно, самая могущественная из водных богинь. Помимо прочего, река в легендах и поверьях соединяется с темой девственности. Девицы окунались в Темзу, чтобы в браке обрести плодородие. Это один из старейших речных мифов. Так что кому благословлять

речную воду, как не самой Пречистой Деве?

Глава 14
Руины

Норманны, как и все прежние завоеватели, понимали благодетельную роль реки. Общество в регионе Темзы, куда они пришли, было в целом достаточно цивилизованным и стабильным, в культурном отношении во многом опережавшим общество норманнов, и они не пытались сколь-нибудь существенно его изменить. Наоборот — можно сказать, регион цивилизовал новых пришельцев. Границы церковных приходов и графств не изменились. Деревни на берегу Темзы остались нетронутыми, хоть и подчинялись теперь новым господам; рисунок расселения, просуществовавший тысячу с лишним лет, а может быть, и гораздо дольше, остался прежним. Многие норманские, а позднее и средневековые, церкви были построены на саксонских фундаментах. Иной раз случались переименования — возникали такие деревни “с французским акцентом”, как Кингстон-Блант и Комптон-Бичем, — но в целом древняя система названий была сохранена.

Кое в чем, однако, норманны изменили облик

реки. Они стали строить на берегу дворцы, замки и крепости. Они возвели лондонский Тауэр — мощный символ власти короля над прилегающим городом. Первоначально крепость состояла главным образом из La Blaunche Tour — Белой Башни, построенной из канского камня, который везли морем из Нормандии. Норманны соорудили на берегу Темзы близ нынешнего моста Блэкфрайерз замок Бэйнардс-касл. На высоком меловом холме они выстроили Виндзорский замок — еще один символ своего военного превосходства. В нем король Вильгельм I отпраздновал Рождество 1070 года. Будучи заядлым охотником, он, кроме того, объявил многие районы вдоль Темзы "королевским лесом".

Нельзя, конечно, сказать, что норманны первыми стали строить у реки королевские дворцы. В VIII веке Оффа возвел дворец около церкви в Бенсоне, и существовал саксонский дворец в Юэлме, описанный Лиландом; был, кроме того, саксонский дворец в Кемпсфорде. Канут вел строительство в Вестминстере, и еще один дворец был в нынешнем Олд-Виндзоре. Можно утверждать, однако, что норманны первыми сполна подчеркнули связь реки с королевской властью. Фактически они сотворили монаршую реку от

Тауэра до Виндзора. Хартия Вильгельма I объявляет Виндзор собственностью короля, “ибо место сие королю удобно по причине близости реки, и леса для охоты, и многих прочих благ, и посему подходит для королевского отдыха”.

Этими “благами” отчасти объясняется обилие королевских дворцов на берегу реки. С XI по XVI век ниже Виндзора их было построено еще шесть. Среди них — Хэмптон-корт, Ричмонд, Гринвич и Уайтхолл; был еще королевский дворец в Бермондси, возведенный Эдуардом III в середине XIV века, от которого уцелели лишь немногие камни. И есть, конечно, лондонский Тауэр. В целом можно сказать, что города вдоль реки строились прежде всего как крепости или как оборонительные поселения. Оксфорд — это, по существу, крепость на острове. Виндзорский замок возведен на древней возвышенности, которая могла быть остатками старинных защитных сооружений. Города Криклейд и Лечлейд были защищены не только Темзой, но и реками Черн и Лич. Уоллингфорд — и рекой, и болотом. Вот почему в Уоллингфорде, Оксфорде и Криклейде были устроены монетные дворы. Старое название Уоллингфорда — Галлена (Guallenford) — от британских слов guall hen, что означает “старая

крепость". В точности представить себе войны древних времен невозможно, но плотное заселение берегов Темзы говорит о первостепенной важности реки во время конфликта.

Земляные укрепления в Сайнодене; постоянные гарнизоны вдоль реки, которые держал британский вождь Амброзий; военный лагерь на острове Шеппи; лагерь викингов в Фулеме; битва при Кемпсфорде в начале IX века между правителем области Хвикке Этельмундом и Вокстаном из Уилтшира; осада лондонского Тауэра йоркистами в 1460 году — все это говорит об одном и том же. Конфликт между Стефаном и Матильдой в начале XII века был отчасти соперничеством за обладание замками вдоль Темзы. Река обеспечивает важную связь с Лондоном, с благосостоянием.

Вот почему к реке потянулась и прочая знать, светская и духовная элита страны. Стрэнд, протянувшийся между Сити и Вестминстером, был обстроен дворцами. У Темзы выросли Йорк-хаус, Винчестер-хаус и Дарем-хаус — резиденции соответственно епископов Йоркского, Винчестерского и Даремского. Ламбетский дворец, построенный в 1200 году как резиденция епископа Кентерберийского, находится менее чем в миле вверх по реке на противоположном бере-

гу. В 1657 году, когда тюдоровское великолепие Темзы уже ушло в прошлое, Джеймс Хауэлл все же писал в “Лондинополисе” о “величественных дворцах, кои высятся по обоим берегам один за другим, заставляя многих чужеземных послов признать, что самая славная прогулка на свете (из числа как водных, так и сухопутных) — это подняться в прилив по Темзе от Грейвзенда, проплыть под Мостом и высадиться в Вестминстере”. Несколько ранее Майкл Дрейтон восславил Стрэнд (это слово буквально означает “береговая полоса”) как выражение “богатства и доблести нашей земли”.

Этот рисунок расселения столь привычен, что его принимают как должное. Но почему первые люди страны хотели жить в близком соседстве с Темзой? Потому, что с самых ранних времен берег был источником могущества. Знатные люди селились у реки, повинуясь инстинкту и обычаю. Церковные деятели, кажется, особенно часто считали речной берег подходящим для себя местом. Та же тенденция прослеживается и в более поздние эпохи. Здания парламента, несмотря на риск “речной атаки”, были построены у Темзы. Лондонский Каунти-холл (здание Совета Большого Лондона) стоит на южном берегу Темзы, как и

Сити-холл (здание исполнительных органов городской власти). Главные общественные здания города обрели подходящее место на берегу реки.

Еще один важный вклад норманнов и их средневековых последователей в жизнь Темзы состоит в том, что они расширили религиозные сообщества у реки. Все эти обители к нынешнему времени исчезли или лежат в развалинах, но в прошлые века они во многом определяли приречную жизнь. В их число входили монастыри в Годстоу, Бишеме и Медменеме, аббатства в Абингдоне, Рединге, Дорчестере, Эйншеме, Рули, Осни, Стритли, Чертси и Чолси; небольшие монастыри, подчиненные аббатствам, в Криклейде и Лечлейде; женские обители в Бернеме и Литл-Марлоу.

Некоторые из этих учреждений возникли уже в VII веке, как, например, бенедиктинские монастыри в Вестминстере, Чертси и Абингдоне. Во многом они стали для долины Темзы цивилизующей силой; благодаря своему умению управлять поместьями, своей учености и связи с континентальными источниками знаний монахи-бенедиктинцы сделали больше, чем кто-либо, для просвещения приречных жителей в раннесаксонский период. Хилэйр Беллок в “Исторической Темзе” заявляет даже, что новая страна,

возникшая в саксонскую эпоху, “была фактически сотворена монахами-бенедиктинцами”.

Тут надо, конечно, отметить историческое создание Вестминстерского аббатства в начале VII века, когда Себерт, первый христианский король восточных саксов, распорядился построить бенедиктинский монастырь. Могила Себерта находится в самом аббатстве. Первоначально монастырь располагался на Торни-айленде — треугольном пустом участке земли, частично заболоченном, частично покрытом галькой и поросшем колючим кустарником (thorns). Ограничивали его Темза и два впадавших в нее ручейка. Не слишком приветливое место, но монахи в черных сутанах славились умением окультуривать дикие земли. История аббатства в более поздние времена известна нам лучше. Главные ее вехи — деятельность Эдуарда Исповедника в 1050 году и перестройка церкви Генрихом III в XIII столетии. С той поры аббатство неизменно считалось священным местом, приречной обителью, где короновались все английские монархи, за исключением Эдуарда V и Эдуарда VIII. Возможно, оно было священным уже задолго до этого: знатоки лондонских древностей высказывали мысль, что на этом острове некогда

было языческое святилище Аполлона. В одной хартии VIII века это место названо “ужасным”, то есть внушающим священный ужас. Кажется, что такие участки возникают у реки естественным образом.

С Темзой и постройкой Вестминстерского аббатства легенда связывает одно сверхъестественное событие. На южном берегу реки, в Ламбете, якобы появился св. Петр и попросил рыбака перевезти его на Торни-айленд. Там Петр собственноручно совершил обряд освящения. Позднее, во времена Эдуарда Исповедника, одному вестминстерскому монаху было видение, в котором апостол потребовал, чтобы король восстановил церковь аббатства на “избранном и любимом мною месте… кое я почтил своим присутствием и прославил чудесами”. Эта церковь у речного берега стала священным хранилищем таких реликвий, как кровь Христа, молоко Девы Марии, фрагменты святых ясель и креста Христова. Она стала, кроме того, великой приречной усыпальницей в духе тех доисторических захоронений, что были раскопаны в последнее время.

Происхождение бенедиктинских монастырей в Чертси и Абингдоне также окружено легендами и историями о вмешательстве сверхъестествен-

ных сил, при этом их непосредственная и тесная связь с рекой засвидетельствована точнее. Хотя обе эти обители были возведены на топкой, заболоченной почве, они заняли главенствующее положение на Темзе. Абингдонский монастырь, к примеру, был выстроен в миле от древней переправы ниже ее по течению. Позднее монахи изменили русло реки, чтобы она текла под их стенами; затем они построили два моста и соединили их насыпной дорогой. Они были искусны в использовании возможностей реки, чем отчасти объясняется выбор места для монастыря. Он, кроме того, открывал доступ в плодородную Долину Белой Лошади.

Консолидация и распространение религиозных учреждений в долине Темзы приобрели подлинный размах после норманского завоевания. Аббатства в Вестминстере, Чертси и Абингдоне были расширены и укреплены; затем между ними вдоль реки выросли новые монастыри. Аббатства в Рединге, Бермондси и Осни были учреждены бенедиктинским аббатством Клюни в Бургундии. Затем возникли аббатства в Эйншеме и Рули, подчиненные монастыри (priories) в Лечлейде и Криклейде, аббатство и монастырь в Дорчестере, картезианский монастырь (Чар-

терхаус) в Шине (Ричмонде), маленькие женские монастыри в Анкервике, Бернеме, Литлморе, Горинге и Литл-Марлоу, обители в Медменеме, Бишеме и Чолси. И это лишь часть религиозных сообществ, появившихся около Темзы и считавших ее берег своей природной территорией.

Большая часть земли подле Темзы принадлежала религиозным орденам. Согласно исследованиям, восемь крупнейших орденов владели поместьями в Шиффорде, Эйншеме, Саут-Стоуке, Рэдли, Камноре, Уитеме, Ботли, Норт-Хинкси, Саут-Хинкси, Сандфорде, Шиллингфорде, Суинфорде, Медменеме, Апплфорде, Саттоне, Уитнеме, Калеме, Абингдоне, Горинге, Каули, Литлморе, Чолси, Ньюнеме, Уоллинфорде, Пангборне, Стритли и Стэнтон-Харкорте. Эти места в совокупности составляют почти всю длину верховий Темзы. Ближе к Лондону христианские ордена владели зданиями и сельскохозяйственными угодьями в Соннинге, Уоргрейве, Тайлхерсте, Чертси, Эгеме, Кобеме, Ричмонде, Хеме, Мортлейке, Сайоне, Шине, Кью, Чизике и Стейнзе. Помимо этого, разумеется, — их обширные владения вдоль Темзы в Лондоне и Оксфорде. Ордена и все, что с ними связано, кажутся чуть ли не порождением Темзы, ее эманацией, духовным телом реки.

Они стали центром организованной жизни и хозяйственной деятельности; большие аббатства строили мосты, иные из которых служат до сей поры, и руководили сельскохозяйственной жизнью всей округи. Славились своими земледельческими достижениями, например, бенедиктинцы — особенно в том, что касалось вырубки лесов и превращения болот в пашни. Эти навыки были особенно ценны на берегах Темзы. Монашеские ордена, кроме того, со всей страны получали богатые пожертвования и наследства, и поистине они стали крупнейшими землевладельцами Англии. Во всех отношениях они были центром жизни на Темзе. Они заложили основу процветания региона, и отчасти благодаря усилиям религиозных орденов шесть-семь столетий назад долина Темзы до сих пор остается одной из главных зон, где сосредоточено экономическое и технологическое богатство страны. Жизнь на берегах Темзы началась задолго до появления здесь монашеских учреждений, но они в чисто материальном плане способствовали заселению и освоению земель.

Можно сконструировать некую модель трудовых отношений аббатства с рекой. Вначале вода вращает жернова мельницы, затем попадает в

пивоварню, где готовится питье для монахов, затем приводит в движение тяжелые молоты сукновальной машины. Далее она попадает в кожевенную мастерскую аббатства. Другие “ответвления” реки используются для стряпни, полива и стирки. И напоследок, окончив эти труды, речная вода уносит отходы и нечистоты. Темза была Протеем трудового мира.

Аббатства были также центрами просвещения. Одним из абингдонских аббатов был Гальфрид Монмутский — прославленный историк английской старины, и в этом аббатстве получал наставления один из сыновей Вильгельма Завоевателя. Имеются апокрифические сообщения о саксонских “колледжах” в Лечлейде и Криклейде близ истока Темзы; но другое прибрежное учреждение имеет более достоверную историю. Монастырь св. Фридесвиды в Оксфорде был предшественником университета и оказал на его создателей прямое вдохновляющее воздействие. О ранних годах этого религиозного учреждения мало что известно, но, так или иначе, к IX веку оно стало центром знаний. В числе первых жертвователей ему был сам король Альфред, покровитель английской учености, и Оксфорд прославился как “источник, откуда вышло много ученых му-

жей”. Король, можно сказать, восстановил или вновь основал его, поскольку есть данные о том, что наставники, которых он пригласил в страну, — Гримбальд и монах Иоанн — должны были бороться за верховенство с местными “старыми учеными”. В конце XI века Теобальд из Этампа называл себя “магистром Оксфордским”. Не надо забывать, что Оксфорд почти полностью окружен водой, и многие отмечали его особый воздух, который Макс Бирбом назвал в “Зюлейке Добсон” (1911) “мягко-миазматическим”. Как заявил Джон Уиклиф, “по праву его называют Виноградником Господним. Он основан Святыми Отцами и расположен в прекраснейшем месте, орошаемом ручьями и источниками, окруженном лугами, пастбищами, равнинами и полянами; верно говорят, что здесь — дом Господень и врата небес”.

Во времена Реформации и разгона монастырей организованная религиозная жизнь на Темзе была практически уничтожена. Вначале прекратили существование малые учреждения в Херли, Бишеме, Эйншеме, Рули, Горинге, Медменеме, Чертси, Чолси и Анкервике. Затем королевские представители обрушились на крупные аббатства в Годстоу, Осни, Абингдоне и Рединге, на монастыри и монастырские колледжи Оксфорда.

Монастырей в Лечлейде, Криклейде, Бернеме и Литл-Марлоу также не стало. Поколения набожности и религиозного служения на берегах реки были перечеркнуты по воле монарха, которого священная история Темзы интересовала так же мало, как и духовное наследие нации. Только Дорчестерское и Вестминстерское аббатства пережили эпоху разрухи, грабежа и запустения. Трапезную в Абингдоне превратили в солодовню, трапезную в Херли — в конюшню. Религиозные учреждения в Саттоне, Бишеме и Медменеме вошли в состав частных владений. Где-то уцелела стена, где-то рыбоводный пруд; порой можно увидеть остатки кладбища или монастырской постройки. В книгах XIX столетия о Темзе есть гравюры развалин. Но даже эти развалины к нынешнему времени большей частью исчезли.

Все, что осталось, например, от Рединского аббатства, — это россыпи кремня, с которого была отбита каменная облицовка; уцелели одни внутренние ворота, но во многом это плод реставрации. В первоначальном виде это великое религиозное учреждение XII века, возможно, напоминало Даремский собор, тоже стоящий среди замечательного речного ландшафта. Рединские развалины ныне мало кто посещает.

Не уверен, что многие жители Рединга вообще знают об их существовании. Между тем в этом аббатстве был похоронен Генрих I, а Генриху II здесь предложили корону Иерусалима. В его царствование здешнюю церковь освятил св. Фома Беккет. Здесь сочетался браком Джон Гонт, здесь трижды собирался английский парламент. В келье Рединского аббатства была сочинена одна из самых знаменитых и прекрасных английских песен — "Лето пришло". Эту песню в четырех куплетах, первую в своем роде, написал в XIII веке Джон из Форнсета. Она — единственная "часть" аббатства, уцелевшая в полном смысле слова.

От женского монастыря в Годстоу сохранилась лишь часть стены. Первоначальная структура XII века была полностью разрушена. Об аббатстве Чертси любитель старины Уильям Стьюкли писал в Itinerarium Curiosum (1724), что такого разорения я, пожалуй, никогда прежде не видел… словно они хотели уничтожить даже внутреннюю святость самой земли. Кости аббатов, монахов и выдающихся людей, которые во множестве были похоронены в церкви и под пристроенными к ней с юга крытыми галереями, были густо разбросаны по всему саду, так что в любом месте можно было наклониться и подо-

брать горсть кусочков костей.

От самого же аббатства не осталось ныне ничего, кроме фрагмента ворот и немногих камней стены, которая его опоясывала.

Глава 15
Текучая история

В XVI веке Темза стала рекой королевской пышности и плавучих процессий, рекой, по которой любили торжественно двигаться на судах такие монархи, как Генрих VIII и, прежде всего, Елизавета I. Это была река парадов — река золоченых барок со знаменами и вымпелами, с навесами, гобеленами и расшитыми золотом драпировками, с флагами, к которым были пришиты крохотные колокольчики, с музыкантами, играющими на корнетах и тромбонах. Это была река удовольствий и зрелищ. Это была сцена, на которую первые люди королевства выходили, чтобы показать себя подданным. Это был театр на воде.

В 1533 году Анну Болейн в шитой золотом одежде торжественно провезли по Темзе на коронацию; процессия барок, как утверждали, растянулась на четыре мили. Согласно запискам современников, “всю дорогу музыканты весьма благозвучно играли на трубах, гобоях и многих иных инструментах”. Сами барки были “превосходно убраны знаменами, флажками и богато

украшенными круглыми щитами". Возглавляла процессию церемониальная барка лорд-мэра, "украшенная флагами и вымпелами, отделанная великолепными гобеленами и увешанная снаружи металлическими гербами, кои укреплены были на золотых и серебряных тканях". Это был в такой же мере триумф Темзы, в какой триумф королевы-несчастливицы. Темза как нельзя лучше подходила для пышности и демонстративного богатства.

По той же реке три года спустя Анна Болейн отправилась к месту заточения и казни; путь был тот же — от Гринвича до Тауэра, но теперь Темза была мрачной дорогой смерти. По ней же везли в Тауэр сэра Томаса Мора, а позднее — юную принцессу Елизавету. Это была река, по которой тело умершей Елизаветы доставили в Уайтхоллский дворец. В "Annales Britannia" (1615) Уильям Камден писал:

> *Когда в Уайтхолл королеву по Темзе везли,*
>
> *Горючие слезы по веслам текли и текли.*
>
> *И рыбы речные, повыплакав очи хрустальные,*

За баркою плыли слепой вереницей печальною.

Река, можно сказать, петляла через дела государства, благородные и неблагородные, кровавые и милосердные, и была неотъемлемой частью королевского Лондона. Не случайно высшие лица аристократической и церковной иерархии строили свои великолепные дворцы на ее берегах: они хотели быть поблизости от изначального источника власти. Хотя вера в божественность вод, казалось бы, ушла в прошлое, беспрерывные обращения к образам нимф и речных богов (не в последнюю очередь — во время торжественных речных процессий) наводят на мысль, что некие остаточные верования такого рода сохранялись. Не монарх благословлял реку, а река монарха.

В Темзе видели микрокосм королевства, включающий в себя прошлое и будущее, мир пасторальный и мир городской, в ней видели средоточие как светской, так и религиозной деятельности, место для состязаний и карнавалов. Ее называли “новым Геликоном”, обиталищем Аполлона и муз, под чьим благодетельным покровительством Лондон превзошел славой Рим и Афины. Возбуждение и энергия Лондона были возбуждением и энергией Темзы.

Она, кроме того, была широкой дорогой, по которой двигался лондонский транспорт — не только рыбацкие лодчонки, не только торговые корабли из Испании и Голландии, но и суда, на которых перемещались по своим делам простые горожане: река сплошь и рядом оказывалась самым удобным средством передвижения по Лондону. Кому-то надо было пересечь реку (Лондонский мост порой был тесно забит народом), кому-то — проплыть вдоль северного берега до того или иного причала, откуда можно было продолжать путь уже посуху. Городские улицы были узкими и опасными, и многие предпочитали плыть по воде. Обилие всевозможных лодчонок, барок, лихтеров, паромов, весельных судов с навесами неизменно привлекало внимание заезжих иностранцев. И, разумеется, — сотни платных перевозчиков, беспрерывно вспенивающих воду неутомимыми веслами. Зачастую на реке от тесноты возникали самые настоящие транспортные пробки. Такая Темза — с кипучедеятельными берегами, с причалами, где яблоку негде упасть, — была широко известна и даже прославлена. Тому, что горожане скапливались на ее берегах, удивляться не приходится: в XVI веке большинство лондонцев по-прежнему прямо

или косвенно кормилось за счет реки. С дальнего расстояния Темза, как говорили, выглядела лесом мачт. В каждый момент, согласно подсчетам, на воде находилось около двух тысяч судов, работало три тысячи перевозчиков. На карте середины этого столетия причалы изображены как средоточия энергичной, безостановочной деятельности. Так картограф выразил первостепенное значение реки.

Темза снабжала Лондон товарами из всех известных уголков света — специями, мехами, вином; сюда приплывали венецианские галеры с добром из Константинополя и Дамаска, голландские трехмачтовики с грузом меха и древесины. По реке, кроме того, шли огромные барки с сеном и топливом, без чего город не мог существовать. До нас дошла история об олдермене, которому сказали, что королеве Марии так надоел Лондон, что она вознамерилась перевести парламент и верховный суд в другое место. Он в ответ поинтересовался, не собирается ли она также отвести от Лондона реку Темзу. Услышав, что сделать это она не в силах, он заявил, что “милостью Божьей мы тогда в Лондоне не пропадем, что бы ни приключилось с судом и парламентом”.

Это была река, по которой плыли к открытому

морю первые исследователи. В 1553 году Хью Уиллоуби и Ричард Чанселлор отправились из Детфорда с посланием “всем королям, принцам, правителям, судьям и губернаторам на свете”. Они пытались найти северный морской проход в Индию, но из их кораблей уцелел лишь один, причаливший к русскому берегу; это событие положило начало торговле с московскими купцами. Когда корабли проходили мимо Гринвича, “придворные выбежали наружу, начал стекаться и простой народ, люди очень тесно заполонили берег”. Позднее полковник Джон Смит пустился в путь из Блэкуолла и после опасного путешествия основал колонию Джеймстаун в Виргинии. Знаменитый корабль “Мэйфлауэр” отплыл из Ротерхайта. Тогда казалось, что все воды мира можно представлять себе как одну расширенную Темзу. Позднее в результате торговых поездок была образована “Турецкая компания”, и в последний день XVI столетия королева подписала хартию о создании “Английской Ост-Индской компании”. Коммерсанты и авантюристы из “Компании Гудзонова залива”, “Ост-Индской компании” и “Вест-Индской компании” начинали свои путешествия с Темзы.

Вполне естественно поэтому, что Вацлав Хол-

лар, изображая в 1630-е годы реку на своей знаменитой панораме Лондона, представил ее берега и спуски к воде, лодки и барки соединенными в единую огромную сеть человеческой деятельности. Улицы и дома, наоборот, кажутся покинутыми, как будто вся деловая энергия Лондона сосредоточилась в движущейся Темзе. Названия причалов аккуратно выписаны: “Св. Павла… Куинхайт… Три-Крейнз… Стилиард… Коул-харбор… Олд-Суон”, и река как таковая полна судов всевозможных видов. Ниже Лондонского моста стоят на якоре громадные торговые корабли, и Меркурий, бог коммерции, показывает на орнаментальный свиток с надписью “ЛОНДОН”. Холлару затем подражали авторы многих карт и панорам, так что картина Лондона, протянувшегося вдоль реки и от нее, стала важнейшим зрительным образом этого города. Темза показывала судьбу Лондона. Таким он представал людям в воображении.

На ранних стадиях гражданской войны Темза в своем среднем течении оставалась роялистской твердыней. Ведь река, так или иначе, была источником и хранилищем старинной, традиционной власти. Как при Елизавете она взяла под защиту старые католические семьи, отказавши-

еся перейти в лоно англиканской церкви, так и теперь она стала убежищем для тех, кто поддержал короля в его борьбе с парламентом. Многие поместья видных роялистов и католиков у Темзы и ее притоков — в частности, Мейплдарем-хаус, Блантс-корт и Бейсинг-хаус — были атакованы парламентскими войсками. Роялистские гарнизоны стояли в Рединге и Оксфорде. Оксфорд стал при Карле I временной королевской “столицей”. У двух самых старых мостов через Темзу — Радкотского и Нью-бридж (Нового) — произошли сражения или стычки. У Радкотского моста в 1645 году принц Руперт отбил нападение парламентской армии. Кингстон штурмовали обе стороны: сначала парламентские войска выбили из города сторонников короля, но затем его захватили роялисты, отступавшие после битвы при Тернем-Грин. Позднее парламентские силы вернулись и удерживали Кингстон до конца войны. Принц Руперт уничтожил два парламентских полка, стоявшие гарнизоном в Брентфорде на берегу Темзы; многие солдаты при этом утонули.

Королевская река, конечно же, воспряла духом после восстановления монархии. 23 августа 1662 года, торжественно плывя по Темзе из Хэмптон-корта в Уайтхолл со своей невестой Екатериной

Брагансской, Карл II в сознательной попытке возродить королевское величие подражал тюдоровским водным процессиям Генриха и Елизаветы. Он соединял себя и свою семью с историей Темзы. Сидя с невестой на королевской барке, он желал получить благословение реки — и получил его через посредство актера, который, представляя Исиду, пел под музыку:

Божественнейшая пара! Исида, видя
Вашу беспримерную любовь,
целует ваши священные ступни[30].

Королевская процессия была названа “Acqua Triumphalis” (“Триумф на воде”), и, как пишет Джон Эвелин, это был самый величественный плавучий триумф из всех, что устраивались на Темзе: несчетные суда и лодки, украшенные и убранные со всею возможною пышностию, но, помимо сего, троны, арки, живые картины и прочая красота, величавые барки лорд-мэра и компаний с многоразличными затеями, музыкой и пальбой орудийной с берега и с воды.

Для лондонцев это был шанс очиститься от недавней связи с Кромвелем и Протекторатом

---

[30] Примечания: 30
Подстрочный перевод.

— ведь именно они, лондонцы, во множестве собрались посмотреть на казнь отца нынешнего монарха, — и это была, кроме того, возможность для Темзы восстановить свой статус королевской реки.

Вот почему во времена Чумы и Огня — в 1665 и 1666 годах соответственно — люди инстинктивно обратились к ней в поисках защиты. Значение реки как границы состояло, в частности, в том, что она, как считалось, могла положить предел распространению огня и болезни. В “Дневнике чумного года” (1722), написанном через несколько десятков лет после событий, Дэниел Дефо приводит слова лодочника из Поплара, который исполнял обязанности перевозчика и почтальона для семей, использовавших реку как убежище и живших посреди нее на судах. “На всех кораблях этих, — объяснял перевозчик, — живут семьи их владельцев, купцов и так далее, они заперлись там и живут на борту из страха перед заразой”. Дефо подсчитал, что на Темзе укрывались таким образом примерно десять тысяч человек. Множество судов, кроме того, стояло у берега, и многие лондонцы перебрались к устью, где жили на голой болотистой земле. В целом, однако, это не предотвратило распространение болезни.

Чуму несла в Лондон сама Темза через посредство rattus rattus — черных, или корабельных, крыс. Инфекция добралась до кораблей, посеяв панику среди беглецов, считавших, что уж им-то ничего не угрожает. Чума настигла и перевозчиков, использовавших свои лодки как жилища. Их находили мертвыми в их суденышках, плывших по течению.

О Пожаре, который случился годом позже, Сэмюэл Пипс пишет, что, постояв у Тауэра и поглядев на пламя, он спустился к Темзе и нанял лодку, которая повезла его к Лондонскому мосту. Река уже стала ареной лихорадочной деятельности: “Все пытаются спасти свое добро, швыряют вещи в реку или на лихтеры”[31]. Люди победнее оставались в домах, пока огонь не подступал совсем близко, после чего “пускались бежать к лодкам или проталкивались по берегу от одного причала к другому”. Позднее в тот же вечер он отметил, что Темза “полна лихтеров и лодок со скарбом, и много скарба плывет по воде; и я увидел, что, наверное, в каждой третьей лодке, нагруженной домашним добром, имеется клавесин”. Но опять-таки река давала лишь

[31] Примечания: 31
Перевод А. Ливерганта.

иллюзорное убежище. Пипс пишет, что “сколь бы далеко ты ни отплыл по Темзе, стоило повернуть лицо к ветру, как тебя обжигало дождем огненных капель”. Эвелин в своем дневнике дополняет картину: “Темза покрыта плавающим добром, все барки и лодки набиты имуществом, для спасения коего хватило времени и отваги… Горькое, бедственное зрелище!” Сильнейший жар и густой дым заставляли тех, кто был на реке, либо высаживаться на южном берегу и спасаться в полях, либо плыть в предместья Лондона.

Восстановление Лондона после Великого пожара, конечно же, сильно изменило панораму города с Темзы. Вид самих берегов тоже стал иным. Сгоревшие или поврежденные склады и причалы были построены заново. Улицы, ведущие к реке из Сити, также были воссозданы, на них выросли дома из желтовато-коричневого или желтого кирпича, а над крышами заблестели шпили пятидесяти одной церкви, которые восстановил или возвел Кристофер Рен, помощник главного королевского землемера. Речной берег в черте города приобрел более солидный, более величественный вид, чем в Средние века или в эпоху Тюдоров. Наиболее очевидным образом это проявилось в облагораживании реки Флит,

впадавшей в Темзу у моста Блэкфрайерз. В свое время она превратилась в зловонную сточную канаву в сердце столицы, но под руководством Рена ее расширили и вычистили. Флит стал судоходен до Холборнского моста, его пересекли новые мосты, по его берегам возникли причалы и склады. Это яркий показатель решимости Рена очистить Лондон и Темзу от их прошлого.

Король повелел, чтобы вдоль всего северного берега была сооружена набережная. В результате возник план сплошной застройки с северной стороны, создания образцовой набережной, которая подчеркнула бы верховенство Лондона в торговых и экономических делах. Протянувшись от Темпла до Тауэра, она должна была заменить собой прежний хаос деревянных построек, складов, причалов и переулочков. Ширина ее должна была составить 12 м, и вдоль берега предполагалось возвести величественные здания, в том числе новое здание таможни (его спроектировал все тот же Рен, и оно стало образцом нового строительства). Набережная должна была символизировать полное преображение реки: по обе стороны от Лондонского моста — новые сооружения, выражающие дух обновленного, пробудившегося города.

План не удалось реализовать полностью. Ниже моста еще до начала работ возникли частные причалы, необходимые сразу же после пожара, и не в последнюю очередь для снабжения армии нахлынувших в город строительных рабочих провизией и строительными материалами. Делать все заново не представлялось практичным. Выше моста, как доложил Рен монарху, все было "обнесено частоколами и кирпичными стенами, беспорядочно застроено и загромождено домами, штабелями леса, дровами, хворостом, кучами угля, здесь множество дощатых сараев и несколько огромных мусорных куч… старые башни замка Бэйнардс-касл все еще стоят".

Перестройка носила неоднородный, спорадический характер. Но были определенные достижения. Возникло, к примеру, новое здание корпорации рыботорговцев. В Даугейте и Паддл-Доке были сооружены новые пристани. Основательной реконструкции подвергся пострадавший от пожара дворец Брайдуэлл. Здания теперь стояли вдоль берега более упорядоченным образом. Улицу Темз-стрит расширили, мостовую подняли на 0,9 м, боясь уже не столько огня, сколько воды. В череде великих зданий вдоль Темзы появились добавления, и прежде всего — собор св. Павла с

сияющим куполом из портлендского камня. Рен изменил не только облик Лондона, но и облик Темзы; он спроектировал госпиталь в Челси для раненых солдат, затем — госпиталь в Гринвиче для моряков. Официальная, административная жизнь реки была отчасти сотворена им.

Темзу восхваляли теперь как спокойную реку, чуждую безумств и крайностей, реку, которая не склонна выходить из берегов. В этом смысле она стала символом обновленного королевства, не поощряющего экстремизм и сектантский фанатизм. Река сделалась воплощением национального мифа.

VI

Неизменная первооснова

Остров на Темзе, где якобы была подписана

Великая хартия вольностей.

Глава 16
Воды жизни

Вода — субстанция совершенно обыденная и вместе с тем абсолютно неуловимая. Вот почему ее часто характеризуют в отрицательных терминах. Она не имеет запаха. Она бесцветна. Она безвкусна. Она редко, если это вообще возможно, наблюдается в чистом виде. Эпитафия на могильном камне Джона Китса — “Здесь лежит тот, чье имя было написано водой” — знак его убежденности в том, что он не оставил на земле следа. Вода — великая тайна. Ее фотографические и живописные изображения никогда по-настоящему не похожи на саму реку. До сравнительно недавнего времени естествоиспытатели и философы считали воду неделимым элементом, и только после 1783 года благодаря исследованиям Кавендиша, Уатта и Лавуазье было признано, что вода — неорганическое соединение водорода и кислорода. Но химия по-прежнему была окутана старинными верованиями: кислород считали “отцом” этого вещества, водород — “матерью”.

Вода между тем — утроба и кормилица всякой

жизни. Это, возможно, самое старое, что есть на земле. Вода во всех отношениях пребывает неизменной уже 3500 миллионов лет. Моря сформировались в незапамятные докембрийские времена, и воды сейчас не стало даже одной каплей больше или меньше, чем в ту непостижимую начальную эпоху. Вода Темзы могла в свое время стечь со спины плезиозавра или плескаться в ванне Архимеда. Вот откуда оно идет — очарование реки. В ней заключена глубокая и древняя мощь, движущая сила творения. В шуме ее вод слышна кипучая жизнь. “Весь жидкий мир, — сказал Абрахам Каули, — это одна расширенная Темза”.

Это первоэлемент жизни и в другом смысле. Дитя в утробе матери живет и развивается в объятиях влаги, растет внутри мешковидной оболочки, и, разумеется, человеческое тело как таковое состоит главным образом из воды. Так был устроен неандерталец. Так был устроен кроманьонец. Мы все — части единой структуры. Согласно оценкам биохимиков, концентрация соли в человеческий протоплазме (примерно 0,9 %) в точности равна концентрации соли в древних морях, где зародилась жизнь. Мы рождаемся из первобытных вод.

Тем обстоятельством, что наше тело в весовом отношении на 60 % состоит из воды, возможно, отчасти объясняется то, что реке приписывают человеческие качества — такие, как непредсказуемость, неистовство. И что может быть лучшим символом чистоты, чем прозрачная, незамутненная вода? Не исключено, что здесь же лежит объяснение ассоциации между водой и интимностью. Вода подобна крови, бегущей по нашим жилам. И в этом “созвучии” между сосудами человеческого тела и реками земли — одна из причин странной симпатии, влечения человека к проточной воде. Застойные воды вызывают мысль о смерти, чему свидетельство — стихотворения и рассказы Эдгара По. Глядя на свое отражение в воде, мы смотрим на самих себя в двойном смысле.

Воду, кроме того, называли матерью всех элементов. Исаак Ньютон считал, что “столь разреженное вещество, как вода, непрерывным брожением может быть преобразовано в более плотные субстанции животных, растений, солей, камней и разнообразных почв”. Вот почему миф о чистоте имеет такое важное значение: ведь в мифах о человеческом происхождении материнство и чистота тесно связаны. Вода наделена

способностью к самоочищению: река, как живой организм, преобразует отходы, поглощая кислород из воздуха и растений; этот кислород затем "сжигает" органический мусор.

Но вода чиста и в более широком смысле — в духовном. Она — обновительница и защитница мира. Она исцеляет безобразие, дарует здоровье и силу. Она благотворно действует на все наши чувства: освежает кожу, успокаивает взгляд, ласкает слух. К примеру, жизнь и вид речного берега создают ощущение некоей внутренней гармонии, по крайней мере там, где направление потока и состав почвы не изменены человеческой деятельностью. Как белый свет, вода содержит все, воплощая парадокс простоты и гетерогенности. Белый цвет заключает в себе все цвета и потому — ни одного. Вода вмещает все и потому — прозрачна. Это квинтэссенция всего и вместе с тем — ничего. Она легко поддерживает связь со всеми своими проявлениями, без усилий становясь одним из них и находя единый уровень.

И какова же ее суть? Ее сравнивали и со временем, и со смертью, и с сознанием, и в этом смысле она тоже соотносится со всем и ни с чем. Она подобна Протею, она — и лед, и вода, и пар. Твердая, жидкая, газообразная, она вечно усколь-

зает, она неуловима. Глядя на водопад в Озерном крае, Кольридж написал: “…постоянная смена вещества при неизменности формы — ужасный теневой образ Бога и Мироздания”. Но в самой этой переменчивости, в этом постоянном становлении — также и источник энергии, показатель мощи. Вода может вопреки закону гравитации двигаться вверх. Она стачивает и растворяет твердейшие металлы. Она сотворила равнины и долины земли. Она пренебрегает препятствиями. Она способна разрушать горы. Одна дождевая капля, падая, создает давление 0,165 кг на 1 кв. см. Гроза высвобождает такую же энергию, как мощная атомная бомба.

Подверженная воздействию радиации и гравитации, тепла и движения, вода никогда не может пребывать в полном спокойствии. Леонардо написал в восьми фолиантах “730 заключений о воде”, из которых 64 касались движущейся воды. Среди отмеченных им явлений были polulamenti e surgimenti (пузырение и волнение), sommergere (погружение) и intersegatione d’acque (пересечение вод). Его называли “водным мастером” и использовали в качестве советника по таким вопросам, как борьба с наводнениями, водная энергия и водоплавающие средства. Он понимал

силу реки.

Его особенно интересовало возникновение водоворотов, ибо в водовороте лучше, чем в чем бы то ни было, можно увидеть микрокосм воды как таковой. Ведь, в конце концов, река — это часть так называемого “гидрологического цикла”, водного круговорота, водоворота жизни на земле. Этот процесс, вполне осознанный лишь к середине XVII века, гармоничен и прост. Испаряясь с поверхности моря и суши, вода попадает в атмосферу, затем возвращается обратно в виде дождя, снега или града, пополняя реки, которые несут ее обратно в море. Согласно оценкам, за год в атмосферу испаряется 95 000 кубических миль воды, из них 80 000 кубических миль — из океанов, куда возвращается 71 000 кубических миль. Остальное попадает в реки, озера и почву. Часть этого бесконечного цикла составляют, разумеется, растения: одна береза способна испарить за день более 300 л воды. Крупные деревья выделяют ее еще больше. Одна капля воды может несколько дней пробыть в реке, а может — несколько сотен тысяч лет в земле, но в любом случае эта капля не потеряна. В конце концов она вернется.

В трактате XVIII века “Ankographia” (1743) есть рукописная карта графства Кент, на которой

дренажная система Темзы изображена в виде человека, стоящего на полусогнутых ногах. Это запоминающийся образ: человеческая фигура словно бы поднялась из ландшафта, как некий дух места. Он держит наклоненное ведро, откуда в море выливается вода.

С гидрологическим циклом связана еще одна тайна. Лучше всего ее выражают слова Екклесиаста (глава 1, стих 7): “Все реки текут в море, но море не переполняется; к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь”. Здесь возникает некий божественный идеал: сосуд, наполняемый до предела — и все же наполняемый недостаточно. Все стекается к Одному. Дионисий Ареопагит в письме к Титу прославлял “Источник жизни, Который Сам в Себя изливается и Сам в Себе существует, Который есть некая единая, простая, самодвижная, самодействующая, никогда Себя не оставляющая Сила, Который есть знание всякого знания, созерцающее Себя через Себя”. Образ блаженства, или совершенства, легче отыскать, созерцая не прямолинейное, а круговое движение, и на подобные размышления может натолкнуть вид Темзы, вздымающейся и опадающей в своем неустанном движении к великому морю.

Это благодатный цикл, повлиявший на метафоры времени и человеческого бытия. Он не имеет ни начала, ни конца — или, лучше сказать, его начало и конец невозможно определить с какой-либо долей уверенности. Мы не видим ни следа начала, и мы не в состоянии помыслить о конце. Он выражает некую внутреннюю гармонию, которую мы можем распространить на весь космос. Платон считал, что человеческое тело, как природа, подчиняется некоему универсальному закону циркуляции. Жизнь — это беспрерывное становление. Все вышесказанное влияет на наше восприятие Темзы.

Глава 17
Река-уравнительница

Вода — величайшая эгалитаристка. Всем известно, что она стремится к единому уровню, но здесь кроется нечто большее, чем просто метафора. На протяжении всей истории Темзы считалось, что она — общее достояние. В Великой хартии вольностей, подписанной на берегу Темзы, большие реки Англии были дарованы всем мужчинам и женщинам в равной мере. В XIX столетии парламентский комитет заявил, что Темза — "старинный и свободный водный путь" и жители страны имеют право "перемещаться на судах по всем ее участкам без исключения". Монарх не владеет рекой, вопреки многим тенденциозным утверждениям об обратном, и муниципалитет лондонского Сити не владеет участком Темзы, находящимся в черте города. В сущности река не принадлежит никому.

Вода Темзы была доступна и богатым, и бедным для всевозможных надобностей: для купания и стирки, для стряпни и питья; необходимость в ней была столь универсальной, что воду считали

общей. В одной брошюре 1600 года с одобрением излагается мусульманская идея о том, что “никакой платы не следует взыскивать за воду, которую Бог дал в свободное пользование богатым и бедным”. В тот же период на Темзе устраивались празднества, объединявшие всех лондонцев. Темза была источником пищи, питавшей каждого. Помимо прочего, ее берег предоставлял место для жизни людям разного достатка: дворцы и лачуги стояли здесь почти что бок о бок. Вот как сэр Уильям Д’Авенант описывал северный берег Темзы в 1656 году: “Тут лорд, тут красильщик, а в промежутке — места наихудшего сорта”. Тернер в своих ранних изображениях Темзы подчеркивает контраст между барочной архитектурой на ее берегах и соседними гидротехническими сооружениями и угольными баржами. Река активно сопротивлялась любым попыткам установить иерархию и разделить людей на категории: ведь вода — растворяющая и объединяющая стихия. Темза, кроме того, самым разным людям давала на своих берегах работу и возможность получить доход. На пике всеобщего увлечения лодками в конце XIX века у шлюзов и плотин наблюдалось чуть ли не братание лордов и кокни, в результате чего возникало, как писал один обозреватель,

“стихийное веселье”, как будто обычные правила на короткое время отменялись. Этим природным эгалитаризмом объясняется особый грубый язык лодочников, традиционно направленный против более состоятельных, чем они, и выше расположенных в общественной иерархии пассажиров.

Отсюда — связь Темзы с различными уравнительными движениями. В конце XIV века одним из важных побудительных факторов к восстанию Джека Стро против поборов Ричарда II и подушного налога послужило недовольство рыбаков Макинга, Вэнтеджа и других деревень в нижнем течении Темзы. Первые волнения начались в Фоббинге, и в исторических документах графства Эссекс читаем, что “сильней всего замешаны [в восстании] были жители земель вдоль берега Темзы”. С рекой были связаны многие акты насилия. Бунтовали жители Баркинга и Дартфорда, поджоги и мятежи произошли в Грейвзенде. Один отряд повстанцев прошел из Блэкхита в Саутуорк и Ламбет, где штурмовал дворец архиепископа. Река словно бы воодушевляла борцов за свободу. Не случайно лодочников, плававших по Темзе на барках, называли, пусть и иронически, “Сыновьями Свободы”.

В XV веке в долине Темзы было много при-

верженцев секты лоллардов, протестовавшей против иерархических принципов и коррупции в официальной церкви. Секта имела сильные позиции, в частности, в Марлоу и Фарингдоне, в Абингдоне и Баскоте. Лолларды были весьма активны также в окрестностях Оксфорда. Восстание лоллардов 1431 года было по существу подавлено именно в Абингдоне, где они могли рассчитывать на наибольшую поддержку; однако идеи лоллардов продолжали циркулировать в приречных районах. Знаменательно, например, что баптисты наиболее мощно проявили себя в былых средоточиях лоллардской “ереси”. Связь баптистского движения с рекой, в немалой степени проявившая себя в ритуале водного крещения, показывает, как сильно близость Темзы повышает популярность эгалитарных верований.

Левеллеры (уравнители) — республиканцы и демократы XVII века, времен гражданской войны и республики Кромвеля — в 1647 году собрались в церкви св. Марии в Патни на берегу реки на так называемые “дебаты в Патни”, во время которых было выдвинуто “Народное соглашение” — своего рода новый общественный договор. Два года спустя Уолтон-апон-Темз стал ареной эксперимента совместной жизни, который поставили диггеры

под руководством Джерарда Уинстэнли. Объявив себя “истинными левеллерами”, они начали сообща обрабатывать землю в Сент-Джорджхилле. Они исповедовали некую примитивную разновидность коммунизма, выведенную из принципов Великой хартии вольностей. Итак, Темза, можно сказать, течет сквозь все эти уравнительные начинания. В 1990-е годы в Баттерси на ее берегу на короткое время возникла коммуна под названием “Земля и свобода”, основанная на идеях равенства и экологической чистоты. Она, как мы видим, следовала старинному образцу.

У реки человек может почувствовать себя “свободным”. Поистине Темза способствует некоему растворению индивидуальности. Она поощряет различные формы совместного разгула — такие, как, например, “морозные ярмарки” былых времен на льду Темзы в особенно холодные зимы. В эти противоестественные недели на реке собирались все классы и слои лондонского общества:

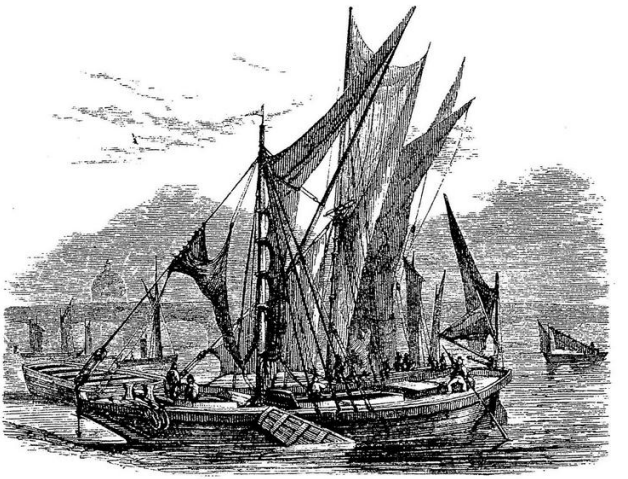
> *Выходит записной шутник, молодой шлюхин сын,*
>
> *И отправляет голову сквайра к его пяткам*[32].

---

[32] Примечания: 32
Подстрочный перевод.

На реке, даже замерзшей, классовые различия исчезают, и на протяжении веков Темза служила символом свободы. Здесь стираются, смываются все разграничения, установленные на твердой земле. Как пишет Ричард Джефферис в “Современной Темзе” (1885), “на реке люди поступают как им вздумается, и здесь, похоже, нет никакого закона — по крайней мере, нет властей, чтобы добиваться его исполнения”. Лодочники, плававшие на барках, закона над собой и правда не знали и считали себя свободными — этакими речными цыганами. Разнообразные мелкие воришки и контрабандисты, промышлявшие на реке и около нее, искренне полагали, что не делают ничего плохого. Вот почему учреждение речной полиции вызвало такое возмущение. И в наши дни попросить кого-либо на Темзе воздержаться от тех или иных действий считается в определенной мере оскорбительным. Некоторые из крупнейших радикальных событий в английской истории — в частности, мятеж моряков у отмели Нор в 1797 году и забастовка докеров 1889 года — произошли на Темзе. Река — царство вольницы.

VII
Рабочая река



Парусники у моста Блэкфрайерз

Глава 18
Речное судно

Здесь плавали гребные “уэрри” и клинкеры, плашкоуты и груженые лесом “онкеры”, плавучие дома и ялики, яхты и моторные лодки, весельные суда с навесами и шлюпы, питерботы и лодки для ловли угрей, плоскодонки и лихтеры, двухвесельные “фанни” и катера, баржи и пароходы, каноэ и “кораклы” из обтянутых кожей прутьев, тузики и угольщики, барки и шхуны, гички и шлюпки, четырехвесельные “ранданы” и одномачтовые “дау”... Их делали из дуба, из красного дерева, из ели; для прочности использовали железные полосы, для крепления такелажа — медь. Они бороздили Темзу с незапамятных времен.

На некоторых индийских реках, спуская на воду новое суденышко, его окропляли кровью принесенной в жертву овцы. В Мадрасе под киль новой лодки помещали тыкву и давили ее при спуске на воду — тыква заменяла человеческую голову. Жители Соломоновых островов клали на нос вновь построенного каноэ голову убитого

врага. Вскоре мы увидим связь между Темзой и человеческими головами, так что обычай, похоже, существовал и в британском варианте. Отсюда, кажется, не так уж далеко до известного ритуала с бутылкой шампанского — разбивать, говорят сведущие люди, надо горлышко бутылки, — и в любом случае спуск на воду нового судна и сегодня сопровождается теми или иными церемониями. Судно, которому предстоит плавать по водам, есть объект благословения и почитания.

Много столетий образцом для большинства судов, плававших по Темзе, служила плоскодонная барка, но на базовую структуру накладывались определенные модификации. Викинги, к примеру, первыми стали строить суда с обшивкой “в клинкер”, то есть внахлест. Большие долбленые лодки датируются саксонским периодом. Возможно, некоторые из них использовались как паромы. Малая осадка такого судна имела важное значение на мелководье; впоследствии долбленая лодка превратилась в плоскодонный ялик, а в более крупном варианте — в плоскодонную барку с прямоугольным поперечным сечением корпуса. Итак, простенькая шаланда, или ялик, и поныне популярный в Оксфорде и Кембридже, — потомок чрезвычайно древнего рабочего

судна. Питербот тоже может похвастаться весьма почтенным возрастом: это рыболовное судно, названное в честь святого Петра, покровителя рыбаков.

С речного дна были подняты средневековые суда сходной конструкции. Очень близко друг от друга найдены крупное судно и небольшой лихтер. На первом везли крупы и другие продукты, на втором — камень. Судя по всему, они столкнулись друг с другом и затонули. В Темзе обнаружены, кроме того, средневековые торговые суда, в том числе галеры с мачтами и сиденьями для гребцов, а также "коги" — небольшие лодки с одним квадратным парусом и очень высокими бортами. Согласно книге Лоры Райт "Источники лондонского английского языка" (Laura Wright, *Sources of London English*, 1996), на Темзе в Средние века насчитывалось как минимум двадцать восемь типов судов. "Скамер" — легкий корабль, "кок" — рабочее судно, на котором плавали каменщики или плотники, "фаркост", или "варкост", — баржа для перевозки камня, "мангбоут" — рыболовное судно. Маленький корабль определенного типа назывался "флун", через Английский канал туда-сюда плавали "коги". На Темзе можно было увидеть торговое судно "крайер", грузовая плос-

кодонка называлась “шаут”[33]. Впрочем, второе из названий, вероятно, происходит от schuyt (это голландское судно для ловли угрей, известное с середины XIV века) и просуществовало до 1930-х годов — вот вам пример голландского влияния на английское речное судоходство.

Суда Темзы, можно сказать, плыли и плывут от этих истоков. В одном законодательном акте за 1514 год говорится, что “плавать по реке на барках и шлюпках — похвальное обыкновение со времен незапамятных”. Барка была самым распространенным плавательным средством на Темзе, произошедшим от доисторических судов. Синонимом “барки” был “лихтер”, и парламентский акт 1859 года определяет “лихтермена” как “любое лицо, плавающее или работающее по найму на лихтере, барке, лодке или ином подобном судне”. Барки были рабочими лошадками Темзы, крепкими, надежными и вместительными. Про их малую осадку говорили, что они могут плыть всюду, где проплывет утка, и даже по суше после хорошей росы. Безусловно, в верхнем течении Темзы они должны были проходить очень мелкие места. Они добирались даже до Эйншема,

---

[33] Примечания: 33
Оба слова ассоциируются с “криком” (to cry, to shout).

находящегося недалеко от истока.

На них переправляли любой мыслимый груз — от камня и пшеницы до масла, навоза и пороха. На них возили даже почту. Команда состояла из двоих мужчин и мальчика, и самые крупные барки могли брать на борт до 200 тонн. Обычно, впрочем, груз колебался между 60 и 80 тоннами. В среднем и верхнем течении Темзы барки в порядке уменьшения размера назывались "западными барками", "троу" и "уэрсерами"; лихтеры называли "немыми барками" — вероятно, из-за отсутствия у них парусов. На реке можно было увидеть "стампи" ("обрубки") с мачтами без стеньги и "стэкки" (плавучие стога), на которых возили сено. В эстуарии плавали плоскодонки, именовавшиеся "хойз", однако это название прежде всего ассоциируется с морским портом Маргейтом. "Маргейтская плоскодонка" приобрела известность как средство перевозки людей, и распространено мнение, что ее конструкция основана на конструкции норманских судов, приплывших к Гастингсу. Нравилась она, впрочем, далеко не всем. В одном документе за 1637 год говорится, что она, "как могила, уравнивает всех: высокородные и безродные, богатые и бедные, здоровые и больные перемешиваются здесь

как попало… Я бы не рекомендовал это судно утонченным дамам”.

На некоторых гравюрах показано, как барку тянут вверх по реке на бечеве. Бечеву привязывали к верхушке мачты, чтобы она ни за что на берегу не цеплялась, и запрягали пару лошадей. Сохранились также старинные изображения барок с небольшими дымовыми трубами: можно подумать, они опередили свое время и используют силу пара. На самом деле, конечно, это были печки, где команда готовила себе еду.

Барки были разнообразных размеров и конструкций, соответственно их задачам и местным условиям. Но паруса у них у всех были более или менее одинакового красновато-коричневого цвета. Этот оттенок создавала неповторимая смесь трескового жира, красной охры, конского пота и морской воды. Этот цвет, который можно увидеть на тысячах картин, поистине стал цветом Темзы. Барки зачастую были нарядно раскрашены: цвет и орнамент подчеркивали индивидуальность судна. Они просуществовали тысячу лет, после чего, как их паруса, медленно растворились в закате. К концу XIX века их еще плавало по Темзе около двух с половиной тысяч; ныне осталось примерно двадцать штук.

Другим известным и популярным судном на протяжении столетий была уэрри — весельная шлюпка, отличавшаяся малой осадкой, широкой кормой и острым носом. Она была обшита досками внахлест и, как правило, оборудована деревянной спинкой, на которой было красиво написано название лодки. Формально уэрри была четырехвесельной лодкой при трех гребцах, но это всецело зависело от лодочников, порой весьма угрюмых. В длину она составляла около 8 м, в ширину более 1,6 м и вмещала шесть-восемь пассажиров, хотя нередко бывала перегружена. Иногда один лодочник греб в ней парными веслами, иногда двое одиночными. Уэрри брали на борт как пассажиров, так и небольшие грузы и часто использовались как паромы в различных точках реки. Они могли двигаться очень быстро, и в 1618 году секретарь венецианского посла писал: “Уэрри носятся так стремительно, что не устаешь удивляться”. Сейчас их на Темзе почти нет — или совсем нет.

Самой древней постоянной переправой через реку был паром. Действовали паромы, предназначенные только для пассажиров, и такие, на которых можно было перевозить не только людей, но и скот и всевозможные грузы. Один

из старейших паромов переправлял людей и животных с северного берега в районе Воксхолла в Ламбет; о нем до сих пор напоминает название улицы Хорсферри-роуд[34]. Имеется также Хорсферри-плейс в Гринвиче, откуда паромщик перевозил пассажиров к Ист-Ферри-роуд на полуострове Айл-оф-Догс. О пароме между Эритом в графстве Кент и северным берегом Темзы впервые упоминается в начале XI века; в 1933 году этот маршрут освоила автомобильная компания “Форд мотор”, открыв паромное сообщение между Эритом и автомобильным заводом в Дагенхеме. Действовал паром между Даугейтом в Сити и Саутуорком на южном берегу реки; он существовал, пока в начале XIII века не был построен каменный Лондонский мост. В Кукеме было целых четыре паромных переправы, а паром в Твикнеме был прославлен в песне:

Эге-гей! Ого-го! Кому на паром?
Шиповник цветет, а солнышко низко.
До Твикнема пенни – плати и садись.
Мигом домчу вас без всякого риска.

Риск, тем не менее, был. В газете “Лондон дейли

---

[34] Примечания: 34
Horse ferry означает “конский паром”.

адвертайзер” за 23 октября 1751 года сообщалось, что “вчера экипаж, запряженный четверкой, перевозили на пароме в Твикнеме, лошади испугались и попрыгали в воду, увлекая экипаж за собою”.

Паромная переправа, соединяющая Тилбери с противоположным берегом, все еще действует. Ее история насчитывает не одну тысячу лет: остатки насыпной дороги через Хайемские болота показывают, что римляне усовершенствовали переправу доисторических времен. Паромная связь между Хайемом и Ист-Тилбери была установлена в 48 году н. э. императором Клавдием для перевозки пеших пассажиров и скота. В XVI веке на смену ей пришла переправа между Грейвзендом и фортом Тилбери, получившая название “короткий паром”, тогда как “длинный паром” связывал Грейвзенд с Биллингсгейтом.

И в наши дни работает бесплатная паромная служба в Вулидже, учрежденная в 1899 году Имеется паром в Хэмптоне, еще один — в Твикнеме. Паром в Баблокхайте существует уже более семисот лет и впервые был упомянут в 1279 году.

Паромщики часто были людьми симпатичными и добродушными. Создается впечатление, что многие из них были старыми. 1605 годом

датируется упоминание о Генри Дибле, “престарелом паромщике” в Кью. В книге Фреда С. Теккера “Шоссе под названием Темза” (The Thames Highway, 1914, 1920) перечислено не менее 135 паромщиков. Их ремесло было прибыльным и обычно передавалось из поколения в поколение. Не исключено, однако, что представление об их древнем возрасте отчасти объясняется былым преклонением перед ними. Перевозчик — мифическая фигура. В легендах Месопотамии, к примеру, паромщик Арад-Эа перевозит души умерших через реку смерти. В египетских мифах, чтобы человеческие души могли попасть на остров жизни, необходимо было умилостивить перевозчика через озеро, поросшее лилиями. В греческих мифах паромщик Харон считался сыном Никты (Ночи). Он перевозил души умерших через реку Стикс, и для уплаты ему греки вкладывали в рот мертвеца мелкую монетку. Его обычно представляли угрюмым стариком. Он был хранителем загробных тайн, привратником ада, проводником сквозь смерть. Возможно, в фигуре Харона как-то отразился древний обряд, во время которого тело умершего опускали в реку. Словом, у паромщиков Темзы — мощное наследство.

Глава 19
Мосты довольства и туннели тьмы

Уместно процитировать несколько строк из “Речной сказки” Редьярда Киплинга (1911):

У Темзы допытывались мосты:
Река, расскажи нам, что знаешь ты.
Они были молоды, Темза седа,
И вот что мостам рассказала вода…

По сравнению с колоссальной древностью Темзы мосты и правда молоды. Они возникли только на поздних стадиях существования человека в окрестностях реки.

Через Темзу перекинуто 106 пешеходных мостов, 76 из них — на участках, не подверженных приливам, их высота колеблется в пределах от 2,2 до 9,7 м. В зоне приливов имеется 30 пешеходных мостов, 9 железнодорожных и 19 автомобильных (большинство из них могут использовать и пешеходы).

Старейший из существующих мостов — Ньюбридж (Новый мост), расположенный у места впадения речки Уиндраш. Он был построен при-

близительно в 1250 году. Мост в Радкоте старше примерно на четверть столетия, но под этим древним сооружением протекает сейчас не сама река, а ответвление. Самый новый из мостов — Миллениум-бридж (Мост тысячелетия), который идет от собора св. Павла к картинной галерее Тейт-модерн, — был готов к 2000 году, но открылся для публики только в 2002 году.

Темзу пересекают мосты кирпичные и железные, многопролетные и однопролетные, каменные и деревянные, подвесные и консольные. Есть мосты, соединяющие деревни, и мосты, продолжающие древние дороги; мосты у мест слияния рек и мосты у плотин; платные мосты и мосты, служащие железнодорожными узлами.

Мост через Темзу в Итоне датируется Бронзовым веком — 1400–1300 годами до н. э.; его деревянные опоры, отстоявшие друг от друга более чем на 2,5 м, были найдены у обоих берегов заброшенного ныне канала. В ту древнюю эпоху, однако, это была часть русла реки. Позднее — в Железном веке — на том же самом месте возник новый мост. Остатки деревянного строения Бронзового века — то ли моста, то ли пристани — были найдены в районе Воксхолла. Двадцать больших деревянных столбов стояли в два ряда,

некоторые — под углом друг к другу. Словом, наводить мосты через Темзу — затея древняя.

До того, как люди этому научились, они использовали для переправы большие камни. Можно представить себе, как они бросали их в Темзу, рискуя прогневить богов, но повинуясь насущной необходимости. Так или иначе, сооружение деревянного моста было чрезвычайно важным событием. Это значило — бросить вызов естественному порядку вещей, попытаться изменить его. Это было некое укрощение реки, и поэтому надо было умилостивить речного бога или богов. Возведение нового моста сопровождалось ритуалами и жертвоприношениями. На мостах устраивались алтари и святилища, сами мосты становились священными. Утверждают, что латинское слово pontifex, означающее "жрец", происходит от pons — "мост". Получается, что жрец, священник — это тот, кто отправлял обряды на мостах. Как писал Плутарх в "Сравнительных жизнеописаниях" (ок. 100 года н. э.), "этих жрецов называли просто-напросто 'мостостроителями' — по жертвам, которые приносят подле моста, каковой обряд считается весьма священным и древним, а мост римляне зовут 'понтем' [pons]. Защитники этого взгляда ссылаются на то, что

охрана и починка моста входит в обязанности жрецов наравне с соблюдением иных обычаев, древних и нерушимых”[35]. Есть и другая ассоциация, столь же насыщенная священным ужасом. В тысячах легенд мост ассоциируется с дьяволом. В швейцарской легенде о “мосте дьявола” лукавый соглашается помочь человеку построить мост через реку Ройс близ Андерматта на том условии, что он заберет себе душу первого существа, которое пройдет по мосту. Это оказалась собака.

В XIV веке Екатерина Сиенская использовала метафору, которая к тому времени стала уже обычной: “Господь воздвиг Сына Своего, как мост, когда путь человека к небесам был разрушен своеволием Адамовым, по каковому мосту все верные христиане могут идти… он соединяет землю и небо”. Если священные переправы языческой древности служили для перехода из жизни в темный мир смерти, то теперь по мосту можно перейти из смерти в вечную жизнь. “Пылающее море сей мерзкой жизни” Екатерина уподобила бурным водам под мостом, которые исчезают без следа, в то время как мост стоит твердо. Вода изменчива и исполнена суеты — “быстра вода

[35] Примечания: 35
Перевод С. Маркиша.

и не покоряется никому", — а мост покоится на камнях христианской веры и добродетели. Силой своего гения Екатерина сотворила мощную метафору из древних людских поверий, в которых река считалась обиталищем опасных или непостоянных богов.

Неудивительно, что строительство мостов считалось священным делом. Строителей почитали за то, что они укрощали языческих богов, не вполне покинувших речные воды. Их работа сопровождалась отпущениями грехов и благочестивыми церемониями. В "Путеводителе" Лиланда (1540) читаем:

> *Еще одно благословенное занятие – строить мосты*
>
> *Там, где людям не пройти после больших дождей.*

Изабелла де Феррерс из поместья Лечлейд учредила богадельню для бывших строителей тамошнего моста. Со временем богадельня превратилась в монастырь св. Иоанна Крестителя. Надо сказать, что все монастыри тех мест отвечали за сохранность ближайших к ним мостов. Существовала, конечно, система пошлин на всех крупных мостах, пополнявшая кошельки аббатов

и аббатис; ныне о древнем, хоть и непопулярном, обычае напоминают только два платных моста — в Суинфорде и Уитчерче. В начале XIX века на мостах брали пенс или полпенса с пешехода, шиллинг с четырехколесного экипажа и три пенса с “тележки, запряженной собакой”.

Благоговение христиан перед мостами имело еще одну сторону. Набожные и состоятельные люди нередко завещали или жертвовали крупные суммы на их сооружение. Например, в начале XV века мост в Абингдоне был построен во многом за счет пожертвований. Сэр Питер Бессилс предоставил камень из своих карьеров в Сандфорде, Джеффри Барбур дал тысячу марок. Оба, кроме того, завещали земельные участки, доход от которых должен были идти на содержание мостов. Торговцы шерстью из Абингдона и его окрестностей тоже внесли деньги. Последним звеном в этой цепи христианского благочестия стала каменная часовня, возведенная на самом мосту.

Обычай строительства религиозных сооружений на мостах уходит в глубокую древность. Много их было — часовен и церквушек, предназначенных как для того, чтобы утешить усталого путника, так и для того, чтобы восполнить расходы на возведение моста. Кое-где дорога проходила

на мосту прямо через часовню, отделяя молящихся от кафедры. Часовня на Лондонском мосту была устроена внутри одной из его опор и спускалась к самой воде. На северном берегу Темзы, там, где в Средние века был построен мост, стоит церковь св. Магнуса-мученика, которая называется также “Св. Магнус-у-моста”. Средняя часть моста в Рединге опиралась на речной островок, и там была построена часовня св. Анны. Трактир “Ангел” у моста в Хенли в свое время назывался “Ангел-на-мосту” в честь стоявшей на мосту часовни. В XVI веке, утверждает Лиланд, у северного конца Кавершемского моста стояла “красивая старинная каменная часовня, подпертая сваями из-за буйства Темзы”. К числу хранившихся там реликвий принадлежали кусок веревки, на которой повесился Иуда, и нож, которым был заколот св. Эдуард. Трудно объяснить, почему именно эта часовня у моста стала хранилищем столь важных реликвий. С ней могла соперничать в этом отношении лишь церковь св. Фомы Беккета на Лондонском мосту. Это лишь несколько разрозненных примеров. Создается впечатление, что не было моста — за исключением самых маленьких и отдаленных — без своей часовни. В более скептические или революционные эпохи эти часовни

сносили или разбирали ради строительных материалов. Реформация, без сомнения, сыграла большую роль в их разрушении. Восстанавливать их никто не стал. Представление о связи мостов со священным началом давно уже было утрачено. Река уже не была могучим богом. Мост в Патни, вероятно, уникален тем, что у обоих его концов и сегодня стоят церкви.

На многих мостах, кроме того, над центральной аркой имелось углубление, куда некогда вставлялся каменный крест, достаточно большой, чтобы господствовать над мостом. Граффити и вандализма в те времена можно было не опасаться. Такой крест стоял, в частности, на мосту в Радкоте. Сейчас его уже нет, но углубление сохранилось; даже в начале XX века там еще зачастую крестили младенцев. Лиланд воспроизводит латинские стихи, выбитые на каменном мосту в Годстоу:

Qui meat hac orat,
Signumque salutis adoret.

(Идущий здесь да почтит молитвою символ спасения.) Отсюда можно заключить, что и на этом мосту стоял крест. И сейчас по окончании строительства нового моста делаются ритуаль-

ные приношения — обычно в виде только что отчеканенных монет. В этом сказывается современная эпоха.

В мостах есть что-то утешительное. Они успокаивают. Они приглашают. Это — знаки целенаправленной человеческой деятельности. По ним за столетия были сделаны миллионы шагов, и одно это придает им некие священные качества. Стоя на мосту, люди принимают одну и ту же позу: тело немного наклонено вперед, руки опираются на парапет, взгляд обращен на воду. Пересекая пустоту, мосты побуждают идущего двигаться вперед. Изгибаясь дугой над опасными водами, они дают человеку убежище. Вот почему возникла традиция “мостовых отшельников”, обитавших в нишах или под навесами на мостах и просивших милостыню. На мосту в Абингдоне, к примеру, жил “плотник-отшельник”, поддерживавший сооружение в должном состоянии. Он обитал в “скиту” напротив маленькой часовни на мосту. Отшельники, заботившиеся о Новом Мосте близ Уитни, жили в ближайшем к мосту конце деревушки Стэндлейк; в 1462 году один из них, по имени Томас Бриггз (т. е. “Томас Мостовой”), получил от короля Эдуарда IV право брать с проходящих и проезжающих “кто сколько мо-

жет” на содержание моста. У моста Фолли-бридж в Оксфорде стояло “приятное на вид маленькое каменное строение”, где отшельники проводили дни в молитвах; их главным занятием было постоянно рыть себе могилы, а потом засыпать в каждодневном ожидании смерти и надежде на милость Господню. В 1423 году еще одному отшельнику, Ричарду Ладлоу, было позволено жить у моста в Мейденхеде и беречь его, ведя тихую и благочестивую жизнь и собирая милостыню. Эти отшельники стали метафорой паломничества и спасения. Мосты дают приют и бродячему люду: бездомные часто ночуют под ними или даже на них. В XIX веке лондонские мосты были местом отдыха для сотен бродяг. В одном отчете за 1846 год сказано, что Кингстонский мост “ночью заселяют бродяги и люди наихудшего сорта”. Возможно, они искали там убежища, как в храме.

Темзу пересекает больше мостов, чем любую другую реку сходной длины. По необходимости они во многом остались такими же, как тысячу лет назад. Они — единственная часть речного пейзажа, не претерпевшая изменений, за исключением, может быть, самой реки. Броды, в частности, исчезли навсегда, а мосты остались. Нью-бридж и Радкотский мост пришли к нам из

Средних веков в неизменном виде.

Первое письменное упоминание о каменном мосте датируется 958 годом, когда король Эдвиг пожаловал своему тану Эдригу земли “до каменного моста, а оттуда на восток вдоль Темзы до границы Кингз-Хоуна”. Кингз-Хоун — это нынешняя деревушка Кингстон-Бэгпьюз, а каменный мост находился на месте теперешнего Радкотского моста. В X веке каменщики еще не умели строить сводчатые мосты, так что этот древний каменный мост, скорее всего, состоял из больших плит, положенных на толстые каменные опоры. Мост был перестроен в начале XIII века — после того, как в 1208 году король Иоанн распорядился, чтобы “наш брат Алвин взял людей и все необходимое для починки моста в Радкоте”.

Первые годы XIII века можно считать началом эпохи сводчатых каменных мостов. Первый из них, Лондонский, был возведен в 1208 году. Вскоре началось строительство моста св. Иоанна в Лечлейде. До той поры Темзу пересекали главным образом деревянные конструкции, состоявшие из мощных столбов и свай, углубленных в речное дно и положенных сверху деревянных балок. Паводки часто выводили их из строя, и они почти постоянно требовали ремонта. Но даже в XIX

веке на Темзе еще оставались деревянные мосты: в Марлоу, Кукеме, Виндзоре, Мейденхеде, Стейнзе, Чертси, Хэмптоне и Кингстоне. До середины XIX столетия мост в Кавершеме состоял наполовину из дерева, наполовину из камня.

XIII и XIV века были великой эпохой камня, и в первую очередь это относится к верхнему течению Темзы, где было много месторождений строительного камня. Но навыками строительства мостов владели только монахи и каменщики, связанные с монастырями. Не случайно архитектура каменных мостов во многом сходна с архитектурой готических церквей и зданий капитулов, где от столбов отходят каменные “ребра”, образуя арки и своды.

Как бы то ни было, самым знаменитым из мостов через Темзу следует считать Лондонский. Это — крупная городская магистраль, наиболее интенсивно используемый из всех мостов; говоря об этой лондонской “тропе” через реку, можно вспомнить о “песенных линиях” или “линиях сновидений” у австралийских аборигенов. Лондонский мост — великая нить, спряденная из человеческого начала. Он творит грандиозный людской поток, сгущенный и неисчислимый, который сам по себе есть река, подобная Темзе. Ради

краткой переправы машины и люди вступают в некие отношения с напором и течением морских вод. Ветер и пыль, шум транспорта и крики чаек — все это смешивается здесь воедино.

Сейчас, в отличие от былых времен, на нем нет построек. Ныне силуэты пешеходов вырисовываются на фоне неба поверх водного полотна; они движутся меж двух необъятностей. Эти фигуры эфемерны как дым, их движение — паломничество быстролетных душ по границе стихий. Люди всевозможного облика и сорта идут по мосту без всякого взаимного сродства, без всякой общности интересов. Они вместе, но поодиночке; они не выказывают ни веселья, ни страдания, ни долготерпеливости, ни задумчивости. Из всех мостов этот самый выразительный, самый богатый ассоциациями. Многих писателей и художников он настраивал на мечтательный, визионерский лад.

Мост, вполне вероятно, существовал здесь еще в незапамятные времена. Общеизвестным “фактом” считается, что первый мост на этом месте построили римляне, но нет причин думать, что столь удобный участок реки обошли вниманием британские племена, населявшие в древности этот район по обе стороны Темзы. Все, что мы

можем сказать хоть с какой-то долей уверенности, — это что мост появился тут не позднее того времени, от которого до нас дошли первые сведения о Лондоне. Иначе говоря — люди переходят здесь реку по мосту уже две тысячи лет с лишним. Вид его менялся. Мосты возникали и исчезали, строились, перестраивались, разбирались, рушились. Поколения шли по ним, не задумываясь, что было тут прежде и что будет потом. В “Бесплодной земле” (1922) Т. С. Элиот увидел в веренице людей, идущих по Лондонскому мосту, образ смерти.

Римский мост, скорее всего, был построен не столько ради простых пешеходов, сколько ради перевозки товаров и передвижения войск. Его пролеты были деревянные, и в 1834 году из воды были извлечены массивные деревянные столбы, “обутые” в твердое железо, которое могли выплавить только римляне. В начале XIX века, когда разбирали старый средневековый мост, в реке были обнаружены римские монеты, чья датировка покрывала весь период оккупации. Следовательно, мостом пользовались все это время. Он быстро стал коммерческим центром всего острова и “точкой соприкосновения” между островом и континентальной Европой. Это был перекресток, конечная станция, транспортный и

торговый узел всей Англии. Мост начал обрастать городом, по обе стороны реки были проложены жизненно важные торговые пути. Рост Лондона, таким образом, определялся мостом, и он находился в центре финансовой и коммерческой жизни столицы.

Согласно общепринятому сейчас мнению, римляне построили здесь три моста, сменявших друг друга. Первый возник в 40-е годы н. э. и соединял нынешний Фиш-стрит-хилл с участком берега близ южной оконечности современного моста. Следующим был временный мост, существовавший в 85–90 годы и начинавшийся у Пудинг-лейн. Третий, более долговечный мост был построен примерно в 100 году на месте первого моста; его деревянные пролеты покоились на более надежных каменных опорах. Дорога от моста шла по Фиш-стрит-хиллу и нынешней Грейсчерч-стрит к главному входу на большой лондонский форум. Простояв около 230 лет, этот мост в конце концов рухнул. В 290-е годы была отчеканена памятная медаль, изображавшая военный корабль на Темзе и башни с воротами по обе стороны моста. Знатоки римского Лондона полагают также, что на мосту было несколько святилищ или алтарей, где приносились ритуальные жертвы речным

и морским богам. В Риме collegium pontifices (товарищество мостостроителей) каждый год в мае устраивало ритуальное шествие по мосту Сублиция, во время которого в Тибр бросались изображения. Вполне возможно, что подобные шествия двигались и по Лондонскому мосту.

Первый англосаксонский мост невозможно точно датировать. Самое раннее письменное упоминание о нем относится к 730 году, когда с него была брошена в реку “ведьма”. Сохранилась запись 994 года о длинном и низком деревянном мосте из толстых, грубо обтесанных деревянных досок, положенных на столбы; имелись и раздвижные платформы, позволявшие саксонским судам проплывать на запад. Мост якобы помешал датскому королю Свейну вторгнуться в глубь страны. Об истории моста на различных этапах его существования нет единого мнения. Одни историки Лондона утверждают, что его построили в конце X века, чтобы воспрепятствовать продвижению датчан вверх по Темзе. Другие считают, что мост был возведен группой священнослужителей из Саутуорка.

С определенностью мы можем сказать только, что это было довольно непрочное сооружение, застроенное по краям рядами грязных деревян-

ных хижин. Он был достаточно широк, чтобы на нем могли разъехаться две повозки, — такой же ширины, иначе говоря, что и все главные лондонские улицы, — но теснота на нем, судя по всему, была великая. Бродячие торговцы и купцы раскладывали на нем свой товар, мешая проезду, превращая мост в один из лондонских рынков; заторы возникали также из-за скота, который гнали на продажу, и из-за скоплений повозок с фуражом. Мост часто упоминается в “Англосаксонской хронике”, и яркий рассказ о нем сохранился в сагах об Олафе Харальдсоне.

Со своим норвежским флотом он отправился вверх по Темзе в 1014 году, чтобы помочь Этельреду и англичанам прогнать датское войско, вторгнувшееся в Лондон. Пытаясь остановить Олафа, датчане вышли на мост с оружием и метательными приспособлениями. В сагах говорится, что мост “со стороны реки” защищали башни и деревянные ограждения; тут есть ясное указание на то, что он предназначался не только для сообщения, но и для обороны. Олаф сумел защитить своих гребцов щитами и шкурами, и его суда проплыли под мостом. Затем он велел привязать к опорам моста толстые канаты, и с помощью прилива ему удалось сдвинуть столбы с места

по дну реки. Мост со сгрудившимися на нем датчанами рухнул в воду. Согласно любопытному альтернативному варианту, Олаф сжег его.

Как бы то ни было, вот строки, сочиненные норвежским скальдом Оттаром Сварте:

Лондонский мост сломан, упал.
Много золота, много славы.

Здесь можно увидеть подлинный источник знаменитого старинного стихотворения “Рухнул Лондонский мост”, которое стоит привести целиком, чтобы подчеркнуть значение моста в народной памяти:

Рухнул Лондонский мост,
Рухнул мост, рухнул мост,
Рухнул Лондонский мост,
Леди моя, леди.

Запереть тебя ключом,
Запереть, запереть,
Запереть тебя ключом,
Леди моя, леди.

Как нам выстроить его?
Как нам быть? Как нам быть?

Как нам выстроить его,
Леди моя, леди?

Сребро-злато есть у нас,
Есть у нас, есть у нас,
Сребро-злато есть у нас,
Леди моя, леди.

Сребра-злата нет совсем,
Нет совсем, нет совсем,
Сребра-злата нет совсем,
Леди моя, леди.

Иглы-шпильки есть у нас,
Есть у нас, есть у нас,
Иглы-шпильки есть у нас,
Леди моя, леди.

Иглы-шпильки ржа возьмет,
Ржа возьмет, ржа возьмет,
Иглы-шпильки ржа возьмет,
Леди моя, леди.

Древесина есть у нас,
Есть у нас, есть у нас,
Древесина есть у нас,

Леди моя, леди.

Древесина прогниет,
Прогниет, прогниет,
Древесина прогниет,
Леди моя, леди.

Крепкий камень есть у нас,
Есть у нас, есть у нас,
Крепкий камень есть у нас,
Леди моя, леди.

Мост из камня – на века,
На века, на века,
Мост из камня – на века,
Леди моя, леди!

Было много предположений о том, кто такая эта “леди”, и вероятней всего, что это Элеонора Прованская, жена Генриха III. Муж отдал в ее распоряжение доход от мостовой пошлины, но она явно не желала тратить что-либо на содержание моста. Этим она навлекла на себя всеобщее недовольство, и в стихотворении она выведена как леди, ни за что не желающая “выстроить его”. Видимо, закономерно было то, что в 1263 году, бе-

жав из Виндзора от сторонников де Монфора, она подверглась нападению горожан, бросавших в нее грязь и камни с моста, так что она вынуждена была укрыться в Тауэре. За столетия стихотворение вобрало в себя разнообразные образы и детали, связанные с мостом, и, подобно самому мосту, перестраивалось от поколения к поколению, пока не обрело подлинную гармоничность и пропорциональность. Существуют и другие его варианты, в которых главное изменение — введение “миледи Ли”, которая, по-видимому, олицетворяет реку Ли, впадающую в Темзу близ Уоппинга. Во многом эти строки — плач о бренности и разрушении, длящийся вплоть до последних двух строф, где говорится о чудесном спасении моста в каменном обличье.

Деревянный мост и вправду постоянно терпел ущерб от пожаров и прочих напастей, его то и дело ремонтировали. Между 1077 и 1136 годами ему угрожали восемь крупных пожаров, и “Хроника” сообщает, что город и окружающие его графства были “сильно отягощены” налогами на содержание “моста, который едва не был снесен рекою”. В правление Вильгельма Рыжего мост полностью снесло в результате большого наводнения. Шесть лет спустя, в 1097 году, его опять,

согласно “Хронике”, “едва не смыло течением”. В 1130 году Джеффри “Изобретатель” получил 25 фунтов за сооружение двух новых пролетов. В 1163 году мост полностью заменили, построив его из вяза, однако новое сооружение простояло только тринадцать лет.

Из-за больших расходов на постоянный ремонт и перестройку “отцы города” к исходу XII века в конце концов решились на возведение большого каменного моста. Работами руководил Питер де Коулчерч, или Питер “Мостостроитель”, и продолжались они более тридцати лет. Новый мост сооружался чуть ниже по течению своего деревянного предшественника, так что горожане, пока шло строительство, пользовались старым. Точные параметры каменного моста нам неизвестны. Длина его платформы из кентского известняка составляла, по некоторым данным, примерно 900 футов (274 м), ширина, как утверждает Джон Стоу, — около 30 футов (9,1 м) — не слишком много для того объема коммерции, который мосту вскоре пришлось на себе нести. Он состоял из девятнадцати пролетов, покоился на массивных быках с ледорезами и был снабжен деревянной подъемной частью, дававшей защиту от вражеского вторжения с реки и позволявшей

своим кораблям заходить за мост. Подъемная часть, однако, впоследствии начала гнить и в середине XVI века была разобрана.

Питер де Коулчерч умер в 1205 году, за четыре года до окончания строительства. Его похоронили в часовне моста, посвященной св. Фоме Беккету, так что он обрел могилу в толще своего громадного творения. Не исключено, кроме того, что это погребение связано с древним суеверием, требовавшим при постройке моста положить в его основании тело человека, принесенного в жертву. Гробницу Питера обнаружили рабочие, разбиравшие старый мост в 1834 году; никаких сведений о том, куда после этого делись его останки, обнаружено не было.

В муниципалитете лондонского Сити хранятся средневековые грамоты, фиксировавшие дарение земли “Богу и Мосту”. Отсюда видно, с каким благоговением относились к этому сооружению. Вместе с тем на мосту шла пестрая, суетливая жизнь. Деревянные лачуги с земляными полами соседствовали на нем с каменным молитвенным залом и витражами часовни, с зубчатыми стенами защитной башни. На нем были выстроены большие дома, разделенные на жилые помещения, которые сдавались внаймы. Здесь же

имелись лавки, трактиры, винные погребки. В 1281 году было отмечено, что “людей на мосту обитает великое множество”. В середине XIV века на его восточной стороне насчитали 62 лавки, на западной — 69. С мостом было связано много изречений. “Умный по мосту идет, дурак под мостом плывет” — здесь имеется в виду сильное и опасное течение под быками. Утверждали также, что “по Лондонскому мосту пройдешь — непременно белую лошадь увидишь”. Откуда взялась эта поговорка — неизвестно. Может быть, это действительно было так.

Вполне надежным местом для жилья мост, так или иначе, нельзя было назвать. Постройки на нем были большей частью деревянные и часто горели. В 1213 году, всего через четыре года после окончания строительства моста, серьезный пожар произошел в Саутуорке на южном берегу. Толпы людей бросились оттуда на мост, спасаясь от огня, но были встречены там другими толпами, ринувшимися с севера поглазеть, помочь или помародерствовать. В этот момент внезапный порыв ветра перенес горящие уголья через реку, к северному концу моста, и строения на нем вспыхнули с обеих сторон. В результате три тысячи человек сгорели или утонули. И это было

только одно из многих бедствий, повлиявших на историю и особенности Лондонского моста. В королевской грамоте за 1280 год говорится, что “мост был недавно представлен нашему взору, и с печалью мы увидели, что мост Лондонский пребывает в плачевнейшем состоянии, по каковой причине, ежели не принять скорейших мер, не только внезапное обрушение моста, но и гибель бесчисленных людей, на нем обитающих, в любое время может случиться”. Всего лишь год спустя пять пролетов рухнули. В 1399 году, когда на мосту собрались толпы встречать юную невесту Ричарда II, “восемь человек были на Лондонском мосту задавлены насмерть”. В 1437 году рухнули два других пролета у южного конца. Последовавшие восстановительные работы длились около сорока лет. В 1481 году упала в реку общественная уборная на мосту, прозванная “народным седалищем”, и пять человек утонуло.

Тем не менее в 1480–1490-е годы обновленный Лондонский мост вновь стал средоточием коммерции. По обеим его сторонам стояли лавки, конюшни, жилые дома. В одном документе конца XV века перечислены 129 “помещений” на мосту, в том числе лавки галантерейщика, ювелира, ножовщика, лучника, оружейника, портного,

художника и золотых дел мастера. Он стал самой большой лондонской достопримечательностью, центром речной жизни, и картина, которую он собой являл, — кишащие людьми здания, неравных размеров арки, струящаяся под ними вода — была единственной в своем роде. Прямо на мосту был устроен рынок, но давка там была такая, что в конце концов рынок переместился на берег — в Саутуорк, где он остается по сей день. Мост был не только центром, но и мотором коммерции: со всего, что по нему ехало и под ним проплывало, взималась пошлина. В 1398 году, к примеру, с малого судна брали полпенса, с крупного — пенс. “А ежели баржа везет лес, то отдать должна одно бревно”. Сохранился также полный перечень товаров, облагавшихся пошлиной, — от “вермильона” и “яри-медянки” до миндаля и чеснока.

В XVI веке мост приобрел еще одну весьма важную для лондонцев функцию. Он стал источником водопроводной воды. Он и раньше был для Лондона и стиральной машиной, и колодцем, и общественной уборной. Но в 1580 году в одном из пролетов, ближайших к Сити, было установлено водоподъемное колесо, и оттуда по деревянным трубам вода поступала на прилегающие улицы. Эксперимент оказался столь успешным, что коле-

са были затем установлены и в других пролетах.

В своей “Британии” (1586) Камден воздал хвалу мосту, который “поистине превосходит все мосты Европы”, мосту, “застроенному по обе стороны весьма красивыми домами, примыкающими один к другому на манер улицы”. У южного конца моста в то время возвышались ворота, и к 1603 году он, как сказано в “Хрониках Лондонского моста”, был “украшен величественными дворцами, возведенными рядом с ним… и добротными красивыми домами, построенными на нем”. Местожительство считалось фешенебельным: здесь, по словам Джона Стоу, обитали “богатые купцы и прочие состоятельные горожане, торговцы шелком и галантерейщики”. На крышах некоторых зданий были устроены “пентхаусы”, или речные террасы. “Наверху, — пишет один современник, — там красивые площадки с перилами и балюстрадами, очень удобными и приятными для прогулки, откуда открывается великолепный вид вверх и вниз по реке, и кое-где разбиты очень милые маленькие садики с деревьями”. Эти террасы или пентхаусы назывались в то время hautepas. Многие хотели здесь поселиться. К числу обитателей моста принадлежали Ганс Гольбейн и Джон Беньян.

На мосту даже был выстроен дворец, называвшийся Нансач-хаус (Несравненный дом). Это было весьма причудливое здание, целиком состоявшее из деревянных элементов, скрепленных нагелями; дом был украшен башенками и куполами, затейливыми окнами и флюгерами, ярко выкрашен и позолочен. На его южной стороне, которая смотрела на воду, имелись солнечные часы с надписью: “Время и Прилив никого не ждут”. На восточной стороне моста над десятым (центральным) быком по-прежнему была часовня — готическое строение, в длину составлявшее 18 м, в ширину 12 м, снабженное криптой. Часовню украшали четырнадцать колонн, расположенных группами, и восемь стрельчатых окон. В крипту можно было попасть с воды, поднявшись по каменным ступеням вдоль быка. Часовня была неотъемлемой частью моста. Никто не имел права покупать на нем свежую рыбу, пока в часовне не отслужена месса. В одном из домов над часовней некогда жил галантерейщик мистер Болдуин; там он родился, там безвыездно прожил семьдесят один год. Отправившись наконец по предписанию врачей в Чизлхерст на свежий воздух, “он не мог спать в сельской местности из-за тишины” — настолько

он привык к шуму бурлящей воды под мостом.

По многим гравюрам видно, что это был громадный человеческий улей, средоточие деятельности и изобретательности, памятник энергии и честолюбию его творцов. Это была громадная улица над водой. Как писал в “Полиольбионе” (1622), обращаясь к Темзе, Майкл Дрейтон, “Ценнейшим сим Мостом все реки ты затмила…” Как на всякой оживленной улице, здесь были лавки и укромные уголки, узкие проулки и лачуги, которые каким-то образом появлялись даже среди самых величественных лондонских зданий XVI века. Часто на первом этаже была лавка, над ней — жилые помещения, которые громоздились четырьмя, а то и пятью этажами, и дома, стоявшие друг напротив друга, нередко соприкасались крышами. Имелась на мосту и “клетка” — миниатюрная тюрьма. В середине XVI века некая женщина была посажена в нее “охолонуть” за отказ помолиться за душу преставившегося Римского папы.

В середине XVII века здесь были книжные лавки под вывесками “Три Библии” и “Зеркало”, лавка серебряных дел мастера “Белая лошадь”, модная лавка “Дельфин и расческа”, лавка брючников Черчера и Кристи “Ягненок и панталоны”,

лавка изготовителя париков Джона Аллана “Изящные локоны”, где продавались “волосы всякого вида, завитые и незавитые”. Географическими картами торговали “в ‘Золотом глобусе’ под аркадой на Лондонском мосту”. В 1632 году, когда служанка вышивальщицы опрометчиво поставила под лестницей бачок с тлеющими угольями, начался пожар, уничтоживший сорок три торговых заведения в северной части моста. В их числе были галантерейные, бакалейные, шелковые и обувные лавки. По какой-то причине выгоревшее место пустовало двенадцать лет. Наихудших последствий Великого пожара и чумной эпидемии мост, однако, избежал. Огню не дали перекинуться на мост, быстро снеся дома на его пути, а во время “поветрия” умерло от чумы только два обитателя моста. Здешняя среда обитания безусловно считалась здоровой: ветры очищали воздух, прилив уносил всяческую грязь, тут не было ни выгребных ям, ни открытых канализационных канав, отравлявших атмосферу перенаселенного города. На старинных гравюрах видно, как из окон домов на мосту спускают на веревках ведра.

По нему проходил маршрут многих королевских шествий и процессий, и он стал местом

рыцарских поединков. “И проехал король по Лондонскому мосту, — пишут ‘Хроники’, — а перед ним трубили трубачи”:

На Лондонский мост выехал король,
Там толпы людские встретили его…
На Лондонский мост выехал он,
А там на вратах стоял высоко
Суровый, мощный великан.
А у подъемного моста
Две башни были возведены.

Этот мост видел разгром повстанческих армий. По нему въезжали в город иноземные принцы. По нему пролегал путь похоронных процессий. Это был мост пилигримов, начинавших паломничество в Кентербери с мессы в часовне св. Фомы Беккета на мосту. Он давал убежище нищим и разбойникам. Здесь собирались мятежные ученики ремесленников. Мост был излюбленным местом горожан. Он стал, помимо прочего, некрополем, где выставлялись головы казненных изменников. Ибо, как рассудил хронист Эдвард Холл, рассказывая о том, как была выставлена голова Джека Кейда, “ежели против течения плывешь, никогда желанной гавани не достигнешь”. С моста порой

открывались диковинные виды — как, например, 21 марта 1661 года, когда “несколько заслуживающих доверия лиц, стоявших на Лондонском мосту между семью и восемью вечера, увидели в небе с западной стороны череду невероятных картин”. Облака расступились, и взорам людей явились “две великие марширующие армии”, которые, после жаркой схватки, исчезли; затем возник собор, затем дерево, затем различные странные существа.

Мост воплощал в себе все многообразие города с его жителями — богатыми и бедными, могущественными и смиренными, печальными и радостными. Немецкий путешественник Захариас Конрад фон Уффенбах прошел по нему в 1710 году, так и не поняв, что идет по мосту: он думал, что движется просто-напросто по одной из лондонских улиц. Между тем патриотически настроенный рыцарь у Джозефа Аддисона (1714) заявляет, что “Темза — благороднейшая река Европы, а Лондонский мост — творение, превосходящее любое из семи чудес света”.

При этом, разумеется, мост то и дело становился источником беспокойства для тех, кто пользовался им каждый день. К середине XVII века все громче стали звучать жалобы на тесноту и

толкучку, на постоянно проезжающие туда-сюда повозки и кареты, на стоящих повсюду торговцев-разносчиков и “всякий праздношатающийся люд”. Чтобы избежать давки, между домами кое-где были оставлены промежутки, где люди могли, сойдя с оживленной улицы, постоять и посмотреть на реку. В 1685 году улица, идущая по мосту, была расширена, а дома снесены с тем, чтобы их можно было выстроить “новым, более упорядоченным способом”.

Тем не менее в XVIII веке проблема нехватки места для людей и экипажей опять встала со всей остротой. По-прежнему мост был единственным в городе и его окрестностях и использовался слишком интенсивно. Во “Взгляде на Лондон” (1790) Томас Пеннант писал:

> Я хорошо помню улицу, идущую по Лондонскому мосту, узкую, темную и опасную для проходящих и проезжающих из-за великого множества экипажей; улицу тут и там пересекали арки из прочного дерева, соединяя верхние этажи домов, чтобы они не рухнули в реку. Только привычка могла уберечь отдых тамошних обитателей, которые вскоре становились

глухи к шуму падающей воды, к перебранкам лодочников, к нередким криками несчастных тонущих.

Другой обозреватель отметил, что “поскольку тротуара на мосту не было, самый обычный и безопасный способ пройти по нему состоял в том, чтобы следовать за каким-нибудь экипажем”. К середине XVIII все богатые жители моста покинули его: обитать там, куда стекаются все бродячие торговцы и просто бродяги Лондона, сделалось невыносимо. Южный берег реки давно уже пользовался дурной репутацией места грязного и неспокойного, и эта атмосфера словно бы переносилась мостом на другую сторону Темзы.

Поэтому в 1760 году всю надстройку из лавок и жилых домов снесли подчистую. Мост был приведен в оголенное состояние, если не считать маленьких “убежищ”, где пешеходы могли уберечься от обилия экипажей и людской давки. В эпоху, требовавшую быстроты сообщения и легкости доступа в город, это было единственным решением. Стоит отметить, что три человека получали жалованье за то, чтобы направлять приближающиеся экипажи по левой стороне улицы; это первый случай регулировки уличного

движения, которая позднее стала играть чрезвычайно важную роль в лондонском сообщении. За один июльский день 1811 года, согласно подсчету, по мосту прошло и проехало 89 640 пешеходов, 2924 телеги, 1240 карет, 485 двуколок, 769 фургонов и 764 лошади. К началу работ 1760 года уже действовал другой большой мост — Вестминстерский — и велась подготовка к строительству моста Блэкфрайерз. Успех этих начинаний дал толчок постройке и других мостов через Темзу, самым впечатляющим из которых стал Тауэрский (1894).

Аварийное состояние старого Лондонского моста официально подтвердил акт 1820 года, разрешавший его разборку и строительство нового сооружения. Один современник, имя которого неизвестно, патетически обратился к ветхому мосту: “Увы, пройдет всего двадцать лет — и даже ты, величественный старый Лондонский мост! даже ты останешься жить только в памяти людской да в набросках, который ныне делают с тебя рисовальщики”. Строительные работы начались в 1824 году чуть выше старого моста, первый камень положил король Георг IV. Мост, состоявший всего из пяти пролетов (тогда как его предшественник — из двадцати) был официаль-

но открыт шесть лет спустя.

В XIX веке этот вновь построенный мост был самым популярным местом встречи и проводов морских и океанских судов. В своем “Лондоне” (1872) Бланшар Джерролд описывает реакцию пассажиров парохода на приближение к Лондонскому мосту:

> Любопытное зрелище представляют собой взволнованные лица людей, толпящихся у бортов океанского парохода, когда вдали смутно вырисовываются очертания Лондонского моста, а еще дальше – купол собора св. Павла. Эта лондонская панорама знакома всем цивилизованным народам. “Le Pont de Londres!”[36] – объявляет француз, окидывая протяженный мост быстрым, живым взглядом.

Барки и прочие речные суда, перевозившие пассажиров на пароходы, проплывали под арками моста, спустив паруса и наклонив мачты; у парапета во множестве стояли люди, глядевшие на сцены прощания и отплытия, на вымпелы,

---

[36] Примечания: 36
Лондонский мост! (*фр.*)

на блестящие мачты, на черные просмоленные борта. За спинами зрителей громыхали экипажи всевозможных видов, во множестве проезжавшие по мосту в обе стороны. Около моста располагались трактиры для путешественников, носильщиков, кебменов; там были конюшни, там были дворы и проулки, по которым бродили праздношатающиеся и сновали туда-сюда таможенники и прочий чиновный люд.

Для Кольриджа созерцательное пребывание на мосту было “жалким мечтанием, когда сознание мечтателя довольствуется ленью и малой толикой приторной чувствительности”[37]. Но у тех, кто отправлялся в дальние края, возникало чувство воодушевления, вызова.

Мост, оконченный в 1830 году, в XX веке начал опускаться, и в 1960-е годы его продали американской компании “Маккалох пропертиз” за 2 460 000 долларов. Мост разобрали на части, перевезли в США и вновь установили в Лейк-Хавасу-Сити, штат Аризона. Краеугольный камень был положен в 1963 году, и мост был официально открыт на новом месте семь лет спустя. Новый Лондонский мост через Темзу был открыт весной

[37] Примечания: 37

На самом деле это было сказано о чтении книг из публичных библиотек.

1973 года и занял свое место в последовательности мостов на этом крохотном участке земли и воды. Грядущие поколения опять-таки начнут называть его “Старым”, и он в свой черед исчезнет, как мост в детском стихотворении.

Есть и другой способ попасть на ту сторону реки. Под Темзой прокопано больше туннелей, чем под любой другой рекой мира. Еще в 1798 года существовал план прорыть туннель между Тилбери и Грейвзендом, но он не был осуществлен: риск был огромен. Первым подводным туннелем в мире стал туннель, прорытый под Темзой между Уоппингом и Ротерхайтом. Планы разрабатывались с начала XIX века, но первые попытки были неудачны: в туннель прорывалась речная вода. В 1823 году парламент поручил Марку Брюнелю реализовать новый план. Работу окончил его сын Изамбард Кингдом Брюнель примерно двадцать лет спустя. Но успех был достигнут дорогой ценой: река прорывалась как минимум пять раз. Однако к смерти рабочих большей частью приводили вредные условия, в которых они трудились.

Дневник Марка Брюнеля полон тягостных переживаний. 26 мая 1838 года он написал: “Утром умер Хейвуд (проходчик). Заболели еще двое. Пейдж слабеет на глазах — ему, видно, уже не

выплыть… Воздух ужасный. Он действует на глаза. Я и сам, проведя некоторое время внизу, ощущаю изрядную слабость… Все жалуются на боль в глазах". У рабочих возникала слепота, временная или постоянная, которую стали называть "туннельной болезнью". Причиной ее, возможно, были речные отложения и продукты распада, накапливавшиеся многие тысячелетия.

Очень показательно слово "выплыть": в некоем метафорическом смысле рабочие и здесь, ниже дна Темзы, были во власти ее сил и течений. Не кто иной, как сам Брюнель, говорил об этих людях как о "жертвах" начинания, бросающего вызов естеству. После очередного несчастного случая один ротерхайтский пастор назвал его "справедливым наказанием, которое смертные навлекли на себя своими самонадеянными устремлениями". Постройка моста в старину сопровождалась искупительными обрядами. Насколько же более сомнительная и опасная затея — углубиться под речное дно, приближаясь к инфернальным областям? Еще в ходе работ туннель стал одним из чудес Лондона, и высокопоставленные особы приходили посмотреть, как подвигается рытье норы под Темзой.

В первые годы своего существования это был

пешеходный туннель, о котором шла печальная слава сырого и мрачного места. Его длина составляла 365 м, и он больше походил на пещеру, чем на туннель. Американский писатель Натаниел Готорн в книге очерков об Англии “Наша старая родина” (1863) описал его как “сводчатый коридор, уходящий в нескончаемую полночь. Газовые рожки, расположенные на равном расстоянии друг от друга, сумрачно освещают его. Стены оштукатурены, под ногами каменные плиты. Здесь могла бы получиться тюрьма из тюрем”. Ощущение безнадежности и усталости, приводящее на ум образ тюрьмы, похоже, крепко соединилось с этим местом. После открытия туннеля в 1843 году “Таймс” писала, что “на самих стенах его выступил холодный пот”.

Вдоль обеих стен располагались лавчонки и лотки, где торговали большей частью старые женщины, но покупателей было мало. Готорн, пройдя туннель целиком, встретил всего с полдюжины пешеходов. Спуск под русло великой реки, видимо, вызывал у людей смутную тревогу и внутреннее сопротивление, а, может быть, и первобытный страх. В 1870 году туннель стал подземной частью Восточно-Лондонской железной дороги. Он существует и ныне как своего

рода углубленный в землю памятник инженерному искусству XIX века. Река так и не вернула его себе.

В 1869 году прорыли еще один туннель под Темзой, соединивший Тауэр-хилл на северном берегу с Тули-стрит на южном. Его стены были уже не кирпичные, а чугунные, и предназначался он для омнибусов. Успешным предприятие нельзя было назвать. Если омнибус почему-либо останавливался посреди туннеля, пассажиры явственно слышали, как наверху проплывают колесные пароходы. Позднее туннель сделали пешеходным, а потом его полностью заменил Тауэрский мост. Теперь это “туннель-призрак”, по которому проходят кабели и трубы. Сквозь чугунные своды здесь постоянно слышен звук текущей воды. Это место славится как одно из самых уединенных и угрюмых в Лондоне. Потенциального посетителя может отпугнуть хотя бы тот любопытный факт, что на форму туннеля влияют приливы и отливы: под давлением высокой воды он становится в сечении слегка луковице- или яйцеобразным.

Первый туннель, специально проложенный для подземки, был окончен в 1890 году и соединил Кинг-Уильям-стрит на северном берегу со Стокуэллом на южном. Точнее, здесь впервые прорыли

сразу два туннеля — верхний и нижний. Спустя еще шестнадцать лет пришел черед туннеля между Чаринг-Кроссом и вокзалом Ватерлоо. В конце концов количество туннелей лондонского метро под Темзой достигло шести. Блэкуоллский дорожный туннель открыли в 1896 году, Ротерхайтский — в 1908, Дартфордский — в 1963. В середине XX века Ротерхайтский туннель описывали как "царство тьмы и газов", пребывание в котором вызывало болезни и головную боль.

Голый и неприветливый пешеходный туннель между Гринвичем и Айл-оф-Догс был окончен в 1902 году. Те, кто проделал этот путь под руслом Темзы, согласятся, что это нелегкое и даже устрашающее испытание: идешь и чувствуешь, что над головой проносится великая мощь древней реки. В прилив над тобой 16 метров воды, в отлив — 10 метров. Длина туннеля — четверть мили, и в нем, как и в первом туннеле под Темзой, всегда холодно и сыро. Возникает иррациональный страх: что если подземные силы природного мира ворвутся сюда, сметая все на своем пути? Туннели под Темзой — места, на которых лежит заклятие. Здесь человек внедрился в глубь былых эпох земной истории, глубже, чем русла первых потоков, ставших впоследствии Темзой. Боги

Темзы не могут здесь обитать. Туннели лишены той подвижности, той оживленности, что присущи реке. Тут пусто, темно и гулко.

Глава 20
Речной закон

Темза всегда находилась в центре законодательной жизни страны, как и в центре системы наказаний. К ней примыкали такие средоточия власти, как Вестминстерское аббатство, Вестминстерский дворец, Виндзор, Тауэр. В самом конце v века св. Августин собирал на берегу Темзы кельтских епископов, чтобы решать с ними вопросы церковной жизни. Возможные места таких совещаний — Криклейд и Даун-Эмпни. Беда Достопочтенный утверждает, что место одной из таких встреч называлось “Августинов Дуб” и находилось “на границе Хвикке с западными саксами”. Дуб срубили в 1865 году и в конце концов положили во дворе при церкви св. Сампсона в Криклейде, где он и сгнил.

В 747 году король Эдберт созвал церковный собор в “Клов-шоу”, чтобы определить, помимо прочего, статус церквей королевства Кент. Кловшоу интерпретировали как Клифф, находящийся близ устья Темзы. Позднее в том же столетии Оффа, владыка Мерсии, собирал осенние “сино-

ды” в своих дворцах и церквах в долине Темзы; в 781 году местом встречи был Брентфорд, в 787 году — Челси (недавно там была обнаружена древняя береговая линия). В 890 году Альфред Великий созвал совет (витенагемот) в Шиффорде на оксфордширском берегу Темзы. Сохранились посвященные этому событию англосаксонские стихи:

Заседали в Шиффорде многие таны,
Многие епископы и ученые мужи,
Гордые графы и славные рыцари.

Выбор места может объясняться только близостью реки. В окрестностях Шиффорда имеется так называемый “Альфредов камень”. Здесь же — “мост рыцаря”, “поле королевской дороги” и тропа “путь короля”. В 1008 году король Этельред собрал витенагемот в Эйншеме на берегу Темзы. В тамошнем бенедиктинском аббатстве, согласно хроникам, “они толковали и рассуждали о многом касаемо восстановления истинной веры и о том, как улучшить и укрепить государство”. Река была тесно связана с духовной властью.

В 1018 году король Кнут держал совет в Оксфорде. Там было решено, что к югу от Темзы будут исполняться англосаксонские законы и обычаи,

к северу — датские. Предполагают, что на Темзе, близ старинного брода Даксфорд, у Кнута был дворец, больше похожий на крепость. В начале XIII века на речном островке Рэвенз-Эйт был заключен мир между Генрихом III и французским королем Людовиком. В 1305 году шотландцы заключили договор с англичанами “в поместье Шин на Темзе”. Близость реки, о которой обычно ничего не говорится в рассказах хронистов, существенна и постоянна. В XV столетии не менее четырех раз английский парламент собирался в Рединге на берегу Темзы.

Но, разумеется, самый известный пример речного законодательства связан с островком на Темзе близ Раннимида, где в 1215 году король Иоанн дал британцам — точнее, британским баронам — вольности. Знаменательно, что в Великой хартии вольностей имеется пункт, предписывающий ликвидировать все плотины на Темзе, так что зарождение английской демократии неразрывно связано с “вольностями” самой реки. Название Раннимид интерпретировалось как “луг совета” или как “рунический луг”. Так или иначе, две договаривающиеся стороны, похоже, встали лагерями на противоположных берегах и сошлись на островке.

Подле Темзы, кроме того, возникали монетные дворы, где чеканились и распределялись деньги королевства. Монетные дворы имелись в Уоллингфорде, Оксфорде и Криклейде, а самый значительный был расположен в Лондоне, чуть восточнее Тауэр-хилла. Нетрудно увидеть, что река имеет важное значение для чеканки денег по крайней мере в производственном плане, хотя, возможно, тут проявляются и другие, более тонкие закономерности.

Говоря о сфере закона и порядка, стоит также отметить, что первой регулярной полицейской службой в стране стала речная полиция на Темзе. Она была создана после многочисленных жалоб на кражи с береговых складов и пристаней. В 1798 году Патрик Кохун, бывший судья из Уоппинга, создал для борьбы с воровством первое подразделение, члены которого были вооружены и подчинялись централизованному командованию (юрисдикция пеших патрулей полицейского суда на Боу-стрит была ограничена). Речную полицию можно, таким образом, считать предвестницей акта 1829 года, которым была создана лондонская полиция. Река помогла организовать поиск преступников и расследование их деяний во всей столице.

Кохун, кроме того, разработал правила дисциплины для новосоздаваемых лондонских доков. Грузчикам и матросам запретили одеваться как попало: “никаких рабочих блуз, рабочих штанов, джемми (так назывался род белья с карманами спереди и сзади), сумок и мешков”. Новая речная полиция завершила создание покрывающей Темзу сети меркантильной эксплуатации, когда на эту полицию возложили обязанность платить жалованье грузчикам и другим работникам доков. В ее составе были охранники и надзиратели, следившие за порядком на причалах. Имелся и свой особый суд, были и тюремные камеры — по адресу Уоппинг-Олд-стэрз, 259. Именно там сейчас находится полицейский участок Уоппинга и главное управление отдела Темзы в составе лондонской полиции.

И все же как, в более широком смысле, справляться с рекой? На нее накладывали ограничения, но ее так до конца и не приручили. Тем не менее поколения сановников, местных начальников и инженеров пытались сковать Темзу цепями. В конце X века “Ассер”, биограф и, как считают, современник короля Альфреда, писал, что река в его время уже была подчинена сложной системе правил и принципов, требовавшей, в частности,

чтобы доступ к воде не затрудняли мельницы, плотины и рыбные садки. Это было важно в период, когда на множестве участков существовала опасность превращения реки в частное владение. Альфред и его последователи (прежде всего Вильгельм Завоеватель) объявили Темзу общественным водным путем.

Однако борьба за преимущественное право на Темзу между короной и городом шла постоянно. Чья это река — королевская, позволяющая плыть от одного дворца к другому, или городская, торговая? В 1197 году Ричард I предоставил временный контроль над Темзой городским властям Лондона; власть Сити, судя по всему, простиралась до Стейнза — и не далее. Там был помещен так называемый “камень Сити”. К реке выше Стейнза лондонские купцы отношения не имели, а вот права на ее низовья постоянно оспаривались. Было много споров на эту тему между лорд-мэром Сити и комендантом Тауэра, представлявшим интересы короля. В правление Генриха III была подтверждена юрисдикция над Темзой городских властей; при Эдуарде II опять-таки было постановлено, что Aqua Thamisiae pertinet ad Civitatem London usque mare (воды Темзы принадлежат властям Лондона до самого моря). В 1613 году на

лорд-мэра Сити были возложены все заботы о “дорогой любимице града сего — реке Темзе”.

Но никакие юридические документы не могли умерить жадность и эгоизм монархии. Планы сооружения лондонских набережных в 1850-е годы вызвали длительную судебную тяжбу между короной и городом. Адвокат, защищавший интересы короны, утверждал, что “Темза, будучи судоходной рекой и своего рода ответвлением моря, при отсутствии доказательств в пользу противного принадлежит короне в силу монарших прерогатив на всем участке, где имеются приливы и отливы”. Судебное разбирательство длилось тринадцать лет. В конце концов было решено, что монарх владеет “дном и берегом” реки и моря, тогда как вновь учреждаемый Комитет по охране Темзы получает право распоряжаться рекой как таковой. Но могла ли вообще королева Виктория в каком-либо смысле “владеть” Темзой? Она могла владеть землей, по которой течет река, но разве существуют права собственности на воду, падающую с неба и текущую в море? Можно ли обладать дождем и снегом?

На протяжении веков предпринимались спорадические попытки убрать главные помехи пользованию рекой, поставить под контроль

плату, взимаемую хозяевами шлюзов и плотин, сделать свободно проходимыми бурлацкие тропы вдоль берегов. Но местный землевладелец и даже местный мельник оказывался в этих делах более могущественным, чем любая комиссия или лондонское начальство. Первый речной орган власти был создан в 1695 году и состоял из местных мировых судей, которые должны были фиксировать размер платы и тем самым облегчить навигацию. Но особого успеха они не добились. В 1751 году им на смену пришла Комиссия по навигации на Темзе, и девятнадцать лет спустя ее состав был официально утвержден. Орган состоял из шестисот человек и, несмотря на громоздкость, сумел провести в жизнь программу строительства новых деревянных шлюзов и шлагбаумов. В 1857 году ему на смену пришел Комитет по охране Темзы. В 1908 году возникло Управление Лондонского порта, к ведению которого были отнесены доки и низовья реки, подверженные приливам, начиная от точки близ Теддингтона, где высота составляет 265 футов. Комитет по охране отвечал за состояние Темзы выше этого пункта. Одно из его уведомлений приобрело известность благодаря философской широте мысли: “Все лица, использующие реку Темзу, шлюзы и технические

сооружения на ней, а также береговые тропы, должны принимать их такими, какие они есть, и делать это на свою ответственность". В 1974 году Комитет был упразднен, а его функции переданы новосозданному Управлению водного хозяйства Темзы. Сей высокий орган просуществовал всего пятнадцать лет, после чего уступил место Национальному управлению речного хозяйства. Ему было отпущено только шесть лет жизни: в 1995 году его обязанности перешли к существующему и ныне Управлению по охране окружающей среды. А Темза как текла, так и течет.

Глава 21
Преступный элемент

Преступность на Темзе существовала всегда. В отчете от 13 июля 1752 год “ординарий”, то есть капеллан Ньюгейтской тюрьмы пишет об одном из заключенных, что “он работал на реке, а это весьма подозрительный образ жизни: такие люди, по общему мнению, сторонними способами приобретают больше денег, чем трудом”. По этим словам можно понять, что на Темзе, “по общему мнению”, царило беззаконие. Столетие за столетием речная жизнь была полна ссор и временами весьма опасна: лодочники конфликтовали со шлюзовиками, мельники — с рыбаками. Моряки воевали с таможенниками, лодочники — с моряками, и происходило все это в среде, где сухопутные законы не признавались.

Самым обычным из правонарушений была, разумеется, кража. Согласно оценке все того же Патрика Кохуна, на Темзе добывали средства к существованию нечестными способами почти одиннадцать тысяч человек. В своем “Трактате о коммерции и поддержании порядка на реке Тем-

зе” (1800) он описывает реку как особую территорию сплошного “казнокрадства, обмана, растрат, мародерства и грабежа”. Темза способствовала созданию “преступного типа, проявляющего в своих многоразличных разновидностях необычайную, невиданную развращенность”.

Сотни кораблей, стоявших на якоре в ожидании прилива или подходящей пристани, были приманкой для воров. По всему устью промышляли контрабандисты, сбывавшие шерсть и прочие товары; орудовали вооруженные “речные пираты”, которые по ночам перерезали якорные канаты лихтеров и ждали, когда их течением прибьет к берегу. На лодках плавали ночные грабители, на пристанях присваивали добро “длиннофартучники”. “Легкую кавалерию” составляли вступавшие в сговор помощники капитанов и таможенные инспекторы, “тяжелую” — грузчики и портовые рабочие, стремившиеся получить добавочный доход. Некоторые бросали груз в воду во время прилива, чтобы в отлив его подобрали сообщники.

“Коупменами” назывались скупщики краденого, промышлявшие в бесчисленных прибрежных переулках и закоулках. Там имелось так много погребков, подвальчиков и даже простых ям в

земле, что прятать добро было легко. Славилась своими скупщиками, в частности, улица Кинг-Дэвид-лейн в Шадуэлле. Но некоторые из них жили не так близко от реки: известным скупщиком курительного и нюхательного табака был мистер Купер, торговавший табаком в приходе св. Анны в Сохо.

В самом устье реки орудовали “рекеры”, ложными огнями сбивавшие лоцманов с курса и вызывавшие кораблекрушения. Эстуарий с его ручьями и болотами был идеальным местом для того, чтобы прятать и перевозить контрабанду. “Аулерами”, к примеру, назывались те, кто нелегально переправлял через болотистую местность тюки шерсти. Из века в век эстуарий оставался царством лодочников-контрабандистов, вовсю пользовавшихся притоками и прочими водными путями. Прекрасные возможности для их ремесла предоставляли скалистые морские берега близ Рекалвера и Уитстебла. Другие контрабандисты проскальзывали, минуя таможенников, по речкам Суэйл, Медуэй и Янтлет-крик. Местами хранения могли служить пабы и церкви, а порой товары прятали под водой — в болотцах и ручейках. Дефо в “Путешествии по всему острову Великобритания” (1724–1727) пишет о Фавер-

шеме: “Я не знаю ничего, чем прославился бы этот город, помимо пресловутой контрабанды”. В Эссексе, по слухам, джин продавался так дешево и в таком изобилии, что жители мыли им окна. В одном парламентском отчете говорится, что, как только корабль из Ост-Индии встает на якорь в устье Темзы, “к нему слетается рой контрабандистов и начинается настоящая ярмарка”. Помимо товаров, тут нелегально переправляли и людей, и занимались этим прямые наследники тех, кто в первой половине XVI века помогал просачиваться в Англию и обратно священникам-иезуитам, противившимся Реформации.

Количество и разнообразие товаров, проходивших через Лондонский порт, было таково, что процветали все виды воровства. До того, как в начале XIX века были созданы охраняемые доки для стоянки судов, годовая потеря дохода оценивалась примерно в 800 000 фунтов. Подозревали, что треть портовых рабочих замешана в тех или иных правонарушениях. Но, поскольку большая часть денег все же попадала в карманы лондонцев, нарушители полагали, что их поведение укладывается в понятия о честной торговле. Это было привычно, это была традиция. “Речные жаворонки” и “длиннофартучники” считали, что

их ремесло имеет такое же право на существование, как труд матроса или лоцмана. Бондари и лихтермены называли кражу табака из больших бочек словечком “сокинг” и рассматривали ее как “добрый старый обычай”. Само собой, многие коммерсанты и клерки, связанные с речными перевозками, входили к преступникам в долю. Корабли и корабельные чины, с которыми можно было “договориться”, назывались “покладистыми”. Можно заключить, что Темза ощутимо способствовала формированию столичной преступности.

Река связана не только с преступлением, но и с наказанием. Не случайно ее называли сердитой и даже свирепой. Будучи огромной массой движущейся воды, Темза сама по себе исполнена разрушительного начала. Разливаясь, она приносит беду. Она может казаться жестокой, неумолимой. Шелли заявил однажды Томасу Лаву Пикоку, что “она несет с собой кровь и кости тысяч героев и злодеев, и вода несомненно имеет привкус тления”. Вся история реки подтверждает эти слова. Как гласит популярная баллада о бегстве в 1688 году жены короля Якова II,

Через Темзу сердитую в дождь и снег

Пустились они стремглав…

На Темзе много столетий разыгрывался жестокий ритуал “окунания”. Начиная по меньшей мере с раннего Средневековья, это было широко распространенное наказание, хотя в печатных изданиях упоминается не часто. Оно было слишком хорошо всем известно, чтобы подробно о нем писать. Подвергались ему, как правило, “сварливые бабы” за непристойную ругань, за привычку “пилить” мужей и поносить соседей. Жертву привязывали к особому креслу или табуретке и трижды окунали в реку. В Кингстоне для этого была предназначена специальная балка, торчавшая поверх средней арки моста. Впервые она была там укреплена летом 1572 года, когда миссис Даунинг, жену могильщика, трижды окунули “по самую макушку”, после чего приспособление, судя по всему, подолгу не простаивало: в том же году церковные старосты заказали новую табуретку. В последний раз в Кингстоне эту табуретку пустили в ход весной 1745 года. Как писала 27 апреля “Ивнинг пост”, “на прошлой неделе суд приговорил женщину, которая содержит пивную ‘Голова короля’ в Кингстоне, графство Суррей, к погружению в воду за бранчливость, и ее, согласно этому решению, посадили на табуретку и

окунули в реку Темзу под Кингстонским мостом на глазах у двух или трех тысяч человек". Табуретка, таким образом, прослужила 173 года.

Этот исправительный (но зачастую — смертельный) обряд был связан с представлением о речной воде как средстве ритуального очищения. В начале III века Тертуллиан, один из отцов церкви, писал о язычниках: "…они совершают омовение, веря, что делают это для рождения к новой жизни и освобождения от наказания за свое вероломство. Точно так же у древних всякий, кто запятнал себя человекоубийством, искал очистительные воды". Нет причин сомневаться, что подобные ритуалы практиковались и на британской земле. Эти представления уходят в многовековую древность. С помощью Темзы, кроме того, устанавливали виновность или невиновность человека. Подозреваемого в преступлении по традиции заставляли выпить воды из колодца или реки, и считалось, что виновного вода отравляет, вызывая чаще всего водянку.

Если вода — родина богов, то она же — источник всякой справедливости. В 1646 году Кромвель приказал обезглавить верных королю защитников Уоллингфордского замка. "Пусть река возьмет их себе, — якобы сказал он, — пока они не осквер-

нили землю, как король осквернил Англию".

Рассказы о деревенской жизни в верховьях Темзы содержат много историй о ведьмах и их делах, и, безусловно, с районом Темзы таких упоминаний связано больше, чем с любой другой частью страны. Сохранилось немало имен и прозвищ: Бет Хайд, Полли Паккер, Минти Фруин, мамаша Даттон, старуха Маргарет, Элизабет Стайл, Урания Босуэлл, мамаша Хибблмир, Джейн "Кирпич", бабушка Пантин. Однако у легенд об этих женщинах более глубокие корни, чем присутствие тех или иных "колдуний" в окрестностях реки. Ассоциация между Темзой и ведьмовством могла быть своеобразным отражением веры в нимф и русалок, населяющих речные воды, отзвуком поклонения самой праматери-реке. Если с Темзой связаны божества женского пола, то нечего удивляться, что демоны женского пола и женская зловредность составляют часть "пучка ассоциаций".

Сильные традиции "ведьмовства" существовали в Хенли, Рединге и Уоллингфорде. Грибковый налет на вязах в долине Темзы назывался в XIX веке "ведьминым маслицем", которое будто бы сбивали колдуньи своими волшебными мутовками. Калитки у тропы вдоль верхней Темзы часто

делались из железа — якобы “от ведьм”. В обычае было также носить с собой вербену как средство против “совиной порчи” — болезни, которую, как считалось, вызывали ведьмы. Даже в 1946 году, согласно сообщениям, некоторые пожилые обитатели Криклейда еще носили в качестве защиты от сглаза гусиную ножку в матерчатом мешочке. К концу XII века относятся упоминания о ведьмовстве в Кембле, Апплтоне и Рединге. Длительное существование в неизменном виде подобных обычаев и верований, конечно, можно оспорить, ссылаясь на ненадежность источников и склонность к дурной исторической сенсационности, однако традицию, во всем ее объеме и весомости, сбросить со счета не так-то легко.

Судили ведьм, как правило, опять-таки на речном берегу. Одно из популярных мест находилось поблизости от “целебного ясеня” в лондонском Ричмонд-парке. И, разумеется, практиковался “Божий суд”. Подозреваемую в ведьмовстве бросали в Темзу со связанными руками. Если женщина плывет, значит, река отторгает ее и она виновна. Тонет — значит, невиновна. Но случалось, что казнили без всякой неопределенности. Первое упоминание о Лондонском мосте в официальных документах содержится в

издании Codex Diplomaticus Aevi Saxonici и относится к 984 году. Там сказано, что за изготовление деревянного мужского образа была схвачена и приговорена к смерти ведьма. Ее “утопили, бросив в воду с Лондонского моста”. Река обеспечивала, как считалось, достойное наказание за прегрешение против духа. В упомянутом документе говорится об этой казни как о чем-то само собой разумеющемся, так что подобная расправа с “ведьмой” была, возможно, делом обычным. В XII веке двух женщин, связав их вместе по рукам и ногам, бросили в пруд, называемый Байкпул (близ нынешнего Кройдона), который был соединен с Темзой. Есть некое давно установившееся внутреннее сродство между рекой и тем, что мы называем “язычеством”.

Река в некотором смысле становится священной свидетельницей наказания. Вряд ли можно считать случайным, что два важнейших места казней на суше — Тайберн и Смитфилд — соседствовали с притоками Темзы, Тайберном и Флитом соответственно. Но существует и более прямая связь. В Дагнеме у Темзы стояла виселица, и ее использовали еще в 1780 году. Вешали и на Миллуолском берегу — это показано, в частности, на одной из гравюр Хогарта, посвященных

судьбе “ленивого ученика”. Еще одна виселица располагалась близ Гринвича — там, где сейчас улица Багсбиз-козуэй; не исключено, что название происходит от слова bug (нечистый дух), и это заставляет думать, что место считалось нехорошим. Казнили на виселице, кроме того, близ Блэкуолл-пойнта и в неизвестном ныне месте у реки, называвшемся “ров висельников”. Знаменитый “ров висельников” имеется и в Манчестере — он соединял некогда реки Эрк и Эруэлл; связь между казнью и проточной водой не ограничивается, таким образом, Темзой. Около пристани Батлерз-уорф у Тауэрского моста в Темзу впадал Некингер — один из убранных ныне под землю притоков. Название означает “шейный платок дьявола”, иначе говоря, петлю. Можно предположить, что и там стояла виселица.

Самым известным местом расправы близ Темзы был, впрочем, “док казней”. Он, разумеется, не являлся доком в обычном смысле — там, можно сказать, становились на вечную стоянку люди. Вначале виселица находилась на том месте берега, где потом возник док св. Екатерины, но в XVI веке ее переместили ниже по течению — в Уоппинг. Еще позднее, когда была построена береговая дамба, виселицу переставили из запад-

ной части Уоппинга в восточную. Это привело к путанице по поводу ее местонахождения: по крайней мере два паба претендуют на честь быть расположенными в той самой точке. Приговоренных — по традиции, в основном тех, кому вменялось в вину пиратство, — выводили из тюрьмы (Ньюгейтской или Маршалси), и процессия, которую возглавлял чиновник Адмиралтейства с церемониальным серебряным веслом, направлялась к реке. Там осужденные, по выражению речного люда, "плясали пеньковую джигу". Их тела затем обмазывали дегтем и подвешивали у воды. А после этого их, сковав железными цепями, прикрепляли к деревянному столбу на уровне нижней отметки отлива, и там они висели, пока прилив не омывал их трижды, как река омывала окунаемых "сварливых баб". В "доке казней" вешали вплоть до 1834 года.

Существовали, кроме того, плавучие тюрьмы — печальное зрелище на Темзе на протяжении почти ста лет. Это были отслужившие свое корабли, переоборудованные под места заключения. Первая такая тюрьма появилась в 1776 году, последнее из этих судов сгорело летом 1857 года. "Дискавери", "Ретрибьюшн", "Белликё" — вот названия кораблей, где держали заключенных,

которые в результате американской Войны за независимость, к несчастью, лишились возможности быть отправленными в Новый Свет. Многие тысячи их трудились на принудительных береговых работах в Детфорде, Вулидже, Чатаме и других местах, живя на кораблях, где их держали в оковах. Они населяли нижние палубы, по пятьсот-шестьсот человек на каждой (вновь прибывших определяли на самую нижнюю), и "страдания их, вызываемые беспрерывным звоном цепей, грязью и паразитами" доступны скорей воображению, чем описанию. Один заключенный утверждал, что "из всех ужасающих сцен, что я видывал, эта была самой тягостной… Ни с чем, кроме нисхождения в ад, это сравнить невозможно". Так река стала преисподней. Причал в Детфорде называли в народе "доком мертвецов". Когда заключенный умирал, труп относили в болотистую местность и кое-как закапывали. На заболоченных участках Пламстеда и Арсенала и ныне растет крапива с красными цветками; когда-то их называли "цветами заключенных".

Были и другие тюрьмы около реки. Тюрьма Клинк располагалась в Саутуорке у Темзы; расстояние от речного берега до тюрьмы Флит составляло менее 100 м. Как место заключения

использовался и форт Тилбери, а Миллбэнкская тюрьма (сейчас там территория галереи Тейт) была в свое время знаменитым “современным” учреждением, основанным на идеях Бентама. С воздуха и сейчас можно разглядеть восьмиугольный контур тюрьмы, а скульптура Генри Мура “Сцепленные воедино” стоит там, где заключенные садились на корабли, отправлявшиеся в Австралию. Темза становилась одним из последних образов Англии, которые они уносили с собой.

Глава 22
Речные труженики

В своем новаторском исследовании “Источники лондонского английского языка” Лора Райт перечисляет категории людей, которым в Средние века Темза давала заработок, — от таможенников Куинхайта и Биллингсгейта до вездесущих и незаменимых лодочников. Были “смотрители”, отвечавшие за состояние набережных и плотин; были гартмены, следившие за рыбными садками; были гэллимены, лихтермены и шаутмены — лодочники, плававшие на соответствующих типах судов; были “острожники”, бившие рыбу острогами. За порядком на реке следили водные инспекторы и помощники смотрителей. Серчеры (надзиратели) патрулировали Темзу в поисках нелегальных рыбных запруд, тайдмены (“приливные люди”) работали на затопляемых приливами участках берега.

Каждый из этих родов занятий просуществовал много веков, как и профессии, связанные с речной торговлей. Складские рабочие и грузчики были всегда, но в XVI веке на Темзе они подразделялись

на множество категорий. Работали складские грузчики (элита) и грузчики со значками, грузчики, входившие в различные товарищества и артели. Существовало четыре “братства”, каждое из которых обладало монополией на определенный тип товаров. Вчастности, грузчики со значками пользовались монополией на все, что прибывало из Данцига и из Ирландии. Контроль над определенной сферой бизнеса, разумеется означал, что они получали некие особые привилегии и порой очень щедрую плату. Складским грузчикам за разгрузку ста квартеров (1,27 тонн) солода платили гинею, тогда как другие были рады получить за ту же работу 8 шиллингов 4 пенса. Река всегда была источником разграничений.

Труд, однако, был нелегким. Большую часть грузов носили на спине, так как по причалам и грубо вымощенным прибрежным улицам возить их фургонами или телегами было невозможно; часто товары прибывали в бочках, которые нужно было катить. Если ноша оказывалась велика для одного, ее вешали на палку, которую двое грузчиков клали себе на плечи. Работа шла медленно и обходилась недешево.

Произошло, помимо прочего, любопытное изменение статуса. К концу XVIII века репута-

ция портовых рабочих опустилась очень низко, привлекательность этого занятия сильно упала. Между тем ранее речная работа слыла в целом хорошей, выгодной. Ленгленд в XIV веке писал, что речные грузчики “процветают”. Все грузчики XVII и начала XVIII столетий были полноправными членами городских корпораций и считались в рабочей среде “аристократами”. Но с конца XVIII по начало XIX века все резко изменилось. Одна из причин в том, что рабочая часть реки находилась в Ист-энде, который в те годы приобрел незавидную репутацию.

Можно утверждать, что первое промышленное сообщество в Англии выросло на берегу Темзы. Докеры и грузчики, инженеры и складские рабочие, лодочники и ломовые извозчики, кузнецы и кожевники, клерки и подрядчики — а наряду с ними представители множества вспомогательных профессий: трактирщики и прачки, лавочники и лоточники, бакалейщики и проститутки, торговцы судовыми припасами и устричники — составили многотысячное рабочее население, сконцентрировавшееся в Ист-энде на сравнительно небольшом пространстве. Было подсчитано, что в Шадуэлле примерно 60 % мужского населения составляли моряки и ло-

дочники, еще 10 % занимались строительством и ремонтом судов. У реки наблюдалось большее разнообразие профессий, чем в любой другой части города. В результате, за возможным исключением Севен-Дайелз, Ист-энд был самым густонаселенным районом Лондона. Айл-оф-Догс, к примеру, был в XIX веке усилиями знаменитого строителя Уильяма Кьюбитта тесно уставлен маленькими домиками для рабочих и их семей.

В том столетии работа в лондонских доках считалась самой низкооплачиваемой, неквалифицированной и нерегулярной из всех возможных. Ни то, ни другое, ни третье, строго говоря, не соответствует действительности. Докеры зачастую зарабатывали больше, чем, например, лондонские возчики, и для тех, кто мог делать тяжелую работу, ее было вдоволь. Она считалась, однако, неквалифицированной и грязной, считалась уделом людей низшего пошиба, не способных ни к чему иному. Трудовая Темза — это были пыль и слякоть, грязь и дым. Лица иных грузчиков были синими от индиго или черными от угольной пыли, от их одежды шел въевшийся запах того, что они перетаскивали. На них, кроме того, падала тень дурной в целом репутации лодочников и барочников. Река ассоциировалась с распущен-

ностью и сквернословием, с контрабандой и воровством. Работа на ней или около нее в любом случае пятнала человека.

Это был особый мир со своим языком и своими законами. От матросов-китайцев в опиумных курильнях Лаймхауса до контрабандистов на малярийных отмелях устья речные люди не подчинялись никакой цивилизованной системе ценностей. Чужеродный мир Темзы вливался в их души. Эта чужеродность выражалась в самом сленге лондонских доков, основанном большей частью на произнесении слов задом наперед. Этот сленг повлиял и на рифмованный сленг кокни, так что жизнь Темзы напрямую подействовала на язык лондонцев.

От реки произошли и другие пласты сленга. Тех, кто работал на зерновых складах Миллуольских доков, называли toe-rags (портяночниками). Впоследствии это выражение распространилось как презрительная кличка. Лихтермены Лондонского порта называли лихтерменов, работавших ниже по реке, chalkies (меловыми) или carrot crunchers (грызущими морковь). Портовые грузчики, работавшие в Суррейских доках, назывались stevedores — от испанского estibador (грузчик, упаковщик).

Печатные источники XIX века раскрывают перед нами пестрый трудовой мир доков с толпами поденщиков у ворот, ождающих работы в 7.45 утра. К их числу принадлежали неимущие беженцы, банкроты, отставные солдаты, промотавшиеся джентльмены, уволенные слуги, бывшие заключенные. “Аристократами” доков были четыре-пять сотен постоянных рабочих, получавших регулярное жалованье. Число поденщиков при этом составляло примерно 2500. Генри Мейхью в книге “Труженики и бедняки Лондона” (1849–1850) рассказывает о тех, кто стоял у ворот доков в надежде получить работу: “Одни в сюртуках, наполовину вышедших из моды и порванных на локтях, в просвечивающих через дыры грязных рубашках; другие в засаленных охотничьих костюмах, с красными прыщавыми лицами; третьи в аристократических лохмотьях; четвертые в черном, выцветшем до ржавого оттенка; пятые с модными воровскими завитками волос под щегольской кепчонкой”. Работа, которую они стремились получить, становилась все более неприятной. Например, из-за риска пожара подъемные краны нельзя было приводить в движение силой пара, и ее заменяли ступальные колеса. Шесть-восемь человек входили внутрь

деревянного цилиндра и, держась за канаты, вращали его ногами. За час они могли сорок раз поднять груз весом в тонну примерно на 8 м. Эта часть речной жизни была неведома тем, кто знал Темзу с более картинной стороны.

Существовали и другие виды работы. Дреджеры, или "речные искатели", высматривали в воде предметы, упавшие за борт того или иного из бесчисленного множества плававших по Темзе судов. Пренебрежительное словечко "тош" (ерунда) произошло от деятельности "тошеров" — лодочников, искавших в реке плавающие обломки или то, что было выброшено за борт при опасности кораблекрушения. На затопляемых берегах трудились "жаворонки", немалую часть которых составляли дети и древние старухи, проводившие дни за сбором в грязной жиже кусочков угля, металла и дерева. Дождавшись, когда отлив обнажит берег, они разбредались во все стороны; Генри Мейхью пишет, что они молча, "с бесстрастно-несчастным видом шлепали по грязи, сгорбясь и пристально глядя себе под ноги".

Они принадлежали к числу тех беднейших из бедных, кто, обитая в прибрежных дворах и проулках, ходили, "едва прикрыв наготу неописуемой рванью; тела их были перепачканы речной

слякотью, лохмотья их затвердели как доска от грязи всевозможных видов". Вот каковы они были — люди реки.

Много было на Темзе и гораздо более древних профессий. Например, история реки — это отчасти и история моряка. Эта профессия не претерпела за столетия заметных изменений, хотя перемены в одежде моряков очевидны. В саксонский период они одевались в красное и синее (датские мореплаватели — в черное), но в Средние века они уже носили кожаные безрукавки и костюмы из грубого сукна. В XV веке на них можно было увидеть стеганые куртки и кожаные нагрудники; им давали также кожаные шлемы. В XVI столетии они ходили в коротких куртках белого или голубого цвета и широких, мешковатых брюках; вместо шлемов они начали носить плоские меховые шапки на манер паломников. В конце XVII века мода опять изменилась: появились брюки в полоску, короткие камзолы и ботинки с пряжками. Джон Филдинг-младший писал в 1794 году в своем "Новом лондонском соглядатае" о моряках Уоппинга, что их "манера жить, разговаривать, вести себя, одеваться настолько необычна для них же самих", что они образовали некую особую расу. В начале XIX века

они стали носить брюки клеш, жилеты и полосатые матросские рубахи с открытым воротом; костюм дополняли короткая куртка и черный шелковый шейный платок.

Среди бурлящей человеческой массы на реке и около нее были и более специфические категории: грузчик, носильщик, палубный матрос и множество других. Но особое место занимает фигура лодочника, прославленного в песнях и всевозможных историях как олицетворение реки в ее нижнем течении. Традиционно его считали человеком буйным, неотесанным, угрюмым и грубым на язык.

Корпорация лодочников была создана в 1555 году, но профессия эта, конечно же, гораздо старше. Сохранился, например, документ 1293 года, где лодочников, перевозивших людей между Лондоном и Грейвзендом, обвинили в том, что они "берут с путников непомерно против их воли": вместо обычного полупенса — целый пенс. Подобные жалобы звучали столетие за столетием. В анонимной поэме начала XV века "Лондон-разоритель" автор посещает Лондон:

Я в Биллингсгейт отправиться решил.
– Садись! – гребец мне с лодки закричал.

Его я по-хорошему просил,
Чтобы три шкуры он с меня не драл.
Но он меня и слушать не желал.
– Два пенса! – повторял и повторял.

Была, кроме того, проблема перегрузки. В XIV и XV веках лодочников нередко судили за то, что они брали более трех пассажиров. Им также было запрещено оставлять лодку на южном берегу Темзы, где ее могли присвоить “воры и злоумышленники”. Это ясно показывает, что два берега реки пользовались разной репутацией, что она служила неким рубежом, как и в те далекие дни, когда она разделяла враждующие британские племена. Ограничения вводились и позже: например, в середине XVII века вышел запрет на перевозку людей по воскресеньям. “Возвращаться домой водным путем в день Господень” сочли “осквернением дня сего”, и на обоих берегах Темзы поставили солдат, чтобы арестовывали нарушителей. Тут есть о чем задуматься: почему путешествие именно по воде, а не по суше было объявлено нечестивым? В связи с этим стоит упомянуть, что в XIX столетии существовало “Общество распространения религии среди лодочников, барочников и иных речных

работников”.

Существовало, однако, важное разграничение: лодочниками (watermen) считались те, кто перевозил по реке людей на барках и уэрри, тогда как лихтерменами называли тех, кто перевозил грузы. У лодочников, как и в большинстве иных речных профессий, секреты мастерства передавались от отцов к сыновьям. Приходилось изучать науку приливов, различия между участками реки, воздействие ветра и течения; в любом месте надо было уметь оценить на глазок глубину.

В конце XVI века на Темзе, по некоторым оценкам, трудилось около трех тысяч лодочников, но к началу XVIII столетия их количество возросло до восьми тысяч. К концу века их стало уже двенадцать тысяч, в том числе две тысячи учеников. Другие авторы, однако, приводят куда более высокие цифры: что в XVI веке количество лодочников Темзы составляло двадцать тысяч, а в XVIII веке — сорок тысяч. Все эти оценки, так или иначе, приблизительны. Самое важное — это доминирующее положение речного транспорта. Энергия Лондона, как и страны в целом, была энергией реки. В XIX столетии, однако, число лодочников стало уменьшаться: на Темзе возникли новые виды транспорта, ее пересекли новые мо-

сты — в частности, мост Ватерлоо, построенный в 1811–1817 годах; Мейхью в 1850 году оценил количество лодочников в шестнадцать тысяч.

Они должны были носить бляху на рукаве, но, помимо бляхи, их отличали по особой короткой куртке и шляпе. Самый известный из них — “лодочник-поэт” Джон Тейлор — признал, что “немало в Корпорации нашей людей грубых, неотесанных”, но затем принялся оправдывать их поведение грубостью пассажиров. Кого бы ни пришлось везти — головореза или щеголя — он “не сядет, не разразившись потоком ругательств новейшей чеканки”. Тейлор жалуется далее: “Он орал не умолкая: греби, греби, греби, чтоб тебя холера взяла, греби!.. А когда его подлейшество высадился, где ему нужно было, он велел мне ждать: мол, скоро вернусь, поедем в другое место”. Ожидание, как обычно, было напрасным.

Лодочников подстерегали и другие опасности. Например, в XVII и XVIII веках их насильно забирали во флот, где они ценились благодаря своим водным навыкам. В конце XVIII века Чарльз Дибдин сочинил знаменитую песню о переживаниях лодочника-рекрута:

Уж по Темзе величавой

В лодке мне не проплывать,
У Челсийской переправы
В руки веслышки не брать…

Но, каковы бы ни были их горести, лодочников Темзы обычно считали людьми низкого пошиба, достойными осуждения. Есть знаменитый рисунок Томаса Роулендсона “Лондонские неприятности” (1807), где изображена группа настырных лодочников в характерных шляпах и с бляхами, осаждающих пожилую даму, которая спускается к реке в Уоппинге. “Весла! Весла! Весла! Весла!” — орут они наперебой.

Еще более неприятной публикой, по распространенному мнению, были речные барочники. Они управляли судами, на которых временами и жили. Барки по-иному назывались “судами для каналов”, “обезьяньими лодками” и “вассерами”. Барочники славились драчливостью и едким остроумием. Утверждают, что Ричард Бертон, печальный автор “Анатомии меланхолии”, мог развеселиться только у оксфордского моста Фолли-бридж, где он любил слушать разговоры барочников. Как писал один историк Оксфорда, “под конец ничто не могло его рассмешить, кроме одного: спускаясь к подножию моста в Оксфорде,

он слушал, как барочники ругают и клянут друг друга на чем свет стоит, и тогда он хватался за бока и хохотал от души". Барочники, кроме того, отлично владели редкими способами рыбной ловли и считались умельцами по части сбора и смешивания целебных трав. Они хорошо знали места вдоль берега, где эти травы росли, и продавали их в городах. Барки зачастую были весело раскрашены и расписаны яркими речными пейзажами. Как цыгане, которые некогда вставали у Темзы табором, барочники были особой кастой, где заключалось много внутренних браков. От жителей прибрежных деревень они держались в стороне, и каждая из двух групп относилась к другой с недоверием и презрением. Деревенские по существу приравнивали барочников к цыганам, виня и тех и других во всевозможных проступках и кражах — например, в воровстве утиных яиц. В 1600 году о барочниках отозвались как о "пьяных оборванцах".

В какой-то мере репутацию "лихих людей" барочники заслужили. В 1725 году, когда близ Рединга была сооружена система шлюзов, один из управляющих речным хозяйством получил письмо с угрозами, кончавшееся так: "Твоих людишок всех утопить следоваит так што берегис

пока не позно холера на твою голову. Придеш добра не жди. Барошный народец". В официальных документах о них упоминается нечасто. Но в 1804 году Комиссия по навигации на Темзе провела подзаконный акт, касающийся жалоб "джентльменов и прочих лиц, кои плавают по реке для удовольствия или иных целей", на угрозы, помехи и обиды со стороны барочников.

Речных тружеников вообще часто обвиняли в свирепости. Как замечает Джером К. Джером, "люди, обладающие на суше мягким и кротким характером, становятся грубыми и кровожадными, как только попадают в лодку"[38]. Стенограмма заседания парламентского комитета, рассматривавшего акт 1884 года об охране Темзы, дает представление об одной из важных сторон восприятия реки обществом:

> ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. К какой категории лиц относится ваша жалоба?
>
> СЭР ГИЛБЕРТ. Я часто задавался вопросом: являются ли эти люди дикарями от рождения, или же они становятся дикарями, когда попадают на реку?

---

[38] Примечания: 38

Здесь и далее цитаты из книги "Трое в одной лодке, не считая собаки" даны в переводе М. Донского и Э. Линецкой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какая часть лиц, использующих Темзу таким образом, заслуживает данного вами названия “дикарей”?

СЭР ГИЛБЕРТ. Определенно могу сказать, что это не рабочий класс… Я считаю, что это класс дикарей, произведенных на свет намеренно. И с каждым годом, в течение которого эти дикари используют реку, их число увеличивается.

Сборщиками мостовой пошлины и шлюзовиками тоже немало интересовались, и на их счет высказывались. Сборщик пошлины на мосту был очевидным объектом бесчисленных оскорблений со стороны тех, кто не желал платить за проход (первоначально цена составляла полпенса в будний день и пенс в воскресенье). Под покровом ночи ему могли вложить в руку грязь или камешки. Бродяга мог вручить ему полпенса и, дождавшись, когда он откроет ворота моста, дать сигнал ватаге таких же бродяг, чтобы те прорвались, не платя. Сборщик пошлины всегда был непопулярной фигурой. С началом автомобильной эпохи он стал чувствовать себя еще менее уютно. Когда один водитель на Мейденхедском

мосту отказался платить положенные восемь пенсов, сборщик пошлины выхватил из машины подушку, продал ее затем за три шиллинга и в конце концов вернул хозяину только три пенса, ссылаясь на “дополнительные расходы”. Это было каплей, переполнившей чашу терпения. В полночь 31 октября 1913 года толпа из пятисот человек, подойдя к мосту, заставила муниципальных рабочих разобрать ненавистные ворота. Сборщиков пошлины на лондонских мостах называли tipstaffs (приставами). Они служили до 1879 года, когда большинство лондонских мостов были наконец объявлены “бесплатными и открытыми для публики на все времена”.

В отличие от сборщиков мостовой пошлины, “шлюзовые приставы” существуют и ныне. От истока до Теддингтона (т. е. на участке, не подверженном приливам) действует сорок пять шлюзов. Первые шлюзы с камерами и земляными бьефами были сооружены в Иффли, Сандфорде и Свифт-Диче в 1635 году. В XVII столетии наблюдалась вспышка интереса к прогрессу и практическим усовершенствованиям, особенно в том, что касалось облегчения хода коммерции. И не было никаких причин, чтобы Темза не была подчинена тем же принципам. Так что за этими

шлюзами последовали другие.

Всякое судно, проходя шлюз, должно было платить пошлину, и это вызывало огромное недовольство. Вновь вспыхнули старые споры о том, не дана ли вода Богом и природой всем людям в свободное пользование. Шлюзы впоследствии стали называть “шлагбаумами Темзы”. Так или иначе, с 1770-х годов в нескольких местах вдоль реки началась настоящая строительная лихорадка; первый из новых шлюзов (Боултерз-Лок) начал действовать в 1772 году. Его якобы спроектировал Хамфри Гейнсборо, брат знаменитого художника, и если это правда, Хамфри оказал на речной пейзаж большее влияние, чем его прославленный родич.

Шлюз — это, грубо говоря, участок реки, отделяемый с обеих сторон затворами. За столетия прицип как таковой мало изменился, хотя оборудование было сильно усовершенствовано. Затвор должен быть достаточно прочным, чтобы сдерживать тысячи тонн воды. Баскот — самый маленький шлюз на Темзе, Теддингтон — самый большой, Боултерз — самый загруженный. В Теддингтоне, ниже которого начинается зона приливов, с южного берега можно увидеть маленький лодочный шлюз, шлюз для катеров и

шлюз для барж. На этом участке реки движение судов такое интенсивное, что шлюзы работают почти непрерывно.

На протяжении двух последних веков шлюзовики, в отличие от сборщиков мостовой пошлины, обычно слыли людьми приветливыми и добродушными. Их домики, окруженные цветами, выглядели очень живописно. Работники шлюзов ассоциировались со скрипом затворов, скрежетом лебедки, плеском и бурлением медленно поднимающейся или опускающейся воды. Персонажу книги Элспет Хаксли “Огненные деревья Тики” (1962) задают вопрос: “…кем, если совсем-совсем начистоту, он бы хотел быть? Подумав, Иэн ответил, что его заветное желание — быть шлюзовиком на Темзе. ‘Там я стоял бы среди моих флоксов и львиных зевов и глядел бы, как жизнь чинно проплывает мимо’”.

Это хранители и смотрители реки, поддерживающие на ней порядок и вводящие ее в разумные рамки. До нас дошли имена некоторых из них, живших еще в XVIII веке: Кейлеб Гулд трудился на шлюзе в Хэмблдине, Джордж Кордери — в Темпле; были среди них и женщины — например, вдова Хьюитт с Каллемской переправы и вдова Уолтерс из Уитчерча, наверняка продолжавшие

дело покойных мужей. В марте 1831 года вышло постановление, что женщины не имеют права работать смотрительницами шлюзов, но это правило, видимо, не всегда соблюдалось.

Кейлеб Гулд был своего рода легендой. Позади дома у него стояла большая хлебная печь, и он продавал хлеб проплывавшим барочникам. Он носил длинное пальто с множеством пуговиц и каждый вечер на ужин ел луковую кашу. Может быть, эта каша объясняет странные слова Крота в самом начале “Ветра в ивах” Грэма: “Луковый соус! Луковый соус! — бросал им Крот, и это звучало довольно глумливо…”[39] Смотритель Шиплейкского шлюза в 1880-е годы, известный как мистер Садлер, был пчеловодом, изготовителем декоративных ульев и большим любителем роз. Он, кроме того, писал стихи о пчелах, розах и жизни на Темзе. Вот что он говорит о прилегающей к шлюзу местности:

Отсюда близко город Рединг –
Всего лишь за двумя полями.
Он славится своим печеньем,
И соусом, и семенами.

---

[39] Примечания: 39
Перевод И. Токмаковой.

Некоторые шлюзовики утонули, исполняя свои обязанности, — случалось и такое. Один из них (по меньшей мере) кончил в сумасшедшем доме.

Существовала еще такая должность, как смотритель плотины. Темзу запруживали с тех незапамятных пор, когда люди только начали пользоваться ее водами. Не случайно в одном старинном английском стихотворении об утомленном труженике говорится: “усталый, как запрудная вода”. Плотина всегда таит в себе опасность. Она перегораживает реку и регулирует ее течение или направляет ее по иному руслу. Первые плотины делались из бревен и хвороста и служили примитивными препятствиями, повышавшими уровень воды выше по течению. Затем стали делать две параллельные “изгороди” и заполнять промежуток камнями. Еще позднее плотины приняли вид деревянного моста, ниже которого по дну проходило громадное бревно — “порог”. Между мостом и “порогом” шли вертикальные деревянные доски, так что вся конструкция напоминала забор. Когда надо было пропустить судно, доски убирали, и судно подхватывала возникшая водная струя. Смотрители этих плотин тоже требовали с лодочников пошлину и вскоре стали самыми ненавистными

людьми на Темзе.

Были и другие типы речных преград. Запруды, которые строились для водяных мельниц, создавали сильную струю, вращавшую колесо. Рыбаки опускали в реку верши. На ранних стадиях использования реки мельничные запруды и верши были обыденным явлением, но с самого начала они мешали судоходству, поэтому властители смотрели на них косо. В правление Ричарда I городу Лондону была дарована хартия, где говорилось, что “все преграды для тока Темзы надлежит убрать, где бы они ни были”. Восемнадцать лет спустя плотины были вновь запрещены Великой хартией вольностей. В тридцать третьей статье этого документа, подписанного у Темзы, говорится: “Все запруды на будущее время должны быть полностью сняты с Темзы, и с Медуэя, и по всей Англии, кроме берега моря”. Столь частое повторение запрета наводит на мысль, что его не исполняли. При Ричарде II снова было велено ликвидировать все плотины, но указа опять-таки не послушались. В 1405 году лорд-мэр Лондона сэр Джон Вудкок распорядился разобрать все запруды ниже Стейнза, но вскоре они вновь появились. Их повсеместность показывает, насколько благополучие людей зависело

от запруживания реки. Генрих VI издал указ, запрещающий “прикреплять сети к чему-либо над реками”, а Эдуард IV повелел штрафовать на 100 марок любого владельца запруды. Все эти меры не дали результата. Темза — река чрезвычайно консервативная.

В сравнительно тихих водах верховий обычно строили только запруду, тогда как ниже по течению ее, как правило, соединяли со шлюзом. В XVIII и XIX веках рядом нередко стоял домик смотрителя, служивший, бывало, и гостиницей для усталых речных путников. Зачастую в таком месте сооружался еще и примитивный пешеходный мост. Впоследствии запруды стали выходить из употребления, и многие из них в XIX столетии были разобраны. Часто их заменяли шлюзами, однако во многих случаях шлюз и запруда по-прежнему соседствовали друг с другом. Пешеходные мосты строились также на месте старинных примитивных бескамерных шлюзов.

Запруды были таким привычным явлением на реке, что им давали имена, просуществовавшие много веков: Запруда старика, Запруда старой Нэн, Тростниковая запруда, Запруда Кента, Десятифутовая запруда, Запруда Уинни Уэг, запруда “Ноев ковчег”, Запруда кожевника. В Кавершеме

была запруда, называвшаяся “Трещотки”. Но самая знаменитая и свирепая запруда на Темзе испокон веку называлась “Веревка”. Она расположена близ Сандфорда, между Оксфордом и Иффли, и печально известна обилием утопленников. На берегу там стоит каменный обелиск в память тех, кто погиб в здешних бешеных водах. В потоке крутятся обломки деревьев и старых мостов, всевозможный мусор, даже бетонные блоки.

Мельники Темзы обеспечивали другую обширную и важную часть ее трудовой жизни. Между Оксфордом и Стейнзом насчитывалось двадцать восемь водяных мельниц, из которых пятнадцать упомянуты в Книге судного дня[40], а остальные возникли лишь ненамного позже. Вот вам очередной пример речной консервативности. Водяная мельница как таковая — весьма древнее приспособление; первое упоминание о ней содержится в стихотворении Антипатра Фессалоникийского, датируемом 85 годом до н. э. Первая водяная мельница в Англии была построена, видимо, в v веке, и с тех пор почти пятнадцать столетий

[40] Примечания: 40

Книга судного дня — кадастровая книга XI века, составленная по приказу Вильгельма Завоевателя.

“веселый мельник” удовлетворял хозяйственные нужды округи. Не все, однако, были довольны тем, что он запруживал реку и отводил воду в своих целях. Зачастую он серьезно затруднял этим судоходство, и нередки были случаи, когда он требовал с лодочников денег за проход. Есть старинная арабская пословица: “Чистую воду не заставишь крутить мельницу”. Налагая узду на чистую воду Темзы, мельник, по мнению иных, совершал нехорошее дело. Как писал один анонимный речной поэт,

Хорошим соседом того не считают,
Кто реку для выгоды перекрывает.

Согласно подсчетам, на Темзе было примерно сорок водяных мельниц. Цифра кажется несколько заниженной, но иной источники не приводят. Книга судного дня упоминает о мельнице почти в каждой деревне на Темзе выше Виндзора. Важную роль играли мельницы в Марлоу и Хэмблдине, в Мейплдареме и Херли, в Темпле и Марше. Мельницы имелись в Детфорде и Ламбете. Крупные мукомольные предприятия действовали в Баттерси (компания “Ховис”), в Королевских доках (“Спиллерз”) и на Айл-оф-Догс (“Макдугаллз”).

Необходимость тянуть суда на бечеве существовала, вероятно, с тех самых пор, как на берегах реки появились люди. На пристанях артели бурлаков поджидали случая, когда надо будет протащить барку или иное судно по определенному участку реки. Пока позволяла береговая тропа, шла одна артель, когда тропа кончалась, впрягалась артель на другом берегу. Эти тропы так и назывались “бурлацкими”. Некоторые из этих артелей насчитывали до восьмидесяти человек. Люди шли босиком с перекинутой через плечо бечевой и готовы были по пояс погрузиться в ледяную воду. Вес бечевы доходил до тонны, длина — до 350–450 м.

Это была тяжелая и незавидная работа. Бурлаки трудились на Темзе с незапамятных времен, и лишь во второй половине XVIII века людей начали заменять упряжки лошадей или, изредка, ослов. Как и других речных работников, бурлаков часто обвиняли в грубости, строптивости и сквернословии. Частенько их называли “грозой” приречных деревушек. Разумеется, они много и крепко пили и проявляли все неприятные речные качества.

Грубый язык был отличительной чертой бурлаков и иных тружеников Темзы. Один фран-

цузский путешественник XVIII столетия заметил о барочниках, что они “употребляют особые, непривычные выражения, обыкновенно весьма грубые и забористые, которых я никак не могу здесь привести”. Богохульством и матерщиной лодочники славились со Средних веков и до тех пор, пока их владычеству на Темзе не пришел конец. Брань стала своего рода традицией. В “Оксфордском словаре английского языка” понятие water-language (“водный язык”) определяется как “грубый язык лодочников” и дается отсылка к выражению water-wit (водное остроумие). Остроумия в классическом понимании тут, однако, было мало.

Сквернословие всегда ассоциировалось с Темзой. Одним из словечек, означающих площадную ругань, было попросту “биллингсгейт” — так прославился язык грузчиков и торговок приречного Биллингсгейтского рыбного рынка в Лондоне. “Биллигсгейтской торговкой” могли назвать любую грубую, сварливую бабу.

Дурной язык стал, кроме того, предметом законотворчества. В 1701 году корпорация лодочников запретила своим членам “употреблять нескромные, непристойные и грубые выражения в отношении пассажиров и друг друга, ибо

сие оскорбляет всех благовоспитанных людей и ведет исключительно к развращению юношества". Штраф за "брань и божбу" составлял два шиллинга, за "нанесение обиды пассажирам" — такую же сумму. Но поток сквернословия это не остановило, и в 1773 году продолжали звучать жалобы на "непристойные разговоры" у реки, на "сквернейшую ругань и проклятия". Когда в начале XIX века один обитатель прибрежного дома упрекнул барочника в том, что тот привязал свой канат к его маленькому столбику для ялика, барочник "ответил, что привяжет, если захочет, к моему дверному молотку. Выражения, которые употребляли эти люди, были слышны дамам, находившимся в доме, и совершенно не годились для их ушей".

Впрочем, лодочники были не единственными нарушителями благопристойности. Ричард Джефферис, натуралист и прозаик середины XIX века, писал в эссе "Современная Темза" (1885), что на реке любой считает себя вправе ругаться в свое удовольствие, "ругаться, как ветер дует, — без всякого стеснения. Можно начать в самом устье, у отмели Нор, и проругаться хоть до Криклейда. Сто миль сплошной ругани — отличный ругательный заповедник, одно из чудес

нашей цивилизации". Нередко звучали жалобы на сквернословие экскурсантов и разного рода бездельников, нанимавших лодки для прогулок по Темзе; они имели обыкновение напиваться и оглашать реку "гадкими" и "неприличными" выражениями. У речных докеров брань настолько вошла в привычку, что стала чисто механической. Объяснение этому нескончаемому вольному словоизвержению у проточной воды найти, пожалуй, нетрудно. Причина, вероятно, в чувстве свободы и равенства, которое вызывает у людей Темза с ее долгой историей. Как сказал Джером К. Джером в книге "Трое в одной лодке", "когда человек, плывущий по реке, что-нибудь думает, он сразу это высказывает".

Глава 23
Аборигены

Река может войти в кровь человека. И сегодня на Темзе живут и работают семьи, чья речная история насчитывает много поколений. Это, например, Хоббсы в Хенли, Терки в Кингстоне, Коббсы в Патни, Фелпсы в Хаммерсмите, Мерфи в Уоппинге, Коу в Баркинге, Краучи в Гринхайте, Лаптоны в Грейвзенде, Фишеры в Лаймхаусе и Солтеры в Оксфорде. Создается впечатление, что на каждом населенном участке берега имеется свое главенствующее семейство речников.

Семья Боссомов, жившая в Медли и Уоллингфорде, была связана с рекой по крайней мере с середины XVIII века, и связь эта длилась до 1960-х годов. Барочник Чарльз Боссом был упомянут в 1754 году, а в 1878 году Уильям Моррис написал, что проплыл от Медли до Келмскотта с помощью “Боссома и другого человека, которые провели нас на буксире до самого моста Нью-бридж”. Сохранился снимок лодочной мастерской Боссома близ Оксфорда, сделанный в 1880 году знаменитым речным фотографом Генри Тонтом; эта

мастерская существует и ныне. Компания “Братья Сарджент (Темза)” оказывает такие речные услуги, как лоцманство и гидрографические работы. Связь этой семьи с городом Вулиджем длится три столетия; в частности, Томас Сарджент был в XVIII веке корабельным плотником на Вулиджской верфи. Главный офис компании и сейчас находится в Вулидже. Теддингтонская фирма “Братья Таф”, связанная с Темзой, действует с начала XIX века. Река, кажется, благоприятствует подобным формам преемственности, подобным случаям продолжительного труда и обитания на берегах вечнотекущей Темзы.

Семейство Фриботи впервые упоминается в документе середины XIII века. Это были паромщики и барочники. Джон Фриботи был барочником в Херли в начале XVII столетия. Питер Фриботи в наши дни занимается в Херли лодочным бизнесом и славится изготовлением судов по старинным образцам. Есть и другие речные семейства — Бушнеллы и Вуттоны, Пэрроты и Куперы, начинавшие свои речные труды в качестве засыпщиков гравия или барочников; их связь с рекой продолжается и ныне, когда они обеспечивают все необходимое для речных увеселительных прогулок. Историю семьи Ливеттов

из Грейвзенда и Лондона можно проследить вплоть до начала XVIII века, когда первый Ливетт, французский матрос, поселился в Бермондси. На протяжении последних 150 лет Ливетты занимались буксирным делом, но сейчас у Криса Ливетта процветающий пассажирский бизнес на Темзе; он женился на дочери лодочника и уже обучил своей профессии сына и дочь. Семья Пердью была связана с Шепертоном на Темзе пять столетий, правда, сейчас, кажется, ее уже там нет.

Существует мнение, что местные условия определенным образом повлияли на людей, живущих и работающих, к примеру, в верховьях Темзы или близ ее устья. Те, у кого есть топографическое воображение, склонны видеть в различных человеческих сообществах некие свойства, отражающие поведение реки. Так, жителей верховий считают людьми спокойными и задумчивыми, почти апатичными; обитателей берегов в нижнем течении — напротив, проворными, смекалистыми и шаловливыми. Не исключено, что подобные суждения — плод фантазий. И тем не менее на всяком участке местности, на всяком людском сообществе близ Темзы соседство реки сказалось тем или иным особенным образом. Если семья живет на берегу в течение семи-восьми

поколений (а таких семей по-прежнему немало), Темза составляет часть ее душевного достояния.

Население верховий Темзы до недавнего времени было относительно стабильным; заметного притока людей извне после конца XI века здесь не наблюдалось, и при отсутствии больших городов (за исключением Оксфорда) дух предприимчивости и перемен, свойственный средневековому купцу и современному бизнесмену, проявлялся в этих местах слабо. До Первой мировой войны считалось, что четыре пятых здешнего населения живут и умирают в радиусе десяти миль от места своего рождения. Подобное, конечно же, можно сказать и о многих других сельских регионах, но сравнительная изолированность долины Темзы сделала в ней эту тенденцию очень отчетливой.

Среди исследований и исторических книг, посвященных краю, выделяются “Прогулка по верховьям Темзы” (1922) и “Народные песни верхней Темзы” (1923) Альфреда Уильямса. О людях, населяющих здешние берега, Уильямс говорит как о племени, которым руководит некая незримая сила, некий особый дух. В первой из книг Уильямс представляет Темзу своего рода божеством этих мест, у обитателей которых “вся жизнь подчинена реке, влияющей сотней

способов, тайно и явно, определяющей все и вся, отдающей непререкаемые повеления". Он прослеживает историю жителей верхней Темзы от первых поселений до момента написания книги и по ходу дела сообщает в высшей степени локальные и специфические подробности — от необычного тумана, повисающего над берегом, до популярности пирога с угрем в различных деревнях долины Темзы. Он пересказывает истории о призраках, о похороненных у дорог ведьмах, о пироге из мертворожденного поросенка, которым разрешилась длинноухая белая свинья.

Считается, что жители долины Темзы были до недавнего времени большими любителями пения: можно подумать, в прибрежных тростниках все еще проказничал Пан. Чем выше по течению, тем пронзительней раздавались голоса певцов. В "Народных песнях верхней Темзы" Альфред Уильямс приводит, к примеру, песенные здравицы, звучавшие у самого истока реки. Веселые народные игры и пляски этих мест представляют большой антропологический интерес. Здравый смысл заставляет предполагать, что это остатки чрезвычайно древних ритуалов. Об одной из песен Уильямс замечает, что не слышал ее нигде, кроме как у истока Темзы:

За быка рогатого чарку наливай,
Чтобы у хозяина был знатный урожай,
Чтоб не пустовали наши закрома,
Чтобы не страшна была лютая зима!

Уильямс записал более двухсот песен приречных областей — внушительная цифра для такого небольшого региона. Среди них — “Когда утро на цыпочки встанет”, “У меня было вдоволь тимьяна”, “По склону жизни вниз” и “Хозяин и батрак” (последнюю песню Уильямс называет чрезвычайно популярной “в окрестностях Темз-Хеда и Кембла, Сомерфорд-Кейнса и Оукси”). Иные же из песен звучали в одной-единственной деревне и, видимо, в исполнении одного-единственного певца. Например, “Песня сеятеля, слова миссис Мэкки из Лечлейда”:

Старушка-земля! Хороша ты, как прежде,
В солнечной красно-зеленой одежде.
Свежая передо мной борозда,
И все будет так, как в былые года.

Если можно говорить о сквозных темах собранных песен, то темы эти тесно связаны с характером территории: постоянство и бесконеч-

ное обновление. Иные из песен темны, другие непристойны. Но от всех отчетливо веет духом места. Что любопытно, в них нет диалектных выражений, и Уильямс высказывает мнение, что диалектные песни были искусственно привнесены в середине XIX века. Песни его сборника находятся в рамках, так сказать, “простого саксонского” варианта английского языка.

Уильямс утверждает, что в свое время в регионе Темзы циркулировали тысячи песен. “Мне нередко приходилось слышать, что такой-то покойный местный житель знал две-три сотни песен”, — пишет он. На состязаниях певцов в сельских трактирах побеждал не тот, кто пел лучше, а тот, кто пел больше. Некто “то и дело обращался к жителям деревни или округи, бросая им вызов и заявляя, что способен и желает петь двенадцать часов кряду, с утра до вечера, ни разу не повторяясь”. Состязания затем длились два дня.

В связи с этим Уильямс упоминает Илайджу Айлза из Инглшема, чьи песни были “полны добродушного юмора”, и Уильяма Уоррена, кровельщика из Саут-Марстона, который пел “в романтическо-историческом ключе”. Существовали “певческие семейства” (например, Пиллингеры из Лечлейда и Уилеры из Баскота), где дар

передавался из поколения в поколение. В Лечлейде, кстати, пению обучали в школе. Некоторые деревни особенно славились своими певцами, в том числе Стэндлейк и Касл-Итон. До появления церковных органов в каждой деревушке региона имелся свой оркестрик, состоявший из скрипки, виолончели, пикколо, кларнета, корнета, трубы и загадочного инструмента под названием "лошадиная нога". В начале XX века самыми знаменитыми продавцами напечатанных баллад в долине Темзы считались муж и жена, у каждого из которых было по одному глазу.

Затем, однако, музыка умолкла. Скорее всего, это произошло бы в любом случае, ибо, как пишет Уильямс, "деревенский житель никогда не поет для чужака". Подлинный упадок, судя по всему, начался после того, как полиция запретила публичное пение в местных гостиницах и питейных заведениях. Постепенно традиция была утрачена. Песни умерли вместе с последними исполнителями. Нельзя, конечно, утверждать, что регион Темзы был единственным, где подобные традиции поддерживались в течение многих веков. Но, как замечает Уильямс, поучительно иметь в виду, что этот край, считавшийся "одной из скучнейших частей Англии, отрезанный, можно

сказать, от сердцевины широкого мира", смог создать благоприятные условия для рождения мелодий, "оживлявших" сердца и чувства обитателей здешних берегов. Надолго погрузившись в жизнь изолированного в те времена региона, Уильямс сумел сохранить для нас образы культуры, которая стала сейчас чужой и чрезвычайно далекой. Это была культура реки с традициями коллективных переживаний и песенных состязаний, культура, способная дать ключ к гораздо более ранним эпохам жизни близ Темзы.

Между прочим, у "аборигенов" нижнего течения реки, где ощущаются приливы и отливы, и жителей верховий Темзы есть бросающиеся в глаза сходные черты. Например — певческая жилка. Обитатели Уоппинга и Ротерхайта имели обыкновение незадолго до наступления Нового года собираться на пирсах и причалах, составлявших важную часть их речного мира, и распевать песни. Пароходы и буксиры отвечали им с реки гудками. Существует ли некая глубинная связь между рекой и песней? Жители лондонских береговых районов, помимо прочего, разделяли со своими собратьями из верховий склонность к заключению браков внутри узкого сообщества. В начале XX века газета "Морнинг пост" сообщила,

что из 160 учеников одной из школ так называемого Болотного острова (Бог-айленда) у места, где в Темзу впадает Боу-крик, 100 носят фамилию Ламмин, а остальные 60 — либо Сканланы, либо Джефферисы.

Люди доков, отрезанные от соседей географически, вырабатывали в себе мощный коллективистский дух. Причем даже внутри самого района лондонских доков были свои разграничения. Разводные мосты и массивные ворота отделяли жителей Айл-оф-Догс от жителей Ротерхайта; между ними вспыхивали жестокие конфликты. Например, в марте 1970 года обитатели Айл-оф-Догс заблокировали мост и объявили себя независимой республикой с населением в двенадцать тысяч человек. Акция протеста продлилась один день. Улица Ротерхайт-стрит, которую в народе называли Центром (Downtown), отличалась от соседних Бермондси и Саутуорка. Но общей у всех этих участков была вовлеченность в речную жизнь. Темза была для жителей местом работы (чаще всего временной) и краткого отдыха, средством передвижения, сточной канавой. Она была средоточием их бытия; прибрежные улицы и переулки безошибочно выводили к причалам и лестницам, спускавшимся к темной речной

воде. Дети собирали на берегу кусочки угля и плавник для отопления жилищ. Постороннему наблюдателю могло показаться, что жизнь для большинства береговых людей складывалась из темного дома и темной улицы, — однако там, где таких домов теснится тысяча с лишним, может загореться дух приключений и чудес.

Тем, кого интересуют обычаи Темзы, пришедшие из глубокой старины, полезно было бы изучить жизнь речных цыган. В XIX и начале XX века цыгане славились как искусные рыболовы, хотя совершенно не пользовались при этом удочками, а по-старинному били рыбу острогами или глушили ее тупым приспособлением, похожим на деревянный меч. Из ивняка они мастерили примитивные лодки, похожие на каноэ. Их навыки, таким образом, имели чрезвычайно древнее происхождение.

Прибрежные жилища обычно считались такими же сомнительными, как их обитатели. Маленькие, не отвечающие санитарным требованиям деревенские домики у Темзы не рассматривались как нечто достойное обсуждения; причальные рабочие и барочники Марлоу и Хенли (барочники никогда не жили на своих судах постоянно) населяли сплошные ряды сырых

и узких домишек, и респектабельные горожане старались на этих улицах не появляться. А вот береговые районы Лондона постоянно становились предметом мрачных и горьких описаний. Мир Уоппинга и Ротерхайта составляли ветшающие дома, темные и зловонные улицы, на которые лишь изредка бросал бледный свет газовый рожок с разбитым стеклом высоко на сырой стене. Неровно вымощенные булыжником улочки, которые шли от Тули-стрит мимо Хоул-ин-де-Уолл к Детфордским докам или от Тауэр-стрит вдоль Уоппинг-Хай-стрит к Лаймхаусу и Айл-оф-Догс, были застроены тавернами, ломбардами, борделями и приземистыми домами, где сдавалось жилье матросам. Не исключено, что жилища тех, кто бороздит моря, всегда представляют собой нечто временное и второразрядное. Моряк их только терпит, а любит он свой корабль. Ночью эти улицы, носившие такие названия, как Малабар-стрит, Кантон-стрит, Амой-плейс и Пекин-стрит, заливала чернильная тьма, которую лишь иногда немного рассеивал дальний или приглушенный свет. Застройка была такой однородной и вместе с тем хаотичной, что проводились сравнения с коралловыми рифами, растущими в океане. Люди и их жилища во всех отношениях испы-

тывали определяющее влияние реки. Темзу, что любопытно, увидеть можно было редко: она была некоей незримой сумрачной силой, стоявшей за этими убогими улицами.

Книгой, где наиболее явственно и живо показаны приречные кварталы, стали “Лаймхаусские ночи” Томаса Берка, вышедшие в 1917 году и произведшие в то время сенсацию — во многом благодаря концентрированным описаниям нищеты и мерзостей, скопившихся в районе, который никто ранее не отваживался исследовать. Это был мир “ядовитого мрака и безмолвия”, где в воздухе висел едкий запах и где “всякий угол, тускло освещенный унылым огоньком оголенного газового рожка, казалось, таил в себе нечто жуткое, и ощущение опасности преследовало тебя на каждом шагу”. Возможно, автор тут слегка перегибает палку, но подобные пассажи уравновешиваются более спокойными описаниями “магазинчиков на любом углу, торгующих жареной рыбой”, и лавчонок, куда сносили всевозможное тряпье, железный лом и кухонные отбросы.

Река создала свой особый язык. В книгах Альфреда Уильямса рассказывается, в частности, о местном говоре долины Темзы. Слово chorus

здесь произносилось как “кориус”, break — как “брик”. Звук “у” здесь часто заменяли на “в”: например, имя Уильям звучало как “Вильям”. Могло ли это произношение, совершив путешествие вниз по Темзе, повлиять на лондонский диалект кокни середины XIX века? Не исключено, что на речи верховий оставил отпечаток некий древний язык, давно вышедший из употребления, возможно, произошедший от уэссекского или мерсийского наречия.

Высказывалось мнение, что английский язык как таковой зародился среди первых сообществ, живших на берегах Темзы, и что общенациональным его сделал затем король Альфред, которому были привычны диалекты Уоллингфорда и Фарингдона. Это не такое экстравагантное предположение, как может показаться. Существует глубокая связь между рекой и языком, примером которой служит возникновение письменности на приречных равнинах Месопотамии. Первые города возникли на берегах рек, и потребность в широком общении возникла, таким образом, у проточных вод. В древних мифах реки приравнивались к “гласу Божьему”, и в античных текстах цветистые риторические периоды назывались flumen orationis — потоками речи. Не случайно

мы говорим о “плавности” созвучий. Вода — божество-покровитель свободно изливающейся, связной речи, щедрой на ассоциации, исполненной ритма и гармонии. Эта метафора долговечна, ибо покоится на древнем соотнесении. Рескин однажды сказал об отношениях между Тернером и Темзой, что художник понимал ее язык.

На ее берегу некогда жил один человек, устами которого говорил дух места. Дуглас Челлоу родился в 1790 году на Хай-Тимбер-стрит в Ротерхайте, и всю жизнь он обитал и бродил в окрестностях реки на отрезке от Челси до Саутенда. Однажды у моста Блэкфрайерз с ним повстречался писатель и журнальный редактор Чарльз Уайтхед, впоследствии описавший странное знакомство: “Он ломал себе руки, словно все представлялось ему безнадежным, но затем вдруг успокоился и стал весь улыбка и предупредительность. Мне показалось, что он хочет просто-напросто поведать о своей любви к реке любому, кто согласится слушать, и то, о чем он говорил мне тогда и во время наших многих последующих встреч, неизменно вызывало у меня интерес”.

Челлоу рассуждал о римлянах и саксах, устанавливавших на Темзе свою власть, о проплывавших через Лондон средневековых купцах, о монахах,

строивших свои обители на берегах реки; он говорил о Чосере и Тайлере. Он описывал грандиозные “морозные ярмарки” на льду Темзы, а после гибели “Принцессы Алисы” в 1878 году[41] он ходил взад-вперед по речному берегу с плакатом: “КАКИЕ МЫ ВЛАДЫКИ МОРЕЙ? МЫ ДАЖЕ НА ТЕМЗЕ НЕ МОЖЕМ УДЕРЖАТЬ НА ПЛАВУ ПРОГУЛОЧНОЕ СУДНО! РЕКА СВЕРШИЛА СВОЮ МЕСТЬ”. В полицейских отчетах того времени говорится, что его часто видели с этим плакатом у временного морга для жертв кораблекрушения и у здания суда, где выносились заключения о причине смерти.

Он был убежден, что река — некое божество, подобное античному, божество порой благосклонное, а порой свирепое, которое нужно задабривать. Он печатал листовки, где речь шла о речных пиратах и жуликах, озаглавленные: “Преступления против реки Темзы”, как будто пострадавшей стороной была сама река. Под конец жизни он построил себе хижину на речном берегу в районе Гринвича. Каждое утро, как пишет Алан Уайкс в книге “Взгляд на Темзу” (1966),

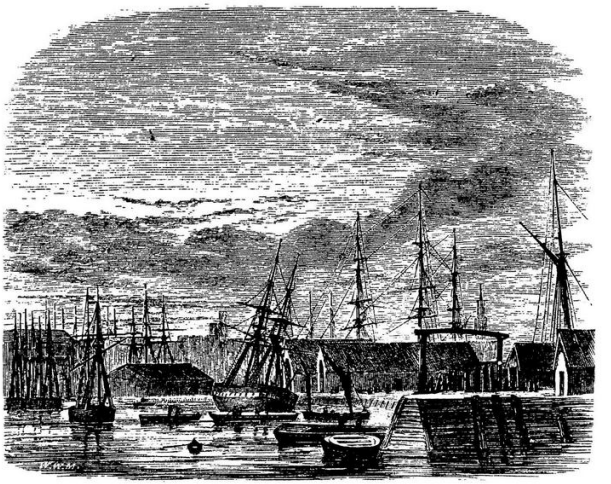
---

[41] Примечания: 41

Пассажирский прогулочный пароход “Принцесса Алиса” затонул в Темзе 3 сентября 1878 года после столкновения с другим судном. Погибло несколько сотен человек.

он воздавал реке хвалу: “молитвенно вскидывал руки, затем ложился на берегу ниц и упрашивал лондонскую реку признать в нем своего адепта”. Однажды утром, во время отлива, у Темзы нашли его труп.

VIII
Торговая река



Вход в Вест-Индский док

Глава 24
Мировая торговля

Дэниел Дефо в “Путешествии по всему острову Великобритания” (1724) писал, что каждый день на Темзе пребывает примерно две тысячи судов. Но главный интерес для него представляет не это, а совокупный доход, который приносит река. Для него “серебряная Темза” была серебряной в буквальном смысле — была жидкой валютой, текущей сквозь сердце Лондона. Темза всегда была торговой рекой. В ее низовьях от Нора до Лондона и его окрестностей постоянно шла кипучая деятельность. Темза в изобилии видела пот, и труд, и жадность, и бедность, и слезы. Ее доки, пристани и фабрики в свое время входили в состав гигантской имперской машины, однако ее коммерческая история уходит в гораздо более глубокую древность.

В XII веке здешний порт уже воспринимался как старинный. До нас дошли стихи этого столетия, включенные автором Уильямом Фицстивеном в предисловие к его биографии св. Фомы Беккета “Vita Sancti Thomae, Cantuariensis Archiepiscopis

et Martyris". Фицстивен перечисляет богатства, которые купцы доставляют по морю:

Аравийское злато, пряности и благовония из земли Савейской,

Острое оружие Скифии, пальмовое масло

С плодородных земель Вавилона, нильские дорогие каменья,

Теплые норвежские меха, ценные русские соболя,

Сирийские богатые одеянья, галльские вина —

Все сюда прибывает.

Уже тогда на Темзе имелись пристани для выгрузки и погрузки пшеницы, ржи и вина, льна, пеньки и полотна. В XIII веке недалеко от лондонского Тауэра была так называемая Галерная пристань, у которой останавливались галеры, ежегодно приплывавшие в Лондон из Венеции. Их охранял отряд лучников. Самым важным экспортным товаром того времени, который грузили на венецианские галеры в обмен на сахар, пряности и шелка, была непряденая шерсть. В XIV веке, согласно оценкам, за год в заморские

страны отправлялось сто тысяч мешков шерсти. Торговый оборот так вырос, что в XIV и XV столетиях в Шадуэлле, Ротерхайте и Детфорде возникли крупные судовые верфи. Они действовали там впоследствии четыре сотни лет. В XVI веке вдобавок открылась огромная верфь в Блэкуолле. Вся эта деятельность, в свою очередь, привела к тому, что к берегам реки стали стекаться разнообразные ремесленники — бондари, изготовители парусов и т. д. Как и для грузчиков и других портовых рабочих, Темза была прямым источником заработка. На Тули-стрит пекли галеты и занимались доставкой припасов на суда, в Уоппинге действовали корабельные снабженцы, в Лаймхаусе вили судовые канаты. С XVI столетия процветали и прочие профессии, связанные с рекой. В тюдоровскую эпоху ружейный порох производили на ротерхайтских водяных мельницах, позднее его изготовляли у реки в Гринвиче и Вулидже. Пушечные ядра и ружейную дробь отливали опять-таки у Темзы.

В XVII веке было объявлено, что “громаднейшие суда, приплывающие по морю, заходят прямо в Лондон и разгружаются в самом сердце града сего”; эти суда “либо привозят нам, либо увозят от нас в чужие края все товары, какие есть на свете”.

Торговля неизменно шла очень бойко. В 1606 году король Яков I предоставил городу Лондону право взимать пошлину со всего угля, зерна, соли, яблок, груш, слив и некоторых иных товаров, привозимых по реке. Три года спустя к этому списку были добавлены растительное и сливочное масло, хмель, мыло и сыр. Третий указ, выпущенный еще через семь лет, повелевал, чтобы весь уголь выгружался через официальные пристани. Было "общеизвестно", что Темза "необходима, удобна и полезна" для жизни города. Неудивительно, что в конце XVII века через лондонские пристани проходило 80 % экспорта и 69 % импорта страны. Иноземный граф Магалотти, написавший в 1669 году "Путешествие по Англии", насчитал между Лондонским мостом и Грейвзендом 1400 больших кораблей, "помимо коих там плавали меньшие суда и лодчонки, почти без числа, непрестанно сновавшие туда-сюда и покрывавшие собой всю реку". Ему было сказано, что "более шестисот тысяч человек ночует на воде"; если так, то это было крупнейшее в Европе речное сообщество. Однако не все товары начинали или кончали свой путь в Лондоне. Особые суда с мелкой осадкой поднимались с грузом до Оксфорда и даже выше; "западные барки", как их называли, курсировали

между Лондоном и Оксфордом круглый год.

В “Carriers Cosmographie” (1637) — одной из книг, где “лодочник-поэт” Джон Тейлор описывает свои путешествия, — сказано, что “к Бычьей пристани (близ Куинхайта) дважды или трижды в неделю причаливают, а затем отчаливают огромные суда, кои плавают из Лондона в Кингстон; также туда часто подходит судно из Коулбрука… Рединг-ское судно прибывает в Куинхайт единожды в неделю”. Сохранился список товаров, которые повез вниз по реке в 1793 году один барочник из Лечлейда, в их числе — “железо, медь, олово, латунь, цинк, пушки, сыр, гвозди… и орудийные снаряды”. Русло Темзы между Абингдоном и Кри-клейдом было прочищено, чтобы лодки и барки могли подниматься выше. Подсчитано, что за год из Оксфорда в Лондон доставлялось около 3000 тонн сыра. А лондонским лошадям, конечно же, требовалось огромное количество сена; в нем поистине заключалась энергия города.

Речная торговля преобразила берега Темзы. Дворец Дарем-хаус был снесен, и на его месте воз-никли биржа и торговые пассажи. Солсбери-хаус разрушили, чтобы построить доходные дома. Та же судьба постигла Арундел-хаус. Эссекс-хаус, ко-торым владел Роберт Девере, второй граф Эссекс,

в 1674 году перешел в руки спекулянта недвижимостью Николаса Барбона; большую часть дворца Барбон снес, а из камня построил опять-таки доходные дома. Барбон сполна использовал к своей выгоде стремление стандартизировать застройку после Великого пожара. Прямым результатом его деятельности стало превращение участка между Стрэндом и Темзой в сеть узких улочек с жилыми домами, которые изредка перемежались харчевнями или тавернами. Полоса вдоль самой воды была заново застроена в соответствии с принципом коммерческой выгоды: где прежде к реке спускались сады аристократов, возникли пристани и причалы для нужд пивоваров и торговцев древесиной. Это был знак серьезных перемен в жизни реки.

В “Письмах” заграничного путешественника И. Г. Майстера (1791) говорится, что Лондонский порт стал “предметом изумления и восхищения для всех”. Он также советовал приезжим “взять лодку и поплавать по Темзе, дабы увидеть на лоне сей благородной реки тысячи и тысячи судов… вы непременно должны будете признать, что никогда раньше увиденное вами не давало вам столь ясного понятия о приятных и благотворных последствиях деятельности людской”.

Если XVIII век был эпохой бурно растущей и щедро финансируемой торговли, то ни в коем случае нельзя считать случайным, что именно тогда появились первые лондонские газеты. “Дейли курант” начала выходить в 1702 году, и с самого начала ее задачей было сообщать городским коммерсантам новости о заморской торговле и о событиях, которые могли на нее повлиять. Сама знаменитая Флит-стрит удобно располагалась поблизости от Темзы. Газета “Ллойдз лист”, основанная в 1734 году, была в первую очередь посвящена новостям о движении кораблей в Лондон и другие места. Возникшая в 1785 году газета “Дейли юниверсал реджистер” (позднее превратившаяся в “Таймс”) печатала главным образом заморские новости. Даже на венецианском Риальто так не кипела жизнь и люди не были так хорошо информированы, как на берегу Темзы.

В своем “Путешествии” Дефо делает упор на обилии леса, солода и муки, поставляемых по реке в Лондон. Вода Темзы была для него живой кровью страны, а лондонские пристани и верфи казались ему чем-то “почти бесконечным, и составных частей, которые мне надлежит в настоящем описании отделить друг от друга, так

много, что не знаешь, с чего начать”. Ниже по реке он насчитал три мокрых дока, двадцать два сухих дока и более тридцати верфей. На реке к тому времени стало так тесно от кораблей, что можно было перейти с одного берега на другой по их палубам. Дефо и сам был приречным коммерсантом: он владел черепичной мануфактурой на берегу Темзы близ Грейза. В XVIII веке река была вдохновительницей не для поэзии нимф, а для поэзии торговли. Не случайно Джеймс Томсон, автор “Времен года” (1726–1730), восхвалял Темзу за то, что она

> *Расшевелила хлопотливого купца; построила обширный склад;*
>
> *Воздвигла мощный кран; заполонила улицу*
>
> *Иноземным изобилием; все это, О ТЕМЗА, – твой поток,*
>
> *Огромная, добросердечная, глубокая, величественная*
>
> *властительница вод!*[42]

Река создавала и иные отрасли ремесла. На

---

[42] Примечания: 42
Подстрочный перевод.

ее берегах выросли мельницы и фабрики, в частности, печально знаменитые “вонючие производства”, расположившиеся в стороне от густонаселенных районов, но поблизости от Темзы как источника водной энергии и резервуара для отходов. В Ламбете и Фулеме действовали гончарные мастерские, в Челси, Боу и Лаймхаусе — фарфоровые заводы; в Воксхолле и Саутуорке работали стеклодувы; в Шадуэлле и Детфорде изготовляли краску и чернила, там же занимались крашением тканей; в Ратклиффе и Уайтчепеле варили сахар. Бермондси знали как место, где дубили кожу и делали уксус; оба эти дурно пахнущие производства создавали району “вонючую” славу даже в первые десятилетия XX века. И, разумеется, невозможно забыть про пивоварни и винокурни, занимавшиеся одним из старейших береговых ремесел. В Пимлико и Саутуорке делали как пиво, так и джин; пиво варили также в Ротерхайте, Ламбете, Лаймхаусе, Майл-Энде и дальше вверх по течению — в Уондсворте, Чизике и Мортлейке. В Саутуорке построили Биржу хмеля (здание существует и по сей день).

Суда, привозившие хмель, соседствовали у причалов с барками, пять столетий доставлявшими в столицу каменный уголь с северо-востока

Англии. Эти барки были размером с большие корабли, многие водоизмещением в 200 тонн и больше. Как писал тот же Томсон, “громадный надвигался борт, от угля черный”. Уголь, между прочим, был самым важным из товаров, доставляемых по Темзе. В произвольно выбранный момент на реке находилось до семисот судов-“угольщиков”, обеспечивавших топливом миллион домов. Налог на ввоз угля дал средства на постройку в Лондоне новых церквей после Великого пожара, так что речная торговля в прямом смысле подействовала на облик города, и облако угольной пыли, постоянно висевшее над портом, было зримым свидетельством зависимого положения столицы.

Глава 25
Река необъятности

Одним из чудес Темзы была система доков.

Первый специально сооруженный док для грузовых судов в Лондоне — Брауншвейгский — был открыт в 1789 году. Рядом построили громадную (высота — 36,5 м) башню с краном для подъема мачт, которая много лет господствовала над округой как символ морской торговли и мощи. Это был некий "майский шест", воздвигнутый в честь богов коммерции, которые считали теперь Темзу своим достоянием. Первый док, разумеется, имел речное происхождение: он вел родословную от древних мест стоянки судов у Биллингсгейта и Куинхайта. Порт в Лондоне существовал и в римскую, и в саксонскую эпоху. Склады римской поры были массивными сооружениями с каменными стенами и деревянными полами, они нередко делились на отсеки для удобства хранения товаров. Участок суши, примыкавший к доку, много веков назывался Romeland, что звучит как "Римская земля", хотя происхождение слова неясно.

Средневековый лондонский порт состоял из

глубоководных Биллингсгейтской и Куинхайтской гаваней, к которым позднее добавился Даугейт чуть выше по течению. В 1170 году у немецких купцов уже была близ Даугейта своя база — Стильярд, получившая название от слова, которое обозначало безмен для взвешивания товаров. В XII или XIII веке для стоянки судов, судя по всему, начали использовать и реку Флит (которая по-другому называлась Брайдуэлл). Однако большинство кораблей, приплывавших в Лондон, становились на якорь поодаль от берега, и товары с них выгружались сначала на барки.

Природу лондонского порта изменило одно существенное обстоятельство. Фицстивен пишет, что к концу XII века стена, которая шла вдоль берега и отделяла город от Темзы, стала рушиться. Это мгновенно открыло доступ к берегу, здесь стали возникать новые склады и лавки, из которых образовался процветающий рынок. Он рос и рос, подверженный неясным и неконтролируемым закономерностям, пять последующих веков. Мало-помалу торговля распространялась вниз по реке, все дальше от двадцати так называемых “официальных пристаней”, построенных в правление Елизаветы I на северном берегу реки между Лондонским мостом и Тауэром. При-

станями (quays) назывались места, где можно было легально разгружать и загружать корабли. Причалы (wharves) вначале предназначались только для барок, но позднее их стали использовать и морские торговые суда. Новыми местами стоянки судов — так называемыми неофициальными причалами (sufferance wharves) — стали Ратклифф и Поплар, и Ост-Индская компания начала использовать Блэкуолл. “Неофициальные причалы” в Бермондси были сооружены на месте средневековых амбаров; так что налицо преемственность. Еще один указ Елизаветы запрещал строительство на берегах Темзы частных домов: они могли бы помешать коммерции. Все это говорит о первостепенном значении торговли в истории реки.

Доки — это, по существу, небольшие открытые гавани, искусственно врезанные в берег и способные принимать суда всех типов. Первое упоминание, по крайней мере в знакомой нам форме, о доке на Темзе, относится к правлению Карла II. 15 января 1661 года Пипс записал в дневнике, что плавал на лодке в Блэкуолл, где осматривал новый док и мокрый док, в котором “скоро должен быть спущен на воду превосходный новый торговый корабль”. Пять лет спустя

Великий пожар, казалось, поставил на грань гибели все, чего достиг лондонский порт. Пожар, по существу, начался на территории порта, на улице Пудинг-лейн, и содержимое складов, где, помимо прочего, хранились такие легковоспламеняющиеся материалы, как бренди и сера, деготь и смола, немало способствовало распространению огня. Как и позднее, во время бомбардировок Второй мировой, морская торговля Лондона содействовала разрушению столицы. Но коммерцию на Темзе, просуществовавшую не одну тысячу лет, не так-то легко было убить. После Пожара она только выросла и продолжала неуклонно расти. В 1696 году парламент принял билль о строительстве в Ротерхайте того, что впоследствии получило название Большого мокрого дока Хауленда. Он располагался на площади 10 акров (4 га) и содержал более 292 700 тонн воды. Док мог свободно вместить сто двадцать крупнейших на те времена торговых кораблей и способствовал консолидации возможностей района, расположенного ниже порта по течению. Позднее его переименовали в Коммерческий док.

Затем, в самом начале XIX века, был принят “акт о компании Вест-Индского дока”, и весь ландшафт лондонской Темзы преобразился. Пер-

вой из проблем была скученность. Подсчитали, что в 1800 году на водном участке, где нормально могли расположиться только 545 судов, их теснилось 1775, и вдобавок поблизости стояло примерно 3500 барок. Результатом, конечно, были длительные простои. Корабль мог ждать места для разгрузки неделю, а то и две. Существовала, кроме того, проблема безопасности. При таком количестве ценных товаров, подолгу находящихся на судах, эти товары становились очевидной приманкой и легкой добычей для армии “речных пиратов”, “налетчиков” и прочих. Проблемой было и плохое хранение. Сахарные склады вмещали примерно 32 000 хогсхедов[43] при годовом импорте в 120 000 хогсхедов; при благоприятных обстоятельствах этого хватало бы, но беда в том, что весь сахар прибывал в течение трех месяцев.

Коммерсанты и судовладельцы были едины в своих претензиях и в своем желании обеспечить кораблям удобную и охраняемую стоянку в лондонских водах. Парламентскому комитету было предложено восемь различных планов, предполагавших углубление реки и создание сети каналов. Звучали, конечно, возражения тех,

---

[43] Примечания: 43

Хогсхед — мера емкости (приблизительно 240 *л*).

кому существующее положение было выгодно. Протестовали грузчики и возчики, работавшие на берегу; протестовали лихтермены, переправлявшие на берег грузы с далеко стоящих судов; протестовали владельцы различных пристаней и причалов, которым грозило резкое уменьшение доходов; протестовали даже городские власти столицы, заявившие, что вырезать кусок лондонской территории для сооружения доков — значит нарушить древние права и привилегии города.

Возражения тем или иным образом были учтены, и 23 мая 1800 года билль о сооружении доков в Уоппинге и на Айл-оф-Догс обрел силу закона. Эта дата знаменует рождение новой реки в ее нижнем течении. Изменилась и натура самого города: ко второму десятилетию XIX века Лондон стал единственной в своем роде совмещенной политически-финансово-морской столицей. Ни Санкт-Петербург, ни Лиссабон, ни Амстердам не могли с ним сравниться в этом отношении.

Прямым следствием нового предприятия стало то, что отрезок Темзы между Вестминстерским мостом и Гринвичем стал называться “лондонской рекой”. Возникли также понятия “верхний пул” (участок реки от Лондонского моста до Тауэрского) и “нижний пул” — от Тауэрского

моста до Бермондси. Вместе они составили так называемый “лондонский пул” (London Pool). К Вест-Индскому доку, сооруженному в северной части полуострова Айл-оф-Догс, вскоре добавились Лондонский док в Уоппинге, Ост-Индский док в Блэкуолле и Суррейский док в Ротерхайте. Тем самым возникла крупнейшая в мире система мокрых доков. В 1820 году в Лаймхаусе был построен Риджентс-кэнал-док, который позволил доставлять товары на судах в глубь городской территории по имеющейся сети каналов. Затем — в 1828 году — был введен в действие док св. Екатерины (Сент-Кэтрин). В определенных отношениях его строительство было отнюдь не бесспорным начинанием, ибо сопровождалось сносом старинной больницы св. Екатерины с церковью Сент-Кэтрин-бай-де-Тауэр. Были, кроме того, стерты с лица земли многие старые улицы, в том числе такие нездоровые во всех смыслах прибрежные уголки с красноречивыми названиями, как Темный въезд, Кошачья дыра, Черпачный переулок, Грачовник и переулок Позорного столба.

Сооружение новых доков принесло мгновенные и глубокие перемены. Корабли теперь разгружались не месяц, как бывало раньше, а три-четыре дня. Первостепенной заботой стала

безопасность, и в Грейвзенде на всех кораблях перед тем, как подниматься в верх по реке, задраивались люки. Предотвращая случайное или систематическое воровство, к новым пристаням не пускали ни грузчиков, ни повозки. Даже просыпавшийся сахар, найденный в трюме, собирали и продавали к выгоде коммерсанта. Высота стен, окружавших новые доки, составляла 6 м. Как мы уже видели, для охраны речного товарооборота было создано первое регулярное полицейское подразделение в стране.

Когда для того, чтобы связать построенные доки с центром Лондона, была проложена новая магистраль, ее весьма удачно назвали Коммершл-роуд (Торговой дорогой), и на камне, заложенном в фундамент Вест-Индского дока, было начертано: “С Божьей помощью да принесет сие предприятие устойчивость, приращение и благолепие британской коммерции”. Сооружение доков оплачивалось именно ею, британской коммерцией, и стало крупнейшим в истории страны предприятием, финансируемым из частных источников. Нелишне будет отметить, что оспорить первенство того проекта может, пожалуй, гигантское современное строительство комплекса “Докленд” на том же самом месте.

Река, как давно уже понял Дефо, привлекает к себе деньги. В ней по-прежнему течет не вода, а жидкое серебро.

Доки создавались с тем расчетом, чтобы рождать ощущение необъятности. Первые кирпичные склады, построенные тогда на берегах Темзы, были обширны, как дворцы, и неприступны, как замки. Их главный архитектор Дэниел Эшер Александер, пожалуй, более всего известен как автор проектов английских тюрем, в частности, Мейдстоунской и Дартмурской. В доках необходимо было обеспечить максимум порядка и защиты; вместе с тем река рождает определенные образы и ассоциации, и сэр Джон Саммерсон в “Георгианском Лондоне” (1946) сравнивает постройки Александера с фантастическими гравюрами Пиранези: “В то время как Кольридж переворачивал листы ‘Opere Varie’[44], а молодой Де Куинси доводил себя до пиранезийского исступления, Александер превращал свои впечатления от Carceri[45] в тюрьмы и склады”.

О табачном складе в Уоппинге восторженно

---

[44] Примечания: 44

Opere varie (*ит.*) — разнообразные произведения.

[45] Примечания: 45

“Тюрем” (*ит.*) Имеется в виду цикл гравюр Пиранези “Фантазии на тему темниц”.

писали: “Здесь единою крышей покрыто больше земли, чем в любом другом строении, общественном или коммерческом, за исключением разве что египетских пирамид”. Стены, окружавшие лондонские доки, были длинней и выше, чем стены, которыми был некогда обнесен Лондон. Возникли целые искусственные озера площадью примерно в 300 акров. Болотистые земли Айл-оф-Догс были осушены.

Многочисленные рисунки и гравюры, литографии и акварели красноречиво говорят о гордости, об успехах на протяжении двух столетий. На гравюре “Открытие дока св. Екатерины 28 октября 1828 года” — величественная панорама больших кораблей, флагов, толп; многие мужчины размахивают цилиндрами, группы людей теснятся на балконах высоких складов подле водоема. Глядя на гравюру “Большой мокрый док Хауленда в Ротерхайте” (1700), зритель как бы летит высоко над обширным искусственным озером, окруженным полями и болотами; по краям дока — аккуратные ряды деревьев, посаженных не для красоты, а для защиты от ветра. “Брауншвейгский док в Блэкуолле” (1803) — большая речная панорама работы Уильяма Дэниелла, дающая хорошее представление о масштабе предприятия: три де-

сятка больших кораблей стоят ровными рядами, а река, петляя, уходит вдаль — к морю.

Дэниелл создал немало акватинт, изображающих новые доки, и все они выполнены с таким размахом, что его можно, пожалуй, назвать художником этой коммерческой революции. Его “Новые доки и склады незадолго до завершения, в 1802 году, на Айл-оф-Догс близ Лаймхауса” — это целая Венеция в миниатюре. “Вид Лондонского дока в 1808 году” представляет нам громадный “город в городе”; при этом на реке как таковой кораблей не меньше, чем в доке. Он был великолепным рисовальщиком, уделявшим, наряду с перспективой, много внимания деталям, что не мешает нам ощущать грандиозность целого. Те, кто хотел подчеркнуть не столько материальное, сколько духовное величие нового порта, часто приводили цитату из Иезекииля: “И скажи… поселившемуся на выступах в море, торгующему с народами на многих островах… Пределы твои — в сердце морей; строители твои усовершили красоту твою”. Многое из того, что связано с рекой, может вызвать религиозный отклик.

В свой черед возникли док Богоматери и Российский док, Альбион-док и Лавандовый пруд, Гренландский док и Желудевый пруд, Канад-

ский док и Квебекский пруд. Возможно, самое замечательное во всем этом то, что с реки они были почти невидимы — скрыты за высокими складами и фабриками, отделены каналами, так что казалось, будто корабли проглотил сам город. Как бы то ни было, доков, сооруженных в первые десятилетия XIX века, оказалось недостаточно. Использование пароходов на морях потребовало строительства более обширных и глубоких доков. Водоизмещение крупнейших парусных судов составляло 1500 тонн, между тем пароход “Грейт вестерн”, совершивший в 1838 году первое плавание через Атлантику, уже имел водоизмещение 2300 тонн. К 1855 году на заболоченном берегу между участками реки Блэкуолл-рич и Гэлионз-рич был построен громадный новый комплекс — док Виктории. Тринадцать лет спустя появился Миллуолский док. В 1886 году открылись новые доки в Тилбери. Старые доки перестраивались или расширялись для приема более крупных судов, и в 1904 году возник новый Гренландский док, составлявший часть Суррейских доков. Примерно через двадцать пять лет после сооружения дока Виктории к нему добавился Королевский док Альберта. В длину составлявший 13/4 мили и занимавший площадь в 87 акров (35 га), он мог

принимать суда водоизмещением в 12 000 тонн. Все это были обширнейшие участки спокойной воды, озерные города, где во множестве стояли корабли из всех уголков света, вплывавшие и выплывавшие с каждым приливом; это был целый мир мачт и труб, парусов и снастей. Это была и сокровищница, и убежище, и крепость, и промышленное предприятие.

В XIX веке сюда привозили столько рому, что можно было напоить допьяна весь город, и одна цистерна на Ромовой пристани Вест-Индского дока имела емкость 7800 галлонов (35 450 л). Сахару здесь было столько, что можно было насластить всю Темзу, индиго хватило бы, чтобы окрасить ее в синий цвет. Опечатанные до уплаты пошлины, тут хранились колоссальные количества перца (на 10 миллионов фунтов стерлингов), табака (на 23 миллиона), чая (на 51 миллион). А еще — каучук, кофе, корица, финики, мясные консервы… Один-единственный склад-холодильник в Королевском доке Альберта вмещал 250 000 бараньих туш, Суррейские доки могли принять миллион тонн древесины. Винные склады Вест-Индского дока могли содержать более 4,5 миллионов литров вина.

После сооружения доков лондонская торговля

выросла в объеме и стала более экзотической. Из колоний привозили “скривелло” (бивни молодых слонов) и “спады” (перья молодых страусов). На лондонский рынок слоновой кости поставляли громадные бивни мамонтов, обнаруженных на мерзлых просторах Сибири. Из китовых туш добывали амбру, в обезьянью кожу, чтобы ее размягчить, втирали сок алоэ.

В ходе всей этой торговли, немалая часть которой была весьма специфична, в тени колоссальных доков по-прежнему вовсю функционировали старые причалы и пристани. Хотя владельцы доков стремились к монополии, свободное предпринимательство на Темзе было более мощной силой. Во все времена Темза была рекой-уравнительницей. Лихтермены получили разрешение работать в новых доках, но, когда монополия доков на хранение товаров окончилась, старые причалы удвоили свой товарооборот. Между Брентфордом и Грейвзендом на реке было тысяча семьсот причалов. На коротком отрезке между Лондонским мостом и Тауэром уместилось тридцать четыре причала — от Фреш-уорф до Брюэрз-Ки на северном берегу и от Топпингс-уорф до Хартлиз-уорф на южном.

Их названия, а кое-где и остатки их самих, и

ныне существуют на обоих берегах реки, где выросли большие многоквартирные здания. Например, конфигурация причалов Оливерз-уорф и Ориент-уорф в Уоппинге призрачно присутствует среди старых и новых зданий на этом месте. Причалы Сент-Джонз-уорф, Сан-уорф и Суон-уорф остаются почти в неизменном виде. Некоторые из старинных спусков к реке — в частности, Уоппинг-Олд-стэрз у здания речной полиции, — сохранились до сей поры.

Система лондонских доков стала зоной деятельности не только моряков и коммерсантов, но и поэтов, художников и писателей. Джозеф Конрад, хорошо узнавший доки за годы морской службы, в 1904 году написал эссе “Лондонская река: великая артерия Англии”. В нем он сравнил громадное скопление причалов с “джунглями — столь хаотично, многообразно и плотно застроен зданиями этот берег… Лондон, старейший и крупнейший из речных портов, не располагает и сотней ярдов свободной набережной. Темны и неприступны ночью, как стена леса, лондонские берега”. Он описывает “темные стены, словно бы выросшие из берегового ила, на котором лежат барки”. Порт был для него чем-то, что “выросло, а не сделано”, явлением органической жизни,

подчиняющейся своим собственным законам роста и изменения. В этом отношении река, словно зеркало, отражала характер города, сквозь который протекала.

Для Конрада каждый док имел свой нрав, жил своей жизнью. Док св. Екатерины рождал ощущение уюта и уединенности, в то время как громадные Лондонские доки казались ему “почтенными и благожелательными”, создающими “атмосферу старины”. Он пишет, что эти сооружения “столь же романтичны, как и река, которой они служат”, — главным образом потому, что Темза словно бы делится с ними своей древностью. Они стали местами, единственными в своем роде, местами, волнующими воображение, ибо “здесь начало длинной цепи дерзких предприятий, отсюда путешественники пускались по водам реки в мировые просторы”. Так священная река бросала благодатный отсвет даже на тот “обширный налет безобразия”, что создавали доки. Даже Тилберийский док, который был тогда самым современным из всех, стал для Конрада источником смутного очарования благодаря своему “уединенному положению на Эссекских болотах”. Темза была “исторической рекой”, наделявшей романтическим очарова-

нием жизнь и деятельность на ее берегах. “Доки описанию не поддаются, — писал в 1872 году Верлен. — Они невероятны! Тир, совмещенный с Карфагеном!” Герою романа Ж.-К. Гюисманса “Наоборот” (1884) грезятся “нескончаемые доки с их кранами, лебедками, ящиками, множеством копошащихся людей… Все это шевелилось на берегах, у гигантских пакгаузов омывалось темными смердящими водами фантасмагорической Темзы, среди леса мачт…”[46] Когда Бодлер увидел графические работы Уистлера, изображавшие причалы и доки между Тауэрским мостом и Уоппингом, он заметил, что в них выражена “глубокая и сложная поэзия огромной столицы”. Но это также и поэзия реки.

Подобно Дефо, использовавшему поэзию торговли для создания образов Темзы XVIII века, писатели XIX столетия состязались друг с другом в описании доков с их необъятностью. Каким-то образом речной бизнес оказался соединен с мифом и тайной Темзы, грубость и грязь коммерции облеклись в одежды зрелищности и величия. Священные свойства реки, текущей сквозь человеческую историю, повлияли на восприятие

---

[46] Примечания: 46
Перевод Е. Л. Кассировой под ред. В. М. Толмачева.

торговой деятельности на Темзе, и литературным картинам этой деятельности присущ налет неопределенной, но явственно ощутимой религиозности.

На первой из гравюр Гюстава Доре, составивших альбом “Лондон. Паломничество” (1872), изображен старый Отец Темз в виде дикого, сумрачного древнего бога с длинными, струящимися по спине волосами. Он повелевает темным миром труда и жертвоприношения, где рабочие доков отправляют какой-то особый культ. Их мелкие, почти одинаковые фигуры бесконечными массами движутся по дворам и мимо складов, которые возвышаются над ними, как башни. Фигуры роятся; смутно очерченные, они, кажется, перемещаются в некоем ритме. Светотень выхватывает их из мрака яркими лихорадочными пятнами, плотная сеть парусов, мачт и труб господствует на переднем плане. Сама же вода, когда ее видно, черна — черна под цвет угольной пыли, кож, табака. На гравюре “Доки. Ночная сцена” показан мир бешеной портовой суеты на фоне неподвижных мачт, образующих вдалеке густой таинственный лес из сновидения.

Так маячил, так поднимался вдоль берегов сам Лондон с его ореолом вечного дыма, с его пылью,

с его шумами и запахами. В конце XIX столетия в Детфорде на берегу Темзы была построена первая в мире высоковольтная электростанция. Следом появились электростанции в Баттерси, в Фулеме и на Банксайде. Были и другие знаки грядущих перемен. В 1880 году в устье Темзы была выгружена первая партия американской нефти. Нефть привезли на парусном судне, однако ее прибытие стало предвестьем возникновения в низовьях Темзы огромных нефтеперерабатывающих предприятий.

В начале XX века казалось, что речная коммерция будет существовать вечно, что она исчезнет не раньше, чем исчезнут океаны и приливы. В 1909 году для руководства огромным развивающимся хозяйством было создано Управление Лондонского порта, и его первый план работ включал в себя создание новых сооружений и водоемов в Вест-Индском доке, Миллуолском доке и доке Альберта. Всеобъемлющий проект расширения и усовершенствования был одобрен, и с 1913 года через порт за год проходило более 20 млн тонн грузов. В 1921 году в Силвертауне открыли док короля Георга V, в очередной раз увеличив комплекс взаимосвязанных искусственных водоемов, чья общая площадь составляла 234

акра (94,6 га). Водная часть Королевского дока Альберта составляла в длину целую милю — это было приличных размеров озеро. Доки в Тилбери занимали 106 акров (43 га) водной поверхности, общая длина их набережных составляла 4 мили. В 1930 году в Лондонском порту и доках работало сто тысяч человек, большая часть которых жила в непосредственной близости от Темзы, и в год эта речная империя площадью в 700 акров (283 га) пропускала через себя 35,5 млн тонн грузов.

В начале XX века быстрота, с которой развивалась речная индустрия, была головокружительной и вызывала даже тревогу. В Брентфорде Темза стала сплошь промышленной, заводы и фабрики работали в Ламбете, Найн-Элмсе, Баттерси, Уондсворте и Фулеме. В Айлворте действовали мыловаренные и резиновые предприятия, в Теддингтоне производили подъемные ставни, в Хеме — автомобили. Лесопилки Пимлико стали одним из центров деревообрабатывающей промышленности. В стотысячную трудовую армию входили докеры и грузчики, лихтермены и матросы — все они были обязаны своими заработками реке с ее приливами и отливами.

В 1931 году Вирджиния Вулф написала эссе “Лондонские доки”. “Вдоль речных берегов стоят

грязные обветшалые склады. Земля, на которой они теснятся, покрыта плоским слоем липкой грязи… За мачтами и трубами — мрачный карликовый город, где живут рабочие. На переднем плане краны и склады, строительные леса и газометры образуют на берегах своего рода архитектуру скелетов". Все это было для нее "унылым зрелищем", и следует, пожалуй, простить ее за непонимание торговых императивов.

Французский писатель XX века Луи-Фердинан Селин в романе "Банда гиньолей" (1944), напротив, выражает восторг, энтузиазм:

> …фантасмагорические склады, цитадели товаров, горы дубленых козьих шкур, способных провонять всю дорогу до Камчатки!.. леса красного дерева, тысячи штабелей, перевязанных, как пучки спаржи, сложенных пирамидами… Ковров хватит всю Луну, весь мир застелить… Губок – Темзу осушить!.. Шерсти – Европу задушить… Селедки – моря заполонить! Гималаи сахарной пудры…

Но затем, на протяжении двух поколений, все сошло на нет. Появление больших судов, перевозящих товары в контейнерах, невозможно было

предвидеть в первой половине столетия; нужда в складах отпала, ибо контейнеры можно транспортировать с судов прямо на грузовики, да и сами суда стали слишком велики для лондонских доков. Возникновение крупных портов в других частях света и ограничения, практикуемые лондонскими докерами, лишь ускорили неизбежный конец. В доках воцарилась тишина. Ост-Индский закрылся в 1967 году, просуществовав 160 лет; через два года настала очередь Лондонского дока и дока св. Екатерины. Вест-Индский док действовал до 1980 года (срок его жизни составил 178 лет), но к тому времени торговля ушла с Темзы безвозвратно. Последние из доков — Виктории, Альберта и Георга V — прекратили деятельность в 1981 году. К концу столетия доки исчезли, испарились, словно все это и правда было только сновидение, греза о труде и страдании на речных берегах.

Сэр Джозеф Брудбенк, автор официальной “Истории Лондонского порта” (1921), пишет, что “если на каком-либо участке возникает крупное человеческое сообщество, этот участок, за редкими исключениями, навсегда остается местом массового скопления людей”. Несомненно, он предполагал, что район лондонских доков еще

очень долго будет центром коммерции, что грядущее этого центра “надежно, как только может быть надежно грядущее человеческого установления”. Однако он оказался прав в совсем ином смысле. Район доков снова стал “местом массового скопления людей”, но теперь уже не связанным с торговлей. Здесь возник целый новый город, положивший начало проекту “Ворота Темзы” по обновлению прибрежных территорий. За десять лет на месте покинутых доков, обреченных на разруху, выросли большие сверкающие здания, старые склады были переоборудованы, и строительство всего этого массива можно назвать самым существенным расширением Лондона после бурного роста пригородов в первые десятилетия XX века. Это — сюжет для новой главы в истории Темзы.

Глава 26
Пар и скорость

Первый пароход появился на Темзе в 1801 году, и использовали его главным образом для буксировки парусников. О первом рейсе пакетбота, то есть небольшого почтово-пассажирского парового судна, в лондонских газетах было объявлено перед 23 января 1815 года: “К сведению публики. Новый лондонский паровой пакетбот ‘Марджери’ под командованием капитана Кортиса отправится ровно в 10 утра в понедельник 23 числа сего месяца от пристани Уоппинг-Олд-стэрз у Лондонского моста”. Местом назначения был Грейвзенд, откуда пароход должен был отправиться обратно в тот же час на следующее утро. Корпорация лодочников, объяснимым образом озабоченная благосостоянием своих членов, возбудила против капитана Кортиса судебный иск. Но воспрепятствовать переменам не могла никакая сила на земле. К 1830 году по Темзе уже плавало как минимум пятьдесят семь пакетботов. Их рейсы привели к появлению многочисленных однодневных экскурсантов. Пароходик, плавание на

котором стоило один пенс, прозвали “речным омнибусом”.

Одной из популярных целей речных прогулок был Саутенд, окрещенный “Лондоном на море”. Вверх по реке — до Ричмонда, Кью или Хэмптон-корта — отправлялись “музыкальные” пароходики с оркестрами, чьи развеселые пассажиры из простонародья, которых пренебрежительно называли “парнями и девками”, вызывали особый гнев рыболовов-любителей и художников-пейзажистов, считавших верховья Темзы своей вотчиной. Для новых судов были построены пристани. К 1830–1840 годам возникли все признаки бума. Между Лондоном и Грейвзендом курсировало семнадцать пароходов, за плавание с пассажира брали шиллинг. До Гринвича можно было прокатиться за 5 пенсов, от Лондонского моста до Вестминстера — за пенс. В 1846 году появились “полупенсовые пароходики”, плававшие от Хангерфордского пирса мимо Чаринг-Кросса до Сити. Но пассажир нового типа мог отправиться и подальше: паровые суда ходили до Плимута, Саутгемптона и Лэндз-Энда, возникли дуврский пароход, булонский пароход, рейнский пароход и пароход до Остенде. Пассажиропоток был очень большим. Одна пароходная

компания гордо заявила, что за год перевозит по Темзе четверть миллиона пассажиров.

Маргейтский и грейвзендский пароходы отправлялись от причала св. Екатерины и от Лондонского моста; было много жалоб на то, что суда соперничающих компаний устраивают на реке гонки, поднимая волны, которые подмывают берега и переворачивают лодки. Темза стала более жесткой рекой. Между лодочниками и командами пароходов велись неприкрытые войны, звучали взаимные обвинения: кто-то кого-то якобы протаранил, кто-то кому-то перегородил дорогу. Происходили, кроме того, взрывы котлов, пожары и другие несчастные случаи, но пароходный прогресс был неостановим.

В одном из своих ранних “Очерков Боза”, который называется “Темза” (1835), молодой Чарльз Диккенс изображает суматоху и путаницу при посадке на грейвзендский и маргейтский пароходы: одни садятся не на то судно, другие не могут найти удобных мест, третьи теряют багаж. “Пассажиры с сезонными билетами сходят вниз завтракать; пассажиры, успевшие запастись утренней газетой, погружаются в чтение, а те, кому впервые пришлось очутиться на Темзе, начинают подумывать, что и пароходы и сама

река гораздо привлекательнее, когда смотришь и на то и на другое издали”[47]. За Блэкуоллом пассажиры достают из плетеных корзин пухлые сандвичи и фляги со спиртным. Кто-то играет на на небольшой арфе танцевальную музыку. Диккенс даже приводит неспешный разговор двух джентльменов на горячую тему — о паре:

> “Поразительная это вещь, сэр!” – “Да-а! (Глубокий вздох.) Замечание справедливое, сэр”. – “Могучая сила”. – “Что и говорить, сэр!” – “Ему везде можно найти применение, сэр”. – “Да-а!” (Снова вздох, подтверждающий безмерность этой силы, и многозначительные кивки.) – “Вы правы, сэр, правы!” – “Подождите! То ли еще будет!”

За паром было будущее. Пар был воплощением прогресса. В битве за Темзу он одержал победу.

Но появилась и другая разновидность парового двигателя, из-за которой все планы пароходного сообщения пришли в расстройство. В 1834 году началось осуществление амбициозного проекта Большой западной железной дороги, которая

---

[47] Примечания: 47

Здесь и ниже цитаты из этого очерка даны в переводе Н. Волжиной.

должна была соединить Лондон с Рединг ом и Бристолем. Комиссия по навигации на Темзе, испугавшись за будущее речного транспорта, выпустила обращение: “Призываем всех живущих на берегах этой реки, чем бы она ни привлекала их — красотой, целебными свойствами или материальной пользой, — помочь предотвратить одобрение парламентом бессмысленного плана, каковым является план постройки Большой западной железной дороги”. Но все силы XIX века, охваченного возбуждением, поглощенного идеями энергии и скорости, настойчиво требующего прогресса и новизны, действовали в ином направлении. В 1840 году была построена железнодорожная линия между Лондоном и Рединг ом, четыре года спустя началось движение по оксфордской ветке, чуть позднее поезда стали ходить в Виндзор и Хенли-он-Темз.

“Железный конь” вступил в Долину Белой Лошади. На нем восседал Изамбард Кингдом Брюнель, который первым в 1833 году выдвинул идею железной дороги и разработал затем план строительной кампании, начавшейся с полного изучения долины Темзы как таковой. В двадцатисемилетнем возрасте он предпринял всестороннее исследование местности. В

его дневнике за сентябрь 1833 года читаем: “Начал в 6 утра… исследовал почву в окрестностях Уонтеджа… позавтракал в Стритли… вернулся в Рединг”. Он прочертил мысленно каждый участок дороги, которую ему предстояло построить, и работал по двадцать часов в день, доводя проект до совершенства.

Ему уже приходилось иметь дело с Темзой: в свое время он довершил труд отца, строившего туннель под ней. Он знал нрав этой реки, которая ломала его конструкции и губила его рабочих. Не испытывал ли он подспудное желание укротить Темзу, умерить ее силу и власть, сплетя вокруг нее современную сеть железнодорожных линий и станций? Внимание, которое он уделил плану, было огромным, почти всеобъемлющим. Он выступал в парламентских комитетах, помогая разработать необходимые законы; он даже занимался сбором средств, ведя переговоры с различными заинтересованными сторонами. Он спроектировал дорогу в мельчайших подробностях, уделяя внимание туннелям и выемкам, вокзалам и виадукам, депо и мостам.

За постройкой Большой западной железной дороги последовали другие подобные проекты, оказавшие прямое воздействие на Темзу. В

1838 году открылась Лондонско-Гринвичская железная дорога, годом позже — Лондонско-Саутгемптонская. В 1841 году Лондонско-Блэкуоллская железнодорожная компания проложила рельсовый путь по северному берегу от лондонского района Майнориз до Фенчерч-стрит. В 1848 году у моста в Ричмонде возник первый железнодорожный переезд, годом позже еще один мост был построен в Барнсе. Первый городской переезд начал функционировать в 1860 году в Пимлико. Преобразования были огромны, последствия для грузовых и пассажирских перевозок по Темзе — колоссальны. Долина Темзы изменилась до неузнаваемости. Население таких прибрежных городов, как Рединг и Абингдон, резко выросло; теперь это были не столько города на Темзе, сколько железнодорожные узлы.

Но произошла и другая перемена, равносильная социальной революции, и лучше всего о ней говорит картина Тернера “Дождь, пар и скорость. Большая западная железная дорога”. Картина, конечно же, являет нам образ мощи: состав, движимый паровозом, мчится через Темзу по новому Мейденхедскому мосту. Сам этот железнодорожный мост, спроектированный Брюнелем, был чудом инженерной мысли. Два его пролета

были самыми длинными из всех кирпичных арочных конструкций в Европе. Многие считали, что мост не удастся построить, а если даже и удастся, он скоро развалится. Центральная опора двух длинных арок покоилась на островке посреди Темзы. Первоначальный подрядчик, убоявшись трудностей предприятия, решил выйти из игры; были опасения, что после разборки деревянных лесов кирпичные пролеты рухнут. Но Брюнель был непоколебимо верен своему плану. За прошедшие 170 лет этим маленьким красным кирпичикам приходилось выдерживать, вероятно, почти предельную нагрузку. Однако мост стоит до сих пор.

Во многом полотно Тернера, где мост Брюнеля находится в центре могучего выброса энергии, — это гимн скорости. Яркость этой картины, ее цветовое и световое великолепие говорят о глубокой завороженности Тернера возможностями этого сравнительно нового источника силы. Художник Тернер, можно сказать, воздает здесь хвалу провидцу Брюнелю. Ничто, впрочем, не дается даром. Взгляд зрителя обращен на восток, в сторону Лондона, который ассоциировался с набегавшими с востока облаками грязной и болезнетворной хмари. В середине XIX века все,

что приходило с той стороны, считали подозрительным. В левой части холста, в стороне от извержения цвета и света, кто-то плывет по реке на маленькой лодчонке, в поле на берегу трудится пахарь. Это — образы древней, традиционной жизни, питаемой рекой, жизни, с которой железная дорога грозила покончить. Заяц, убегающий на картине Тернера из-под колес локомотива, символизирует отступление природного мира под натиском механизмов.

Но был и другой пример предприимчивости XIX столетия, другое достижение, имевшее, возможно, еще более важные последствия для Темзы. Главной фигурой, стоявшей за так называемым “благоустройством”, был инженер-строитель Джозеф Базалджетт, чья необычная и смелая идея, проведенная в жизнь в 1860-е годы, состояла в том, чтобы построить по берегам реки гранитные набережные и поставить ее тем самым под контроль. И раньше, конечно, предпринимались попытки контролировать ее течение и защищать берега от разрушительного действия приливов и паводков. Считают, в частности, что валы вокруг Грейвзенда — дело рук саксов, что они же сделали береговую насыпь в Ромни-Марше.

В XII веке был укреплен берег в Вулидже. В

XIII веке земляные работы для защиты от воды велись в Пламстеде; дамбы строились, кроме того, в Рейнем-Марше, Вест-Хеме и Лаймхаусе. В XIV столетии подобные работы шли в Блэкуолле, Стратфорде и Дагнеме. В XVI веке от “водяной напасти” пришлось спасать Уоппинг, хотя в 1324 году там уже была сделана насыпь. В том же столетии мел с утесов Перфлита употребили для строительства дамбы в Уэст-Терроке. В XVII веке для укрепления берега на острове Кэнви использовали приезжих голландцев, которые считались мастерами таких работ.

В Уэст-Терроке у Темзы была возведена часовня. Люди часто заботились подобным образом о божественном покровительстве на местах береговых работ. Помолившись в такой часовне, прихожане принимались за труды, необходимые для обороны от вторжений моря. В старину это занятие считалось священным. Отвоевывать у приливов землю, чтобы там, где гуляли волны, колосились поля, — это, если хотите, некий акт творения, создание суши из вод морских.

Темза текла вперед, ограниченная и направляемая; по мере того как усилиями людей ее русло сужалось, она становилась глубже и быстрей. В XVIII веке повысился спрос на участки у реки

для жилых домов, и это, разумеется, создавало необходимость новых береговых работ. В 1757 году был укреплен берег у садов лондонского Темпла, в 1772 году первой жилой “террасой” (т. е. сплошным рядом зданий) над рекой стала терраса Аделфи. Четыре года спустя возник высокий променад у Сомерсет-хауса.

Но веком подлинных перемен в этом отношении стал благодаря энергии Базалджетта век XIX. В 1863 году был принят парламентский акт, который дал Базалджетту возможность не только одеть берега Темзы в гранит, но и создать громадную и сложную систему канализации, выводящую отбросы и фекалии за пределы Лондона. Поверх этих труб выросли величавые каменные набережные, образовавшие новый береговой пейзаж. Первой была сооружена набережная Виктории между Вестминстером и Темплом. В ходе этих работ у воды было отвоевано 16 га затопляемой приливами береговой полосы. Тем самым Базалджетт внес лепту в многовековой процесс: от кельтской эпохи до нынешнего дня ширина реки в районе Вестминстера уменьшилась с 690 до 230 м.

К набережной Виктории вскоре добавились набережная Альберта и набережная Челси. Это

был один из крупнейших проектов XIX века в области гражданского строительства, включавший в себя создание подземной железной дороги. Памятник Базалджетту стоит ныне на набережной Виктории; латинская надпись, гласящая: Flumini Vincula Posuit (“Он наложил на реку оковы”), ассоциируется с похвальбой фараонов и других древних приречных правителей. Кто-то может увидеть здесь высокомерие, но, даже если так, никакого божественного наказания пока что не последовало. И неудивительно: потребовалось бы наводнение, сравнимое во Всемирным потопом, а такое в наши дни считается невозможным.

Иные могут рассматривать эти гранитные стены как рубеж или барьер для лондонской Темзы, окончательно лишивший ее человеческого измерения. Для других это необходимая мера предосторожности против своеволия реки, мера, благодаря которой удалось отвоевать ценнейшую землю ради пользы транспорта и пешеходов. На новых набережных, кроме того, для отдыха горожан были разбиты сады, отчего вид берегов очень сильно улучшился. К тому же в толще насыпей прошли канализационные трубы, выводящие из столицы отходы. Труд Базалджетта и в этом смысле оказался благодетельным. Современни-

ки считали его творение одним из новых чудес света, подлинным даром цивилизации, который покончил с унылыми илистыми берегами, уничтожил теснившиеся у Темзы дряхлые домишки и причалы, а заодно и прогнал от нее весьма неприятное местное население, брезгливо прозванное “речными жителями”.

В начале XX века, конечно же, казалось, что великие береговые усовершенствования предыдущего столетия достигли желанной цели. Доки работали интенсивно как никогда, и само положение Лондона в сердце мировой империи означало, что Темза — это река империи, великий рынок, которому отдают должное коммерсанты всего мира. Книги, написанные в первые десятилетия века, — трехтомный “Чудесный Лондон” сэра Джона Адкока (1920-е гг.), “Темза” Ф. В. Морли (1926), “Лондонская река” Г.М. Томлинсона (1925) и множество других, — были, по существу, хвалебной песнью Темзе как величайшей из рек Земли. Там много фотографий: повседневная жизнь доков, стоящие в них громадные суда… Снимки с воздуха, показывающие огромные просторы порта, сопровождены панегириками создавшим все это могучим торгово-промышленным силам. Томлинсон в конце своей книги

описывает движение к устью Темзы огромного судна, чьи мачты, “возвышаясь над зданиями и выступая на фоне неба, рождают такое же ощущение чего-то благородного и величественного, как если бы вдруг зазвучала мощная музыка. Это наш с вами корабль. Посланец нашего прихода”.

Одно из лучших описаний Темзы начала XX века содержится в романе Г. Уэллса “Тоно Бенге” (1909), где описано путешествие по реке от Хаммерсмитского моста до моста Блэкфрайерз и Сити. Район Баттерси и Фулема видится с реки рассказчику как чередование “слякотных предместий и слякотных лугов”, как нечто и не городское, и не загородное; вместе с тем о приближении к средоточию промышленной жизни говорят встречные угольные баржи. После Патни возникают “признаки современности” — “скопления грязных убогих домишек по обе стороны, затем тусклый промышленный пейзаж южного берега”. В те годы местом особенно плотного скопления прибрежных мастерских и фабрик считался Ламбет.

Поднимают рассказчику Уэллса настроение Ламбетский дворец и здания парламента. Дальше начинается то, что он называет “собственно Лондоном”, где вокзал Чаринг-Кросс являет собой

“сердце мира”. Вдоль реки теперь стоят “новые гостиницы”, а на южном берегу взору открываются “огромные склады, фабрики, трубы, башни для отливки картечи и реклама”. Такова она, хлопотливая имперская река XX века — не сказать, что дышит чистотой и здоровьем, не сказать, что на ней очень приятно находиться, но эта река глубоко вовлечена во все жизненно важные дела эпохи.

Рассказчик плывет дальше — мимо Сомерсет-хауса и Темпла, и тут ему дает о себе знать почтенный возраст города, задумчиво нависшего над Темзой. Он ощущает, кроме того, присутствие “исконной Англии”. С точки зрения культуролога здесь, пожалуй, небезынтересно то, что в первые годы XX столетия река и ее берега местами еще рождали ощущение старины. Атмосфера лондонской Темзы, несмотря на новые набережные, содержала некие живые напоминания о городе XVIII и XIX веков. О реке первых лет XXI века такого уже не скажешь. Слишком многое изменилось. Город и его река теперь вновь выглядят современными. Их больше не покрывает патина былых времен. Между тем фотографии прибрежных районов, сделанные в 1909 или 1910 году, с легкостью могут перенести тебя в

Лондон Диккенса или даже в Лондон Джонсона и Филдинга. Те же переулочки, те же причалы и питейные заведения, те же плохо одетые и плохо питающиеся люди.

Продолжая движение, рассказчик Уэллса видит у моста Блэкфрайерз первых чаек. Над “грубым гомоном складов” вырастает величественный собор св. Павла, доминирующий на тогдашнем небосклоне, строго высящийся над мельтешением пароходов и барж. Этот образ столетней давности, образ глядящего на реку собора св. Павла ныне кажется таким же вневременным, как образ Темзы XVI века с теснящимися на ней лодками и галеонами.

Далее рассказчик внимает “последней грандиозной части лондонской симфонии”: перед ним открывается мир “колоссальных кранов”, “гигантских складов”, “огромных кораблей”. Здесь — “мировой порт”. Такое ощущение возникало на протяжении многих десятилетий. Перед самой Второй мировой войной годичный грузооборот Лондонского порта составлял более 50 млн тонн, что намного превышало грузооборот любого другого порта в мире. Но даже тогда звучали не одни восторги. В книге Дж. Г. О. Бенджа “Темза без приливов в Лондоне будущего” (1944) гово-

рится о “плачевном состоянии берегов Темзы”, о “неприглядной заброшенности” участка от Вестминстерского моста до Гринвича. Автор пишет и о соборе св. Павла, но совсем не так, как Г. Уэллс: собор, по его словам, “до высоты плеча облицован невзрачным кирпичом, грязным и почернелым, он возвышается среди узких и темных улиц, даже не пытаясь выглядеть обновленным, произвести приятное впечатление”; на него к тому же бросают тень “унылые, несообразно жалкие фасады окружающих зданий”. Получается, что Темза 1930-х годов содержала в себе семена гниения и даже распада. В названии одной из глав книги перечислены “проблемы”: “население, еда, топливо, канализация, товарное и пассажирское сообщение, наводнения, защита от огня, береговая недвижимость, благосостояние и комфорт”. Список выглядит всеобъемлющим. Тон автора пессимистичен.

Вторая мировая война высветила роль и природу Темзы в огненных, зловещих красках. Опять, как в древние времена, водная магистраль сосредоточила на себе внимание неприятеля, стремящегося добраться до сердца Лондона. Она стала пылающей и кровавой рекой, адской рекой, более темной и опасной, чем Стикс и Ахерон. На

протяжении всей своей истории она была весьма заманчивой мишенью; в конце 1930-х и в начале 1940-х на ее берегах располагались автомобильные и нефтеперерабатывающие предприятия, фабрики, электростанции. Она заключала в себе мир Сити и мир Вестминстера: финансы и власть соединились в одной великой излучине этой реки. С начала войны на Темзе и ее берегах действовал строгий режим светомаскировки, однако немецкие бомбардировщики бросали в ее воды магнитные мины.

7 сентября 1940 года зажигательные бомбы были сброшены на портовые сооружения. Все доки и склады, кроме тилберийских, оказались в огне. Горели корабли и баржи, прилив заставлял их опасно дрейфовать к пристаням и пирсам. Чтобы бороться с этим адом, возможностей лондонских противопожарных служб не хватало, и пожары были такие, что огонь ясно видели с расстояния 12 миль. Он, кроме того, послужил маяком для новых эскадрилий бомбардировщиков, прилетевших на следующий день.

В 8.30 вечера 8 сентября над пылающей рекой появились немецкие самолеты. Темза уже казалась не Темзой, а потоком взявшейся невесть откуда лавы. Бомбили все доки и склады, которые

не были уничтожены накануне, и огонь вновь рвался на саму реку. Воду покрывала пленка горящей нефти, отовсюду на берегу валил едкий дым. Горел разлившийся по воде ром, склады шерсти превратились в гигантские печи, вспыхивал парафин. “Лондонский пул” стал огненным озером, и в таких районах, как Ламбет и Ротерхайт, было светло, как днем.

В ту же ночь и в последующие ночи бомбардировкам подверглись и жилые кварталы поблизости от доков. Истэнд пострадал очень сильно. Дома рушились в тучах дыма и пыли. Атаки на Темзу и жителей ее берегов продолжались пятьдесят семь ночей кряду. 8 декабря, к примеру, было прямое попадание в здание Управления Лондонского порта; вспыхнули все нефтяные танкеры, стоявшие у Перфлита, дотла сгорела пристань в Тилбери. Бомба попала в поезд, ехавший по Чаринг-Кросскому мосту, потоплены были многие суда, стоявшие в Темзе на якоре. По окончании налетов, которых в общей сложности было тысяча четыреста, подсчитали, что на Темзу и портовый район упало примерно пятнадцать тысяч мощных бомб, 350 парашютных мин, 550 самолетов-снарядов и 240 ракет. Уничтожить Темзу — это, по сути дела, уничтожить Англию;

но реке, как и стране, удалось выжить.

Однако в конце 40-х и в 50-е годы XX века жизнь на Темзе постепенно начала замирать по более прозаическим причинам. Люди попросту стали меньше ее использовать. Уже не было ни отдыхающих XX века, ни пассажиров пакетботов, ни тех, кто использовал реку для ежедневных поездок на работу. Темза стала безмолвной рекой, ее сравнивали с “широким, белым, пустым шоссе”. Причин такому падению интереса и внимания было несколько. Одна из них — трудности доступа, ибо многие причалы и спуски к реке обветшали; была проблема общей запущенности и, как следствие, — блеклости, серости; и была, разумеется, серьезнейшая проблема канализации. Слова “южный берег” стали “синонимом отчаяния и упрека”. Беда была в том, что мало кому хотелось взять на себя заботу об этом участке реки. Лишь очень немногие лондонцы знали что-либо существенное про обширный порт в самом сердце города, и еще меньшее их число представляло себе суть и масштаб системы доков. Темза стала неизвестной зоной. Город повернулся к ней спиной.

Коллапс доков и всей связанной с ними торгово-промышленной системы совпал по времени

с уходом тяжелой индустрии с берегов Темзы. В свое время заводы и фабрики были и в Ламбете, и в Найн-Элмс, и в Баттерси, и в Уондсворте. Фабрики действовали в Фулеме, мыловаренные предприятия — в Айлворте, линолеум изготавливали в Стейнзе. В Бермондси работали кожевенные заводы, там же производили джем, печенье и шоколад. И весь этот промышленный мир начал исчезать. Автомобили "воксхолл" поначалу действительно делали в лондонском районе Воксхолл, и самолетостроительная компания "Шортс" начинала свой бизнес в Баттерси. "Ферранти" и "Сименс" некогда располагались в Гринвиче, который имеет некоторые основания считать себя родиной электроинженерии. Но компании были, выражаясь по-современному, "перебазированы". Компания "Морган крусибл", производящая керамику, переехала из Баттерси в 1970-е годы. Изготовители кабелей, бумаги и инженерного оборудования перемещали свои предприятия на более удобные и доступные места, и ныне на берегах Темзы от них мало что осталось. Кое-какая промышленность на реке еще есть, особенно в промежутке между Лондоном и устьем, но объем ее невелик.

Связь между рекой и энергией, однако, по-

прежнему крепка. Как и раньше, работают электростанции в Фулеме и Лотс-Роуд. Железнодорожным пассажирам хорошо знаком вид шести огромных градирен электростанции в Дидкоте; эти устройства берут воду в Темзе и затем возвращают ее в реку. Электростанция в Баттерси с ее четырьмя высоченными трубами была и остается одним из грандиознейших зрелищ на берегах Темзы. Она начала давать ток летом 1933 года, и ее восторженно именовали "пылающим алтарем современного храма энергии", пока в 1983 году ее не закрыли. Вскоре она должна превратиться в обширный комплекс отелей, магазинов, кинотеатров и жилых помещений. Темзу использовали в свое время для охлаждения ядерных реакторов в Харуэлле; воду из реки брали в Саттон-Кортни и возвращали в Калеме. В Калеме, кроме того, располагается JET — "Объединенный европейский тор", крупнейшая в мире установка типа "Токамак" для магнитного удержания плазмы. Таким образом, небольшой участок близ Темзы, куда входят Саттон-Кортни, Калем и Дидкот, стал подлинным центром энергии. На смену старинным запрудам и мельницам пришли более крупные и эффективные энергетические установки. Но преемственность налицо.

Река, однако, стала гораздо более спокойным местом. Подсчитали, что если увеличить число находящихся сейчас на Темзе судов в десять раз, мы все равно не получим того количества, что было сто лет назад. В 1880-е годы по реке плавали шесть тысяч пароходов и пять тысяч парусных судов. Ныне подчас самый громкий звук здесь — крик чаек. Плыть по эстуарию к устью Темзы — значит пересекать воды, которые зачастую кажутся заброшенными. В XIX веке “драчливую громкость” реки сопоставляли с ее безмятежным прошлым. На протяженных участках эта безмятежность сейчас вернулась.

Развились вместе с тем новые формы регенерации. С июля 1981 года по март 1998 года “Докленде девелопмент корпорейшн” (“Корпорация развития района лондонских доков”) занималась преобразованием тех восьми с половиной квадратных миль приречного пространства, что в прошлом занимали лондонские доки. Зона работ включала в себя Саутуорк, Тауэр-Хамлетс и Ньюэм. Там, где были пустыри, заросшие кустами и сорной травой, окруженные осыпающимися стенами старых доков или заборами из колючей проволоки, выросли новые офисные и жилые здания. Некогда район доков был физически изъят

из тела Лондона, и он долго оставался для большинства горожан неведомой территорией. Ныне же одной из первых задач градостроителей стало соединить берег Темзы с остальным городом новыми средствами общественного транспорта. Возникли новые дороги и новые линии метро; были приняты меры, поощрявшие транспортное строительство и позволившие лучше связать между собой два берега реки. Айл-оф-Догс, издавна считавшийся несчастливым местом, был объявлен “зоной предпринимательства”, что привлекло инвесторов и бизнесменов. Река словно бы вновь получила от города заряд жизни и энергии.

Развитие шло иной раз хаотически, подчиняясь не столько требованиям общественной пользы, сколько императивам извлечения прибыли. Но такова уж натура города. Такова и натура Темзы на протяжении ее человеческой истории. На первом этапе преобразований возникли дома и сады в Бектоне и в районе Суррейских доков, но вскоре стало ясно, что первостепенную важность имеет сам речной берег. Склады, к примеру, решили переоборудовать под жилье и создать модные “лофты”, для которых близость Темзы играла существенную роль. Вид на реку снова стал ин-

тересовать потенциальных жильцов. Поначалу спрос не поспевал за предложением, и на узких обновленных улицах, образованных бывшими складами, улицах, по которым в прошлом ходили большей частью грузчики, было больше агентств недвижимости, чем продовольственных магазинов. В особенно ущемленном положении часто оказывались коренные жители. Среди них возникло активное движение за возможность более прямого участия в разработке планов застройки и развития, и, разумеется, выдвигались требования учесть их нужды, касающиеся в первую очередь работы и жилья. Начался долгий процесс согласования и реконструкции, который еще идет.

Возникновение нового финансового центра в районе, известном ныне под названием Канариуорф, преобразило социальную и экономическую жизнь этого участка берега. Перемена совпала по времени с “дерегулированием” рынков Сити и получила поэтому символическое значение. Она ускорила развитие системы местных автомагистралей и сети “легкого метро Доклендс”, которая продолжила Юбилейную линию лондонской подземки. Обновились оба берега Темзы. На месте ветхих складов теперь стоят большие жилые дома. В старых каналах, соединявших доки,

устроены пристани для яхт. К примеру, док св. Екатерины, располагавшийся чуть ниже Тауэра и закрытый в 1968 году, до реконструкции пребывал в запущенном состоянии, ныне же это новый центр городской жизни с торговыми центрами, жилыми зданиями, пабами и прогулочными аллеями. В каком-то смысле этот речной берег возвращается сейчас к своему старинному состоянию, когда энергия била здесь ключом, когда жители и их дома еще не уступили место портовым сооружениям XIX века.

В 1937 году Управление Лондонского порта представило зрителям фотопанораму Темзы и ее берегов. По сравнению с этими черно-белыми снимками то, что мы видим сегодня, — некий новый мир, возникший на месте старого, мир не обязательно более интересный или более изящный, но несравнимо более яркий и чистый; некоторые здания и городские ориентиры остались как были, но ни дыма, ни копоти больше нет. По реке уже не плывут живописные баржи и буксиры, но сама вода выглядит более свежей и прозрачной. Стало больше зелени, больше открытых мест. Снята серая патина, исчез унылый налет речной жизни. Да, многие новые здания смущают своим видом, нарушают пропорции;

многие всего лишь функциональны. Но это только первая стадия процесса, который будет продолжаться и продолжаться. Дух реки присутствует здесь всегда. Просто он является нам в разных обличьях.

Так или иначе, мало-помалу возникают новые архитектурные формы, заимствующие эстетику у самой Темзы. Прибрежные здания всегда в какой-то мере отражали натуру реки, пусть даже хотя бы в том, что в каждом регионе их строили из своих местных материалов. Окрестности Оксфорда, например, изобилуют известняком, Беркшир-Даунз — мелом и кремнем. Однако нынешняя архитектура Темзы отдает дань реке в более прямом смысле. Иные многоквартирные дома — это перестроенные склады, но есть новые здания, сознательно спроектированные похожими на склады начала XIX века. Можно назвать это новоделом, но не исключено, что так выражает себя подлинный “гений места”, в очередной раз изменивший облик. Очертания некоторых домов напоминают корабли, плывущие по волнам. В Ратклиффе, где в прошлом были причалы для беспошлинной торговли, выросли гигантские комплексы, похожие на океанские лайнеры. Джон Утрам, архитектор насосной станции на

полуострове Айл-оф-Догс, сказал, что здание, по его замыслу, должно “ассоциироваться с рекой и с ландшафтом, откуда текли ливневые воды”. Рей Моксли, архитектор комплекса Челси-Харбор, заявил, что вдохновлялся “кораблями, башнями, куполами”, которые увековечил Вордсворт в “Сонете, написанном на Вестминстерском мосту”.

Иным из зданий на берегу Темзы были приданы фараоновско-египетские черты, что соответствует легенде о Темзе-Исиде. Грандиозный небоскреб на Канари-уорф (Кабот-хаус на площади Канада-сквер) был, по словам архитектора Сезара Пелли, построен в виде “прямоугольного параллелепипеда с пирамидальной вершиной — в традиционной форме обелиска”. Этот мощный “талисман” стал ныне одним из бросающихся в глаза береговых ориентиров. В новостройках Доклендс встречаются и другие египетские очертания и мотивы; существует, между прочим, более старое “неоегипетское” офисное здание на берегу Темзы — Аделаида-хаус, построенный в 1926 году. Видна преемственность. Фараоновские ассоциации, судя по всему, сочетались с идеей огромности. Газохранилища Гринвича были самыми большими в мире; сегодня в том же районе находится колоссальный купол “Миллениум

Доум” — это самая обширная тканевая крыша в мире. Доки Темзы намного превосходили по размерам все прочие доки мира; ныне Баттерсийская электростанция — одна из крупнейших кирпичных построек на свете. Список можно было бы продолжить.

Архитектурный ритм зданий на южном берегу, к числу которых относится открывшийся в 1976 году Национальный театр, называли “текучим”; по словам архитектора театра Дениса Ласдена, он хотел создать ощущение, что “зрители втекают в залы, как речные воды во время прилива. Затем прилив ослабевает, и они растекаются по ручейкам и небольшим пространствам, образуемым всеми этими террасами”. Между тем террасы — один из древнейших атрибутов Темзы. И не случайно, может быть, то, что офисы двух ныне живущих архитекторов, оставивших в Лондоне наиболее заметный след, — Нормана Фостера и Ричарда Роджерса — находятся в непосредственной близости от реки. Оба они возведены в пэры: один с титулом “лорд Фостер берега Темзы”, другой — с титулом “лорд Роджерс речного берега”. Архитекторы вправе говорить о себе на языке Темзы.

Проведение Олимпийских игр 2012 году в

Стратфорде и других частях лондонского Ист-энда материально поможет развитию и обновлению реки как важнейшего городского ресурса. На ее берегах уже заметно появление новых предприятий и новых отраслей индустрии. В частности, в долину Темзы пришли высокотехнологичные электронные компании, и подле реки возникло много “индустриальных парков”.

Есть и другие проекты. Один из них — “Ворота Темзы”. Корпорация “Темз гейтуэй девелопмент” занимается обновлением северного берега реки вплоть до так называемого Барьера (плотины на Темзе в восточном Лондоне). “Коридор восточной Темзы” должен продлить город вдоль эстуария до Тилбери в Эссексе и до острова Шеппи в Кенте. Как возможные “точки роста” проектировщиков уже интересуют Дартфорд, Грейвзенд, городки на реке Медуэй и Темзмид. Они думают о новых мостах, о расширении “легкого метро Доклендс”, о мосте или туннеле между Силвертауном и Гринвичским полуостровом.

Лондон снова станет тогда речным городом. Его движение на восток противоречит всем историческим тенденциям. Но, если на то пошло, сам его нынешний возврат к реке многие считали антиисторическим. В какой-то момент река,

по мнению городских планировщиков, стала ненужной городу. Она, казалось, не имела будущего в транспортном отношении. Но если город в новом столетии двинется вдоль Темзы, новые виды речного транспорта неизбежно возникнут. Река опять станет национальной магистралью.

IX
Природная река

Лейлхемский паром

Глава 27
“И дождь, и град, и ветер…”[48]

Темза творит свою собственную погоду, которая, конечно же, отличается сыростью, а то и промозглостью. Воздух зачастую становится дополнительным измерением реки, что особенно остро чувствуется в верхнем течении Темзы и на примыкающих к ней лондонских улицах. В XIX веке часто говорили о “речной сырости”. От нее лишь один шаг до обильных туманов, которые были постоянным атрибутом речного ландшафта. Мягкий, обволакивающий туман кажется неповторимой составной частью климата Темзы.

В ее верховьях по характеру утреннего тумана предсказывали погоду на день: если он окутывает вершины холмов — жди дождя, если остается у их подножья — будет сухо. В Долине Белой Лошади туман называли дымом от “курева Белой Кобылы”. С туманами в этой долине связывали обилие гроз в летние месяцы. Знаменитые “конденсирующие водоемы” в известковых холмах южной

[48] Примечания: 48
Шекспир, “Двенадцатая ночь”, перевод Э. Линецкой.

Англии, пополняемые по ночам за счет летних туманов, якобы никогда не пересыхали. Один натуралист в 1902 году писал, что на высоких холмах летние туманы — обычное явление; по его словам, они “до того сыры, что в четыре утра одежда у тебя становится хоть выжимай и со всех деревьев капает”. Словно бы река на короткое время совершала набег на сушу. В летнюю жару ветер разносил по полям и лугам увлажнявшие их речные испарения. Делалось знойно, душно. Поздней осенью и зимой туманы, распространяемые Темзой, считались источниками опасной простуды и лихорадки. В ноябре-декабре эти туманы становились пронизывающе холодными, подлинно убийственными для легкомысленных путешественников.

О здешних туманах и хмарях писали еще в древности. Тацит упоминает о них, рассказывая о вторжении Цезаря, и во все последующие века о них говорилось как о чем-то обычном, как о естественном порождении реки. Многие застроенные прибрежные районы — например, Вестминстер и Ламбет — стоят на заболоченной почве, и в них дыхание тумана и сырости более ощутимо, чем на лондонских холмах. Туманы Вестминстера были в свое время знамениты. В некоторые зимы

прибрежные лондонские деревья конденсировали столько воды, что около них возникали озерца. Особенно плотные туманы наблюдались в районе устья. В 1807 году в Эссексе один путешественник жаловался на тамошнюю “густую и вонючую хмарь”. Но это была природная хмарь, создаваемая болотами, а не та, которую творит индустрия.

Однако в XIX и XX столетиях речной туман превратился в мглистый, сернистый смог. В конце XIX века Лондонский порт очень часто был окутан этим смогом полностью. Он поглощал доки и причалы, скрывал от глаз суда на великом речном пути. Он приглушал и звуки: пароходные гудки, удары колокола, голоса терялись в его необъятности. Было много случаев, когда пешеходы — и даже лошади с экипажами — падали в реку по той простой причине, что не видели ее среди серых или серо-зеленых завихрений тумана. Этот туман описывает Диккенс в начале “Холодного дома”:

> Туман везде. Туман в верховьях Темзы, где он плывет над зелеными островками и лугами; туман в низовьях Темзы, где он, утратив свою чистоту, клубится между

> лесом мачт и прибрежными отбросами большого (и грязного) города. Туман на Эссекских болотах, туман на Кентских возвышенностях. Туман ползет в камбузы угольных бригов; туман лежит на реях и плывет сквозь снасти больших кораблей; туман оседает на бортах баржей и шлюпок[49].

Можно представить себе саму Темзу как туман. Она не течет, а наплывает клубами. Она медлит в Лондонской долине, как густая хмарь застаивается в низинах. Она состоит из хмари, и все суда на ней тоже. Поистине Темза XIX столетия — река-фантом. И этот фантом просуществовал дольше, чем можно было бы ожидать. Даже в 1960-е годы плотный туман окутывал Темзу в среднем 237 часов в год.

Есть особый ветер — тот, что проносится над рекой. В Лондоне преобладают западные ветры, а на мосту Ватерлоо, кажется, с запада дует постоянно. Но главный ветер Темзы, по-видимому, юго-западный. В этом одна из причин того, что вниз по реке плыть быстрее. В 1710 году немец-

---

[49] Примечания: 49
Перевод М. Клягиной-Кондратьевой.

кий путешественник Ц. К. фон Уффенбах отметил беспрерывный ветер над лондонскими водами, игравший злые шутки с париками. “Зюйд-вест” славился силой и ледяным холодом, хотя зимой с ним соперничал в этом отношении другой ветер — северовосточный. Ветер все приводит в движение — камыш, траву, воду, лебедей, даже коров на прибрежных пастбищах. Он может дуть очень упорно — так, в ноябре 1703 года свирепый шторм продолжался несколько дней и нанес всему, что было на реке, тяжелейший урон. Суда выбрасывало на берег, и между Шадуэллом и Лаймхаусом они валялись кучами; такая судьба постигла каждое второе судно. Погибло пятьсот лодок — одни утонули, другие разбило друг о друга; шестьдесят барок было разрушено, еще шестьдесят пошли ко дну. Людские потери на реке оценить было невозможно, но сообщалось, что на кораблях погибло примерно восемнадцать тысяч человек. Подсчитали, что объем энергии, высвобождаемой во время летней грозы, такой же, как при взрыве атомной бомбы в 110 килотонн, и над рекой эти природные катаклизмы происходят с особой силой.

Где ветер, там, конечно, и дождь. В том, как вода падает в воду, есть для нас что-то специфически

умиротворяющее. Смотреть на дождь, поливающий реку, — примерно то же самое, что смотреть на языки пламени внутри общего огня; мы с затаенным удовольствием наблюдаем, как стихийная сила, покинувшая на время родное лоно, возвращается в него, пусть даже Темза кажется из-за дождя встревоженной и неспокойной. Неспокойное движение воды может иметь разные причины. Еще Теофраст в III веке до н. э. заметил, что при обильном дожде к поверхности воды поднимается множество пузырей. Снижение атмосферного давления высвобождает внутренние газы, удерживаемые рекой. И есть еще такое любопытное явление, как водяные вихри. Один обитатель берега Темзы описывает их как “изящных эльфов, пляшущих на широкой, покрытой рябью водной поверхности”. Не исключено, что эти эльфы рождены речной мифологией, хотя в физическом плане это небольшие завихрения или водовороты. Интенсивное изучение пока не приблизило нас к объяснению их природы.

Дождь необходим для пополнения реки. Среднегодовое количество осадков в долине Темзы составляет от 29 дюймов в нижнем течении до 25 дюймов в верхнем, и это значит, что она протекает в одном из самых сухих районов Вели-

кобритании. Но мощь природного мира такова, что даже эти сравнительно скудные осадки дают в среднем примерно 4350 млн галлонов воды в день. Половина этого огромного количества испаряется или же вбирается растениями; прочее составляет так называемый “естественный сток” в реку.

Дождь — одна из причин наводнений. Замечено при этом, что дождь, принесенный с востока или северо-запада, менее опасен в этом плане, чем дождь, пришедший с юга или юго-запада. Наводнения происходили на Темзе постоянно. Первое из тех, что документально зафиксированы, случилось в 9 году н. э., хотя, разумеется, множество наводнений и потопов, пережитых нашими предками, нигде не отражены. В 38 году новое великое наводнение унесло, как пишут, около десяти тысяч жизней. Археологи отмечают снижение людской активности в Лондоне и прилегающих регионах в 360-е годы, и, судя по всему, этот десятилетний упадок — результат катастрофических разливов реки.

История Темзы — история ее постоянных вторжений в человеческую жизнь как в нижнем, так и в верхнем течении. В 1332 году был почти полностью разрушен городок Таплоу. В 1768 году

в Рединге вода за полчаса поднялась на 2,5 фута. В 1774 году снесло мост в Хенли. В 1821 году дороги близ Темзы стали непроходимы, в 1841 году главная улица Итона оказалась под водой. Большие наводнения произошли в 1852 и 1874 годах, причем оба раза 17 ноября. Самое сильное наводнение в той части Темзы, что не подвержена приливам, случилось в 1894 году, когда менее чем за месяц выпала треть годовой нормы осадков. Река, как мы видели, не может вместить такую массу воды, и она разливается, творя хаос и вызывая разрушения. В 1947 году река чуть ниже Чертси разлилась на три мили, а Мейденхед ушел под воду на 1,8 м. Окрестности Мейденхеда всегда были опасной зоной в этом отношении, и в начале нашего столетия там был введен в действие канал для сброса паводковых вод.

В периоды наводнений люди уповали на то, что вода будет спадать постепенно, — иначе, как считалось, она могла опять нахлынуть. Как гласит старинная поговорка, “чем скорее вниз — тем скорее вверх”. Зимние наводнения были не так опасны, разве только для распаханных полей и для жилищ в непосредственной близости от реки. В равнинных и заболоченных районах верховий Темзы местные жители порой

на несколько недель оказывались практически в водной осаде. Вот почему дома в тех краях старались делать толстостенными, из прочного камня. Ныне массовое строительство новых жилищ в низинах и заманчивая перспектива обитания на берегу реки чреваты риском для тысяч строений. В сельскохозяйственных же районах летнее наводнение может причинить огромный ущерб травам и злаковым культурам.

Любопытно между тем, что паводка, кажется, никогда никто не ждет. О случившемся наводнении забывают, пока не произошло следующее. Странным образом люди сегодня полагают, что от набегов реки их теперь защищает Барьер — плотина в восточном Лондоне. Помимо того очевидного факта, что Барьер не оказывает воздействия ни на участки реки ниже его, ни на берег эстуария, стоит еще отметить, что он не влияет и на верховья Темзы, не подверженные приливам: наводнения там сегодня так же вероятны, как в любую другую историческую эпоху. В начале 2003 года, к примеру, было подтоплено 550 домов; уровень воды в районе Мейплдаремского шлюза был всего на 12 дюймов ниже, чем во время разрушительного наводнения 1947 года.

Если дневной расход воды, протекающей через

Теддингтонскую плотину, составляет в среднем примерно 4500 млн галлонов, то один-два раза в год он повышается до 5500 млн галлонов, что считается опасным уровнем, близким к наводнению. Во время наводнения 1947 года за день через эту плотину проходило 13 572 млн галлонов. В 1968 году расход воды достиг 11 404 млн галлонов в день, в 1988 году — 7650 млн галлонов в день. Эти огромные цифры иллюстрируют мощь и разрушительный потенциал Темзы.

Но самые большие наводнения происходили в низовьях реки, подверженных действию морских приливов. Там особые погодные условия в сочетании с приливным движением воды могут создавать громадные водяные “стены”. В 1090 году взбунтовавшаяся Темза снесла Лондонский мост, а девять лет спустя, согласно “Англосаксонской хронике”, “в день св. Мартина воды морские поднялись так высоко и столько бед причинили, что никто не упомнит в прошлом подобного несчастья”. Это наводнение 1099 года имело, кстати говоря, одно неожиданное следствие. Воды Темзы целиком залили поместье графа Гудвина и остались там навсегда, так что оно превратилось в песчаную отмель — в “гудвиновские пески”, которых и сегодня опасаются рыболовы

и моряки. В 1236 году Темза поднялась до такого уровня, что Вулидж, по словам Стоу, был “весь в воде” и по Вестминстер-холлу плавали на лодках. Хронист Мэтью Парис писал, что это наводнение “срывало с якорей и уносило со всех стоянок суда, утопило множество людей, уничтожило стада овец и прочего скота, вырывало деревья с корнем, валило дома, размывало берега”. По странному стечению обстоятельств оно случилось 2 ноября — в день св. Мартина, как и 137 лет назад. В 1242 году река вышла из берегов в районе Ламбета и разлилась на 6 миль. В 1251 году прилив на Темзе был на 6 футов (1,8 м) выше обычного. В 1294 году были предприняты береговые работы, и берег подняли на 4 фута (1,2 м) “по причине морского буйства”. В 1313 году Эдуард II издал хартию, где констатировал, что “море в тех краях больший ущерб причиняет, нежели в былые времена”. В 1324 году под воду ушло 100 000 акров земли между церковью св. Екатерины и Шадуэллом.

В каждом столетии случались “аномальные” приливы, творившие немало бед. 4 февраля 1641 года, как сказано в брошюре тех лет, “у Лондонского моста два прилива было, один после другого спустя час с половиною, причем второй пришел с таким беснованием и шумом”, что даже бывалые

лодочники “устрашились”. Между этими двумя приливами Темза полтора часа не текла вовсе — точно “уснула или померла”. Второй прилив накатил “с волнами, ревом и пеною, с яростию такой, что всех, кто видел, обуял ужас”. Это было “диво дивное, о коем самые древние старики даже и не слыхивали”. Тут налицо некоторое преувеличение: восемнадцать лет назад, 19 января 1623 года, было два прилива с промежутком в пять часов. 7 декабря 1663 года. Пипс написал в дневнике, что “прошлой ночью был самый большой прилив на этой реке, какой помнят в Англии; весь Уайтхолл залило водою”. В 1707 году наводнение пробило в береге близ деревни Дагнем знаменитую “брешь” длиной в 30 м, которая закрылась только через семь лет. 14 сентября 1716 года сильный и упорный ветер остановил приливный поток, и Темза стала такой мелкой, что, согласно дополненному изданию Страйпа “Обзора Лондона и Вестминстера” Стоу (1720), “тысячи и тысячи людей переходили ее вброд как выше, так и ниже Моста”.

В 1762 году воды Темзы поднялись так высоко, что “подобного нет на памяти ни у кого”. Менее чем за пять часов ее уровень повысился на 3,6 м, и люди тонули на больших улицах Лондона. В XIX

веке было шесть крупных наводнений — в 1809, 1823, 1849, 1852, 1877 и 1894 годах, — приведших к многочисленным разрушениям и жертвам. Тем, кто жил у реки, хорошо знаком был крик: “Заливает! Заливает!” В 1881 году в Вестминстере Темза поднялась на 17 футов 6 дюймов, и репортеру “Таймс” довелось увидеть “душераздирающие сцены”.

В декабре 1927 года прилив достиг отметки 17 футов 3 дюйма, в следующем году — 18 футов 3 дюйма. В районе Миллбэнка река вышла из берегов, и четырнадцать человек утонуло. 6 января 1928 года из-за морского шторма образовалась такая приливная волна, что Темза поднялась до наивысшего уровня за все годы. В Хаммерсмите и Миллбэнке прорвало береговые дамбы. В Вестминстере в подвалах утонуло четырнадцать человек. Еще одно сильное наводнение случилось в марте 1947 года, и в большинстве шлюзов Темзы две самые высокие отметки уровня относятся к 1894 и 1947 годам.

Но самые большие разрушения вода причинила в ночь на 31 января 1953 года, когда громадная приливная волна, пришедшая из Северного моря, затопила эстуарий Темзы. Было холодно, дул штормовой ветер, и в два часа ночи по реке про-

шла водная гора. Погибло более трехсот человек, было разрушено двадцать четыре тысячи домов и затоплено 160 000 акров сельскохозяйственных угодий. Ущерб понесли двенадцать газовых заводов и две электростанции. Остров Кэнви затопило полностью; многих его обитателей успели эвакуировать, но восемьдесят три человека утонули. Это было тяжелейшее бедствие со времен Второй мировой войны. Если бы вода не прорвалась на поля Эссекса и Кента, где не выдержали земляные дамбы, она нахлынула бы на Лондон с невообразимыми последствиями.

Стало ясно, что опасность, которой подвергается Лондон, год от года растет. Примерно 155 кв. км столицы лежат ниже наивысшей отметки прилива, и в случае наводнения глубина воды на затопленных улицах могла составить до 3 м. Если бы такие массы воды влились в систему метрополитена, городской транспорт надолго был бы парализован. Людские жертвы тоже могли бы оказаться очень велики.

Поэтому в 1972 году был принят Акт о Барьере на Темзе, и одиннадцать лет спустя это сооружение начало действовать. Предполагалось, что Барьер будет закрываться для борьбы с неблагоприятными погодными явлениями в среднем

три раза в год, но в первые четыре месяца 2001 года он закрывался четырнадцать раз, в первые месяцы 2003 года — восемнадцать раз, из них четырнадцать раз для борьбы с приливами, следовавшими друг за другом. Это ясно показывает, насколько опасной может быть Темза.

Барьер способен выдержать давление, при котором за секунду по речному руслу проходит 50 000 тонн воды, но в будущем этого окажется недостаточно. Считают, что к 2030 году Барьер перестанет удовлетворять требованиям. Средняя высота приливов растет со скоростью примерно 0,6 м в столетие, и ввиду таяния полярных ледников и того, что Лондон за каждые сто лет опускается на 8 дюймов, вскоре нам понадобятся новые и более сложные защитные сооружения. Был, в частности, предложен план построить барьер длиной в 10 миль от Ширнесса (графство Кент) до Саутенда с таким количеством ворот, которое позволяло бы воде беспрепятственно протекать во время нормальных приливов.

Одно необычное природное явление непосредственно затрагивало жизнь Темзы в былые столетия. Река имела обыкновение замерзать у дна, продолжая течь ближе к поверхности. Лодочники называли этот придонный лед icemeer, и

куски его нередко всплывали, неся с собой гравий и камни. Когда еще не было многочисленных мостов, в чрезвычайно холодные зимы полностью замерзала и поверхность Темзы, что давало повод не столько для изумления, сколько для празднеств. Река становилась ареной разгульной и экстравагантной “морозной ярмарки”. Первую такую ярмарку устроили, как сообщается, в 695 году, когда на льду были поставлены лотки и шла торговля. Между VII и XVII столетиями Темза замерзала одиннадцать раз. Самой суровой была зима 1434–1435 года, когда лед держался с 24 ноября по 10 февраля и люди пешком добирались по нему от Лондонского моста почти до Грейвзенда. Холиншед писал, что в 1565 году на льду реки “играли в футбол без всякой опаски, точно на суше; иные из состоявших при дворе ежедневно упражнялись в стрельбе по мишеням, установленным на Темзе”.

В одной анонимной брошюре за 1683 год говорится о “неслыханных рандеву” на замерзшей реке, где сплошными рядами стояли торговые палатки, лотки и лавчонки, где ездили сани, экипажи и фургоны, где на импровизированных аренах травили медведей и быков, где можно было поесть печеного, вареного или жареного

мяса и запить его кофе, элем, бренди или вином. Здесь имелись и пекари, и повара, и мясники, и проститутки. Вразнос торговали фруктами, устрицами, листовками с последними новостями. Процветали всевозможные "амуры, интриги, надувательства и шутки", честные люди становились жертвами грабежей и мошенничества. Предлагали свои услуги наемные экипажи; рассказывается, как по "белому пути" от Уайтхолла до Лондонского моста проехала карета, запряженная шестеркой. Устраивали даже лисью травлю. Словом, на льду толщиной, как писали, в 18 дюймов (45 см) вырос целый город в миниатюре. Все это называли "второй Варфоломеевской ярмаркой", а еще — "Ледяной ярмаркой" и "Ярмаркой одеял". Мясо, которое там продавали, окрестили "лапландской бараниной". В честь события слагались стихи:

Взгляни на нынешнее чудо света:
Поток, застыв, огромной сценой стал.
Не попусту я говорю вам это,
На Темзе – ярмарка и карнавал.

Вода стала сушей, поток превратился в дорогу. Можно было видеть рыб, замерзших во льду. Людей веселило ощущение непривычной свободы:

возможность ходить по водам была настоящим чудом, и то, что могучую Темзу теперь пересекали где угодно, само по себе было достойно восхищения. Такие органические свойства Темзы, как эгалитаризм и склонность к разнузданному буйству, проявились здесь в крайней форме.

Впрочем, радовались не все лондонцы. Те, кто кормился рекой, дошли до последнего края нужды. Особенно бедствовали рыбаки, хотя лодочники, кажется, сумели сориентироваться и стали брать с людей деньги за вход на ярмарку. Огромная армия тех, кто трудился на пристанях и в доках, оказалась без работы, и обильные кушанья, которые готовились на реке, были им не по карману. Уголь стал чрезвычайно дорог. Многие умерли от голода и холода.

Зимой 1715–1716 года Темзу снова сковал большой лед, и на нем очень быстро вырос парусиновый город. Как пишет бюллетень “Доксньюслеттер” за 14 января, там “была воздвигнута огромная харчевня”, где “джентльмены обедали столь же часто, как в обычной кухмистерской”. Однажды четверо молодых людей решили, не используя протоптанных троп, пройти по речному льду так далеко, как только можно будет; в “Лондон пост” говорится, что они “отважно

отправились в путь, и ни об одном из них с той поры нет ни слуху ни духу”. Холод их убил или река — неизвестно.

Между 1620 и 1814 годами Темза останавливалась двадцать три раза. Когда она вскрывалась, это происходило резко и внезапно. Лед приходил в движение за несколько часов. Он крушил все суда на своем пути и причинял немалый ущерб мостам. Иных зазевавшихся уносило на льдинах, люди поспешно прыгали в барки, еще не освободившиеся от ледяных оков.

Морозная ярмарка 1814 года, когда по льду была проложена “Городская дорога”, оказалась последней. Разрушение старого Лондонского моста в 1831 году покончило, как выяснилось, и с ледовыми карнавалами. Без его опор и всего, что к ним прибилось, препятствий для приливных потоков и общего течения реки стало меньше и мороз не мог больше сковывать Темзу. Ускорило движение воды и строительство набережных. Считают, что низовья Темзы, подверженные приливам, не замерзнут больше никогда.

Глава 28
Старые деревья

В 1790 году, когда сооружали Ост-Индский док, в относительно сохранном виде были найдены ушедшие под землю остатки громадного леса. Деревья лежали не как попало, а упорядоченным образом, и все вершины их, что любопытно, были обращены к югу, словно их повалила некая мощная природная конвульсия, накатившая с севера. Другие подземные леса, датируемые концом последнего ледникового периода, обнаружены в Грейзе, Уэст-Терроке и Ширнессе. В сентябре 1665 года Пипс писал в дневнике, что в Блэкуолле, “когда копали последний док, нашли засыпанными в двенадцати футах под землей отличнейшие ореховые деревья с ветвями и даже с орехами”. Из-за остатков доисторических лесов участок реки близ Стоуннесского маяка называется “Корни”. В Саутуорке выкопали тис и ольху, которые зеленели примерно пять тысяч лет назад. Землекопам Ширнесса приходилось “прожигать” себе путь сквозь стволы и заросли, непосредственно соприкасаясь с глубокой стариной.

Темза — река деревьев. Они составляют часть каждой ее панорамы, неотъемлемую принадлежность речного пейзажа. Они говорят как о древности Темзы, так и о ее святости. Около нее близ Раннимида в Беркшире стоит так называемый Анкервикский тис, которому, по оценкам специалистов, более двух тысяч лет; в 1826 году, когда художник Джордж Стратт измерил его для своего альбома Sylva Britannica, он составлял в диаметре более 27 футов (8 м), а ныне его диаметр равняется 31 футу (9,4 м). Тис около церкви в Иффли старше, как считают, чем само это норманское здание; он якобы был посажен примерно в 700 году, когда на том же месте у реки, возможно, стояла саксонская церковь. Древний тис высится также у северной стены церкви Пресвятой Троицы в Кукеме. На вершине погребальной насыпи в Таплоу на берегу Темзы был тис диаметром в 29 футов (8,8 м). Не исключено, что его посадили саксонские воины, оплакивавшие смерть своего властителя, который был там похоронен. Некоторым из дубов Виндзора перевалило, как считают, за тысячу лет.

По меркам Темзы это, конечно же, не древность, но всякий, кто бродил среди старых деревьев, почувствовал исходящую от них силу.

Вот почему деревья и река неразделимы. Леса Кливдена, поднимающиеся над рекой уступ за уступом, — потомки первобытных лесов, занимавших некогда большую часть речного берега. Биологический анализ доказал существование в долине Темзы в доисторические времена дуба и ольхи, боярышника и ясеня, тиса и ивы, а также многих других пород деревьев. Остатки ольхи и тиса, которым около пяти тысяч лет, найдены в Саутуорке.

В садах вдоль Темзы, которым перепадает от плодородия местности, растут плакучая ива и плакучий бук, конский каштан и акация. В окрестных лесах и рощах мы находим дуб и платан, пирамидальный тополь и вяз. Меловые холмы и скалы поросли буком. На речных берегах — купы ив с подстриженными верхушками, легко одетых серебристой листвой. Здесь хорошо чувствуют себя сосна и кедр, ясень и ольха. Вязы, кажется, готовы отпустить в небо всю роскошь своей листвы. В мае повсюду цветет боярышник. На зеленых речных островках растут ива и боярышник, вяз и платан.

Одной из самых распространенных пород деревьев вдоль Темзы стал тополь. Порой он придает местности геометрически правильный вид — на-

пример, близ Брея, где тополя одинаковой высоты стоят в ряд на равном расстоянии друг от друга. Это дерево появилось в Англии сравнительно недавно — в середине XVIII века, — и первыми, как считается, стали пирамидальные тополя, посаженные ниже Хенли. Дубы на некоторых участках берега растут в таком изобилии, что в XIX веке их стали называть “беркширскими сорняками”.

Но деревом, теснее всего связанным с Темзой, следует, по всей видимости, считать иву. Это древняя порода, одна из самых старых, и она встречается вместе с папоротниками среди окаменелостей. Ползучая ива (salix reptans) в изобилии росла в долине Темзы в межледниковые периоды; травянистая ива (salix herbacea) и сетчатая ива (salix reticulata) встречались в этом регионе в эпоху плейстоцена. Плакучая, или вавилонская, ива (salix babylonica) появилась здесь гораздо позже. Она была привезена не из Вавилона, а из Китая и впервые высажена в Твикнеме у Темзы в 1730 году. История о том, что первым посадил плакучую иву на берегу Темзы поэт Александр Поуп, воткнув в землю веточку, выдернутую из испанской корзины, является апокрифом. Она, однако, подчеркивает связь Поупа

с рекой. Один из самых знаменитых узоров для обоев, разработанных Уильямом Моррисом, — “Ивовая ветвь” — был навеян ему прибрежными деревьями у его дома в Келмскоте.

Белая ива (ветла) льнет к речному берегу, как и плакучая ива и ракита, нависающие над водой наподобие Нарцисса, который любуется своим отражением. Плакучая ива в особенности хорошо соответствует образу реки с ее текучестью. В Книге Иова эти деревья названы “ивами при ручьях”, в Книге Исаии — “ивами при потоках вод”. У них особая связь с водой. Крупная ива берет из реки примерно 6800 л воды в день и способна испарять более 22 800 л в день. Шекспировская Офелия, прежде чем утонуть, стояла под ивой и “старалась по ветвям развесить свои венки”[50]; здесь это дерево ассоциируется с печалью и со смертью от воды. Ивовые ветви клонятся вниз словно от печали и жалости. Ива — дерево слез, дерево воды; однако, подобно воде, оно живуче.

Разновидность ивы, называемую salix viminalis (ива корзиночная), выращивали на островах посреди Темзы на особых грядках ради прутьев, которые срезались в марте и шли на ловушки для

---

[50] Примечания: 50
Перевод М. Лозинского.

угрей и прочих рыб, на изгороди, на корзины и всевозможные иные емкости; их даже использовали для укрепления речного берега. Срезанные прутья клали в канавы с водой; весной по ним начинал идти сок, на них набухали почки и распускались листья, а в мае они пускали новые корешки. В этот момент с них счищали кору, отбирали самые гибкие и отбраковывали негодные. В Железном веке приозерные жители плели ивовые корзины еще до появления римлян, и нет причин сомневаться, что древние обитатели речных берегов владели такими же навыками. В XVIII и начале XIX века это было одно из самых распространенных ремесел на Темзе, однако к нынешнему времени оно пришло в упадок.

* * *

Впрочем, увидеть некую общую гармонию, присущую реке и деревьям, можно и сейчас: они изгибаются, они подвижны, они поддаются напору ветра. Темная зелень тиса и светлая — бука — отражаются в текучей воде. Для деревьев река — источник влаги и, следовательно, жизни, а взамен они дают ей тень и прохладу. Невозможно представить себе Темзу без деревьев. На всех речных пейзажах Тернера, кроме тех, что написаны

близ устья, имеются деревья. Они часто представляют собой фокус и жизненный центр его речных композиций, где яркие лиственные массы отражаются в воде, где коричневые ветви погружены в зелень разных оттенков, от светлого у ясеня до насыщенного у дуба. Листья тополя и ивы ярко-зелены с верхней стороны и бледны с изнанки, что делает акварели Тернера мерцающими, переливчатыми. На картинах, выполненных маслом, тоже иной раз пятнышками играет свет, цвета сменяют друг друга, создавая у зрителя радостное, приподнятое чувство. На рисунках Тернера его вибрирующий карандаш или перо передают текучесть, подвижность древесных крон. Стволы, ветви, листва образуют изысканные плавные линии, рождая впечатление общности деревьев и реки. По словам Рескина, Тернер понимал язык Темзы и окружающего ее ландшафта. Деревья становятся у него хранителями Темзы, часовыми, стоящими на страже ее берегов.

Их тень дает особое ощущение прохлады и уединения, словно они обеспечивают не только охрану, но и убежище. Они усиливают чувство покоя и самопоглощенности, которое рождает река. Шелли, другой поэт реки, воспел великую тишину и отрешенность, царящие под ветвями

прибрежных деревьев. В поэме “Восстание Ислама” (1818), написанной в Марлоу на Темзе, он говорит о блаженных местах, “где деревья, смыкая ветви, образуют беседку”[51]. Роберт Бриджез в стихотворении, начинающемся со слов “Есть подле Темзы холм один” (1890), тоже описывает приречный ландшафт:

Деревья стройные везде
Густыми кронами смыкаются,
И ветви низко над рекой качаются,
Чертя узоры на воде.

Здесь главенствует образ тенистого убежища, где лес и вода пребывают в гармонии, творя область мира и тишины. Сюда можно удалиться, если хочешь побыть в одиночестве, спастись от суеты. Деревья и вода в какой-то мере воскрешают для иных некие давние позабытые времена до вторжения цивилизации, некую лесную первозданность, обрести которую сполна невозможно.

Для древних обитателей берегов Темзы дерево обладало такой же святостью, как и вода. В одном раннехристианском тексте говорится: “Никто не должен ходить ни к деревьям, ни к источникам…

---

[51] Примечания: 51
Подстрочный перевод.

никуда, кроме церкви Божьей, чтобы приносить обеты или снимать их с себя". У знаменитого ясеня в Ричмонд-парке близ Темзы судили ведьм, но, кроме того, он славился целебными свойствами. Вплоть как минимум до середины XIX века матери с больными детьми приходили к дереву до рассвета и дожидались под ним восхода солнца.

Около Темзы были и священные леса. Одна такая роща, упоминаемая в англосаксонских хартиях, находилась поблизости от церкви в Кембле. В роще, как считалось, совершались человеческие жертвоприношения. На пересечении дорог в той местности поставили крест — возможно, чтобы положить предел воздействию былых ритуалов. В числе прибрежных лесов — Хокетт, Фултнесс-вуд и Инкидаун-вуд. Лес Куорри-вуд, выходящий к реке в районе Кукем-Дина, послужил прообразом Дремучего Леса в книге Кеннета Грэма "Ветер в ивах". Само название этой книги говорит о том, что она родилась из музыки старых деревьев. Дремучий Лес в ней вырос на месте огромного города, построенного, чтобы стоять вечно; но город исчез, медленно разрушился под воздействием ветра и дождя, затерялся среди деревьев, ежевики и папоротников. Как и река, лес стирает следы человеческого времени.

В Дорчестере на берегу Темзы есть купа деревьев, называемая Уитнем-Клампс, а посреди нее стоит мертвый ствол “стихотворного” бука. На его коре в 1844 году было вырезано стихотворение, которое стало за прошедшие годы трудночитаемым. В нем говорится о древности здешнего ландшафта и о преходящем характере творений рук людских:

Так губят время и жестокий рок
Все, что тут человек устроить мог.

Может быть, это не великие стихи, но они вошли в литературу, как и в прибрежный пейзаж. Их слова подобны отметинам, которые древние шаманы делали на коре деревьев в знак их святости.

Некоторые деревья оставались ориентирами для многих поколений береговых жителей. Их порода и местоположение сохранены в таких наименованиях, как Найн-Элмс (Девять вязов), Пэа-Три-уорф (Причал грушевого дерева), Краб-Три-док (Док дикой яблони), Орчард-стэрз (Садовый спуск). Уиллоу-уорф (Ивовый причал), Черри-Гарден-пиэ (Пирс вишневого сада). Названия ряда приречных деревень тоже происходят от деревьев. Например, Бамптон — от саксонского

beam-tun (древесное поселение). Что любопытно, в начале XX века этот городок по-прежнему называли “древесным”. Так старинные ассоциации проходят сквозь перемены в языке. У Темзы близ Теддингтона рос старый вяз; его называли “Одиноким деревом”, и он стоял на высоком берегу, где река делает изгиб в сторону города. На холме на южном берегу Темзы в районе Лечлейда в свое время была величественная купа деревьев, именовавшаяся Фарингдон-Фолли; там, как говорят, умер король Альфред.

Все это — памятные места, ориентиры, которые должны, как считается, быть вечными, существовать так же долго, как сама река. Но в определенной мере это иллюзия. Жалобы на уничтожение деревьев проходят через всю литературу, посвященную Темзе. Их безрассудная вырубка словно бы наносит оскорбление природе в целом. Вот как пишет об этом Джерард Мэнли Хопкинс в одном из самых известных своих стихотворений “Тополя Бинзи”:

> *Милые мои осины, чьи воздушные клетки утихомиривали,*
>
> *Утихомиривали или гасили в листве прыгучее солнце,*

Все срублены, срублены, все срублены;
Из свежей и послушной сомкнутой шеренги
Не уцелела ни одна,
Качавшая обутую в сандалии
Тень, которая плыла или тонула
На лугу, на реке, на ветроблуждающем, травопетляющем берегу[52].

Речь идет о вырубленных в 1879 году деревьях, стоявших на берегу Темзы чуть выше Оксфорда, деревьях, в очередной раз воспетых поэтом за уединение и тень.

---

[52] Примечания: 52
Подстрочный перевод.

Глава 29
“После многих лет умирает лебедь…”[53]

Лебеди живут и во многих иных местах, их можно найти в таких далеких друг от друга странах, как Новая Зеландия и Казахстан, но Темзу, наверно, следует считать их территорией в полном смысле слова. Здесь их воспевали и прославляли столетие за столетием. Про лебедя-шипуна (cygnus olor) писали Мильтон и Вордсворт, Браунинг и Китс. Это — лебедь, плывущий в удвоенном виде, как птица и как отражение; лебедь, творящий зрительную поэзию реки, лебедь, чья изогнутая шея выражает силу и верховенство; лебедь, скользящий по водам Темзы в ореоле величия. Самая знаменитая хвалебная песнь лебедю — это, пожалуй, “Проталамион” Эдмунда Спенсера (1596) с рефреном: “Сладостная Темза! Теки спокойно, пока я не окончу свою песнь”. В этой поэме птицы плывут к реке по одному из ее красивых (в то время) притоков:

---

[53] Примечания: 53
Из стихотворения А. Теннисона “Тифон”.

И вот увидел я двоих лебедей красивого цвета,

Мягко плывущих вниз по реке Ли;

Более прекрасной пары птиц я никогда раньше не видывал;

Снег, покрывающий вершину Пинда,

Никогда не выглядел белей…

Так чиста была их белизна,

Что даже нежный поток, который их нес,

Казалось, был грязен для них и приказал своим волнам

Не мочить их шелковых перьев, чтобы они

Не запятнали безупречное свое оперение водой

Не столь безупречной[54].

Здесь лебедь — символ невинности и незапятнанности, что вполне соответствует древнему представлению о реке как об очищающей, крестильной стихии. О том, что образы Спенсера нельзя считать поэтическим преувеличением,

---

[54] Примечания: 54
Подстрочный перевод.

свидетельствует более ранний (датированный 1496) отчет секретаря венецианского посла в Лондоне: “Поистине прекрасны для взора были на реке Темзе ручные лебеди, числом в тысячу или две, коих Вы, Ваше превосходительство, как и я, видели”.

Лебедей нельзя, строго говоря, назвать “ручными”, хотя определение “дикие” к ним тоже не подходит. Порой они проявляют свирепость, особенно при защите потомства или территории, но поверье, будто лебедь может сломать крылом человеку руку, разумеется, ложно. Чтобы отпугнуть эту птицу, достаточно всего-навсего побрызгать на нее водой, как будто это не ее родная стихия.

То, что лебеди законодательным актом были провозглашены королевскими птицами, возможно, объясняется их величественной наружностью. В 1295 году монарх ввел должность хранителя королевских лебедей, чьей обязанностью было защищать и разводить этих птиц на Темзе. Он должен был вести их поголовный учет; так возник ежегодный праздник “подъема лебедей” (для того, чтобы их метить) на третьей неделе июля. Это один из древнейших ритуалов на Темзе, соблюдаемый до сих пор. В большинстве своем королевские птицы, конечно, остаются

непомеченными, но те, что помечаются, считаются собственностью корпораций красильщиков и виноторговцев. Привилегию дал этим гильдиям один щедрый монарх. Знак корпорации виноторговцев — две метки (nicks) на верхней и нижней сторонах клюва. Отсюда название некогда популярной таверны: “Лебедь с двумя шеями” (шеи — necks).

Во времена Елизаветы I, как утверждает Уильям Гаррисон в “Историческом описании острова Британия” (1587), “на этой реке ежедневно можно было увидеть бесчисленное множество лебедей”. В тот период не менее чем у пятисот частных лиц и корпораций имелись в собственности лебеди, в большинстве случаев — для кулинарных целей. Как пишет Чосер о монахе в “Общем прологе” к “Кентерберийским рассказам”, “он лебедя любил с подливкой кислой”[55]. Сейчас их едят редко: эту птицу как лакомое блюдо на английских столах заменила индейка, поэтому лебедем не питаются — ему умиляются. В саду при доме приходского священника в Рименхеме близ Хенли — простая могилка с надписью:

---

[55] Примечания: 55
Перевод И. Кашкина, О. Румера.

СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ
Умерла 26 апреля 1956 года
КЛОДИНА
ЛЕБЕДЬ

Группа лебедей называлась “лебединая дичь” (a game of swans), или, по-латыни, deductus cygnorum. С тех самых пор, как они впервые появились на реке, их окружали разнообразные правила и предписания. Согласно одной из версий, их привез с Кипра Ричард I, в очередной раз возвращаясь со Святой Земли. В те далекие дни иметь своего лебедя разрешалось только тем, кто владел имуществом стоимостью минимум в 5 марок. За кражу лебедя полагалось странное наказание. Злополучную птицу подвешивали в доме за клюв, “и тот, кто украл, должен в возмещение дать хозяину столько пшеницы, чтобы ею можно было засыпать всего лебедя”.

Они гнездятся на островках посреди Темзы, но, что любопытно, они не всегда ищут одиночества. Лебеди, кажется, отдают себе отчет в своем привилегированном положении на реке. Не раз было замечено, что перед наводнением эти птицы перемещают гнезда выше. У них сильно развит территориальный инстинкт, и они защищают

свои владения с необычайной яростью. В старину считалось, что лебедь живет триста лет, но в наш сухой эмпирический век специалисты уменьшили этот срок до тридцати.

Есть одна любопытная история о лебедях, которая представляется скорее легендой, нежели чем-то достоверным. Итальянец Улисс Альдровандус, живший в XVI веке, писал, что “пение лебедей можно слышать в Англии очень часто… всякий раз, когда корабельный флот возвращается из путешествия в далекие страны, лебеди выплывают навстречу и приветствуют его громким радостным пением”. Звучит красиво, но не согласуется с тем, что известно о повадках лебедя-шипуна. Есть, однако, еще свидетельство Джона Дикенсона в “Арисбасе”, где он описывает “премилую ТАМЕЗИС” как “счастливое обиталище множества лебедей, музыкальных птиц АПОЛЛОНА, кои поют переливчато, щебечут щедро, услаждают уши усердно…” Может быть, речь идет о лебедях-кликунах или, скорее, о тундровых лебедях? Так или иначе, шелест крыльев лебедей-шипунов, когда они летят стаей и машут ими согласно, — звук чрезвычайно завораживающий.

Образ лебедя в литературе, кроме того, соот-

носится с образом обнаженной женщины, а обнаженная купальщица — это, в свой черед, одно из фундаментальных олицетворений реки, основанное на почитании водной богини. У алхимиков лебедь символизирует ртуть. Эта птица, таким образом, ассоциируется с подвижными, текучими элементами и веществами, подобными речной воде.

Лебедь ассоциируется, кроме того, со светом и его свойствами. Он усиливает исходящее от реки особое свечение. Как писал Рескин, “если читатель желает получить полное представление о волшебстве светоносной поверхности, пусть он внимательно вглядится в лебедя, взмахнувшего крыльями в ярком луче солнца за пять минут до заката”. Словами “волшебство светоносной поверхности” (loveliness of luminous surface) Рескин передает нечто от переливчатого мгновенного очарования самой реки, так что поистине лебедь причастен к ее бытию.

Лебедя обычно сопровождают другие речные птицы, хотя он, судя по всему, не склонен обращать на них внимание. В одном только районе Дорчестера встречается двести различных видов пернатых. В XVI веке Англия считалась “гнездовьем” певчих птиц, но, кажется, с еще большим

основанием эту метафору можно применить к Темзе. Около нее, к примеру, в изобилии водятся камышовки-барсучки, встречаются и более редкие тростниковые камышовки. Во второй половине XVIII века улочки близ Лондонского моста были усеяны тысячами мертвых скворцов, которые много лет до этого гнездились под его пролетами. В XIX столетии, однако, самой распространенной птицей у реки была черная ворона, особенно — на оксфордширском и беркширском берегах. Здесь мне хотелось бы сделать одно замечание. Морские птицы, в отличие от многих речных, не поют. Может быть, речные птицы подражают таким образом журчанию реки? Может быть, они поют реке? Чайки, во всяком случае, морю не поют.

Скромная дикая утка (anas boschas), как лондонский воробей, кажется неотделимой частью окружающего ее пейзажа. На Темзе водятся такие ее породы, как эйлсберийская утка, руанская утка, хохлатая чернеть и лабрадорская, или канадская утка, но к этим разновидностям добавились и другие. Встречается мандаринка, вырвавшаяся из людского плена. Утки хриплоголосы, энергичны и непостоянны. Они кажутся подлинными детьми реки, и в начале XX века считалось, что

они находятся под особым покровительством всех мальчиков и девочек, живущих на берегах Темзы.

Здесь есть и более экзотические пернатые. В последние годы у Темзы, в частности близ Кью и Теддингтона, порой замечали стайки зеленых попугайчиков, чье происхождение совершенно неизвестно. Около Суонскомба видели каравайку (из семейства ибисов), в долине реки Ли — выпь. Птицы некоторых видов вернулись к Темзе после сорокалетнего отсутствия, ободренные нынешней относительной чистотой ее вод. Были годы, когда на “внутренней Темзе” в районе Лондона не водилось никаких птиц за исключением особой разновидности чаек, питавшихся нечистотами, которые плавали по воде. За десять лет — приблизительно между 1960 и 1970 годами — река очистилась, и впоследствии сюда вернулось примерно десять тысяч особей пернатой дичи и двенадцать тысяч болотных птиц. Уже в конце 1968 года близ Вулиджа были замечены нырки — птицы, которых не видели здесь с начала XX века. Темза в пределах Лондона, как и сам город, способна к омоложению. Вернулся и баклан, потому что в Темзе теперь снова есть рыба, подходящая для его питания. Успешно была реализована

программа возвращения красных коршунов в район холмов Чилтернз, и теперь можно видеть, как они парят в небе над Хенли.

О том, как далеко от моря могут встретиться чайки, нет единого мнения. В прошлом считалось, что лебеди и утки уступают им место близ Твикнема, но на деле чаек можно видеть и выше по реке — в окрестностях Чертси и Пентон-Хука. Они постепенно продвигались вверх по Темзе; у лондонских мостов они впервые появились суровой зимой 1891 года, и вскоре популярной забавой лондонцев стало кормить их хлебом и мелкой рыбешкой, которую продавали по пенсу за коробку. Итак, ныне чайки вернулись, стали размножаться и перелетать дальше в глубь острова.

В 1658 году у южного берега Темзы близ Гринвича был обнаружен большой кит. В том же году это событие обессмертил Джон Драйден в “Героических строфах”, посвященных Кромвелю: “Словно дань, прислал Океан / Этого огромного Принца всех своих водных Стад”[56]. Бюллетень новостей за тот же год сообщал: “Утверждают, что это самка длиною в 58 футов и толщиною примерно в

[56] Примечания: 56
Подстрочный перевод.

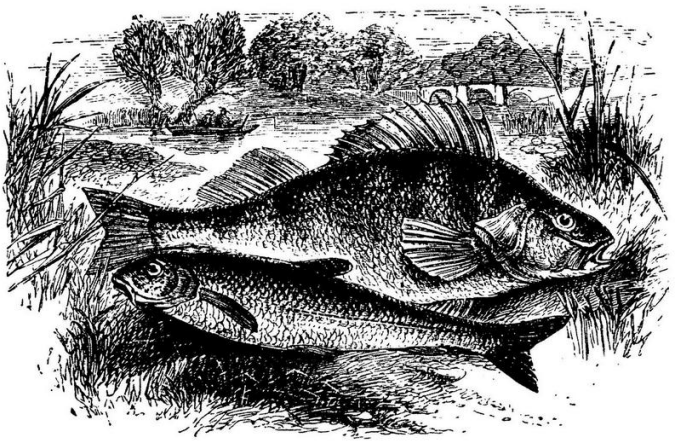
12. Ее обнаружили близ Блэкуолла, лодочники преследовали ее с ужасными криками, и первый удар нанес ей якорь рыбака, брошенный смелою рукой…” 3 июня Джон Эвелин писал в дневнике: “Она появилась пониже Гринвича во время отлива. В прилив она потопила бы все лодки, но в мелкой воде, окруженная судами, она после долгой борьбы была убита гарпуном… Издав жуткий стон, она выбросилась на берег и издохла”. Следующее появление кита произошло в менее жестокую эпоху. В январе 2006 года в Темзе увидели кита-бутылконоса. Он доплыл по ней до Челси, его пытались поймать и вернуть в открытое море, но он внезапно умер от шока. Его скелет был выставлен на обозрение в 2007 году.

Можно упомянуть и о других экзотических существах, связанных с рекой. Ричард I вернулся из Святой Земли с крокодилом, который, оказавшись на берегу Темзы у Тауэра, недолго думая уполз в реку и поплыл. Королевские медведи тоже получали некогда доступ к воде: приковав животное цепью, ему разрешали ловить в Темзе лапами рыбу. В XIX веке здесь видели черных хорьков. Тюлени доплывали до Ричмонда и Твикнема, где выбирались на берег отдохнуть. Около зданий парламента в реке однажды резвилась

морская свинья. Летом 2004 года в эстуарии обнаружили моржа.

Где в былые времена бродили мамонты, огромные медведи, кабаны и волки, сейчас водятся лиса, летучая мышь, водяная полевка, выдра, норка и олень. Численность выдр опять стала увеличиваться, а вот бобры исчезли, хотя в свое время Уилтшир считался “бобровым графством”. Рассматривая эту смену видов в широком плане, можно сказать, что некогда величественная, царственная река — порой тропическая, порой протекавшая через ледяные равнины, — вошла затем в узкие границы нынешнего камерного очарования. То, что было угрожающим, свирепым, ныне тихо извивается, таится.

X
Поток удовольствий



Окунь и пескарь

Глава 30
Пей сколько душе угодно

После разрушения арок старого Лондонского моста в реке нашли каменную голову Бахуса, что в очередной раз подтвердило связь Темзы с ритуалами веселья и гостеприимства. До совсем недавнего времени речные прогулочные суда не обязаны были подчиняться тем же правилам продажи спиртного, что и заведения на суше. Неудивительно, что пьянство было и остается обычным явлением на реке.

Если Гринвич славился изготовителями джина, то Темза была знаменита своими пивоварами. В начале XVIII века в Рединге была 21 пивоварня и 104 пивных. Лондонская пивоварня “Якорь” близ Хорслидаун-стэрз чуть восточнее Тауэрского моста была славна своей производительностью: двести тысяч бочек портера в год. Пивоварни в Мортлейке и Хенли пользовались не меньшей известностью. В Чизике до сих пор есть пивоварня Фуллера, возникшая в XVIII столетии.

В верховьях Темзы издавна потребляли напиток, который состоял из равных долей рома и

молока и считался “укрепляющим средством”. Но варили там и пиво, причем на воде самой Темзы. Качество ее считалось некогда хорошим, и в одной брошюре за 1657 год говорится, что “во многих заморских странах пиво на воде Темзы идет по цене вина”. Джордж Оруэлл в романе “За глотком свежего воздуха” (1939) пишет, однако, что оно “водянисто и отдает мелом”.

Но, пожалуй, наиболее значимый элемент взаимосвязи между рекой и питьем — всем знакомый береговой паб. Эти заведения существуют со стародавних времен. Трактиры у реки — точнее, у мостов через реку, — возникли тогда же, когда у ее берегов стали появляться первые путники. Алкогольные напитки, несомненно, употреблялись во время ритуалов у Темзы еще в глубокой древности, и первые паломники, которые шли к приречным святилищам Бригитты и Фридесвиды, подкрепляли ими силы на близлежащих постоялых дворах. А что касается таверны “Шашечная доска” в Стандлейке, в святости тамошней обстановки трудно сомневаться. В свое время приходский священник периодически произносил там проповедь, стоя у пивной бочки и напоминая собравшимся, что заведение некогда было домом молитвы и бочка расположена

точно на месте алтаря.

Таверна “Медведь” в Саутуорке находилась у самого Лондонского моста и в стихах конца XVII века уже была названа старинной. Да и весь Саутуорк, выросший “в тени” Темзы, пользовался специфической славой из-за размера и количества своих питейных заведений. В частности, совсем рядом с “Медведем” располагался “Дельфин”, и в начале XVII столетия Томас Деккер назвал улицу, идущую от моста, “сплошной пивной без единой другой лавчонки”.

У моста св. Иоанна в Лечлейде принимает посетителей “Форель”, на месте которой в прошлом был трактир “под знаком головы св. Иоанна Крестителя”; еще раньше там находилась богадельня при монастыре св. Иоанна. “Красный лев” в Касл-Итоне открылся на месте старинного замка, и в сельские праздники между трактиром и прибрежными лугами возводили временный мост. Это один из немногих случаев, когда питейное заведение появилось раньше моста. “Красный лев” существует и сейчас. Существует и паб “Три галки” в Грейвзенде, где некогда был постоялый двор для паломников, переправлявшихся через реку по пути из Эссекса в Кентербери. В прошлом заведение называлось “Три корнуоллские

клушицы" (эти пернатые фигурируют на гербе Кентербери). Этот паб слывет самым старым в графстве Кент, и в более близкие к нам времена его использовали уже не столь возвышенным образом: там хранили добро контрабандисты, беспрерывно орудовавшие на обоих берегах реки. Питейное заведение у самого старого моста через Темзу — Радкотского — возникло тогда же, когда и мост. Сейчас оно называется "Лебедь" — это один из бесчисленных "Лебедей" около Темзы. В Уоллингфорде есть "Ягненок", в Стритли — "Колотушка и клин", в Соннинге — "Белый олень", в Годстоу — "Форель", в Узли — "Колокола", в Кукеме — "Паром". Все эти заведения действуют с давних времен. Существенно, что возникали они у мостов и переправ. Пабы и трактиры открывались, кроме того, и у плотин. Например, у Итонской плотины — "Якорь". Ни того ни другого сейчас нет: плотину разобрали в 1936 году, "Якорь" сгорел. Их судьбы, как видим, связаны между собой. На месте плотины сейчас маленький пешеходный мост, а от "Якоря" остался фундамент.

Мостов, рядом с которыми нет паба, поистине очень мало, а в отдельных счастливых случаях паб имеется с каждой стороны моста. Так, у Но-

вого моста на северном берегу стоит “Ожившая роза”, на южном — “Боярышник”. Когда в Беркшире и Оксфордшире время закрытия питейных заведений не совпадало, местные жители просто переходили мост и продолжали бражничать в свое удовольствие.

Но Темза, конечно, предлагает людям и другой освежающий напиток — свою собственную воду, которую из нее брали во все времена. Использовать речную воду для питья беспрепятственно мог каждый, хотя в иные периоды она отличалась солоноватым привкусом. В Средние века водоносы образовали собственную корпорацию; в начале XVII века в Лондоне их было четыре тысячи человек. Горожане называли их cobs, и, как и другие торговые и рабочие люди, связанные с рекой, они отличались грубостью и драчливостью.

В конце 1582 году голландец Питер Морис соорудил с северной стороны Лондонского моста хитроумное водоподъемное колесо, с помощью которого речная вода поступала к жилым домам Сити. В “Хрониках” Холиншеда (1577) говорится, что власти Сити воздвигли в Леденхолле водокачку, “от коей четыре желоба идут в четыре разные стороны, обильно снабжая водою ближних жителей”. Эта вода, кроме того, “очистила

уличные канавы". Сразу, однако, возникли поводы для жалоб. Водоснабжение было "великим удобством", но "намного лучше было бы, ежели бы пресловутая вода текла беспрерывно".

Водокачка у Лондонского моста действовала до Великого пожара, когда ее колеса уничтожил огонь. Но ее восстановили, и в XVIII веке ее четыре колеса, установленные в четырех ближайших к Сити пролетах, перекачивали за день примерно 4,5 млн литров воды. Водокачка работала и в XIX столетии, когда ее производительность составляла уже 18 млн литров воды в день. Ее демонтировали только в 1830-е годы. при разборе старого Лондонского моста. К тому времени за возможность качать воду Темзы соперничали многие компании — в том числе "Ист Лондон уотеруоркс" и "Уэст Мидлсекс уотеруоркс". Брала воду непосредственно из Темзы и компания "Йорк", действовавшая у Чаринг-Кросса.

По поводу чистоты речной воды и безопасности пользования ею постоянно звучали жалобы, но владельцы компаний, занимавшихся водоснабжением, повторяли в ответ утверждения некоторых аптекарей былых времен, что вода Темзы будто бы способна к самоочищению. Да, она грязна, когда ее только выкачали, но, если

дать ей постоять, она, мол, становится идеально чистой и “более качественной, нежели вода при любом другом способе добычи”. Это представляется удобной ложью, цель которой — успокоить потребителей. Здесь чувствуется, однако, и некая остаточная вера в святость воды, извлекаемой из Темзы. В 1805 году один из поставщиков заявил, что “вода Темзы, когда ее держат в деревянной емкости, через несколько месяцев нередко делается несвежей… и от нее исходит неприятный запах. Но даже если выпить ее такую, болезни она никогда не вызовет; посему нет сомнений, что лицам, пьющим эту воду вопреки ее нехорошему запаху никакая опасность не угрожает”. Это было “чистой воды” мифотворчество — или, точнее, паразитирование на былых мифах. Статья в “Философских трудах” за 1829 год утверждала, что за время долгого пути к потребителю грязная вода, взятая из Темзы, “очищается” за счет брожения, вызываемого самими содержащимися в ней примесями. Но позднее в том же столетии была выявлена связь между потреблением грязной воды и холерой.

Хотя в начале XIX века половину потребляемой в Лондоне воды давала Темза, распределение этой воды было неравномерным и спорадиче-

ским. Она текла по деревянным трубам, и разные районы Сити получали свои “водопроводные дни”. Вода поступала в подвалы частных домов и закачивалась в общедоступные цистерны, вокруг которых толпились горожане и горожанки с кожаными ведрами. Внедрение паровых механизмов и чугунных труб несколько облегчило этот процесс, но все равно до последних десятилетий XIX века он оставался явно неэффективным.

Качество речной воды на протяжении этого столетия неуклонно ухудшалось, поскольку с ростом населения рос и объем попадавших в Темзу сточных вод. На знаменитой карикатуре 1827 года, озаглавленной: “ЧУДОВИЩНЫЙ СУП, который зовется ВОДОЮ ТЕМЗЫ”, изображена капля этой воды, увиденная через микроскоп, с полным набором плавающих в ней “гидр, и горгон, и страшных химер”. Потребители отмечали ее “коричневатый” цвет, вредные свойства и дурной вкус, если ее пить в “натуральном” (а точнее — ненатуральном) виде. Эта вода была убийцей, о чем говорит статистика болезней XIX века. Она распространяла эпидемии лихорадки, которые постоянно случались в Уайтчепеле, Шадуэлле, Лаймхаусе и других районах. Река в очередной раз отразила состояние города, через

который текла. Пока стоял старый Лондонский мост, его многочисленные опоры образовывали своего рода барьер или “санитарный кордон”; вода участков, подверженных действию приливов, резко отличалась по запаху и чистоте от свежей воды верховий. В 1855 год вышел запрет брать воду из Темзы ниже Теддингтона, и после этого заболеваемость в Лондоне уменьшилась.

Созданию режима чистоты и эффективности способствовало и учреждение в 1902 году столичного Совета по водоснабжению. Началось строительство громадных резервуаров, самый известный из которых — резервуар Королевы Марии, вступивший в действие в 1928 году. Он вмещал примерно 6700 млн галлонов воды, взятой непосредственно из Темзы через Лейлхемский водозабор, и площадь водной поверхности в нем составляла 286 га. Это был крупнейший водный резервуар в мире. В 1991 году начали строить подземную кольцевую водопроводную магистраль; она окружает Лондон на глубине 40 м, и вдоль нее от Холланд-парка до Сербитона имеется шестнадцать громадных шахт. В день она дает в среднем 284 млн галлонов воды почти шести миллионам потребителей. Это означает, что на человека приходится 213,6 л ценной суб-

станции. Вся эта вода берется прямо из Темзы. Река по-прежнему оберегает и питает город.

Глава 31
Вверх по реке

В 1555 году один торговец из Абингдона организовал лодочные путешествия в Оксфорд для тех, кто хотел воочию увидеть сожжение епископов Латимера и Ридли. Это один из первых документально зафиксированных случаев “увеселительной поездки” по реке. В XVII столетии женщины и девушки в понедельник после Троицына дня отправлялись в лодках вниз по Темзе до Ротерхайта; они брали с собой пушку для салюта и трубы, чтобы отдать должное услугам, которые оказывали всему сообществу речные лоцманы. Река давала свободу от сухого и скучного берегового мира и всегда ассоциировалась с развлечениями и празднествами.

Особую роль в превращении Темзы в реку досуга и спорта сыграл XIX век, когда население Лондона стремительно росло. В начале этого столетия верховья реки были почти пустынны и там мало что плавало кроме грузовых барок, но спустя всего несколько десятилетий жизнь Темзы изменилась кардинально. Акт 1855 года об

охране Темзы констатировал новую ситуацию: река, говорится в нем, “в значительной степени стала местом публичного отдыха и прогулок, и целесообразно поэтому принять меры к сохранению ее как места упорядоченного общественного отдыха”. Если река “общедоступна”, то вкусить от ее умиротворяющей тишины имеет право каждый.

Перемену можно датировать довольно точно. Она произошла в 1878–1879 годах. В середине 1880-х на Темзу в выходные дни уже устремлялись тысячи и тысячи отдыхающих, благо железнодорожная поездка до Хенли, Ричмонда или Теддингтона стоила дешево. То была эпоха лодочника-любителя, эпоха рыболова-любителя, бравшего напрокат ялик и отправлявшегося на заветное местечко. 1880-е и 1890-е годы — два самых бойких десятилетия за долгую историю Темзы.

В рядовой день лета 1888 года в среднем 6768 человек покупали железнодорожные билеты до Хенли и обратно за 3 шиллинга 6 пенсов. Один тогдашний наблюдатель жизни на Темзе заметил, что река не имеет ни минуты покоя из-за “суеты, бурления и прибоя, производимых сотнями паровых катеров и бессчетным количеством все-

возможных иных судов” от легкой шлюпки или каноэ до вездесущего “жилого судна” (прогулочной яхты с каютами для ночлега). Казалось — все без исключения устремились на реку в некоем беспрецедентном атавистическом порыве. Во многом, вероятно, это связано с трансформацией Лондона в первый в мире мегаполис, следствием которой стала потребность горожан в периодическом бегстве “на природу”. Выражение “вверх по реке” стало постоянно звучать в эстрадных песенках и скетчах.

То было время регат и празднеств на открытом воздухе, пикников на берегу и речных карнавалов. Устраивались фейерверки, концерты, всевозможные процессии. На фотографиях Темзы в районе Хенли, сделанных в 1890-е годы, река так плотно забита небольшими судами, что широкая водная магистраль сильно напоминает Пиккадилли в час пик. В одной лодке две дамы с парасольками, на веслах джентльмен в морской рубашке; в другой — мужчина с трубкой и его собака; в третьей — гребец-спортсмен в соответствующем костюме. Река служила местом увеселений даже в засуху: в 1885 году, когда весна и лето выдались особенно сухими, в русле Темзы близ Твикнема даже играли в крикет!

Возникла речная мода, которым строго следовали все, для кого такие вещи имели значение. Джентльменам не зазорно было появляться на реке только в белых брюках, белой фланелевой рубашке, соломенной шляпе и фланелевом пиджаке в полоску. Даме викторианской эпохи необходимо было платье или юбка из сержа; самыми подходящими цветами считались темно-синий и черный. Дополняли туалет длинные замшевые перчатки и замысловатая шляпка. Желательны, кроме того, были шерстяное нижнее белье, панталоны, корсет, сорочка и турнюр из китового уса. Интересно, однако, что драгоценности надевать было не принято. Брильянты на воде считались верхом безвкусицы — видимо, потому, что искусственность сверкающих камней не вязалась с предполагаемой естественностью солнечного дня на реке. В силу тех же представлений важной частью убранства на викторианской прогулочной яхте было изобилие цветов; периодическое издание “Темза — модная река” за 25 июня 1892 года рекомендует как альтернативу “дорогой мебели и безделушкам” три ряда растений вокруг палубы плюс цветы в висячих корзинках, заоконных ящиках и больших горшках. Дары цивилизации должны были

уступить место растительному естеству. Поэтому иные прогулочные яхты напоминали плавучие сады, чего и добивались их оформители.

В этой атмосфере "естественности", сколь бы надуманной и теоретической она ни была, рядовые энтузиасты реки питали единодушное отвращение к паровым судам. Сын Диккенса назвал их "проклятием реки", а Джером К. Джером в романе "Трое в одной лодке" пишет: "Я ненавижу паровые катера; думаю, что это чувство знакомо всем любителям гребли. Стоит мне увидеть такой катер, как мною овладевает желание заманить его в какой-нибудь укромный, тихий, безлюдный уголок и там придушить". Новые суда называли "речной нечистью" и "курящими дьяволами". На них в сравнительно девственный мир Темзы вторгались орды немытых кокни. Люди сетовали на шум, который производили не только двигатели, но и палубные оркестры и разнузданные отдыхающие. Рыболовам и всем прочим, кто расположился на берегу, досаждали поднимаемые пароходиками волны. Но главное состояло в том, что в первозданный речной ландшафт бесцеремонно вламывался XIX век с его техникой. Паровой катер был, можно сказать, посланцем столицы в местность, до которой она сама еще

не успела дотянуться. Катер приносил с собой пресловутый лондонский дым и был поэтому нежелателен.

Празднества на реке некогда во многом определяли ее лицо. В доисторические времена люди, без сомнения, устраивали водные торжества в честь речных и морских богов. Позднее эти древние ритуалы превратились в красочные речные процессии, регаты, гребные гонки и тому подобное. Первая официальная регата на Темзе произошла 23 июня 1775 года напротив прибрежных “садов Рейнла” в Челси. Ежегодник “Эньюел реджистер” писал:

> …вскоре после полудня вся река от Лондонского моста до таверны “Корабль” в Миллбэнке покрылась увеселительными судами… На якоре стояли суда, где продавали напитки и еду… Пути, ведущие к Вестминстерскому мосту, были уставлены игорными столами… Вскоре после шести под некоторыми арками моста играли небольшие оркестры из барабанов, флейт, рожков, труб и иных инструментов.

Во всем этом, кажется, было нечто от вакханалии, что вполне соответствует природе больших речных празднеств.

Через две недели после первой регаты произошла вторая — в Оутлендс близ Уэйбриджа, — на которой присутствовали члены королевской семьи. Эти регаты стали затем главными летними увеселениями для жителей многих приречных городков — например, Моулзи и Кукема. В программу входили гонки на яликах и шлюпках и такие состязания как перетягивание каната и хождение по бревну. Вечером обычно устраивались фейерверки и музыкальные увеселения. Приезжие смешивались с местными, любители с профессионалами, из Лондона приезжали уличные торговцы фруктами со своими корзинами. Поговаривали, что регаты скопированы с венецианских, но этот вывод представляется спорным. Кажется более вероятным, что речные празднества XVIII столетия и позднейших времен — это возобновление традиции водных парадов и торжеств, прерванной в эпоху пуританской республики.

Спортивные состязания на воде бывали во все эпохи. Фицстивен, рассказывая о Лондоне XII века, пишет, что на Темзе процветала игра, которая

уже тогда считалась древней. К стволу дерева, торчащему из реки, прикрепляли мишень, молодой человек с копьем становился на носу лодки, и она стремительно неслась к цели благодаря течению и усилиям нескольких гребцов. Копьеносец должен был воткнуть копье в мишень и сломать его. В случае успеха его приветствовали одобрительными криками, в случае неудачи бросали в воду под хохот зрителей, собравшихся на Лондонском мосту и прилегающих к нему берегах. Поскольку приливное течение тут могло быть сильным, наготове были две лодки, чтобы вылавливать тех, кому не повезло. Устраивались и лодочные “турниры”. Две лодки устремлялись друг другу навстречу, у каждой на носу стоял боец с длинной тупоконечной палкой. Цель была — столкнуть соперника в воду, но нередко за бортом оказывались оба. Традиция таких поединков существовала как минимум пятьсот лет.

Были и другие соревнования. Университетские лодочные гонки “Оксфорд против Кембриджа” известны достаточно хорошо. Но о былой популярности этого события среди широких масс, пожалуй, успели позабыть. Все началось в 1829 году с гонки от Хэмблдинского шлюза до Хенли, положившей начало так называемой Хенлейской

регате. Позднее гонку переместили на участок реки между Вестминстером и Патни, но через несколько лет наплыв народа в Вестминстере оказался слишком велик, и в 1845 году маршрут опять перенесли вверх по реке — на отрезок от Патни до Мортлейка. Этот выбор места обеспечил событию успех. К середине XIX века соревнование превратилось в настоящий праздник простонародья, что довольно-таки удивительно: ведь состязались между собой “барчуки”. С раннего апрельского утра почти каждый лондонец, и уж точно каждый молодой кокни, принимался болеть либо за “светло-синих” (Кембридж), либо за “темно-синих” (Оксфорд). День становился всеобщим праздником, и синие ленты того или другого оттенка привязывались к шеям осликов, запряженных в торговые тележки, к фургонам мусорщиков, к хлыстам кебменов. Их повязывали себе на манер шарфа малолетние продавцы спичек и другие “дети канав”. Называлось все это синей лихорадкой.

Реку чуть не сплошь покрывали пароходики, барки, катера, битком набитые взволнованными зрителями, и береговые тропы кишели мастеровыми, лавочниками, уличными торговцами и всевозможными иными лондонскими “типами”.

На рисунках и картинах той поры мы видим железнодорожные и пешеходные мосты, наполненные людьми до опасной тесноты, причем самые отчаянные из зрителей взгромоздились на арки и парапеты высоко над водой. Событие сделалось грандиозным всенародным ритуалом, и в эти межуниверситетские соревнования вселился дух яростных средневековых турниров водных копьеносцев. Гонки составили часть того, что в XIX веке называлось “борьбой за жизнь”, и не было никаких причин, чтобы Темза оставалась от этой борьбы в стороне.

Есть и другая гонка — в противоположном направлении: 4,5 мил и от Мортлейка до Патни (так называемая “Гонка на приз Темзы”). Она проводится каждый год в начале марта, и в ней участвуют более четырехсот “восьмерок”, стартующих с десятисекундным интервалом. Соревнование обычно продолжается около двух часов и является крупнейшим в мире гребным состязанием, хотя лондонцам оно малоизвестно. Принимая сотни спортивных судов, Темза на короткий срок возвращается к своему древнему образу жизни.

Четыре месяца спустя “Гонка куртки и бляхи” продолжает традицию, начатую в 1715 году

ирландским актером Томасом Доггетом в ознаменование восшествия на престол Георга I. Доггет был привычен к услугам лодочников, перевозивших его в театры, которые находились по обе стороны реки. Это самое старое и самое длительное гребное соревнование в мире, знак преемственности между Темзой былых времен и Темзой XXI века. Шесть гребцов, входящих в корпорацию лодочников, борются друг с другом и приливным течением на протяжении пяти миль между Лондонским мостом и мостом Альберта. Приз — алая куртка с серебряной бляхой от корпорации.

Были и индивидуальные достижения. Летом 1822 года лорд Ньюри и пятеро его слуг за восемнадцать часов непрерывной гребли преодолели расстояние между Оксфордом и Лондоном. Летом 1880 года состязались в плавании человек и собака. Маршрут пролегал между Лондонским мостом и Вулиджем, и в "Иллюстрейтед Лондон ньюс" сообщалось, что "мужчина и псина, подбадриваемые большой толпой зрителей, бросились в воду в половине четвертого и поплыли по течению; на них с азартом смотрели тысячи человек". Пес по кличке Давай-давай вскоре вырвался вперед; мужчина прекратил борьбу в районе Лаймхауса,

отстав от животного на полмили. Хозяин пса выиграл пари в 250 фунтов.

С рекой были связаны и кровавые забавы. В XIX веке, к примеру, обычным зрелищем на берегах Темзы были группы охотников, стреляющих по всякой живности без разбора. Люди и сами порой становились жертвами собственной свирепости. У реки нередко происходили кулачные бои без перчаток. Близ Темз-Диттона есть печально известное место, называемое Маулзи-Херст, где бокс иногда заканчивался смертью одного из участников. В Криклейде процветали травля быков и петушиные бои. На Лондонском мосту устраивались рыцарские поединки.

Одним из самых долговечных речных праздников был, пока его не перенесли на сушу, парад лорд-мэра. Лондон посредством этого парада провозглашал свое владычество над рекой. Первое сообщение о таком параде датируется 1422 годом, но подобные церемонии, судя по всему, устраивались и раньше. В 1422 году нового лорд-мэра сэра Уильяма Уолдерна провезли по воде от монастыря Блэкфрайерз до Вестминстера, где он почтил память усопшего короля Генриха V. Было постановлено, что “олдермену и главам гильдий надлежит в день вступления лорд-мэра в долж-

ность сопроводить его в Вестминстер в барках без менестрелей". За последующие тридцать лет гильдии Сити, надо отметить, построили и украсили со всей возможной роскошью свои собственные барки (и без менестрелей в праздники там не обходилось). В 1453 году новоизбранный лорд-мэр сэр Джон Норман оснастил за свой счет барку и украсил ее флагами и вымпелами. В ней "гребцы с серебряными веслами доставили его в Вестминстер, и за все он платил из своего кошелька". Как сказано в манускрипте из коллекции Харли, "с нынешнего года верхом ездить в Вестминстер перестали и начали плавать туда на барках". Из этого события родилась знаменитая песня лодочников: "Налегай на весла, Норман". Гражданский ритуал превратился в спектакль, затраты гильдий, состязавшихся друг с другом в убранстве церемониальных барок, росли и росли. В 1624 году, к примеру, лондонские портные истратили на свое судно беспримерную сумму — тысячу фунтов.

Джон Татам, наблюдавший за процессией в 1660 году, описал "украшенные вымпелами и знаменами барки, на которых звучали гобои, корнеты, барабаны и трубы… и по пути двадцать пушек салютовали его светлости в знак

радостного события". Он отметил, кроме того, присутствие разнообразных аллегорических и мифологических персонажей — таких, как Океан, "который считается богом морей и отцом рек". Это почитание водного божества отдает неким атавистическим культом, словно древнейшие ритуалы не были в ту "новую" эпоху вполне позабыты. Что мешает старинным верованиям и празднествам снова и снова возникать в разные периоды человеческой истории?

Водная процессия лорд-мэра происходила на протяжении четырехсот с лишним лет, пока в 1857 году все вопросы, связанные с рекой, не перешли в ведение Комитета по охране Темзы. Барки были либо поставлены на прикол, либо проданы лодочным клубам при оксфордских колледжах. Паб "Городская барка" в Чизике получил это название после того, как последняя из барок простояла возле него зиму. Тем не менее до сего дня лорд-мэра во время ежегодной пешей процессии сопровождает одетый в старинный костюм лодочник в ознаменование того факта, что лорд-мэр сохраняет звание "адмирала Лондонского порта".

На реке или на берегу устраивались и другие празднества и торжества; например, в последние

годы XIX века установилась мода на всевозможные иллюминованные суда. Это поветрие возникло словно бы ниоткуда и сошло на нет столь же быстро. В Марлоу по Темзе под звуки городского оркестра медленно плыли вереницы ярко освещенных “цветными огнями” судов. В Брее на воде красовалась полностью оснащенная шхуна, увешанная китайскими фонариками, в Диттоне по реке двигалась целая “Эйфелева башня”. В Датчете вниз по течению проследовала иллюминованная китайская пагода, в Борн-Энде катер был оформлен как “лунный лик”. Река стала неким Протеем, принимающим множество обличий. Здесь, кроме того, торжество соединения воды и огня, экстатическая карнавальная гармония противоположных стихий. В Кукеме местная пожарная команда расселась на огромной лодке с пылающими факелами, прихватив с собой ручной пожарный насос и деревянных лошадок. Устраивались и концерты: на барке, стоявшей на якоре посреди реки, пели певцы и певицы под аккомпанемент фортепиано, слушатели располагались на обоих берегах. Над Темзой неслись звуки песен “Где ты, Алиса?”, “Осуши свои слезы” или “Утраченный аккорд”. Часто исполнялись и танцевальные номера — такие,

как “Усталый лебедь”.

В разнообразные церковные праздники в приречных деревнях Беркшира и Оксфордшира проводились ярмарки. Одной из самых знаменитых была Гринвичская, проходившая в понедельник после Пасхи и в праздник Троицы. Она была чрезвычайно популярна у лондонцев, считавших ее грандиозными “сатурналиями”, когда вся речная свобода и разнузданность выплескивались на берега и прибрежные холмы. Ярмарку посещало более ста тысяч человек, которые приезжали в фургонах или приплывали на пароходиках. Диккенс в одном из очерков пишет: “...на крылечках пивных полно народу — кто потягивает пиво, кто посасывает трубку; чуть ли не в каждом доме открылась чайная; скрипки нарасхват”[57]. Молодые люди обоего пола забавлялись тем, что скатывались с Холма одинокого дерева в Гринвиче так, что внизу получалась эротическая мешанина рук и ног. Дерево, давшее холму название, летом 1848 года повалил ветер, но празднествам это не помешало.

Река всегда ассоциировалась с половой распущенностью. В Саутуорке были улочки с такими

---

[57] Примечания: 57
Перевод Т. Озерской.

красноречивыми названиями, как Шлюхино логово и Гнездо потаскухи, и с названиями чуть более эвфемистическими: Девичий переулок, Любовный переулок. Прибрежную деревушку Чизик тоже в свое время называли Шлюхиным логовом, а Мейденхед, который был популярным прибежищем неженатых парочек, — "девственной плевой Лондона". Генри Уоллингтон Уок в своей "Темзландии" (1906) описывает "любовные игры на воде, все эти перешептывания, поцелуи и объятия". Часто сообщалось о купальщиках-мужчинах, которые раздевались догола при дамах и принимались резвиться в воде. Один современник описывает "водоворот Харибды, где полсотни демонов плещутся в чем мать родила и с адским восторгом изрыгают непристойности". Река поощряет сексуальную агрессию и эксгибиционизм.

Отправной точкой одного хорошо известного сексуального празднества около Темзы был так называемый "шест рогоносцев" близ Ротерхайта. Вплоть до середины XIX века там стоял шест с прикрепленными к его верхушке рогами — древним символом женской неверности. Согласно легенде, связанной с этим шестом, некогда король Иоанн соблазнил жену одного гринвичского мельни-

ка. В порядке компенсации он отдал мельнику всю землю, сколько тот был способен увидеть в определенном направлении, — но с условием, что каждый год мельник должен подходить к границе своих владений с бычьими рогами на голове. Зоркий мельник приобрел всю землю до Чарлтон-хилла.

Празднество, которому положила начало эта милая история, пришедшая к нам из XIII века, завершалось на “роговой ярмарке”. Там, как писали очевидцы, царили невообразимый гвалт и дикое веселье. На ярмарке можно было купить такие “музыкальные инструменты”, как кастрюли и рога. С их помощью горожане исполняли при случае “шаривари” — грубошутейные серенады в честь новобрачных. Сексуальные ассоциации, таким образом, очевидны.

От “шеста рогоносцев” веселая процессия двигалась извилистым путем через Детфорд и Гринвич и наконец прибывала на ярмарку в Чарлтон. Мужчины несли на голове ветвистые оленьи рога и считали себя вправе заигрывать со всеми встречными женщинами. Сохранился рассказ участника шествия, датируемый 1700 годом: “…у шеста рогоносцев мы зашли в дом, где обычно собиралось Войско Веселых Рогоносцев,

вооруженных совками, лопатами и мотыгами, в шлемах, увенчанных рогами. Оттуда в стройном порядке мы двинулись на роговую ярмарку". На самой ярмарке мужчины одевались в женские платья, носили рога на голове, трубили в них. В 1768 году власти, возмущенные "отвратительными беспорядками", запретили ярмарку, но место ее проведения, как и шест, осталось нетронутым. Впоследствии ярмарку возобновили, и окончательно она была закрыта официальным распоряжением в 1872 году. Но не все безвозвратно кануло в прошлое. Ежегодную "роговую ярмарку" стали проводить в Хорнфэр-парке в Чарлтоне. Колонна, символизирующая "шест рогоносцев", и ныне возвышается над Темзой в Лаймхаусе.

* * *

Есть еще одно, пусть и не так уж хорошо разрекламированное, удовольствие — плавать в Темзе. В XVII веке это было обычное упражнение знатных людей, живших на берегу реки вдоль Стрэнда, и одно тогдашнее письмо было адресовано так: "Графу Пембруку, в реку Темзу, насупротив Уайтхолла". Но рядовые лондонские горожане, не испытывая особой тяги к воде как

мировой стихии, лезть в реку не спешили. Темзу рассматривали главным образом как магистраль и как источник пропитания. О том, чтобы по доброй воле в ней плавать, всерьез не думали. В начале XIX века Байрон проплыл из Ламбета под двумя мостами, Вестминстерским и Блэкфрайерз, покрыв расстояние примерно в три мили. Однако он был человеком исключительным, и в любом случае ему, видимо, помогал отлив.

В середине XX столетия регулярно плавал в Темзе А. П. Херберт, известный почитатель этой реки; однако он замечает в своей книге “Темза” (1966 г.), что ее “илистые воды” быстро выматывают пловца. В частности, у моста Ватерлоо вода, по его словам, “совсем тебя не держит, более того — норовит увлечь вниз, к чрезвычайно вязкому дну”. Это и правда одна из особенностей Темзы, реки коварной и опасной в черте Лондона. Херберт пишет, что, приближаясь к конечной точке заплыва у Вестминстерского моста, он почувствовал воздействие на все свое тело “некоей магнетической силы, настойчиво утягивавшей меня на дно”. Здесь можно, помимо прочего, увидеть поощрение самоубийства, жадность Темзы к утопленникам. Херберт замечает также, что “вода очень сильно отдавала на вкус чем-то

весьма сомнительным”. Темза действительно никогда не считалась дружественной к пловцам. Но останавливает потенциальных купальщиков отнюдь не только боязнь отравления. Люди испытывают некий обобщенный глубинный страх перед натурой этой реки.

Глава 32
Сады наслаждений

Увеселительные сады — такие, как Воксхолл, Рейнла и Креморн, — возникли около Темзы в XVII и XVIII веках. Своим очарованием и популярностью они во многом были обязаны прибрежному расположению. В очередной раз Темза сотворила атмосферу и обстановку, поощряющие вольное поведение горожан. Первой ласточкой стал сад Кьюперз-гарденз на берегу Темзы в районе, который тогда назывался Ламбет-Марш (ныне это южные подступы к мосту Ватерлоо). Он открылся в 1630 году и предоставлял посетителям площадки для игры в шары, извилистые садовые тропки, таверну и "комнату для ужина". В 1708 году автор "Нового обзора Лондона" Эдвард Хаттон описал этот сад как место, где "многие жители западной части города любят развлечься в летнее время". В 1730-е годы здесь открылся музыкальный павильон и при большом стечении народа давались концерты. Устраивались и фейерверки. Вот они, составные части прибрежного отдыха: еда и питье, музыка и пиротехника. Но вдобавок

Кьюперз-гарденз стал таким средоточием жульничества и карманного воровства, что в 1753 году сад лишился лицензии на продажу спиртных напитков и семь лет спустя был закрыт.

Сад Нью-Спринг-гарден располагался близ Баттерси, и до 1750 года, когда ввели в действие Вестминстерский мост, до него с более благопристойного северного берега реки можно было добраться только на лодке. Он был открыт незадолго до Реставрации 1660 года в надежде на не столь пуританские времена и в 1785 году переменил название на Воксхолл-гарденз. В XVII веке сад славился укромными уголками, оркестриками, певцами-комиками, цветными фонариками на ветках деревьев, жадными официантами и дорогостоящими напитками. Посетив его в 1667 году, Пипс написал в дневнике, что “пение соловья и прочих пташек, да вдобавок еще скрипки тут, арфа там, да где-то еврей трубач, да повсюду смех, да изысканная публика гуляет — все это весьма приятственно”. Куда меньший восторг, однако, вызвала у него разнузданность молодых людей, стекавшихся в сад в поисках женского общества. Как сказано в одной балладе,

Вот Воксхолл вам: красоток визг,

Все кавалеры пьяны вдрызг.

В другой песенке того времени об отдыхающих лондонцах говорится более уважительно:

Плывут, ликуя, по волнам реки
Послушать, как в Саду поют смычки.

В XVIII веке в саду возникли “комнаты для ужина” и искусственные развалины, в нем давались водные представления и играли оркестры из полусотни музыкантов. “Музыку для королевского фейерверка” Генделя слушали здесь двенадцать тысяч человек. Позднее у входа в сад поставили статую композитора. Была построена ротонда диаметром в 21 м с картинным залом. Высказывалась мысль, что купола Воксхолла оказали значительное влияние на постройки Фестивального сада (Фестивал-гарденз), в который был в 1951 году преобразован парк Баттерси; если так, то налицо регенерация прибрежной архитектуры около Темзы.

1784 годом датирована акватинта Роулендсона с изображением Воксхолл-гарденз; в мужской фигуре за столом в открытом отсеке недалеко от оркестра безошибочно угадывается Сэмюэл Джонсон. Когда Голдсмит увидел в тамошнем многоцветье единство сельской красоты и ари-

стократической пышности, он, возможно, имел в виду воздействие самой реки, которая содержит в себе оба начала. Воксхолл, впрочем, посещали не только ради высокой культуры: там показывали удаль канатоходцы, полыхали фейерверки, взмывали в небо невиданные диковины — воздушные шары. Огонь и воздух справляли таким образом свой совместный праздник у воды. Что до еды, однако, то здешние порции считались смехотворно маленькими, и опытный официант, как утверждали злые языки, мог нарезать один окорок ломтиками так, что ими можно было покрыть все 11 акров (4,4 га) территории.

Два других популярных увеселительных сада — Креморн-гарденз и Рейнла-гарденз — располагались к северу от Темзы, в районе Челси. Сад Рейнла находился в восточной части нынешней территории Челси-Хоспитал-гарденз. Он стал коммерческим увеселительным заведением в 1742 году и просуществовал шестьдесят один год на обычной для берегового сада “диете”: воздушные шары, фейерверки, еда, питье. В нем была построена ротонда, превосходившая размерами римский Пантеон, с громадным камином в центре (ее интерьер изобразил Каналетто); сюда устремлялись все, кому нравилось “есть, пить,

глазеть и толпиться”. Был там и китайский павильон, имелось и возвышение для оркестра, где играл юный Моцарт. Сад Рейнла перещеголял Воксхолл-гарденз, и в романе Смоллетта “Путешествие Хамфри Клинкера” (1771) Лидия Мелфорд уподобляет его “зачарованному дворцу волшебника, разукрашенному чудными картинами, резьбой и позолотой, освещенному тысячью золотых фонарей, с которыми не может состязаться само полуденное солнце”[58]. Тамошняя ротонда была одной из многих подобных увеселительных строений на Темзе. Былое очарование даже и сейчас не вполне покинуло это место: здесь проводится ежегодная Челсийская цветочная выставка.

Сад Креморн-гарденз находился чуть выше по течению, на участке южного берега, большую часть которого ныне занимает электростанция Лотс-Роуд. Он открылся в 1840-е годы, почти через полстолетия после закрытия Рейнла. Там имелись театр, банкетный зал, танцевальный помост, зал для игры в шары и разнообразные беседки и гроты, без которых не обходился ни один прибрежный увеселительный сад. В 1848

[58] Примечания: 58
Перевод А. Кривцовой.

году здесь состоялся первый полет “парового аэроплана”, который пролетел примерно 40 метров, после чего врезался в парусиновый барьер. Устраивались фейерверки и полеты воздушных шаров, но были и более сомнительные развлечения. В “Семи проклятиях Лондона” (1869) Джеймс Гринвуд описывает Креморн-гарденз в “разгар сезона”:

> Примерно к десяти часам старые и малые, которых в тот день в саду было много, покинули его, утомившись развлечениями и предоставив раскидистым вязам, травянистым лужайкам, клумбам с геранью, оркестровым эстрадам, “храмам”, “помостам чудовищ” и “хрустальному кругу” Креморн-гарденз мерцать от бесчисленных газовых огней ради одной лишь танцующей публики. На танцевальном помосте и вокруг него вальсировало, прогуливалось и подкреплялось несколько тысяч душ, из которых, вероятно, человек семьсот были мужчины высшего и среднего достатка, прочие же – проститутки более или менее

prononcees[59].

Местный баптистский пастор назвал этот сад “питомником всевозможных пороков”. Владелец подал на пастора иск о клевете, но ему присудили сущие гроши. В 1877 году в приступе средневикторианской чопорности сад закрыли. Ныне от него остался только клочок земли, сохранивший, однако, былое название.

Были и более мелкие увеселительные сады — например, Черри-гарденз (Вишневый сад) в Ротерхайте в XVII веке; на смену ему пришел “чайный сад”, просуществовавший до конца XIX столетия. Вишни, однако, растут на этом месте и сегодня.

Увеселительные сады своего рода имелись и прямо на реке. В XIX век е островок на Темзе, называвшийся Ореховым (хоть и порос ивняком), был преобразован в остров развлечений: на нем построили гостиницу и концертный зал. Купивший его театральный импресарио Фред Карно переименовал его в Карзино. Карно рекламировал его как “пуп земли для любителей реки”, но предприятие не пережило Первой мировой

---

[59] Примечания: 59
Явные (*фр.*).

войны. На островке затем попытались устроить “Ривьеру на Темзе”, организовав паромную переправу с южного берега, но эта затея тоже не увенчалась успехом.

Идея плавучего ресторана впервые возникла в XVII веке, когда в 1636 году Джон Рукс попросил королевского соизволения открыть посетителям доступ на судно, стоящее на Темзе. Там он обещал предоставлять гостям “все кушанья и услуги, кои доступны в тавернах и харчевнях, особливо в летнее время”. Судьба этого начинания неизвестна, однако в целом историю плавучих гостиниц и ресторанов на Темзе не назовешь историей выдающегося успеха.

Большое увеселительное судно, стоявшее на приколе напротив того места, где ныне высится Игла Клеопатры, вполне уместно называлось “Каприз”. Оно открылось для посетителей в XVII веке, и сохранилась гравюра, на которой оно высится посреди реки и выглядит весьма величаво и респектабельно. Построенное из дерева и разделенное на ряд отсеков для дневных и ночных удовольствий, оно было снабжено высокой надстройкой с балюстрадой, где гости могли подышать свежим воздухом. Вначале его посещала фешенебельная публика, в том числе дамы

в шелках и кринолинах, которых перевозили с берега на лодках. Один моралист того времени назвал это судно “музыкальным летним домом для увеселений знати, где можно встречаться и вволю амурничать”. Пипс посетил “Каприз” 13 апреля 1688 года и истратил там шиллинг. Но, как и большинство подобных мест на реке, заведение в конце концов приобрело сомнительную репутацию: компании “низкого пошиба” предавались там “нескромным танцам”. В 1719 году Том Д’Эрфи написал песню о том, как

Плывут камзолы с юбками
В “Каприз” большими шлюпками.

В том же столетии один немецкий путешественник заметил, что “продажные женщины имеются там в немыслимом числе, и те, кто прибегает к их услугам, могут брать их с собой в Сады Купидона” (то есть в сады Кьюпера — в Кьюперз-гарденз на ближнем берегу). Постепенно “Каприз” пришел в негодность, и кончилось тем, что судно разобрали на дрова.

Одна постоянная жалоба на прибрежные сады отражает особенность самой реки. Посещавшую их публику считали слишком уж неоднородной, считали некоей взрывоопасной смесью “верхов”

и “низов”, в которой при случае легко могла вспыхнуть драка и даже бунт. Фанни Берни в романе “Эвелина” (1778) пишет о Воксхолле, что “там то и дело потасовка, то и дело беготня, то и дело вопли и визг”. Мы уже имели случай отметить вольный дух Темзы, ее демократизм. Такая же атмосфера окружала и прибрежные увеселения, где царило относительное равенство между знатью и простонародьем. “Здесь, — писал один обозреватель, — можно встретить кого угодно: от его светлости герцога Графтона до выходцев из приюта найденышей, от миледи Таунзенд до приблудного котенка…”

Помимо увеселительных, есть на берегах Темзы и обычные сады, которые, кажется, возникают здесь сами собой. Многие из них хорошо известны: например, больничный сад Челси-Хоспитал-гарденз и расположенный неподалеку Челсийский ботанический сад. Вдоль южного берега протянулся парк Баттерси. Напротив аккуратного парка при Сайон-хаусе лежит сад Кью-гарденз, составлявший в свое время часть сада Ричмонд-гарденз, который славился “дикостью” и “естественностью”. Немецкий граф Кильсманегге писал о нем: “…идешь по травянистым полянам, по злаковым полям и диким

участкам, где растут ракитник и колючие кусты, дающие отличное убежище зайцам и фазанам". Мир Кью увековечил также Эразмус Дарвин в поэме "Ботанический сад" (1789–1791):

У сверкающей Темзы на троне своем
Гордо Кью восседает одна.
И дары из далеких полуденных стран
Шлет послушно ей ныне Весна.

Здесь имеются в виду редкие ботанические образцы, которые привозили в Кью из британских колоний. Уместно будет отметить, что лондонский Музей истории садов тоже находится около Темзы — в Ламбете.

На ее берегах между Лондоном и Теддингтоном в свое время было очень много садов и огородов, где выращивались на продажу фрукты и овощи. К примеру, малиной и земляникой славился некогда Айлворт. Что более любопытно, в XVIII веке на южном берегу реки недалеко от нынешнего моста Ватерлоо имелся большой виноградник; как писал Сэмюэл Айрленд в книге "Живописные виды реки Темзы" (1801), это был "богатейший и разнообразнейший виноградник на свете", из продукции которого делались всевозможные вина "от скромного портвейна до изысканного

токайского”.

Река во все времена была источником плодородия. Она создает благодатную аллювиальную почву, которая всегда приносит хороший урожай, — если, конечно, русло не подвергалось насильственному перемещению. Сельская местность по берегам Темзы свежа и зелена в любое время года. О сочных пастбищах Северного Уилтшира говорили, что сам Господь благословил их своим присутствием. Как писал в XVII веке Томас Фуллер, “по словам достойных доверия лиц, плодородие земель [близ Темзы] таково, что весною молодой побег, пусть даже с него оборвана вся листва до корней, если его на ночь положить наземь, к утру покрывается новой зеленью”. Здесь — та самая сила, что, по словам Дилана Томаса, “через зеленый фитиль проталкивает цветок”.

Названия некоторых зеленых речных островков пришли из саксонских времен. Примером могут послужить Неттл-эйт (Крапивный остров) и Дамси-бушез (Кусты судного дня) близ Чертси. Столь же древнее название — Дог-эйт (Собачий остров) близ Шеппертона. Даже мельчайшие островки на Темзе имеют имена: Хедпайл-эйт, Черри-Три-эйт, Флагг-эйт и Тейнтер-эйт — крохотные кусочки земли посреди реки в районе

Таплоу. Впрочем, названия — всегда сложная материя. Некоторые острова превращены в публичные зоны отдыха, другие остаются в частных руках. На них можно было поразвлечься и можно было уединиться для размышлений; их использовали влюбленные парочки и отшельники. Они пребывают вне нашего мира.

Прибрежные сады XVI и XVII веков сыграли немалую роль в истории Лондона. Самым знаменитым из них, наверно, следует считать сад в Челси, принадлежавший сэру Томасу Мору. Именно здесь, у самой воды, он закрыл калитку, навсегда расставаясь с семьей, чтобы отправиться вниз по реке в Ламбет на допрос. Там ему было предложено выйти в сад на берегу реки и еще раз поразмыслить над своим отказом подчиниться воле короля.

Большой прибрежный сад зеленел у Йорк-плейса, лондонской резиденции кардинала Вулси, но единственной растительной памяткой о возвышении Вулси ныне служат сады Хэмптон-корта. Обширный и красивый сад был в свое время разбит при доме смотрителя Лондонского моста; королевские сады в Тауэре с виноградниками и плодовыми деревьями возникли в середине XIII века. Сады Брайдуэлла давно исчезли с

лица земли, как и те, что были разбиты лордом-протектором Сомерсетом. Сады Ричмондского дворца называли в свое время “красивейшими и приятнейшими… с клумбами и аллеями… их превосходно украшают многие виноградники и диковинные плоды”. Немало садов было и при церковных учреждениях — например, при резиденции епископа Винчестерского в Саутуорке. Полоса между Темзой и Стрэндом была целиком занята садами епископов — Эксетерского, Батского и Норвичского. Для плывущего по реке этот берег выглядел сплошным садом. По-прежнему существуют, конечно, большие сады при Фулемском и Ламбетском дворцах. Всякий раз они разбивались с тем расчетом, чтобы их видели с реки как эмблему государственности и высокого положения. Но прежде всего это были привилегированные зоны, приятные места для частных бесед и самоуглубления. Беседки, скамейки и укромные уголки, обеспечивая “широкий обзор и наслаждение от общей красоты сада” с его фонтанами, клумбами и мощеными аллеями, составляли часть некоего цельного духовного замысла. В садах не только отдыхали, не только восстанавливали физические силы — там совершалась “рекреация” в интеллектуальном и

гражданском смысле. Вот почему столь важным для них было положение на берегу реки.

Сады Хем-хауса, разбитые в XVII веке, воссозданы в первозданном виде. Марбл-хиллская вилла стоит в окружении садов. Парки Буши и Ричмонда выходят к Темзе. На этом участке реки — грубо говоря, между Ричмондом и Хэмптоном — расположены многие знаменитые английские сады, распланированные Александром Поупом, Чарльзом Бриджменом, Уильямом Кентом и, конечно, Ланселотом Брауном. Роскошь и плодородие берегового ландшафта обеспечивают их долговечность. Плавная, волнистая, S-образная линия, о которой писал Уильям Хогарт в “Анализе красоты” (1753), всегда была важнейшим элементом английской эстетики. Ее называли “линией красоты”, и ее изящество — это изящество самой реки. Ландшафты прибрежных садов с XVIII века определялись этой “особой кривой, равно чуждой всему крючковатому и всему спрямленному”, кривой, в которой отражено движение Темзы. У Сайон-хауса, на Строберри-хилле, в Ричмонде, в Айлворте, в Твикнеме — всюду она, эта линия. Линия реки.

Глава 33
Поганая река

Темзу называли и серой, и грязной, и чумазой, и закопченной, и дымной. Причем все эти эпитеты — не из XIX века. Она всегда была такой. В период римского вторжения и оккупации ее впервые превратили в канал для слива городских нечистот — об этом свидетельствуют деревянные трубы под большим скоплением римских зданий, обнаруженным археологами на Каннон-стрит. В 1357 году Эдуард III возмутился тем, что "испражнения и прочие нечистоты скопились в различных местах на берегах реки… и оттуда поднимаются испарения и отвратительные запахи". На Лондонском мосту была общественная уборная, откуда моча и кал попадали прямо в реку, и уборные имелись на всех впадавших в Темзу притоках. "Черные монахи" и "белые монахи" жаловались, что их отравляют испарения реки, протекающей под их стенами; "зловонные пары", по их словам, "причинили гибель многим из братии". Даже заключенные тюрьмы Флит подали жалобу на то, что текущие рядом воды

медленно убивают их. Один монах написал о своем путешествии по Темзе от Лондона до Чертси в мае 1471 года, что “запах стоял ужасающий, но не захоронения были тому причиною”.

В 1481 году о лондонских причалах писали, что “при каждом отливе там остаются потроха животных и прочая грязь и падаль в великом объеме и количестве”. Слова, которыми обозначались все эти речные нечистоты, зависели от их природы: мертвечина, отбросы, дерьмо, потроха, мусор, испражнения, хлам. Результаты порой были локальными и четко очерченными; например, в одной жалобе 1422 года читаем: “…оные нечистоты стекают по Тринити-лейн и Кордуэйнер-стрит у Гарликхита в переулок промеж лавок Джона Хазерли и Рика Уитмена, из коего дерьма немалая часть попадает в Темзу”. Нам легко представить себе вонючий ручей из кала и мочи, струящийся прямо в Темзу между лавками мистера Хазерли и мистера Уитмена. Переулки под названием Дангхилл-лейн (dunghill — куча дерьма) имелись в разных лондонских районах — в Паддл-Доке, Уайтфрайарс и Куинхайте, а около пристани Три-Крейнз-уорф был спуск к воде, называемый Дангхилл-стэрз. Там в Темзу сбрасывались большие количества фекалий. В XV

веке, помимо прочего, в конце Фрайар-лейн был сооружен “дом облегчения”, или “длинный дом” с двумя рядами по шестьдесят четыре сиденья (один для мужчин, другой для женщин). Нечистоты смывались оттуда в Темзу приливами.

В 1535 году парламент запретил сброс в реку экскрементов и прочего мусора, отметив, что “доныне всяческие злонамеренные люди сохраняют привычку отправлять туда испражнения и сор”. Это был тот самый век, когда Спенсер в “Проталамионе” воспел “сладостную Темзу”, продемонстрировав, что речной миф по-прежнему сильней любой обыденности. В XVII столетии Джон Тейлор составил стихотворный перечень нечистот, которые можно обнаружить в реке: “дохлые свиньи, собаки, кошки и освежеванные лошади… конский навоз, потроха, отбросы”. Лондонская улица Пудинг-лейн названа не в честь лакомого блюда, а в честь фекальных “пудингов”, которые грузились здесь на особые суда, курсировавшие по Темзе. В том же столетии итальянский путешественник Орацио Бусино писал, что вода Темзы “густа, мутна и грязна настолько, что ее запах сообщается выстиранному в ней белью”.

Темза, таким образом, была способна имитировать или воплощать в себе различные стороны

городского бытия, включая все самое темное и грязное, что имелось в жизни Лондона XVIII века. Близ Уоппинга, к примеру, река была нечиста и зловонна, опасна для беспечных горожан; проплывая там, пассажир корабля, как иронически пишет Генри Филдинг в “Дневнике путешествия в Лиссабон” (1755), вдыхал “упоительный воздух” и наслаждался “сладкозвучными голосами матросов, гребцов, торговок рыбой и торговок устрицами, как и всех горластых обитателей обоих берегов”[60]. Это была зона беззакония, не входящая в юрисдикцию Сити; именно там находился “док казней”, где расставались с жизнью осужденные за преступления на морях. Там было вдоволь борделей, таверн низкого пошиба, грязных доходных домов, вонючих переулков, бродяг, безработных, обнищавших матросов. Для них река была скорее проклятием, чем благословением.

Неприятные свойства Темзы XVIII века отражены и в других источниках. Путешественник Томас Пеннант оставил дневниковые записи о плавании от лондонской пристани Темпл-стэрз до Грейвзенда весной 1787 года. Он отмечает,

---

[60] Примечания: 60
Перевод М. Лорие.

что у Гренландского дока на южном берегу реки около Айл-оф-Догс “на должном отдалении от столицы идет кипячение ворвани”. В Вулидже он увидел “множество заключенных в цепях на земляных работах; одну тележку везут восемь человек”.

В 1771 году в “Путешествии Хамфри Клинкера” Тобайас Смоллетт жаловался:

> Ежели я вздумаю выпить воды, мне приходится пить омерзительную бурду из открытого акведука, подвергающегося опасности всяческого загрязнения, либо глотать воду из Темзы, впитавшую в себя все нечистоты Лондона и Вестминстера. Человеческие испражнения входят в их состав как наименьшее зло, а слагаются сии нечистоты из всякой дряни, ядов и минералов, употребляемых ремесленниками и мануфактурами в производстве своих изделий, равно как из гниющих остатков людей и скота, смешанных с помоями всех лачуг, портомоен и сточных канав всего города[61].

[61] Примечания: 61
Перевод А. Кривцовой.

Еженедельно в лондонских церковных приходах публиковались “смертные списки”, где фиксировались причины всех смертей. Прежде всего эти списки должны были предостерегать от чумы, но нередко причиной смерти становилась вода Темзы. На окраине Лаймхауса у самой реки была сточная канава, называвшаяся в XVIII веке (и, без сомнения, не одно столетие до этого) “черной канавой”.

К середине XIX века положение еще намного ухудшилось. Все лондонские нечистоты сливались в Темзу, вызывая эпидемии среди горожан. Вдоль берегов возникли многочисленные небольшие газовые предприятия, которым для работы необходима была вода, и их отходы тоже оказывались в Темзе. В реку попадали гашеная известь, аммиак, цианид и карболовая кислота, что не способствовало процветанию какой бы то ни было речной жизни.

Все экскременты и вся грязь самого большого города в мире попадали в Темзу. Выделения трех миллионов человек пузырились в потоке, и река была всего-навсего огромной сточной канавой. Шторы на окнах парламента пропитывались хлоркой, но это не очень-то помогало. Как сказано в одном тогдашнем сообщении, однажды канц-

лер казначейства спешно покинул зал заседаний: “С кипою бумаг в одной руке и платком, плотно прижатым к носу, в другой, согнувшись в поясе, в смятении он устремился прочь от болезнетворного запаха”. По словам того канцлера, которого звали Бенджамин Дизраэли, река превратилась в “адский зловонный омут, от которого несет невыразимым, смертельным ужасом”. Когда королева Виктория и принц-консорт Альберт решили отправиться в увеселительную поездку по реке, вонь заставила их сойти на берег через считанные минуты. Прибрежные отмели были покрыты слежавшимися фекалиями. Даже у Теддингтонского шлюза, то есть намного выше Лондона по течению, толщина отложений составляла 15 см, и они были “черные, как чернила”.

Сама речная вода стала вязкой и темной, насыщенной всем тем, что кучами вываливалось в глубины Темзы. Ее характерный запах, описанный во многих рассказах о “великой вони” 1858 года, создавался сероводородом, который возникал из-за недостатка в воде кислорода; это, в свою очередь, делало воду черной от сульфида железа. Такова была вода, которой лондонцы заваривали чай. Изданное в то время “Руководство для гребца” назвало Темзу “склизким смешением жи-

вотного, растительного и минерального царств". Речной пейзаж XIX века описан в "Руководстве" вот как: "Слабые лучи закрытого облаками солнца с трудом пробиваются сквозь хмарь и тускло играют на мутной воде". Люди средневикторианской эпохи воспринимали все это как роковое предвестье "ужасов нового, потеплевшего мира". Неестественно высокая температура речной воды из-за глубинных химических реакций сулила всяческие бедствия.

В 1858 году журнал "Панч" назвал Темзу "одной громадной канавой", куда город отправляет свои отходы. К их числу в том столетии относилось много чего: известь из Воксхолла, костные остатки из Ламбета и скотобоен Уайтчепела… Постоянно существовала опасность заиливания, при котором отложения запрудили бы реку. Говорили также о "задержке" отбросов. Скажем, если кинуть у Лондонского моста в воду доску или бочку из-под нефтепродуктов, она будет плыть 40 миль до открытого моря от трех до одиннадцати недель. Точно так же обстояло тогда дело с отбросами, попадавшими в Темзу.

Черноту речной воды считали в те времена признаком неестественности и бесплодия. Генри Джеймс в путевых заметках об Англии (1905) пи-

шет: “…преобладающий цвет — влажная, грязная чернота. Река почти черна, как и барки на ней; над почернелыми крышами смутно виднеется, возвышаясь над дальними доками и водными резервуарами, дикая чащоба мачт”. Черная вода представляется чем-то противоположным воде подлинной. Она нагоняет тоску. Она густа. Она лишена свежести. Она не знает покоя. Она заключает в себе образ Лондона, словно Лондон утонул в ее глубинах и глядит вверх из воды незрячими глазами. Она кисла металлической, промышленной кислотой. Она не утоляет жажды. Она пахнет сыростью и чем-то давно позабытым.

В XIX веке было четыре больших эпидемии холеры — в 1832, 1849, 1854 и 1865 годах, — когда многие тысячи людей погибли из-за зараженной воды лондонских водокачек. В 1849 году, например, жертвами инфекции стали четырнадцать тысяч лондонцев. Доктор Джон Сноу первым продемонстрировал, что источник холеры — зараженная микроорганизмами питьевая вода. Он доказал это во время эпидемии 1854 года, обратив внимание на то, что большинство смертельных случаев произошло в радиусе 250 ярдов от водокачки на углу Брод-стрит в Сохо. Водокачка была непосредственно связана с Темзой. Считают, что

причина смерти принца Альберта в 1861 году — брюшной тиф, вызванный зараженной водой под стенами Виндзорского замка. В “Приключении с умирающим детективом”, которое якобы произошло в 1890 году, Шерлока Холмса сочли заразившимся смертельной болезнью только лишь потому, что он работал в ротерхайтском переулке около реки. Его глаза лихорадочно блестели, губы обметало.

Впоследствии на воду Темзы оказали влияние сбросы электростанций, построенных на берегу. Вода из-за искусственного повышения ее температуры теряла кислород. К середине XX столетия положение не улучшилось. Большинство людей предпочитали пешеходный туннель Вулиджскому парому с его вонью взбаламученной воды. В конце 1950-х поверхность Темзы пузырилась вследствие выделения метана на глубине, и в винтах речных судов из-за растворенных в воде веществ образовывались дыры. Позолоченные пуговицы офицеров за два-три часа на реке становились черными.

И сейчас, в XXI веке, Темза все еще не может полностью освободиться от наследия недавнего прошлого. Даже после дождя умеренной силы в нее попадают неочищенные сточные воды, и в

дождливую погоду многие тысячи тонн канализационных стоков и ливневых вод направляются в реку от насосных станций в Челси, Хаммерсмите и Лотс-Роуд. Только за один летний день 2004 года необычайной силы гроза привела к тому, что в реку вылился миллион тонн канализационных вод, из-за чего погибло более десяти тысяч рыб. Любителям гребли было рекомендовано воздержаться от плавания на четыре дня, а впоследствии перед выходом на реку надежно прикрывать все порезы и царапины. В августе того же года в верховьях Темзы в нее попало 5 млн тонн стоков. С начала 2001 по конец 2004 года в реку в общей сложности было слито примерно 240 млн кубометров неочищенных сточных вод. В результате зазвучали призывы к сооружению в Лондоне нового перехватывающего коллектора. Река никогда не будет совершенно чистой.

Глава 34
“Живенькие, живенькие, живенькие-о!”

С незапамятных времен река была для людей важнейшим средством пропитания. В Средние века в Темзе водилось огромное количество рыбы: “усач, камбала, плотва, елец, щука, линь, и прочая, и прочая”. В громадных количествах собирали моллюсков, “иначе называемых креветками”. Распространенной пищей, судя по всему, были угри, и существовали особые названия для шести их разновидностей. Но ловили и пескаря, и кефаль, и лосося, и корюшку, и треску, и окуня, и морскую камбалу, и морской язык, и хека. Все эти породы встречаются в Темзе и сейчас. Однако другие средневековые рыбные разновидности (в том числе минога, осетр, палтус и скумбрия) стали ныне крайне редки.

В XIII и XIV веках на острове Кэнви был участок, где шла разделка рыбы. В XVI столетии Уильям Гаррисон вопрошал:

> Что мне сказать о жирной и вкусной лососине, которую сей поток предоставляет

нам каждодневно и в таком количестве (после того как проходит пора корюшки), что ни одна река Европы не способна ее превзойти? Какое, помимо того, изобилие усача, форели, голавля, окуня, корюшки, леща, плотвы, ельца, пескаря, камбалы, креветок и прочего!.. сия знаменитая река обыкновенно ни в чем не испытывает недостатка, и чем более из нее убывает в одно время, тем более прибывает в другое.

Он осуждает, однако, “ненасытную алчность рыболовов” и восклицает: “О если бы сия река хоть на один год могла быть избавлена от сетей и тому подобного! Но, увы, тогда многие бедные люди разорились бы вконец”.

В XVIII веке Уильям Мейтленд с восторгом распространялся о рыбных богатствах Темзы:

…только лишь эта река питает их и растит. Как хороша ее лососина! Какая отменная и крупная камбала, корюшка, форель, хариус [далее идет продолжение пространного перечня]… (всего и не перечислишь) ловится выше Лондонского моста!.. И вдобавок как много других по-

> род морской рыбы… к тому же несколько пород съедобных моллюсков… вылавливается ниже моста, даже в пределах юрисдикции Сити!

Один речной инспектор признал в 1746 году, что “хотя в некоторых наших северных графствах попадается столь же жирный и крупный лосось, как в реке Темзе, такого изысканного вкуса нет больше нигде”.

Многие средневековые рыбаки жили и трудились на берегу Темзы близ Чаринг-Кросса, но по мере того, как эта часть Лондона становилась все более зажиточной и нетерпимой к простонародью, они перебирались на ту сторону реки — в Ламбет, который в XVIII веке слыл грязной рыбацкой деревушкой (и подтверждал это запахом). Кроме того, рыбаки к тому времени заселили большую часть речных берегов в непосредственной близости от лондонских рынков; есть данные, что в 1798 году между Детфордом и Лондонским мостом рыбной ловлей зарабатывало на жизнь около четырехсот семей.

Главным рыбным рынком был, разумеется, Биллингсгейтский — самый старый из лондонских рынков. Первые сведения о пошлинах, взимав-

шихся там с кораблей, относятся к 1016 году: с малого судна полпенса, с парусника пенс. Однако рынок возник на том месте гораздо раньше. Очень вероятно, что угорь и сельдь сгружались там на берег в самые ранние периоды существования людей на Темзе; одно из характерных свойств реки, даже внутри городских границ, — преемственность, неизменность свойств некоторых участков. Название “Биллингсгейт”, возможно, произошло от имени кельтского бога Беленуса, и это, в свою очередь, позволяет предположить, что торговля рыбой и прочими товарами шла здесь еще с Железного века. “Гейт” (“ворота”) указывает на одни из двух ворот в защитной стене римлян (другие — Даугейт). В конце XVII века Биллингсгейт стал “свободным” рынком без пошлин. Его многовековое процветание в немалой мере объясняется выгодным размещением чуть ниже Лондонского моста, и рынок окончательно убрали со старинного места только в 1982 году. Его центральное положение в течение более чем тысячелетия указывает на важность рыбы, выловленной в Темзе, для лондонского рациона и лондонской экономики. Много сотен лет там был открытый берег, уставленный большими и малыми крытыми торговыми помещениями; здесь же

— ряд деревянных строений с базарной площадью у западного края. Лишь в середине XIX века тут соорудили удобную пристань для рыбаков и торговцев, а раньше им приходилось кое-как пробираться от судов к берегу по мосткам.

В XIX столетии за день на рынке в среднем продавалось около 500 тонн рыбы. Торговля здесь разрешалась даже в воскресенье — но рано утром, до начала церковных служб. От тех лет сохранилось много описаний шума и суеты, царивших на рынке сразу после его открытия в пять утра. Носильщики, торговцы, перекупщики, рыбаки со всеми своими емкостями на колесах и без толпились на этом маленьком пятачке близ Темз-стрит и Фиш-стрит-хилла, криками стараясь привлечь к себе внимание. Генри Мейхью записал некоторые их возгласы (они могли раздаваться в любое время на протяжении тысячи лет): “Все-ем трескам треска! Лучше не сыщете! — У-у-у, селедочка — объедение! — Не пропустите! Не пропустите! Хек-хек-хек-хек! — Во-от живой палтус-палтусенок! — Морской язы-ы-ык! — Ого, какие у меня омары! Свеженькие, дешевенькие! — Кому камбалу, кому-кому-кому-у?” Но самым знаменитым стал возглас, который превратился у лондонцев в ходячее выражение: “Живенькие-живенькие-жи-

венькие-о!” Таковы были голоса торговой Темзы.

Знаменитые биллингсгейтские сварливые торговки рыбой были плотью от плоти этого места. Они ставили корзины с товаром себе на голову, носили плотные шерстяные платья и стеганые нижние юбки, курили глиняные трубки и нюхали табак. Грузчики рыбного рынка надевали на голову кожаные шлемы. А вот рыботорговцы-перекупщики даже в самую скверную погоду ходили в соломенных шляпах.

В начале XIX века активная рыбная ловля шла в Челси и в Фулеме, в Чизике и в Питершеме, где в сезон хорошо ловился лосось. В Блэкуолле из воды вытаскивали много отличной корюшки. Удильщики на Лондонском мосту цепляли на крючки окуня и плотву, и интерес к этому занятию был так велик, что на улице Крукт-лейн около моста обосновалось немало изготовителей рыболовных снастей. Плотву также ловили у тростниковых зарослей близ Темпл-гарденз и еще в одном месте подле Вестминстерского моста. Популярным местом рыбалки были, кроме того, лондонские доки. Лондон кишел рыбой. “Ярмаркой угрей” называлось специфическое явление, когда вода вдоль берега становилась темной от маленьких угрей; их ловили ситом или сетью для особого рыбного

пирога. В XIX столетии рыбаки на “питерботах” — представители одной из древнейших речных профессий — добывали угрей, зарывшихся в ил, и затем воскресным утром продавали их на рынке угрей у спуска к воде Блэкфрайерз-стэрз. Омаров в Темзе водилось столько, что в отношении их ловли были введены особые правила.

А потом все переменилось. Во второй половине XIX века рыбная ловля в низовьях реки, подверженных действию приливов (то есть ниже Теддингтона) практически кончилась. Продолжали добывать только мелкую сельдь и креветок. В среднем и верхнем течении, правда, по-прежнему водились окунь, плотва, карп, голавль, усач, лещ и другие пресноводные рыбы, которыми Темза всегда изобиловала. Но в нижнем течении из-за загрязнения воды вымерло почти все живое. Исчезли лосось, омары, камбала. Перестали ловиться алоза и корюшка. На пике загрязнения прозвучало грозное предостережение Ричарда Джефферисa, писавшего в романе “После Лондона” (1885), что Темза превратится в огромное застойное болото, куда никто не отваживается вступить, ибо судьба такого смельчака — неизбежная смерть. Пары, поднимающиеся от этой мерзкой жижи, столь зловредны, что их не в

состоянии вдыхать ни одно животное. На черной воде — зеленовато-коричневая пена, которую без конца пополняют пузыри, поднимающиеся с гнилостного илистого дна… Рыба здесь не водится: в этом иле не могут существовать ни угри, ни даже тритоны. Все мертво.

К середине XX века это пророчество фактически сбылось. В Темзе не было жизни рыбам, и к ней не прилетали птицы.

Река пребывала в этом ужасном состоянии более ста лет. Согласно одному отчету 1950-х годов, на участке от Грейвзенда до Кью длиной около 48 миль рыбы в Темзе не было. Но затем, в конце 1960-х и начале 1970-х, благодаря более эффективным способам нейтрализации и очистки отходов, уровень загрязнения заметно снизился. В 1976 году близ Теддингтонского шлюза был обнаружен лосось — первый случай в верхнем течении Темзы за 140 лет. В следующем году лосося увидели в Шеппертоне, затем — в Боултерз-Локе, где в последний раз до этого лосося поймали в 1824 г. Все это мелкие и локальные случаи, но они знаменуют великую перемену. Темза вновь обретала жизнь. С начала 1970-х, помимо прочего, в нее в большом количестве стала возвращаться корюшка. После пятидесятилетнего отсутствия

опять появилась камбала; первый экземпляр выловили в Стрэнд-он-де-Грин в конце октября 1972 года. В реке сейчас ловят много угрей и кумжи. Эстуарий Темзы сейчас — крупнейшее в Англии нерестилище морского языка. В числе самых диковинных новых пришельцев — грозная пиранья. Ее обнаружили в единственном числе, недавно умершую и, судя по всему, выпавшую из клюва чайки. Никто не знает, как она оказалась здесь, в сравнительно холодных водах Темзы, за тысячи миль от родной Амазонки. Подозревают, что ее мог выпустить занервничавший хозяин, державший ее в аквариуме. Других пираний здесь не находили.

В начале 1970-х в Темзе обосновался китайский мохнаторукий краб. Ныне он расплодился настолько, что стал представлять угрозу для исконной флоры и фауны. Из-за своего обыкновения рыть норы крабы повреждают берега, они поедают чужое потомство и вступили в прямое соперничество с местными раками. Их стало так много, что молодые крабы попадаются даже на набережной Темзы в центре Лондона. Впрочем, вся история Темзы — это история ассимиляции и адаптации. Остановить рост численности крабов не представляется возможным — разве только их

начнут в промышленных масштабах ловить для нужд китайской кухни. Тогда они будут бороться с недругами-раками за место в ресторанном меню.

В Темзе сейчас водится 118 местных пород рыбы. Плотва любит плавать над чистым галечником, карп — в омутах, голавль — в прибрежной тени, пескарь — у дна, форель — у плотин, окунь и щука — в заводях. У моста Блэкфрайерз видели афалин (бутылконосых дельфинов), близ Уоппинга — морских свиней; около Гринвича и Ротерхайта замечены серые тюлени, около Саутенда — киты. Даже боязливый морж однажды заплыл в эстуарий Темзы. Ко всему этому, разумеется, добавилось возвращение пернатой дичи и прочих птиц. Словом, реку снова можно назвать живой. Она теперь чище, чем в какой бы то ни было исторический период. Утверждают, что Темза — самая чистая из рек, на которых стоят мировые столицы. Ее возрождение — настоящее чудо. Мертвое вновь сделалось живым. Это воскрешение принимало иной раз неожиданные формы. Например, на берегах Темзы сегодня гораздо больше растительности. Изучая, скажем, рисунки Тернера, можно увидеть, что при жизни художника деревьев около реки было гораздо

меньше, чем сейчас. Ныне береговые тропы зачастую сильно затенены деревьями и кустами и в последние годы кое-где стали из-за зарослей просто непроходимы.

Есть и другая рыбная ловля, столь же древняя и почтенная, как труд рыбака-профессионала. Это — радость личного пребывания на берегу, одинокая фигура с удочкой и сачком, какую можно увидеть на каждом участке Темзы, фигура человека, находящегося в скрытом общении с водой. Он или она (ведь, вопреки распространенному мнению, ужением занимаются и женщины) понимает реку иначе, чем остальные. По существу это, вероятно, простейший и древнейший вид добывания пищи из всех, какие существуют в индустриальном мире, и приемы, которыми люди при этом пользуются, не изменились за тысячелетия сколько-нибудь радикально. Это пример постоянства, пример долгого существования старинных обычаев без фундаментальных перемен. Представляется очень уместным, что этот обычай связан с рекой. В христианскую эпоху употребление в пищу рыбы связывалось с покаянием и очищением — в частности, во время Великого поста. Существа, обитающие в Темзе, обладают долей ритуальной чистоты проточных вод.

Ранние обитатели берегов Темзы, жившие здесь двенадцать тысяч с лишним лет назад, в эпоху мезолита, скорее всего, умели ловить рыбу с помощью крючков, лесок и сетей. Вероятно, они уже тогда делали примитивные запруды, чтобы направлять рыбу в небольшие резервуары или сети. Впоследствии эти запруды периодически запрещались монархами. В частности, в XI веке Эдуард Исповедник повелел уничтожить их на том основании, что они мешают плаванию по реке (они мешали, и еще как). Несколько позже Эдуард I ввел ряд ограничений, касавшихся ловли лососевой молоди. Закон устанавливал допустимые размеры сетей и ячеи. В 1558 году минимальный размер лосося, которого можно было вылавливать, составлял 16 дюймов. Кроме удочки, имелся ряд других рыболовных приспособлений, возникших в глубокой древности, в том числе всевозможные верши — корзинки для ловли угрей и прочих рыб.

О речных рыбах ходило много всяческих историй. Среди жителей некоторых мест на Темзе бытовало, например, странное предубеждение против угрей. Иные считали, что они рождаются прямо из ила или из разложившихся останков любого животного. Другие полагали, что они воз-

никают из плавающего в воде конского волоса. Тем не менее угорь много веков был одной из основ питания лондонцев. Теперь его едят не часто. Усача по причинам, понять которые сейчас невозможно, покупали прежде всего лондонцы-евреи. Плотва, как считалось, скапливалась в районе Марлоу и особенно хорошо ловилась осенью, когда речная вода была “подкрашена” дождем. В начале XIX века говорили, что у Лондонского моста можно ловить пикшу руками: рыба так ослеплена пеной быстрого потока, что “не видит, куда плывет”. Линь слыл рыбой чрезвычайно живучей, окунь — компанейским существом: если поймали одного, другие непременно последуют за ним. Как писал в книге “Искусный удильщик” (1653) Исаак Уолтон, “они подобны грешникам мира сего: не страшатся, хотя их собратья гибнут у них на глазах”. Карп, как думали, был завезен из Китая — причиной такого суждения, возможно, была его золоченая чешуя. Эта рыба легко давала себя приручить и отличала хозяина от незнакомца.

Удильщик должен испытывать глубокое сродство с рыбами и водой. В его занятии есть некая интимность. Вот почему удильщики Темзы обычно ходят на одни и те же места. Они — жрецы

Темзы, хранители ее тишины и покоя. В своем “Трактате о соколиной и прочей охоте, рыбной ловле и гербах” (1496) настоятельница женского монастыря в Сопуэлле дама Джулиана Бернерс похвалила времяпрепровождение удильщика на Темзе, ибо “по крайней мере это здоровая, веселая, непринужденная прогулка на вольном воздухе, когда он вдыхать может сладкий запах луговых цветов, рождающий аппетит; когда он слышит приятный мелодический щебет птиц; когда он видит молодых лебедей, цапель, уток и многих иных птиц с их потомством”. Здесь Темза предстает неким locus amoenus — приятным местом, дарующим пасторальное уединение, где поют птицы, течет вода и, конечно же, ловится рыба.

Есть очаровательная книга — “Форель Темзы” А. Э. Хоббса (1947), где прекрасно выражена эта непринужденная близость с рекой и ее порой трудноуловимыми обитателями. Книга полна рыбацких историй и воспоминаний, и по ней видно, что удильщики-любители Темзы образуют столь же ясно очерченное сообщество, как профессиональные рыбаки низовий. “Мы знали, что в самом глубоком месте омута живет большая форелина, — пишет Хоббс, — и несколько раз мы ее

замечали, когда она гналась за крупным ельцом или плотвой, но никак не могли до нее добраться. Ее или его — для определенности будем говорить ее — легко было узнать по бельму на глазу". Эти удильщики видели в рыбе индивидуальность.

Порой расцвета рыболовных клубов, несомненно, были последние десятилетия XIX века, когда, согласно оценкам, в них состояло около тридцати тысяч лондонцев. Великое множество этих "спортсменов-кокни", как их пренебрежительно называли знающие себе цену удильщики со стажем, приезжало к своим излюбленным местечкам на Темзе поездами железной дороги Большой западной железной дороги. Некоторые из них, как писала газета "Лок-ту-Лок Таймс" ("От шлюза к шлюзу"), были "очень даже склонны грубить тем, кто, по их мнению, 'распугивает рыбу', ибо нередко они заключают серьезные пари по поводу своего улова… обычно они не скупятся на площадную брань, что малоприятно, особенно если с вами дамы". Это и был пресловутый "водный язык".

Клубы имелись не только в Лондоне, но и в других крупных прибрежных городах — например, в Марлоу и Хенли, где проводились местные соревнования. Ночная рыбалка и ловля сетями были

запрещены. Но ивовые корзинки (верши) для ловли угрей были на Темзе обычным зрелищем. Удильщики несут почти полную ответственность за временное исчезновение выдр, которые считались великими вредителями, поедающими рыб; увидев выдру, в нее стреляли без колебаний, и в конце XIX века за каждого убитого у реки зверька выплачивалась премия в 10 шиллингов.

Существовали, конечно, браконьеры, которые пренебрегали риском ареста и штрафа, придерживаясь старинного убеждения, что река — общее достояние. Один из них сказал речному полицейскому: “Вся эта рыба настолько же моя, насколько ваша. Иначе зачем она в реке?” В конце XIX века шла долгая борьба между частными землевладельцами, заявлявшими о своих правах на участки реки, и рыболовами-любителями. Полностью конфликт так и не был урегулирован. В ряде отдельных случаев были найдены компромиссные решения, однако велись и широкомасштабные судебные тяжбы, чем объясняются создание Фонда защиты рыболовства на Темзе и популярность стишка:

Того, кто из Темзы рыбешку таскал,
Закон беспощадно карает.

Быть может, он лучше б того наказал,
Кто реку у рыб забирает?

XI

Целебный источник

Родник св. Анны

Глава 35
Вода-целительница

Темза всегда ассоциировалась с лечением. Это река, дарующая покой, восстанавливающая силы человека. Поскольку она издревле связана с крещением и другими очистительными обрядами, ее благотворное действие легко переносится в сферу физического здоровья. Что может быть целебнее чистой воды? Вода — питательная, материнская стихия, млеко природы. Поскольку вода — хранитель и восстановитель здоровья, сам вид Темзы благотворен. Здесь, как считается, можно вылечить больные глаза. С тех пор как св. Августин совершал чудеса в Криклейде близ Темзы, возвращая слепым зрение, родники, бьющие около этой реки, слывут целебными для страдающих глазными болезнями. Глаукому называли в народе “глазной водой”. На берегах Темзы имеется как минимум двадцать шесть целебных источников, и, разумеется, есть многие другие, о которых люди позабыли в наши скептические времена.

Родник — возможно, самое чистое и светлое из

природных явлений. Он вечно свеж и вечно обновляется, его вода бьет из подземных глубин во славу жизни самой. Осквернитель источника во всех цивилизациях считался проклятым человеком. Божества древности тяготели к источникам, и каждый из них пользовался покровительством какого-нибудь бога или богини. Родники, которые некогда были посвящены богине Тан, люди впоследствии связали с именами христианских святых — св. Анны, св. Екатерины, — но древняя тайна не умирает. Раннехристианский епископ Мартин из Браги высказался на эту тему жестко: "…класть хлеб в родник — что это, как не поклонение дьяволу?"

Около Темзы, в лесу у подножия Сайноден-хилла, есть непересыхающий источник. Рядом с ним в надежде на исцеление больных домашних животных люди поставили часовню в честь одного из первых христианских святых, связанных с Темзой, — св. Биринуса. Источник в Криклейде бил среди лугов к северу от реки, и в былые столетия жители Глостершира и Уилтшира приходили к нему за водой с бутылками. Считалось, что она "помогает от глазных недугов". К 1910 году, однако, источником перестали пользоваться в лечебных целях, и ныне он забетонирован.

Родник Ассенден, чья насыщенная углекислотой вода втекала в Темзу близ Хенли, славился медицинскими свойствами, но теперь он либо заглох, либо позабыт. Целый ряд источников и колодцев (читая старые тексты, порой трудно отграничить одно от другого) имелся близ Пангборна; источник, посвященный еще одной речной святой — Фридесвиде, — находился в районе Фрилшема. С этим местом было связано любопытное поверье. Влюбленные пары приходили к старому источнику и пили там воду. Если у молодого человека были бесчестные намерения, появлялась жаба и плевала на него.

Вдоль берегов Темзы, конечно же, было выкопано немало колодцев, и в названиях многих прибрежных деревень присутствует слово well (колодец, родник): Брайтуэлл-кам-Сотуэлл (т. е. “светлый колодец и сладкий колодец”), Юэлм, Монджуэлл и так далее. Колодец — одно из древнейших человеческих изобретений, в долине Инда есть колодцы, выкопанные за 3000 лет до нашей эры. В пиктографической письменности Шумерского царства, располагавшегося меж двух великих рек, круговой знак, как считают, обозначал колодец. Колодцы и питьевые источники Лондона обязаны своим происхождением мелким

ручейкам. втекавшим в Темзу: Клементс-уэлл, Кларкенуэлл, Багниг-уэллс, Сент-Панкрас-уэллс, Садлерз-уэллс, Скиннерз-уэллс, Фагсуэлл, Сент-Агнес-ле-Клэр и Блест-Мэризуэлл (колодец Девы марии, переименованный в эпоху Реформации в колодец Черной Марии или яму Черной Марии).

Есть некоторое сомнение по поводу Чадуэлла, Шадуэлла и Чадуэлл-сент-Мэри (последнее название относится к деревушке в нижнем течении Темзы); можно было бы предположить, что все эти места названы в честь св. Хада, епископа VII века, но он местный святой Стаффордшира, а не региона Темзы. В честь “чужих” святых названия давали редко, поэтому более вероятно, что “Чадуэлл” означает попросту “холодный источник”. Кстати, в лондонском районе Шадуэлл близ Уоппинга в XVIII веке имелся минеральный источник, называвшийся Шадуэлл-спа; утверждали, что тамошняя вода содержит серу, купорос, сталь и сурьму и хорошо помогает от кожных болезней. К источнику вела улочка Уэлл-элли напротив Нью-стэрз в Уоппинге; в дальнем конце улочки находилось поле Сан-Таверн-филдс. Там и был минеральный источник.

Есть в Лондоне и другие святые источники и колодцы. Челсийская и Ламбетская водопровод-

ные станции не случайно были построены на месте Сидинг-уэллс (Бурлящего источника). Сент-Брайдз-уэлл (источник св. Бригитты), разумеется, дал название лондонскому дворцу Брайдуэлл. Эти в прошлом священные места имеют прямое отношение к реке, протекавшей через город. Минеральный источник был в свое время и на Тауэр-хилле; еще один источник, а затем и ряд колодцев, располагались на северной стороне нынешней Куин-Виктория-стрит в нескольких шагах от реки у моста Блэкфрайерз. Там обнаружены древнеримские ритуальные приношения, как и в колодцах Саутуорка на южном берегу Темзы. Около одного мраморного фонтана в Риме была высечена на камне знаменитая фраза, которая столь же уместна была бы и в Лондоне: Nymphis Loci Bibe Lava Tace (Места нимф. Пей, умывайся и молчи).

Один из самых знаменитых колодцев находился в Бинзи близ Оксфорда около Темзы. Он тоже был связан с речной богиней (или христианской святой) — с Фридесвидой, “чьими молитвами он чудесно возник”. В 730 году Фридесвида построила рядом с колодцем церковь. Его называли колодцем св. Маргариты, он был обложен камнем, и к изображению св. Маргариты или

Фридесвиды, которое там имелось, люди приносили цветы. Считали, что тамошняя вода творит чудеса; Юркива и Рильда, две слепые сестры из Эйншема, благодаря ей якобы прозрели. Эта вода пользовалась такой славой, что ее продавали по гинее за кварту (1,1 литра); соседняя деревня Секуорт превратилась в довольно большой город с двадцатью четырьмя гостиницами для клириков и паломников и одиннадцатью церквами. В церкви Фридесвиды на стенах висели костыли и повязки исцеленных.

Но к середине XIX века колодец иссяк. Секуорт в XX веке тоже практически исчез с лица земли, от него осталось только несколько домов, прочее же уступило место пастбищу. Во второй половине XIX столетия колодец восстановили, и он в замаскированном виде вошел в английскую литературу. Льюис Кэрролл, который знал Бинзи очень хорошо, вложил рассказ о целебном колодце в уста мыши из “Алисы в Стране чудес”. Так святой колодец Фридесвиды диковинным окольным способом вторично обрел легендарный статус.

Еще один целебный источник был в Горинге около Темзы. Его называли Spring-well (Источник-колодец), и в XVII веке считалось, что его вода

помогает от кожных болезней, язв и (опять-таки) болезней глаз. В начале XVII столетия эту воду разливали по бутылкам и рекламировали как “воду горингского источника” и как “действенное средство” против различных недугов. Но позднее вода утратила славную репутацию, а, следовательно, и эффективность. Другой знаменитый прибрежный источник находился близ Моулсфорда, около трактира “Кожаная бутыль”. Возможно, само это название произошло от сосудов, куда наливали воду. Целебным “родником св. Анны”, рядом с которым стояла древняя церковь, прославились окрестности Чертси. Имеется гравюра XIX века, изображающая этот почти невидимый родник и старинные камни у его мелкого русла. Лечебными свойствами, как полагали, обладали и Ламбетские источники. В Камноре около Темзы под сенью деревьев и ныне существует старый “лечебный колодец”. У деревушки Шорн незалеко от Грейвзенда имелся железистый источник, чья вода слыла чрезвычайно полезной для больных цингой. В Уэст-Тилбери на том же участке речного берега был источник “желтой воды”, которую использовали при диабете и внутренних кровотечениях. В XVIII веке ее продавали в бутылках с надписью “Тилберийская вода”. В Рединге

“между полем, называемым Горою, и улочкой, называемой Священнической” был святой источник, рядом с которым рос могучий дуб, тоже окруженный великим почтением. Ниже по реке располагался лечебный курорт, называвшийся Ричмондуэллс.

В деревне Истлич-Тервилл находился минеральный источник, чья вода оказывала сильное слабительное действие. “Святой колодец” в Бамптоне слыл целебным для страдающих глазными болезнями. Колодец в северо-западном углу кладбища св. Марии Магдалины в Норт-Окендоне связан с миссионерской деятельностью св. Седда, крестившего восточных саксов; согласно распространенному поверью, этот источник берет начало в Кенте, затем его вода течет под руслом Темзы и выходит наружу в Эссексе. В старые времена к названию этой деревни добавлялось слово Septfontaynes (семь источников), но следы их давно уже потеряны. Можно, однако, вспомнить в связи с этим о “Семи источниках” (Севен-Спрингс), где, по одной из версий, берет начало Темза.

Вода самой Темзы в свое время слыла почти чудесной по своим свойствам, в частности, обладающей способностью к самоочищению. Речную

воду в районе Хэмптон-корта считали, кроме того, целебной: в 1794 году ее назвали “действенным средством против почечных камней”, она якобы была “весьма хороша для питья и стирки, но непригодна для стряпни”, ибо окрашивала зелень в черный цвет. Окрестности Хэмптон-корта вообще много столетий пользовались завидной репутацией; всем было известно, что их не затронули эпидемии “потницы”, чумы, оспы и скарлатины, бушевавшие совсем рядом. Эту невосприимчивость к болезням объясняли защитным действием реки.

Вода Темзы в районе Марлоу, как считалось, облегчала проявления подагры. Участок реки близ Стритли тоже славился целебными свойствами. Трудно найти отрезок Темзы в ее верхнем и среднем течении, который не обладал бы реальными или воображаемыми особенностями такого рода. Когда в 1568 году в Оксфорде иезуита Джорджа Нейпира повесили, выпотрошили и четвертовали, куски его тела бросили в Темзу, но река вновь соединила их и в Сандфорд приплыл целый труп. Это не более чем легенда, речное поверье, но оно основано на древнем убеждении, будто от погружения в реку разрубленное тело может срастись.

На берегах Темзы стояло и стоит много боль-

ниц, что косвенно подтверждает ее целебные свойства. Старая больница, основанная при Генрихе V, была в Абингдоне. Она возникла на месте древнего монастыря Святого креста, что указывает на связь между набожностью, почитанием воды и лечением. Больница, посвященная Иоанну Крестителю, действовала в Криклейде со времен Генриха III; до сих пор часть нынешнего прихода св. Сампсона называется в ее честь Спитл (от слова hospital). Было много других древних медицинских учреждений около Темзы, но, пожалуй, поучительней будет бросить взгляд на их нынешние воплощения. Двигаясь вниз по лондонскому отрезку Темзы XXI века, мы обнаружим Чейновскую больницу в Челси (которую в свое время называли “Маленькой больницей у реки”), Листеровскую больницу у Челсийского моста, больницу св. Фомы, медицинскую школу Королевского колледжа и больницу Лондонского моста. Связь с рекой прослеживается.

Подле Темзы, помимо прочего, возник ряд больниц и приютов для душевнобольных. В Суонскомской церкви около реки был алтарь, который славился на всю округу исцелением сумасшествия; в прошедшие века к нему приводили многих страждущих. Церковь в Соннинге

на берегу Темзы имела до Реформации сходную славу; как писал Лиланд, “в восточной части церкви св. Сарика есть старинный придел, куда в последнее время многие паломники приходили ради излечения от душевной болезни”. Во времена неолита здесь было ритуальное огороженное место, и угадывается отдаленная, но отчетливая связь эпох; церковь стоит до сих пор. Чизик-хаус на берегу Темзы был в свое время частным приютом для умалишенных. В двух шагах от деревни Моулсфорд, опять-таки около Темзы, до недавнего времени находилась Беркширская психиатрическая больница. Подобная больница у реки имелась и в Литтлморе, где некогда приходским священником был Джон Генри Ньюмен. Береговая тропа вдоль Темзы сейчас проходит через парк Хигинсона мимо дома, где в прошлом жил доктор Уильям Батти, специализировавшийся на лечении душевных болезней. Некоторые притоки Темзы оказывают сходное действие. В Эпсоме у реки Хогсмилл, которая впадает в Темзу близ Кингстона, в свое время был комплекс из пяти психиатрических лечебниц; в Юэлле у ее истока располагалась Юэллская психиатрическая больница. С 1903 года здесь было специализированное учреждение для эпилептиков, с 1930 по

1962 год — больница.

В “Травнике” Джерарда (1597) имеется много описаний цветов, растущих на берегах Темзы. В их числе окопник, “который благоденствует в канавах с водой, на дальних и сочных лугах”, и буквица, которая “растет у ручьев и проточных вод, у канав и на берегах рек”. Из названия книги ясно, что эти речные растения считались лекарственными; их затронула общая атмосфера очищения, окружающая проточную воду. Многие из этих береговых трав и цветов и ныне используются как альтернатива обычной медицине: подмаренником лечат заболевания ступней, календула полезна для глаз и кожи. Речные цветы, как и сама река, могут исцелять. Желтый или фиолетовый вербейник (loosestrife) получил такое название из-за своей древней способности успокаивать диких животных и утихомиривать вражду между ними (loose — терять, strife — борьба). Так спокойствие и тишина Темзы передаются через ее растения. Аир тростниковый, растущий в воде у ее берегов, раскладывали для запаха на полу жилищ и церквей.

У Темзы встречаются растения, пользующиеся особой лекарственной репутацией. Такова очанка, которую можно назвать травой-покро-

вительницей Темзы, ибо, как считалось исстари, “от нее слепые прозревают”:

> *За траву, что прозреть помогает слепым,*
>
> *Вознести подобает хвалу всем святым.*

Сходное действие оказывает и другая трава, в больших количествах растущая подле Темзы, — таволга. Знаток трав Николас Калпепер писал в книге “Полный травник и английский лекарь” (1653), что “сок ее хорош от воспаления глаз”. В этом контексте можно вспомнить Лекарственный сад Челси на берегу реки, где в свое время выращивались травы для медикаментов и мазей. Его основала в 1673 году корпорация аптекарей как специализированный ботанический сад для лекарственных растений, и аптекари пользовались им вплоть до конца XIX века. Место было выбрано именно благодаря близости к Темзе. Высказывалось мнение, что все дело в микроклимате, создаваемом водой, но, возможно, тут сказались и более древние взаимосвязи. Здоровье и река всегда были союзниками.

Есть много других речных и береговых растений. Крупнолистный прибрежный щавель

считался весьма полезным, и в XVIII веке его корень, который оказывает вяжущее действие, широко использовался в медицине. Зверобой помогает от депрессии, зюзник используется как успокаивающее. Окопник помогает от язв. Верхушки тростника, в изобилии растущего около Темзы, считали хорошим средством от разлития желчи. Тысячелистник применяли для заживления ран и предотвращения воспалений. Его широко использовали, в частности, барочники, у которых нередко случались ушибы и прочие травмы. Из репешка (тоже береговое растение) готовили успокаивающее. Отличным лекарством от подагры и глистов слыла среди жителей деревень близ Темзы пижма; в аптеках эту траву продавали под названием “атанасия” — от греческого слова, означающего бессмертие. Возможно, именно пижма или родственная ей трава называлась в старину арджинтерией. Уильям Гаррисон в “Описании Британии” пишет: “Огромное количество серафической травы (Seraphium) растет на Кентском берегу… а он между тем вместо серафической травы продает арджинтерию”.

Ива — чрезвычайно распространенное дерево на речных берегах. Ее кору и листья в прошлом использовали как вяжущее средство; толченой

ивовой корой, кроме того, лечили малярию. Поскольку в болотистых районах долины Темзы малярия была чрезвычайно распространена, вот вам пример того, как местное растение обеспечивает приречных жителей местным лекарством. Обитатели этих берегов от самых разных недомоганий лечились своими средствами. Цыгане, кочевавшие вдоль Темзы (ныне таких уже нет), делали настойку из корней щавеля. От ревматизма и некоторых других болезней они заваривали как чай кору приречного дуба. Люди с больной печенью пользовались корой ясеня, изобильно растущего по берегам реки. Алтеем лечили зубы. Разумеется, все эти растения можно найти отнюдь не только около Темзы, но они неотделимы от целебной силы, которую некогда чувствовали в ней местные жители.

Эта медицинская аура привлекала к реке всевозможных врачей, целителей и знахарей. В середине XIX века в Садбрук-парке между Ричмондом и Кингстоном действовала знаменитая “водолечебница”. В 1770-е годы врач Джеймс Грэм создал в Лондоне у реки близ только что построенной “террасы Аделфи” так называемый Храм здоровья, стены которого были увешаны палками, костылями и прочими приспособлениями, от

которых отказались прошедшие лечебный курс пациенты. Чуть выше по реке — в Хаммерсмите — художник и лекарь Филипп де Лутербург пользовал людей от ряда заболеваний посредством наложения рук и молитвы, применяя некий “животный магнетизм”. Неудивительно, что в начале XVIII века доктор Стивен Хейлз, житель Теддингтона у Темзы, сильно продвинулся в изучении кровообращения.

Но обитали близ Темзы и другие “хитроумцы”, как некогда называли мыслителей, натуралистов и философов. Любопытный факт — или очень странное совпадение, — состоит в том, что подле реки в Ламбете в разное время жили Джон Традескант, Фрэнсис Мур, Саймон Формен, Илайес Ашмол и астролог капитан Бабб. Саймон Формен был астрологом и естествоиспытателем времен Елизаветы I, чьи дневники демонстрируют масштаб суеверных представлений XVI века. В одном из многих своих заумных томов он, например, пишет: “Я заставил дьявола написать это своею рукой на Ламбетфилдс в 1569 году, в июне или июле, насколько мне теперь помнится”. Район Ламбетфилдс находился тогда по соседству с Темзой. Формен похоронен на Ламбетском кладбище у реки. Его современник капитан Бабб жил в

Ламбет-Марш, где “разрешал для людей насущные вопросы с помощью астрологии”. Мур был астрологом и основоположником знаменитого альманаха предсказаний, впервые опубликованного в 1697 году и продолжающего выходить по сей день; он жил в северо-восточной части Колкотт-элли. Джон Традескант и Илайес Ашмол были натуралистами и собирателями природных редкостей, к числу которых относились саламандры, перья феникса и дракончики в два дюйма длиной.

Еще выше по реке — в Мортлейке — жил знаменитый Джон Ди. Доктор Ди был духовидец и математик, алхимик и географ. Его тоже, кажется, притягивала к себе река — или ее духи. Он жил в доме у берега, чуть западнее местной церкви. Именно здесь, по его собственному рассказу, ему явился ангел Уриэль и дал ему через окно его комнаты прозрачный камень — магический кристалл, с помощью которого Ди затем вызывал других ангелов и разговаривал с ними. В Мортлейке он выстроил собственную лабораторию и собрал крупнейшую в стране частную библиотеку. Он был подлинным магом Темзы. Мортлейк, как и Ламбет, приобрел связь с оккультизмом и даже с черной магией. Здесь жил еще и Фрэнсис

Партридж, маг и астролог, который в начале XVIII века распространял свои предсказания в печатном виде. Партридж похоронен на кладбище Мортлейка, а Ди лежит где-то под алтарем здешней церкви.

Любопытное событие произошло на Баттерси-филдс около Темзы чуть выше Ламбета по течению. Там "духи" пронесли одного "хитроумца", сохранившегося в памяти потомства как Эванс-астролог, по воздуху вдоль Темзы и, опустив, покинули на Баттерси-козуэй. Причиной этому их необычайному поведению было якобы то, что он прогневил "духов", не воскурив им благовоний; так или иначе, выбор Баттерси наводит на размышления.

Близ Уолтона на Суррейском берегу Темзы жил астролог Уильям Лилли, "хитроумец", чьим величайшим достижением, на взгляд потомства, стало предсказание Великого лондонского пожара, —

Тот, кто Луны поползновенья чует
И предсказаньями судьбы торгует.

Он родился в 1602 году и, обретя в Лондоне богатство и репутацию, перебрался в Уолтонский приход. Там он прожил сорок пять лет, после чего

переселился в близлежащую деревушку Хершем. Он был настоящим завсегдатаем речных берегов. Еще в молодости, когда он жил в Лондоне, одним из его главных занятий было “носить воду из Темзы большими ведрами. Однажды за утро я помог доставить восемнадцать бочонков воды”. В своем прибрежном убежище он принимал множество посетителей, желавших получить предсказание будущего, и с ним консультировались даже видные члены Палаты общин. Весной 1644 года он опубликовал альманах под именем Merlinus Anglicus Junior (Младший английский Мерлин). Знал ли он, что легендарный Мерлин жил, как считалось, около Темзы? Лилли вызывал местных духов. По его словам, он сообщил другу волшебное заклинание: “O Micol! O tu Micol! Regina pigmeorum veni”[62]. Когда его друг произнес эти слова в рощице позади дома Лилли в Уолтоне, появилась королева фей, которая была так ослепительна, что ему пришлось попросить ее удалиться. Не была ли это одна из сказочных нимф Темзы, принявшая новое обличье? В церкви св. Марии в городке Уолтон-апон-Темз имеется памятник Лилли.

---

[62] Примечания: 62
О, Микол! О ты, Микол! Приди, королева фей! (*лат.*)

Стоит отметить, что мыслитель XVI века Фрэнсис Бэкон хотел купить для своих исследований дом в Твикнем-парке на берегу Темзы. По его утверждению, он экспериментально выяснил, что расположение дома весьма удобно для проверки его философских заключений. Итак, близость реки он считал важным преимуществом. У него были славные предшественники. В начале XIV века алхимик и мистик Раймунд Луллий в отведенных ему покоях у реки в больнице св. Екатерины пытался сотворить золото из латуни и железа. Чуть ниже по реке — в Тауэре — сходным алхимическим занятиям предавался Раймунд из Таррагоны. Да, эпитет “серебряная” подходил Темзе очень хорошо.

Но самым знаменитым философом и естествоиспытателем, жившим около Темзы, был, несомненно, Роджер Бэкон. Башня XIII века, где брат Бэкон, монах-францисканец, якобы проводил свои эксперименты, находилась в Оксфорде на берегу Темзы у Большого моста (Grandpont), также известного как Южный мост, на месте которого позднее построили мост Фолли-бридж. Именно здесь монах будто бы вел разговоры с дьяволом и смастерил знаменитую медную голову, которая могла пророчествовать. Утверждали, что

при содействии дьявола голова произносила многозначительные фразы: “Время настало”, “Время было” и “Время прошло”, — но, скорее всего, Бэкон умел сам создавать звуковые эффекты. Его башня простояла до 1779 года. Ходила легенда, что она рухнет, когда под ней пройдет более мудрый человек, чем Бэкон. То, что она после его смерти просуществовала пятьсот лет, было постоянным немым упреком оксфордским студентам. Однако новичков на всякий случай предостерегали: “К башне лучше не приближаться”.

Брату Бэкону приписывали изобретение пороха и увеличительного стекла, но вопрос об этом остается открытым. Согласно “Славной истории брата Бэкона”, опубликованной в 1627 году, он якобы предсказал, что “колесницы, никаким живым существом не запряженные, будут передвигаться с необычайной быстротой” и что “появится средство для полетов по воздуху”. Он заявил, кроме того, что “искусством рук сотворено будет средство к тому, чтобы люди ходили по дну моря и рек”. Он устремлял взор и в вышину: одним из главных занятий Бэкона было обозревать с крыши своей прибрежной башни ночное небо. Кстати, обращает на себя внимание большое число обсерваторий около Темзы. Не

исключено, что Бэкон и астрономы позднейших времен шли по стопам доисторических предков: создавая на берегу ритуальные участки, древние обитатели этих мест, возможно, учитывали положение звезд и движение комет. Несомненно, все "хитроумцы", жившие на берегах Темзы, от "старого Мура" до Луллия, пытались расшифровать звездные письмена.

Существует некая постоянная связь между рекой и астрономией, и наилучшим символом ее, пожалуй, служит Гринвичская обсерватория, расположенная на холме на южном берегу Темзы. Она была основана в 1675 году. и под руководством Джона Фламстида, первого Королевского астронома, стала центром наблюдения за звездами и планетами. Главный труд Фламстида Historia coelestis Britannica[63] (1725) был опубликован через шесть лет после его смерти и содержал самые точные на то время карты звездного неба. Гринвич известен также как место, через которое проходит нулевой меридиан, как начало отсчета географической долготы. С тех давних времен, когда у Темзы создавались первые курсусы и огороженные участки, она была тесно связана с

[63] Примечания: 63
"Британская небесная история" (*лат.*)

измерением времени и пространства.

Карл А. Виттфогель в книге “Восточный деспотизм” (1957) исследует роль жрецов и провидцев в речных цивилизациях Востока; связь этих людей с рекой определялась тем, что они служили “гидравлическим режимам” Месопотамии и Нильской долины, где зависимость от речной воды была очень велика. Не случайно “исчисление времени, научные измерения и подсчет осуществлялись либо официальными сановниками, либо специалистами (зачастую из числа духовенства), связанными с гидравлическим режимом. Облеченные в одежды магии и астрологии, окутанные плотной завесой тайны, эти математические и астрономические процедуры служили как увеличению гидравлического производства, так и укреплению верховной власти гидравлических вождей”. Все, таким образом, определялось представлением о “силе” реки. Именно в этом контексте стоило бы размышлять о значении неолитических памятников и о расположении обсерватории и меридиана в Гринвиче.

Подле Темзы возникали и другие обсерватории. Об обсерватории Роджера Бэкона, где монах измерял “высоту звезд”, уже было сказано. Еще одна обсерватория находилась у Королевского

монетного двора на северном берегу реки выше Тауэра. До сих пор действует обсерватория в Кью на южном берегу Темзы в Старом оленьем парке; она называлась Королевской обсерваторией и была построена с тем расчетом, чтобы Георг III в июне 1769 года успел понаблюдать из нее за прохождением Венеры по диску Солнца. Здесь чувствуется некая перекличка с фараоновским культом звезд на берегах Нила. Обсерваторию воздвигли на месте старинного монастыря, продолжив тем самым ритуально-речную традицию. На ее территории стоят три обелиска (один из них — на береговой тропе, ведущей в Брентфорд), которые использовали как отметки меридиана для астрономических измерений. Здесь, как и в Гринвиче, некогда задавалось точное время для Лондона. Впоследствии обсерватория пришла в упадок, затем была возрождена для исследования магнитных полей и ныне используется в метеорологических целях.

Имелась в Кью и другая обсерватория возле существующего по сей день “Голландского дома”. Ее использовал Джеймс Брэдли, профессор астрономии Оксфордского университета, и та часть здания, где он вглядывался в звезды на берегу Темзы, ныне отмечена солнечными часами. Здесь

Брэдли открыл два важных явления: аберрацию света и нутацию земной оси.

Но, пожалуй, самая неожиданная и безусловно наименее известная связь между рекой и астрономией обнаруживается в Слау. Сэр Уильям Гершель и его сестра Кэролайн Гершель устроили тут собственную обсерваторию. Ранее они наблюдали за небесным сводом из маленького дома в Датчете, который тоже стоял около Темзы, так что соседство реки, видимо, помогало им, дарило уверенность и спокойствие. Брат выкликал данные, полученные с помощью телескопа, сестра записывала точное время наблюдений. Именно в Датчете Гершель открыл планету Уран и изучал Млечный путь; там же Кэролайн обнаружила три туманности и восемь комет. В некоторых отношениях погода на берегах Темзы им досаждала. Уильям Гершель писал: “Мало того, что от моего дыхания на трубке телескопа образуется иней, — я к тому же не раз обнаруживал, что ноги мои примерзли к земле”. Тем не менее это диковинное тяготение к реке оказалось устойчивым.

Глава 36
Свет Темзы

Цвета Темзы — каковы они? Зеленые берега верховий переменчивы, лишены монотонности, и в самой реке всегда есть игра оттенков и полутонов, нежные, подобные движению спокойных вод, переходы от яркой, насыщенной зелени к бледной, дымчатой. Краски расходятся рябью и распускаются, как цветок, то размежевываются, то сливаются воедино. К примеру, зелень берегового склона служит фоном для золотистого мха и желтых звезд ястребинки, для герани и земляники, для зеленовато-желтой льнянки и лилового шлемника. В приречных цветах преобладают желтизна и синева, о чем свидетельствуют обильно растущие вдоль Темзы мелколепестник и ежевика.

Весной и осенью берег окроплен желтизной, которая кое-где перемежается нежно-белым; а деревья весной, кажется, еле выдерживают тяжесть цветов. Поля около Темзы — белые с желтым, и тому, кто плывет по реке, открывается один цветущий склон за другим. В летние

месяцы преобладает розовато-фиолетовый цвет иван-чая и вербейника. Благодаря смене красок настроение реки может неосознаваемо меняться от радостного к задумчивому и обратно, тем не менее в целом здесь господствует природная гармония. В природе не бывает цветового диссонанса. Темно-синие цветки ежевики и желтые диски мелколепестника образуют ласкающее глаз сочетание, более приятное, чем синева и золото у любого живописца.

Есть у Темзы и другие цвета. В районе устья на рассвете и закате возникает серебристое сияние — эманация света, пробивающегося сквозь облака и падающего на равнинную местность. И есть цветовое разнообразие самой воды — от предельно насыщенной зелени до бледнейшего серебра. В холодные месяцы вода порой бывает удивительно прозрачна и в глубоких местах приобретает голубовато-зеленый родниковый оттенок. Но может она быть и мутной, илисто-коричневой. В тени моста она иногда становится синей. Издали река способна показаться белой вьющейся лентой. Ее цвет кое-где воспринимается в сопоставлении: вода иных притоков гораздо темней, чем сама Темза.

Есть и местные вариации. Близ Оксфорда вода

темно-зеленая с небольшой примесью коричневого; ниже по течению, в Рэдли, она делается темно-синей. Ниже Патни вода, зачерпнутая из реки, выглядит мутноватой. На лондонских участках Темза может показаться черной, порой — темно-медного цвета. Но бывает она и пепельно-серой. И, разумеется, поверхность реки служит зеркалом для красок окружающего мира. Она отражает жизнь над ней: тут голубой парус, там рыжая от ржавчины баржа. Когда над ней проходят грозовые тучи, она приобретает темно-серый или угольный цвет. Краски постоянно меняются под воздействием ветра и неба, солнечных лучей и проносящихся облаков. Летом вода может стать шелковисто-зеленой, весной — голубой. Но порой при ярком небе река словно бы пребывает в тени.

Любая река способна сделаться черной. Но Темза бывает не столько черной, сколько темной. Ее издавна называли “темной Темзой”, но темнота — это не цвет и даже не отсутствие цвета. Возможно, река не имеет цвета. Иначе говоря — если она причастна ко всем цветам, ее, возможно, следует назвать бесцветной. В верховьях Темзы вода иногда бывает поразительно прозрачна — “сладка, как молоко, и, как стекло, чиста”, по словам

“лодочника-поэта” Джона Тейлора, написавшего их в 1640 году. Устоявшаяся вода обычно сверху прозрачна, посередке ее цвет коричневато-песочный, у дна — болотный. А как определить цвет воды, если волна, идущая от носа твоего судна, рядом с ним кажется янтарной, а ближе к берегу становится темно-зеленой? Как назвать цвета, находящиеся между этими двумя? Это и не янтарный, и не зеленый, и не черный, и не серый, и даже не опаловый. Это цвет, не имеющий названия. Кто-то назвал его цветом всеобволакивающей, всеобъемлющей смерти. Возможно, это цвет (или нецвет) забвения. Как белый свет является смесью, эманацией всех цветов, так и водная прозрачность — это квинтэссенция всего. Это присутствие природного мира в полном объеме. Нечто уникальное, но при этом не имеющее лица. Становящееся тем, что попадает в его объятия.

Речной свет есть нечто, чего никогда не увидишь ни на море, ни на суше. Он способен преображать пейзаж. В сумерки река излучает нежно-серый, озерный свет, порой слегка подкрашенный шафранными лучами садящегося солнца. Глубокая вода светится иначе, чем мелкая. Иногда река может показаться протяженным сияющим листом, а порой, напротив, у нее угрю-

мый, смутный вид. Временами в эстуарии Темзы вода словно подернута яркой фосфоресцирующей пленкой, и при каждом дуновении ее блеск дробится на тысячу осколков.

О речных художниках речь пойдет в следующей главе, но здесь стоит отметить, что их всегда интересовали эти динамические качества излучаемого Темзой света. Картина Стэнли Спенсера "Воскресение на кладбище в Кукеме" (то есть на берегу Темзы) — это настоящий гимн свету; по словам Спенсера, изображенный им свет на стене церкви подобен свету, который он видел, плавая под водой. На других его полотнах — "Подъем лебедей" и "Христос проповедует на Кукемской регате" — свет Темзы приобретает мистические свойства. Это священное присутствие речной субстанции. Спенсер однажды пояснил, что для отдыхающих на катере, который плывет по Темзе на его картине "Воскресение на кладбище в Кукеме", "небесная кульминация — в освещенных солнцем заболоченных лугах за излучиной реки".

Тернер в "Закате на реке" и на других картинах, изображающих Темзу, передает ошеломляющее ощущение от света, который медлит в вечернем небе. Этот свет — продолжение реки. Или, скорее,

наоборот: Темза — продолжение этого лучезарного света, наполняющего сотворенный Богом мир. У Тернера не бывает реки без неба: два источника сияния радужно, переливчато отражаются друг в друге на тысячу ладов. Для него река была переживанием света, световым экспериментом. Вот почему его всегда неудержимо влекло к ней. Вот почему она — центр его живописи. Важной частью его задачи было выявить свет, идущий из сердца реки, и восславить его.

Но как художнику писать воду? На эту тему Тернер упорно, глубоко размышлял. Вода — это подвижный свет, не больше и не меньше, и ее нельзя зафиксировать, остановить на холсте. На что похожа вода? На движение. Пока ее изображаешь, она становится другой. Эту проблему Тернер разрешил, пропуская мир через призму, превращая его в радужный туман, чьи клубы постоянно меняют цвет и оттенок. Когда свет на его полотнах приобретает трансцендентные качества, река является во всей своей природной силе. Свет Темзы, по неявной аналогии с ее водами, может восприниматься как “чистый”. Стоя на Вестминстерском мосту, Дороти Вордсворт, как она писала в дневнике в июле 1802 года, пришла в некий транс от того, что “солнце сияло ослепи-

тельным, чистым светом". Свет сделался таким благодаря реке.

Придя в Лондон и смешавшись с его началом, Темза становится самым интересным источником света в городе. Ночью, отражая бесчисленные городские огни, река оживает. У речной воды есть этот особый блеск — подвижный, ртутный разбег попавшего в нее света. "Серебро" Темзы может превратиться в ртуть, разбрызганную по ее подвижной серебристой поверхности и словно бы уходящую в глубину плавными потоками отраженного блеска. Впечатление такое же, как от ночного неба с его созвездиями. Иным этот свет представляется стылым и далеким, впитавшим в себя холод водных пучин. Этот свет отличается по глубине и фактуре от мягкого света верховий. Блеск предостерегает: не подходите слишком близко!

Однако ночная река может стать и омутом спящей черноты. Потеряв серебристое свечение, она делается чернильно-темной и вязкой. Она безмолвна. Она тиха, как река мертвых. В середине русла она отливает зеленью, но периферия либо черна, либо фиолетова. Тени береговых зданий накладывают на реку темноту особого оттенка, и остаточный цвет, вытесненный из го-

рода, теряется над ней в мрачных небесах. Так, во всяком случае, Темза выглядела на протяжении многих столетий. Ныне, в начале XXI века, она на участках в черте Лондона никогда не бывает абсолютно темна. Уличные фонари и огни бесчисленных зданий заставляют ее блестеть всю ночь. Ближе к устью яркие огни обогатительных и нефтеочистных предприятий торжественно освещают ее путь к морю, подобно гигантским факелам. Только в верхнем течении и на отдельных участках, где она течет среди болот, она, как встарь, наполняется густой чернотой и безмолвием.

Звуки Темзы содержат в себе все слуховое разнообразие как природного, так и человеческого мира. В районе устья она порой может показаться неестественно тихой. Там, где некогда река бурлила от деятельной жизни, ныне мало что происходит. Местами Темза сделалась пустой рекой, рождающей иллюзию тишины. И все-таки нет-нет да поднимет волны танкер или прочертит ровную воду, как жук-плавунец, небольшой катер. Чуть выше по реке, в районе Гринхайта и Тилбери, звуки Темзы — это лязг и жалобный скрежет кранов и прочей техники, перемежающийся с плеском воды и хриплыми возгласами

чаек.

Верховьям Темзы присуща та умиротворенность, которая всегда ассоциируется с тихими, уединенными водами. Благодаря этому она оказывает целебное действие. Торо полагал, что глядя в воду — в “око земли” — человек “измеряет глубину своей собственной натуры”. Таков контекст речной тишины. Здесь — место покоя и самоуглубленности. Но полной эта тишина никогда не бывает. Окружающий мир подает свои голоса: щебечут бесчисленные птицы, шелестит склоненными над водой листьями ветер, плещет время от времени рыба… В точности то же самое раздавалось здесь за многие тысячелетия до появления на этих берегах человека. Перенесись мы каким-нибудь волшебным образом в ту невообразимую эпоху, ее звуковой состав, возможно, оказался бы для нас единственным, что в ней знакомо и привычно.

После захода солнца над рекой поднимаются ночные звуки. Плеск рыбы похож уже не на плеск, а на пистолетный выстрел, листья падают на берег с отчетливым шелестом, ветер шумит явственней, и ночные ползучие существа, кажется, шуршат где-то совсем близко.

Река, освоенная человеком, — в частности, на

ее лондонских отрезках — не умолкает никогда, пусть даже единственное, что до нас доносится, — это ритмические удары волн о стенки старых причалов и доков. Подле лондонской Темзы слышно, кроме того, как бурлят приливные воды, обтекающие берег. В эпоху огромных доков шум хозяйственной деятельности над коммерческим водным путем не стихал ни днем, ни ночью. Речной гимн тогда состоял из глухих ударов падающих тюков, шипения пара, стука клепальных молотков, скрежета килей, громогласных ночных команд. Над набережной Виктории гудки, которыми суда обменивались в тумане, смешивались с приглушенным шумом автомобилей, свистками поездов, колокольным звоном церквей Сити. Звуки города раздавались и над рекой, словно она стала его эхокамерой.

Сейчас порой забывают о том, какой шумной в свое время была Темза в центре столицы. В прошлые столетия ночью ее было слышно на большинстве улиц внутри городских стен. Джордж Борроу в романе “Лавенгро” (1851) говорит о речной какофонии:

> …на мосту стояла дикая суета, которая едва не оглушила меня своим грохотом.

> Но если на мосту все бурлило, то под ним все бурлило вдесятеро сильнее… Поистине устрашающим был рев водных потоков, устремлявшихся в колоссальные жерла пролетов, которые заглатывали пенную воду, чтобы с жуткой силой извергнуть ее с другой стороны.

Река ревела и грохотала, как ревел и грохотал обступивший ее город. Впрочем, примерно в те же годы Генри Мейхью в “Тружениках и бедняках Лондона” услыхал в симфонии Темзы несколько более человечные звуки. “Четыре склянки” судов смешивались с “дальним звоном колокольчика у торговца пивом вразнос”; слышались также “лязг отпущенной цепи”, “согласное пение множества матросов, налегающих на канаты” и “хриплый голос мужчины на берегу, сложившего ладони рупором и пытающегося докричаться до кого-то на реке”. Темза могла реветь “устрашающе”, но люди, которые жили и трудились на ней, вносили в совокупность речных звуков более домашнее начало.

Запахи реки в XIX и XX веках были многообразны: имя им — легион. Иные дожили до наших дней. Сильный, резкий запах издавал берего-

вой ил, обнажавшийся во время отлива. Далее — запах дыма или, точнее, смешанных с дымом испарений, которые плыли от порта вверх по реке. У того, кому по нутру все то разнообразное, что произведено человеком, такой запах отвращения не вызывает: он передает ощущение энергии и труда, и вместе с тем в нем чувствуется приятная меланхолия берегового костра. Лондонцев, возвращавшихся в город по Лондонскому или Вестминстерскому мосту, приветствовал знакомый дымный аромат. Был и запах дегтя, неразрывно связанный с корабельным миром; его почувствовал, переехав в Челси, Томас Карлейль. Вблизи доков к нему примешивался запах пеньковых канатов. И не забудем о вездесущем духе пива (или, лучше сказать, ячменя, солода и хмеля), распространявшемся от огромных береговых пивоварен. Этот запах и ныне ощущается в Уондсворте, как и призрачные веяния иных ушедших в прошлое пахучих производств, средоточием которых был Саутуорк на южном берегу.

Берег Темзы, прилегавший к докам, был берегом множества запахов. Резкий дух табака сменялся усыпляющим ароматом рома; на некоторых участках в воздухе стояла вонь обрабатываемых шкур или рога, а в других местах, наоборот, при-

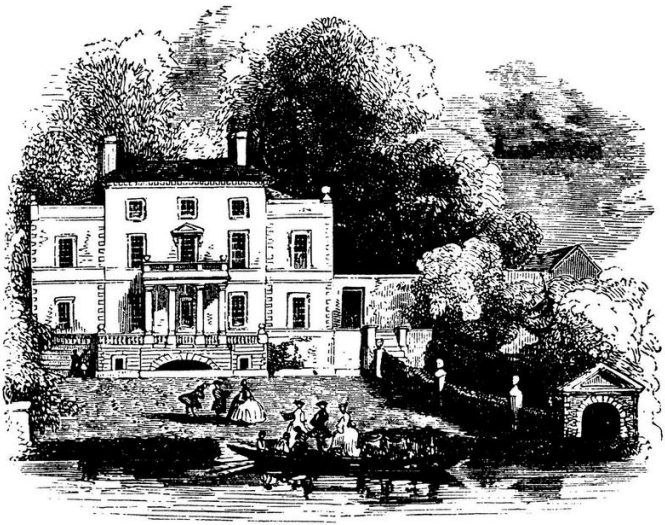
ятно пахло кофе, мускатным орехом, корицей. Над бывшей Коричной пристанью (Синнамон-уорф), где ныне высятся жилые дома, кое-где, кажется, еще витают призраки былого аромата. От Суррейских коммерческих доков тянуло древесиной хвойных пород, от складов близ улицы Шад-Темз — собачьим печеньем и померанцами. В северной части полуострова Айл-оф-Догс пахло сахаром, в южной — финиками и чаем. Хватало и разнообразных алкогольных паров — хереса, портвейна, бренди; щекотали обоняние запахи пакли и шерсти.

Верховья Темзы, напротив, напоены первозданным ароматом творения. От берегов там исходит запах луговых трав. Заливные луга пахнут по-особому — чем-то влажным, насыщенным, пьянящим. Можно ощутить аромат тростникового аира и более резкий запах ивовой коры.

А есть ли у реки собственный запах? Если да, то этот запах очень древний. Вода как таковая не пахнет ничем, но все ассоциации и связи, которыми богата Темза, придают ей некий неповторимый аромат. Она пахнет стариной. Она пахнет илом, травой и чем-то позабытым. Она пахнет плесенью и грибком. Она пахнет гниющим деревом. Она пахнет машинным маслом.

Она пахнет металлом. Иногда это острый, резкий запах. А иногда — освежающий. Она пахнет ветром и дождем. Она пахнет грозами. В некоторых местах она пахнет морем. Она пахнет Всем. Она пахнет Ничем.

XII
Река искусств



Вилла Александра Поупа в Твикнеме

Глава 37
Речное художество

С древних времен художники шли к реке. Имеется гравюра XV века, показывающая Темзу близ Тауэра с Лондонским мостом на заднем плане; это вообще одно из самых ранних графических изображений Лондона, и многие из тех, кто рисовал приречный город впоследствии, взяли за основу этот образ неспокойной воды, по которой плывут суда всех размеров. Не может быть Лондона без Темзы, и если художник желал запечатлеть столицу, он делал реку главным элементом своего произведения. В 1558 году Антони ван ден Вингерде создал панораму Лондона, обозреваемого с южного берега; на ней представлен город от реки Флит до Лондонского моста, но, пожалуй, еще более важно, что северный и южный берега Темзы соединены на панораме различными линиями гармонии. Город словно бы течет вместе с Темзой. Мы видим лодочников и рыбаков, видим путешественников, ожидающих судна у Старгейтского перевоза. “Карта Брауна и Хогенберга”, выполненная в 1560-е годы, показывает “репре-

зентативную" группу лондонцев эпохи Тюдоров, глядящих на Темзу сверху вниз; лодки движутся по реке естественным строем, в то время как линии улиц опять-таки воспроизводят течение реки. Это был наилучший способ передать речную натуру города.

Имеется гравюра на дереве Абрахама Зауэра, датированная 1608 годом, где тоже доминирует река: трехмачтовый галеон движется вверх по течению к Лондонскому мосту, сопровождаемый множеством более мелких судов. В 1616 году Николас Висхер изобразил вид Лондона из Саутуорка. Вновь Темза взята художником за основу композиции. По существу нет ни одного вида Лондона, ни одной его панорамы, где пальма первенства не принадлежала бы Темзе. Самая знаменитая из этих панорам, созданная в середине XVII века Вацлавом Холларом, представляет реку центром деятельности и энергии. Темза здесь — грандиозная лента света, придающая гравюре композиционное единство, наделяющая изображенный на ней город энергией и монументальностью.

В XVIII столетии река вдохновляла столь различных художников, как Ричард Уилсон и Уильям Марлоу. Уилсон изобразил Темзу близ Ричмонда

и Твикнема, где собирались поэты, но, помимо этого, он создал вид Вестминстерского моста в ходе строительства. На его полотнах возникает идеализированная река, соответствующая по духу пасторальной поэзии того времени. Его можно назвать главным художником “Лондонской школы”, которую следовало бы переименовать в “Школу Темзы”. Кроме него, в нее входили такие живописцы, как Сэмюэл Скотт и упомянутый Марлоу. Знаменитая картина Скотта “Устье Флита” привносит все принципы гармонии и элегантности туда, где в действительности царили грязь и суета. Лодки и барки, чьи паруса отражаются в тронутой рябью воде, образуют стройную композицию; торговля присутствует лишь намеком — в тюках шерсти, которые везут на барке вниз по реке, — а в целом на полотне господствует атмосфера умиротворенной радости. Это река сэра Ричарда Стила, восторженно писавшего в 1712 году в журнале “Спектейтор” о достоинствах торговой Темзы, у которой “оба берега густо заселены и облагорожены полями и садами не хуже, чем где бы то ни было на свете; но и сама Темза, неся по своим волнам произведенное на том и другом берегу, вносит в красоту пейзажа изрядную лепту”.

На Марлоу и Скотта ощутимо повлиял венецианский мастер Каналетто, который наделил Темзу светом и жизнью своего родного города. Живя в Лондоне, он немалую часть времени провел в доме герцога Ричмондского на Уайтхолле, и с этой точки он написал много видов реки. Он преобразил Темзу в светозарный символ элегантности и достоинства, в цивилизующую силу, сравнимую с Тибром и Сеной. Две картины, написанные в 1740-е годы, — "Вид Темзы с террасы Сомерсет-хауса, Вестминстер на отдалении" и "Вид Темзы с террасы Сомерсет-хауса, Сити на отдалении" — стали эмблемами покоя и ясности, величия и достоинства. Его взгляд был по преимуществу эстетическим, отметавшим не столь изящные торгово-промышленные элементы, и этот взгляд превосходно соответствовал таким явлениям пасторальной словесности, как "Виндзорский лес" Поупа (1713):

> *Нет в мире чище и светлее рек,*
>
> *Прекрасен тот, прекрасен этот брег...*[64]

Каналетто отчетливей, чем какой бы то ни было

---

[64] Примечания: 64
Перевод В. Микушевича.

другой художник, впечатал Темзу в воображение людей XVIII века. И его влияние чувствуется и ныне. Современный архитектор Тео Кросби пожелал воссоздать лондонские берега в соответствии с тем, что он назвал "осью Каналетто", идущей от террасы Сомерсет-хауса. Каналетто утвердил представление о Темзе как о реке цивилизованной, как о реке изящной, гармоничной и не лишенной величия. То была река, прирученная эстетикой.

Этот взгляд проявился в многочисленных изображениях "живописной Темзы", распространявшихся публикаторами альбомов и подписных изданий с такими названиями, как "Путешествия по Темзе" и "Виды Темзы". Во второй половине XVIII века вышло три весьма популярных собрания речных эстампов: "Коллекция пейзажей" Бойделла (1770), "Живописные виды реки Темзы" Айрленда (1792) и "История Темзы" Бойделла (1794–1796). Большей частью там были представлены виды реки к западу от Лондонского моста — на отрезке, в определенной мере преобразованном Реном и выигравшем от обновления, которое претерпел в XVIII веке Лондон как таковой.

"Живописные виды" Сэмюэла Айрленда, где очаровательные графические изображения со-

провождены благостным текстом, не имеющим особого литературного или исторического значения, вполне репрезентативны. Помимо этого, они способствовали появлению нового поколения английских путешественников, обративших взоры к Темзе в эпоху, когда “большой тур” по Европе стал невозможен. В 1790-е и с 1805 по 1815 год Европа была для английских путешественников почти недосягаема, и в эти годы на первый план выступили радости родных ландшафтов. Обозреть Темзу значило приобщиться к одной из сторон бурно развивающегося национального самосознания. Мода конца XVIII и начала XIX столетий на изображения Темзы была важнейшей составляющей сравнительно новой художественной тенденции — писать английскую природу. Темзу поэтому можно даже назвать предвестницей “натурализма” в английском искусстве.

Кого-кого, а Уильяма Хогарта трудно заподозрить в придании Темзе фальшивого очарования. Он чаще ассоциируется не с речным, а с городским миром, однако он жил в Чизике на берегу Темзы и был похоронен на тамошнем кладбище. Он изображал реку кокни, реку грубых выходок и жестоких наказаний. На одной его гравюре из цикла “Трудолюбие и лень” (1747) лодочник на

Темзе показывает ленивому ученику Тому Айдлу на уоппингский “док казней”, где висит в ожидании прилива труп скованного цепями пирата. В ответ Том глумливо показывает на то место на берегу, что называлось “мысом рогоносцев” (а ранее — “гаванью рогоносцев”).

Весьма типично для Хогарта с его любовью к шумной и разнузданной Темзе XVIII столетия, что однажды с четырьмя приятелями он отправился на лодочную прогулку от Биллингсгейта до Грейвзенда, которая выглядит как продолжительная попойка на речном воздухе. Плывя к устью на весельном катере с навесом, они пили, орали, обменивались шутками с лодочниками и распевали во всю глотку непристойные песни. Характернейшая для Темзы сцена! Томас Роулендсон представлял ту же традицию; прежде всего приходят на ум его изображения лодочников Темзы, подтверждающие общее мнение о них как о людях грубых и несдержанных.

Имя Констебла с Темзой обычно не связывают, но по крайней мере одно ее живописное изображение у него есть: вид реки в день открытия моста Ватерлоо (1817). Главным же художником реки остается Дж. М. У. Тернер, посвятивший немалую часть своего обширного наследия изоб-

ражению Темзы во всей ее многоликости — от умиротворенного покоя верховий до опасных вод эстуария. Трудно назвать участок реки, которого он не писал: у него есть и оксфордский мост Фоллибридж, и “лондонский пул”, и Ньюнем-Кортни, и Ламбет, и Абингдон, и Стейнз, и Виндзор, и Уоллингфорд. Мир реки целиком вошел в его поле зрения. Он работал на лодках и, живя в Ферри-хаусе в Айлворте, построил для этого свой собственный ялик. По выражению Джона Рескина, он понимал язык Темзы. Это был язык всей его художнической судьбы.

Тернер прожил около Темзы всю жизнь. Он родился в 1775 году на улице Мейден-лейн близ Стрэнда, откуда до берега было рукой подать. В “Современных художниках” (1843–1860) Рескин описывает его юность: “…почерневшие барки, заплатанные паруса и всевозможные виды тумана… Леса мачт, корабли с освещенными солнцем парусами, краснолицые, курящие трубки матросы у бортов”. С раннего возраста Тернер понимал жизнь людей, работавших на реке и около нее. Вот почему, изображая тружеников Темзы и крестьян на ее берегах, он достигал глубокой гармонии между человеческими фигурами и речным пейзажем. Уже в ранних этюдах он выяв-

ляет контрасты реки и ее эгалитаристский нрав, сводя воедино особняки и гидротехнические сооружения, яхты и угольные баржи, “серебро” Темзы и ее копоть.

Он и умер на берегу реки, в Челси, а на протяжении жизни перемещался между Брентфордом и Айлвортом, Твикнемом и Чизиком. Торнбери, его первый биограф, писал, что “около Темзы Тернер впервые обратился к искусству, и около нее он скончался”. И действительно самой ранней его выставленной работой, которая была показана в 1790 году в Королевской академии, стал вид прибрежного Ламбетского дворца. В последние дни жизни он любил на рассвете и в сумерки сидеть на плоской крыше своего дома в Челси и смотреть на Темзу. Вид на восток он называл “голландским”, на запад — “английским”.

Он любил реку и, что еще более важно, нуждался в ней. Она была для него зрительной средой и источником вдохновения. Тернера завораживала движущаяся вода и отражения в ней; он навеки запечатлел на своих холстах бесконечное световое разнообразие реки на всем ее протяжении. Светоносность его работ отмечали многократно, и похоже на то, что ранние впечатления от реки помогли формированию его взрослой вос-

приимчивости. Больше всего интересовал его закат солнца — золотой час перед наступлением сумерек.

Его акварельные изображения Темзы выглядят так, будто свет реки напитал их, будто вода омыла бумагу и оставила на ней свое сияние. Ему удалось выразить и текучесть, мимолетность речного мгновения: вот облако набежало на солнце, вот зашелестело под ветром дерево. В потоке природного мира — в мазках тернеровской кисти — воспроизводится течение реки. Так Темза становится объединяющей силой, которая связывает художника с ландшафтом. В некоторых его эскизах нет ничего, кроме реки, сияющей с бумажного листа во всей своей безмятежности и чистоте. Тернер, как было однажды сказано, пережил “второе крещение” в водах Темзы, крещение художника, и своими эскизами он действительно дает почувствовать старинную связь между рекой и духовной благодатью.

Его картины маслом более торжественны, более величественны; к примеру, “Англия: Ричмонд-хилл в день рождения принца-регента” представляет реку как символ национальной гармонии, мира и изобилия. Благодаря общению с Темзой он приобрел чувство истории; у него

была натура антиквара, неравнодушного к развалинам и древним камням, и само присутствие реки рождало у него образы прошедших эпох. Темза говорила ему о старине; вот почему он изображал Дидону и Энея на ее берегах. Иногда он даже называет Темзу Исидой в знак почтения к богине древности. Но он мог устремить взгляд и в более далекое прошлое. В некоторых его эскизах река словно бы возвращается к доисторическим временам с их болотами и могучими деревьями.

Итак, у него было глубокое, инстинктивное ощущение реки. Помещая подле Темзы нимф, он интуитивно выявлял один из ее архетипов: с водой всегда были связаны подобные божества или духи-хранители, почитавшиеся греками, римлянами и другими народами. Его карандашом и кистью водили как природные, так и мифологические силы Темзы; он был способен заглядывать в самую суть явлений. У реки его посещали мечты и видения.

Уильям Этти большую часть своей жизни, которая пришлась на первую половину XIX века, прожил в доме с видом на Темзу на углу Букингем-стрит, и одна из самых известных его картин — вид на Темзу из Челси. Будучи в Италии, он признавался, что с трудом выносит разлуку со

“старым отцом Темзом”. Он испытывал обычную для береговых жителей тягу к своей реке. “Мне нравится смотреть на ее приливы и отливы, — сказал он однажды. — Тут есть сходство с жизнью, не лишенное поучительности”. Не лучше ли сказать, что это — сама жизнь? Темзу писали и многие другие художники XIX века: Коллинз, Колкотт, Стэнфилд и целый отряд маринистов, избравших в качестве “натуры” скопления больших и малых судов у Лондонского моста и в его окрестностях.

Были среди художников и такие, которые, может быть, и не писали Темзу, но стремились жить на ее берегу. Зоффани обитал близ Кью и, как считается, использовал рыбаков Темзы в качестве моделей для апостолов на своей “Тайной Вечере”. Кнеллер в старости поселился в Твикнеме, Холман Хант провел последние годы жизни в прибрежной деревушке Соннинг. Решение провести преклонные годы и окончить существование у вечно текущей реки представляется в высшей степени уместным. Томас Гейнсборо никогда не жил около Темзы, но завещал похоронить его в прибрежном городке Кью.

Все прерафаэлиты — в том числе Данте Габриэль Россетти, Джон Милле, Эдвард Берн-Джонс —

какую-то часть своей творческой жизни провели у Темзы. Но из этого поколения только Джеймса Макнила Уистлера можно считать подлинным речным художником. В своих “Ноктюрнах” он набросил на лондонские воды тревожный сумеречный покров. Его Темза — река тайны, та самая река, что колдовски завораживала романистов XIX и начала XX века. Это река как сновидение, за которой встает весь смутно-мерцающий город. Напротив, в офортах, изображающих суетливые берега Темзы, он смотрит на них с чрезвычайно низкой точки: либо стоит у самой воды, либо сидит в лодке, окруженный трудовой, торговой Темзой с ее грязью, с ее резкими запахами. Здесь река — это береговой ил, доски, тюки и то, что Шарль Бодлер назвал “чудесной мешаниной снастей, рей и канатов”. Уистлер действительно был вдохновлен бодлеровским призывом создать “новое искусство реки”, составляющее часть городского искусства. Бодлер имел в виду Сену, но для Уистлера образцом городской реки была Темза.

Он много лет, меняя адреса, прожил около нее в Челси; по приезде в Англию он обитал среди матросов и докеров Ротерхайта и Уоппинга. Он рисовал местных портовых грузчиков и прости-

туток — сотворил, можно сказать, целый речной мир, совершенно отдельный от городского мира XIX века. Река изменила его стиль, заставив перейти от реализма серии офортов “Темза” (1860-е) к эстетизму “Ноктюрнов” (1870-е). Писали, что, работая над последними, он выбирал посреди реки точку, которую считал подходящей, затем созерцал из лодки водный пейзаж, запоминал его, после чего возвращался в мастерскую и приступал к делу. Показательно, что его похоронили на том же прибрежном кладбище в Чизике, что и Уильяма Хогарта.

Темзу как таковую могли назвать произведением искусства. Немецкий путешественник XVIII века Карл Филипп Мориц счел ее берега “восхитительными”; “волшебную красоту” речному пейзажу придавала “композиционная соразмерность всего и вся, благодаря коей создается мирный, спокойный вид. Нет ни единого места, на коем взор не желал бы любовно остановиться”. Уильям Кумб в своей “Истории реки Темзы” (1794–1796) писал, что холмы около нее “не вздымаются к облакам, но мягко снижаются к пастбищам или же сменяют друг друга, творя приятную перспективу… и прелестную тень”. Местность между Гринвичем и Вулиджем изобилует “крутыми

холмами". Путеводители XIX века рекомендовали гуляющим вдоль Темзы становиться в определенных местах, чтобы им открывался наиболее впечатляющий вид — например, чтобы шлюз гармонировал с плотиной. Деревушки на Темзе тоже славились своей "живописностью". Многие профессиональные художники неплохо зарабатывали на жизнь, специализируясь на "видах Темзы", и было, разумеется, великое множество художников-любителей, проводивших выходные дни на берегу с карандашом или кистью в руке. Некоторые места — такие, как Шиплейкский шлюз, — изображались без конца; Шиплейк, по словам одного из ранних фотографов Темзы Генри Тонта, "обладал всеми необходимыми для картины композиционными качествами". Есть все основания считать, что Темзу писали и рисовали чаще, чем любую другую реку на свете.

Начиная с XIX века Темзу бессчетное количество раз "щелкали" профессиональные фотографы. Вода на фотоснимке лишь отдаленно напоминает воду: текучую стихию нельзя "заморозить" во времени, ибо тогда она, конечно же, утрачивает свою внутреннюю сущность. Отражения в воде, напротив, выигрывают от фотографирования: неподвижность поддерживает, укрепляет их.

Одно из настроений, часто вызываемых рекой, — меланхолия, тоска по утраченному, и поэтому неудивительно, что многие фотоальбомы Темзы имеют такие элегические названия, как "Забытая Темза", "Лондонские берега, которых больше нет" или — с большей долей оптимизма — "Лондонские берега, утраченные и обретенные". До сих пор немалый интерес вызывают снимки реки викторианских времен: давно разобранные деревянные шлюзы, группы охотников в лодках, старые плотины, разрушенные больше века назад мельницы. Конечно, Темзу тогда использовали гораздо интенсивнее, чем сейчас, на ней было намного больше судов — и тем не менее фотографии позволяют испытать острую радость преемственности. Вид многих участков остался в точности таким же, и лучше всего это демонстрируют фотоснимки старинных мостов в верхнем течении Темзы.

Речные берега, помимо прочего, сравнивали с театральной сценой, и некоторые пейзажи Темзы в Абингдоне и Ньюнеме уподобляли декорациям начала XX века. Как писал Чарльз Харпер в "Деревнях долины Темзы" (1910), береговой вид порой "до невозможности живописен": кажется, что за ним — театральный задник. Присущее

реке эстетическое начало может, таким образом, в какой-то мере сделать ее безжизненной.

Перечень изображавших Темзу художников XX столетия поистине бесконечен — от Моне и Кокошки до Пасмора. Иные современные живописцы только ее и пишут. Уолтер Гривз, художник Темзы конца XIX века, признался: “У меня и в мыслях не было, что я стану художником. Это река меня заставила им сделаться”. Пола Нэша завораживали — чтобы не сказать преследовали — два холма подле Темзы, которые носят название Уитнем-Клампс. Он писал: “Эти холмы все время, сколько я их помню, что-то для меня значат. Я чувствовал их важность задолго до того, как узнал их историю… Это были пирамиды моего маленького мирка”. Впервые он изобразил их в 1912 году и затем не раз к ним возвращался. Они возникают на таких его картинах, как “Пейзаж в день летнего солнцестояния”, “Пейзаж в день весеннего равноденствия” и “Пейзаж в последнюю фазу луны”. Он называл прибрежный район близ Уитнема “красивым легендарным краем, где живут давно позабытые древние божества”, и испытывал там “зачарованность, навеянную Паном”.

Но из всех художников XX века наиболее тесно

был связан с Темзой Стэнли Спенсер. Постоянным предметом изображения для него в течение многих лет был Кукем — прибрежная деревушка между Марлоу и Кливденом. Церковь Пресвятой Троицы была построена здесь в 1140 году на саксонском фундаменте, трактир "Колокол и дракон" открылся в начале XV века. Деревянный мост построили в 1840 году, но уже в 1867 году заменили железным. Спенсер с юных лет настолько сроднился с этим местом, что его студенческим прозвищем, когда он учился в Слейдовской школе изобразительного искусства, было "Кукем". Повторив выражение Уильяма Морриса, другого художника реки, он назвал свои родные места "земным раем". Темза стала для него символом Эдема, напоминанием о мировых "первореках".

Спенсер, кроме того, был одним из тех художников Темзы, кого отличал глубокий эгалитаризм — не социалистическое мировоззрение Уильяма Морриса и не боевитость бесцеремонного кокни, свойственная Тернеру, а то, что можно назвать духовным демократизмом смиренной души. Он почти по-блейковски благоговел перед человеческим телом и понимал святость Божьего творения. И это — опять-таки благодаря реке. Вспоминая детство, Спенсер писал: "…мы

плаваем и смотрим на берег сквозь камыши. Я плыву прямо по солнечной дорожке. Иду домой завтракать с мыслью о прекрасной полноте дня. Утро благословляет меня, и я хожу под этим благословением". Упоминание о солнечной дорожке приводит на ум поглощенность Спенсера-художника природой солнечного света; некоторые его полотна, подобно картинам Тернера, насыщены его святостью. Река излучает свет и как материальная, и как духовная сила. Свет дарует природному миру плодородие и форму; но он, кроме того, символизирует постижение. Река есть свет — это текучий свет. Для Спенсера, как для Тернера и других речных художников, в свете Темзы — сияние вечности.

Погружаясь в реку, плывя по солнечной дорожке, Спенсер испытывал пробуждающееся чувство священного. Об этом художнике верно было сказано, что в своих картинах и суждениях он обращается к неким языческим истокам христианской веры. Но что могло способствовать этому лучше, чем река, пестовавшая как дохристианские, так и христианские обряды? Он писал Эдварду Маршу, купившему его картину "Кукем, 1914", что понимает "новое и личное значение английского начала в Англии"; ощущение это

пробудила в нем жизнь у Темзы.

Спенсер вновь и вновь обращался к своим детским речным впечатлениям. Картине “Подъем лебедей в Кукеме”, изображающей старинный речной обычай, присуще ясновидение и ослепительная яркость воспоминания детства. Спенсер сказал об этой своей работе: “Думая о людях, находившихся на берегу в эту минуту, я испытывал какое-то церковное благоговение”. Так Темза становится храмом. Ее статус священного места подтверждают такие картины Спенсера, как неоконченное полотно “Христос проповедует на Кукемской регате” и “Крещение”, где Иоанн крестит Христа в Темзе. На одном из его ранних рисунков изображена фея, сидящая на листе кувшинки на Темзе, причем, согласно воспоминаниям его сестры, берег который он нарисовал, — тот самый, где Спенсеры играли в детстве. Образы, воспринятые в ранние годы, получали воплощение.

На картине “Воскресение на кладбище в Кукеме” Темза возникает в левом верхнем углу как полоса света — как “золотой брусок”, если вспомнить выражение Уильяма Блейка, — по которой движется на паровом катере к рассветному солнцу группа отдыхающих. Об этих пассажирах

Спенсер говорит, что для них “небесная кульминация — в освещенных солнцем заболоченных лугах за излучиной реки”. Это очень похоже на его детское воспоминание о том, как он плыл по солнечной дорожке, и хорошо видно, как сильно повлиял на взрослое художническое зрение Спенсера его непосредственный опыт общения с Темзой. Итак, какова же природа его работ? Он соединяет в них экстравагантность сновидения с изобразительной бесхитростностью и ощущением бытия вне времени. Всеми этими качествами его картины обязаны реке. Художник Исаак Розенберг написал однажды о Спенсере, что “от его полотен исходит то переживание вечности, то ощущение безначальности и бесконечности, какое рождают в нас все шедевры”. То же самое Розенберг мог бы сказать и о реке, не имеющей ни начала, ни конца; сходство показывает, что Темза для Спенсера — это и художественная форма, и содержание.

Такие художники, как Гривз и Спенсер, связаны с рекой столь же тесно, как их предшественники XVII и XVIII столетий; если уж говорить о реке как об источнике преемственности, то в первую очередь это преемственность вдохновения. Во всех своих проявлениях это одна и та же река с явно

неизменными берегами и неизменными масштабами; однако ее проявления столь многообразны, что, как Протей, она бесконечно меняет облик, сохраняя сущность. Художник словно бы увидел в движущейся воде Темзы отражение истины.

Глава 38
Речная словесность

Литература реки необъятна. Часть этой литературы ветрена и прихотлива, часть мудра и глубокомысленна. Темзой навеяны многие книги, явно или неявно предназначенные детям. Так река в очередной раз проявляет свою связь с невинностью. Река побуждает писать книги-сновидения. Она также поощряет к сочинению историй об отплытии и расставании. И, конечно же, она неравнодушна к темам времени и судьбы. У речных прозаиков заметна склонность временами в ходе повествования переходить на стихи — как будто прозаический отклик для реки как таковой избыточен. Описания речных путешествий более насыщены событиями и истолкованиями, нежели требует спокойное физическое переживание Темзы. В определенном смысле она стала словесной рекой, без конца создаваемой и пересоздаваемой писателями, которые по ней плавали.

Авторы начала XX века часто использовали реку как повод для разговора о разрушительном

действии времени, об упадке былых ценностей — а между тем сам тот “современный” мир, от которого они с отвращением отшатывались, впоследствии стал благословенным прошлым, об утрате которого мы сожалеем. Так, во втором томе своих “Деревень долины Темзы” (1910) Чарльз Харпер с раздражением пишет о звуках современности, нарушающих покой мидлсекского берега, — о “руладах шарманки, криках разносчиков, скрежете трамвайных колес на поворотах”. Кто из нас в XXI веке не был бы рад все это услышать? Вздохи листвы под порывами ветра, прибрежный плеск волн — эти звуки одинаковы столетие за столетием. Но шумы, свойственные прошедшей эпохе, могут, по контрасту, глубоко волновать нас. Темза порой диковинно обращается со временем.

Речная проза — вещь чрезвычайно древняя. Самым ранним автором, который полностью посвятил свой труд этой теме, возможно, был Ктесий, придворный врач царя Артаксеркса Мемнона, писавший в начале IV века до н. э. Триста лет спустя появилось первое китайское исследование рек; в VI веке н. э. книга подверглась переработке и при этом неизмеримо выросла в объеме. Первые английские описания рек

датируются, однако, лишь XVI и началом XVII веков: это труды Лиланда, Камдена и Гаррисона. Отдельные упоминания о Темзе встречаются и у хронистов более ранних времен, таких, как Беда Достопочтенный и Гильдас, но серьезного, систематического рассказа о ней не было. Джона Лиланда можно назвать первым профессиональным путешественником; его “Путеводитель” стал образцом и источником вдохновения для современников. Весной 1542 года он совершил поездку по долине Темзы и оставил описания прибрежных городков Мейденхеда и Рединга, Фарингдона и Уоллингфорда. Его текст — это скорее пестрое собрание эпизодов, чем связное повествование, однако собранный им материал представляет огромный интерес для тех, кого интересует история Темзы:

> Перебравшись на другую сторону речки Борн, я через две-три мили приблизился к деревянному мосту через Темзу в Мейденхеде. Чуть выше моста на своем берегу Темзы я увидел высокий обрыв над рекой, поросший кустами. Я заключил, что в древности здесь стояло некое здание. У западного конца моста имеется большой

причал для леса и дров…

Лиланд может претендовать на то, чтобы считаться родоначальником современной английской историографии, но, помимо этого, он был первым английским автором речной поэмы (“Cygnea Cantio” — “Лебединая песня”, 1545). Он стремился сотворить реку, существующую одновременно на мифологическом, литературном и историческом уровнях. В поэме он в духе Гомера и Гесиода называет Темзу nympharum gloria prima — “славнейшей из нимф”. И поэтому включение им Темзы в свой “Путеводитель” — это больше, чем запись случайных наблюдений; после роспуска монастырей Лиланд стал придворным антикваром и историком Генриха VIII, и задачей его было сохранять фрагменты и свидетельства, связанные с тем, что уже сделалось “разрушенной историей”. Возможно, именно это в конце концов свело его с ума. Так или иначе, горячая любовь и почтение к Темзе как силе исторической и в то же время литературной побудили его придать громадное символическое значение самому факту ее существования и всему, что было на ее берегах. Исторический ландшафт — все разрушенные аббатства и церкви — он

воспринимал как нечто существующее, как то, из чего складывается лицо королевства. Темза стала для него свидетельницей прошлого, которому грозило полное уничтожение.

Это придает дополнительную силу и остроту прозаическим описаниям Темзы в его “Путеводителе”:

> Тремя милями выше Мейденхеда на беркширском берегу Темзы находится маленький Бишемский монастырь, а еще в миле вверх по течению – Херли, обитель Вестминстерского аббатства. На букингемширском берегу в двух милях выше Мейденхеда был женский монастырь в Литл-Марлоу… Одной милей выше Бишема на букингемширском берегу – Медменемская обитель аббатства Вуберн в Бедфордшире.

Бишемское аббатство было “распущено”; обитель в Херли закрыли; Маргарет Вернон, последняя настоятельница монастыря в Литл-Марлоу, умерла не позже начала 1540-х; аббатство Вуберн было в 1547 году пожаловано сэру Джону Расселу. Священные здания у Темзы либо разрушались, либо меняли назначение, либо подвергались

грабежу; Лиланд видел это и писал об этом. Источником преемственности оставалась лишь Темза.

Дело Лиланда, не оконченное из-за его душевной болезни, взяли на себя Джон Камден и Уильям Гаррисон. Гаррисон в “Историческом описании острова Британия” (1587) и Камден в “Британии” (1586) продолжили топографическую работу Лиланда, при этом их сочинения более подробны и масштабны. Одиннадцатая глава гаррисоновского труда озаглавлена так: “Описание Темзы и рек, впадающих в оную”. Гаррисон пишет: “Я по необходимости должен довольствоваться сведениями, которые либо получил из собственного опыта, либо — в некоторых случаях — извлек из сочинений иных авторов”. Его рассказ заметно более сдержан, чем повествование Лиланда: он отказывается от мифов с их усложненностью ради простой радости наблюдений. Он отбрасывает как легенды, так и труды кабинетных топографов, подобных Полидору Вергилию. В основном он опирается на поэзию факта. К примеру, Гаррисон первым дает точное описание двойных приливов на Темзе. Он нередко вставляет мелкие подробности, как бы случайные и оттого очень убедительные: “Пикшу после больших наводнений берут под [Лондонским] мостом

руками, ибо она плавает у самой поверхности и ослеплена мутностью воды настолько, что не видит, куда движется". На Темзе, говорит он, "ежедневно можно было увидеть бесчисленное множество лебедей". Он приводит интересные цифры: на Темзе, по его словам, в любой момент находится две тысячи мелких судов, благодаря чему примерно три тысячи бедных лодочников зарабатывают на жизнь. Он — первый аккуратный хронист Темзы.

Камден в своей "Британии" соединяет пейзаж, в том числе береговой пейзаж, с историей в единое целое, причем стержнем этого единства служит Темза. Его рассказ изобилует яркими историческими деталями; если у Лиланда мы видим едва скрываемое смятение, вызванное разрухой, то Камден наполняет свой труд отсылками, внушающими мысль, что прошлое по-прежнему заключено внутри очертаний настоящего. Так, он говорит, что "ежели пересечь реку и вернуться к истоку Темзы и устью Северна, мы попадем в страну ДОБУННОВ, которые некогда населяли нынешние графства Глостершир и Оксфордшир". Он отождествляет реку с далеким прошлым Англии. Темза для него — не только элемент английской топографии, но и в такой же мере источник исто-

рического порядка.

Невозможно адекватно цитировать из повествования столь плотного и конкретного, стремительно переходящего от древних племен, которые населяли ту или иную область, ко временам Генриха V или Эдуарда III, от происхождения названий городов к качеству местных пастбищ. Это не столько топографическое сочинение, сколько энциклопедия, компендиум и антология, но одна тема прослеживается у Камдена очень ясно: Темза — великая объединяющая сила, которая охватывает, сцепляет и гармонизирует все.

Река, кроме того, упорядочивает повествование: воскрешая события, произошедшие на ее берегах, Камден движется вдоль ее русла от графства к графству. Темза ведет его вперед, побуждая к торжественному красноречию. Подобно многим другим речным авторам, Камден вставляет в прозаическое повествование стихи, и в один из разделов он включил поэму, озаглавленную De Connubio Thamae et Isis — “О бракосочетании Тейма и Айсис”. В этой поэме муза Камдена перемещается из Рединга в Виндзор, из Ричмонда в Кент, из Глостера в Оксфорд. Топографической точности здесь нет, но есть точность воображения, возникающая благодаря пониманию

Камденом как движения и развития в природном мире, так и исторических перемен. То, что и Лиланд и Камден, стремясь выявить и передать значение реки, перемежают прозу стихами, само по себе знаменательно: в их творениях поэзия зримых картин органически соединяется с прозой истории, и реке хватает полноты и жизненной силы, чтобы сочетать в себе оба начала. Река образов и река истории — это одна и та же река, текущая сквозь их книги.

Из своего тюремного окна в Тауэре сэр Уолтер Рэли мог видеть Темзу вплоть до причала Блэкфрайерз. Получив приговор в 1603 году, он двенадцать лет провел в тесной вынужденной близости с рекой и за это время написал “Историю мира” (1614), в которой идея реки играет центральную роль. В начале его трактата четыре реки Рая служат метафорой разобщенности, отпадения от эдемского истока; однако текучая вода — это также символ исторической судьбы или того, что позднее стали называть исторической необходимостью. Стремительно несущаяся вода символизирует рок. Развитие человечества Рэли в своем трактате уподобляет течению реки. Нимрод велит своим людям “у реки искать друг у друга помощи и предоставлять оную”. Первые

города были построены на берегах рек: “Ниневия, Харран, Ресеф, Хане, Ур Халдейский и все прочие древнейшие города были основаны у судоходных рек или их притоков”. Позднейшие исследования доказали верность этого утверждения, которое он сделал благодаря глубокой интуиции. Ной, переживший Потоп, стал архетипом человека, который “безопасно обитает у вод”. Река, таким образом, оказывается в центре человеческой истории, и можно заметить, что Ной в своем ковчеге напоминает Уолтера Рэли, глядящего из окна камеры на воды Темзы. В восьми томах он дошел только до 130 года до н. э., но его труд дает отчетливое представление об истории как потоке.

Елизавета I дала ему прозвище Вода (Water), убрав в его имени Walter одну букву. Живя в Дарем-хаусе на берегу Темзы, он грезил о реках богатой золотом Америки. Темза могла соединяться в его мечтах с Ориноко. Темза XVI века давала Уолтеру Рэли образ человеческой судьбы и современного существования. Это была река монархов, путешественников, исследователей и купцов. Образ реки как столбовой дороги жизни глубоко впечатался в его воображение. Но однажды он испытал на себе иронию судьбы. Река

повлияла на историю жизни самого Рэли особым образом. В 1618 году после периода домашнего ареста, которому он был подвергнут вследствие неудачи экспедиции за золотом Ориноко, он попытался бежать и поплыл от Тауэрского дока вниз по реке к открытому морю. Однако либо он, либо его матросы не рассчитали силу прилива; они добрались только до Грейвзенда, вернулись в Гринвич и там были схвачены. Его план расстроила сама Темза.

Приходит на ум много разрозненных литературных ассоциаций с Темзой. В доме у реки на Парсонс-грин жил Сэмюэл Ричардсон; Филдинг написал "Тома Джонса" в Твикнеме на улице Холли-роуд у Темзы; Фрэнсис Бэкон в 1593 году жил в Твикнем-парке. Р. Д. Блэкмор написал "Лорну Дун" в Теддингтоне, Гей сочинил "Оперу нищего" в Хеме. Эдуард Гиббон родился у реки в Патни; он ходил в школу в Патни и в Кингстон-Апон-Темзе.

Многие персонажи художественных произведений — в том числе отверженные, такие, как Мэгвич из "Больших надежд" Диккенса и доктор Фу Манчу из романов Сакса Ромера, — также обитали и добывали себе хлеб насущный подле реки. В 1929 году Сакс Ромер писал о Фу Манчу, что Темза была "его магистралью, его линией

коммуникации, по которой он перемещал свои таинственные силы… Он всегда устраивал штаб-квартиру на берегу реки". Стоит вспомнить, что некоторые эпизоды романа ужасов Брэма Стокера "Дракула" (1897) происходят в районе устья Темзы. Дракула переправляется здесь через реку по пути в Бермондси после того, как его не пустили в его дом в Перфлите. Ему необходимо было попасть на паром во время отлива, незадолго до часу ночи, ибо вампир "мог пересекать проточную воду лишь в такой момент прилива или отлива, когда течение замирает". Пристань в Перфлите недалеко от отеля "Ройял" существовала до недавнего времени.

Описываемый Стокером пейзаж близ устья Темзы становится фоном для появления "не-мертвой" нежити: "…великолепная дымная красота заката над Лондоном, пылающий багрянец, чернильные тени и все великолепные оттенки, возникающие на грязных облаках и грязной воде". Джонатан Харкер нашел для графа дом в Перфлите у окольной дороги, обнесенный "высокой стеной старинной постройки из массивных камней"; вокруг дома много деревьев, здесь же — "глубокий темный пруд или, вернее, озерцо, видимо, питающееся подземными ключами". Это

— пейзаж эстуария.

К XIX веку принадлежит целый ряд величайших авторов, писавших о Темзе. Мы воздержимся, пожалуй, от того, чтобы отнести к их числу Пирса Игана, хотя его “Паломники Темзы” (1839) были при жизни автора чрезвычайно популярны; здесь проза чередуется со стихами, что, как мы видели, весьма типично для литературы, посвященной Темзе. Произведение выдержано в бодром и “плутовском” фирменном стиле Игана, идеально соответствовавшем вкусу публики начала XIX века, для которой “Старый Отец Темз и его ближайший сосед Океан соединяют в себе все, что может порадовать и привлечь даже самого бесстрастного из наблюдателей; но для кокни — или, если вам это словцо не нравится, для уроженца Лондона — они служат источником несказанного удовольствия”.

Но, если мы хотим услышать подлинную музыку XIX столетия, нам следует обратиться к Чарльзу Диккенсу — к великому символическому прозаику того времени. Для Диккенса Темза была прежде всего рекой слез и мрака. В своих ранних журналистских очерках, подражая стилю популярных городских авторов, подобных Пирсу Игану, он описывал пароходные экскурсии по

Темзе и прочие речные удовольствия. Но истинное его ощущение реки было глубже и темней любого напускного оптимизма. На берегу Темзы он расстался с надеждой. В двенадцать лет ему пришлось поступить работать на фабрику Уоррена по производству ваксы (Хангерфорд-стэрз, 30). С полным правом можно сказать, что впоследствии его воображению не давало покоя это “шаткое, полуразрушенное старое здание, стоявшее, конечно же, у самой реки”, как он сам позднее описал его в мемуарах. В “Николасе Никльби” (1839) оно превратилось в гниющий дом у пристани на Темзе, в “Лавке древностей” (1841) — в “подточенный крысами” летний домик на ее берегу, в “Оливере Твисте” (1838) — в логово Билла Сайкса на острове Джекоба близ Бермондси.

Темза течет сквозь прозу Диккенса точно так же, как она течет сквозь Лондон. Это река, которая “плещется в столбы и сваи и в железные причальные кольца, скрывая странные предметы в своем иле, унося тела самоубийц и утопленников быстрее, чем это было бы прилично для ночных похорон[65]… кажется такой широкой и огромной,

[65] Примечания: 65

“С инспектором Филдом — при отправлении службы”, перевод Н. Вольпин.

такой молчаливой и пасмурной, являет собою такое подобие смерти в самом средоточии жизни большого города[66]...” До Диккенса ни один из писателей не выражал с такой силой присущее реке тоскливое, мрачное начало. То была скрытная, дымная, туманная река, ночная река и потому — река тайн. В “Холодном доме” (1853) Темза “наводила ужас — она была такая мрачная и словно затаившаяся, так быстро ползла между низкими плоскими берегами, была так густо испещрена какими-то тенями и предметами с неясными, призрачными очертаниями, казалась такой мертвенной и таинственной”[67]. Широкая, темная и дикая, она несет где-то внутри себя тяжкий груз Лондона. В очерке 1860 года “Ночные прогулки”, где голос Диккенса звучит как заунывная песнь о городском мраке, он пишет, что ему чудилось, будто “сам необъятный Лондон своей тяжелой тенью навис над рекой”[68].

У Диккенса нет, кажется, ни одного романа, где не присутствовала бы Темза, где она бы не

---

[66] Примечания: 66
“С отливом вниз по реке”, перевод Н. Дарузес.

[67] Примечания: 67
Перевод М. Клягиной-Кондратьевой.

[68] Примечания: 68
Перевод Ю. Кагарлицкого.

несла бремя его навязчивых идей; при этом он очень хорошо понимал ее природу, и можно не сомневаться, что он всегда знал, в какой стадии прилива или отлива она находится. Это составляет важный аспект “Больших надежд” (1861). Он написал однажды, что его интересует “романтическая сторона обыденности”, однако его видение Темзы выходит за рамки романтических и мелодраматических представлений. Инстинктивно, благодаря неким косвенным воздействиям он обрел ощущение древней истории Темзы как могилы и жертвенного места.

В этом плане из всех его “речных” романов самое сильное действие оказывает “Наш общий друг” (1865), который начинается на Темзе между Саутуоркским и Лондонским мостами. По реке плывет “грязная и подозрительная с виду лодка”[69], где сидят старик Хэксем и его дочь Лиззи. Девушка гребет, а ее отец высматривает трупы утопленников. Лодка покрыта “илом и речной тиной”, вода Темзы темна, взгляд девушки выражает “страх и отвращение”. Это первобытная река, чуждая и враждебная человеческой жизни; примерно так Диккенс мог бы описывать Стикс

[69] Примечания: 69
Здесь и ниже — перевод В. Топер.

или Ахерон. В его очерке “Работный дом в Уоппинге” (1861) у реки возникает “склизкое существо, отдаленно напоминавшее лоснящегося от грязи молодого человека с опухшим землистым лицом. Оно могло сойти за младшего сына этой грязной старухи Темзы”[70]. Диккенс называет его “привидением”, и поистине этот человек чрезвычайно похож на извлеченный из Темзы труп утопленника. “Привидение” стало духом-хранителем реки или ее жрецом. Можно добавить, что “Наш общий друг” — это, помимо прочего, история воскресения человека, брошенного в речные воды. Иные пропадают в них навсегда; кое-кому удается выбраться. Представление Диккенса о реке значительно тем, что в нем старинный миф соединяется с городской действительностью, и благодаря этому древние силы, живущие в Темзе, получают зримое выражение в образах нечистой, миазматический реки XIX столетия.

Единственным последователем Диккенса в литературе XIX и начала XX веков был Джозеф Конрад, понимавший темную сторону Темзы. Много лет прослужив в торговом флоте, он очень близко знал реку с практической стороны, но при этом

---

[70] Примечания: 70
Перевод Ю. Кагарлицкого.

он видел в ней хранительницу древних тайн. Как сказал Марлоу в “Сердце тьмы” (1899), глядя на воды Темзы у Грейвзенда, “и здесь тоже был один из мрачных уголков земли”[71]. Темза бережет в себе эту память столетие за столетием. В сравнительно недавнем романе “Вниз по реке” (1991) Иэн Синклер описывает “деревянные обрубки, торчащие из ила. Развалины пристани. Отлив сменялся приливом; дамба, покрытая грязью и налипшим илом, тянулась в сторону Грейвзенда. Он часто с гордостью говорил, не утруждая себя доказательствами, что именно здесь схватили Мэгвича, сбежавшего из плавучей тюрьмы”. Для чуткого путешественника это место в устье Темзы изобилует образами-призраками, коварными и опасными, родившимися в воображении Конрада, Диккенса и всех тех, кому была ведома тьма Темзы.

В романе Конрада Марлоу и его спутник видят реку “не в ярком сиянии короткого дня, который загорается и угасает навеки, но в торжественном свете немеркнущих воспоминаний”. Над Грейвзендом “легла тень, а дальше, вглубь, тени сгущались в унылый сумрак”; мрак навис и над

[71] Примечания: 71

Здесь и ниже цитаты из “Сердца тьмы” даны в переводе А. Кравцовой, из “Зеркала морей” — в переводе М. Абкиной.

Лондоном, как эманация этого города, однако “даже туман над болотами Эссекса был похож на сияющую и тонкую ткань, которая, спускаясь с лесистых холмов, прозрачными складками драпировала низменные берега”.

В книге “Зеркало морей” (1906), содержащей “воспоминания и впечатления”, Конрад посвятил немало страниц описанию устья Темзы. Он чувствовал, что здесь царит “странная какая-то таинственность”, которую он связывал с насыщенностью этих мест историей; именно этот участок реки первым увидели римляне, приплывшие сюда на галерах, а до них — те, кто прежде всех явился на недавно отделившийся от Европейского континента необитаемый остров. На берегу эстуария Конрад увидел нефтяные цистерны “с куполообразными крышами”, напоминающие “хижины какого-нибудь среднеафриканского селения — вернее, модели таких хижин, отлитые из железа”. Здесь чувствуется связь с “Сердцем тьмы”, намек на сохранившиеся доныне первобытные качества Темзы. Марлоу в этом романе, рассуждая о тьме, тоже представляет себе римлян, впервые поднимающихся по неизведанной реке. Эти места для них — “край света… Море свинцовое, небо цвета дыма… Пес-

чаные отмели, болота, леса, дикари…” Он рисует речной пейзаж, вселяющий ужас, где римлянин “обречен жить в окружении, недоступном пониманию, что само по себе отвратительно. И есть в этом какое-то очарование, которое дает о себе знать. Чарующая сила в отвратительном. Представьте себе его нарастающее сожаление, желание бежать, беспомощное омерзение, отказ от борьбы, ненависть…” Чуждая человеку природа реки никогда не была выражена с большей силой. Здесь возникает река чуть ли не в дочеловеческие времена.

По мнению Конрада, из всех рек Британии, “кажется, одна только Темза дает пищу романтическому воображению”; в его время берега устья были по большей части пустынны, и людская деятельность не нарушала “впечатления таинственных просторов, создаваемого очертаниями берега”. Это переживание было тем более острым, что всего в сорока пяти милях оттуда находился крупнейший город на земле. Нечто подобное можно почувствовать и сейчас, плывя рано утром или на закате от Грейвзенда к открытому морю. В безбрежности устья движение многочисленных судов на реке кажется Конраду “незначительным”; ныне, когда это движение уменьшилось

почти до нуля, ощущение водной пустоты просто поразительно. Иной раз, особенно поздним вечером, возникает чувство, что судно, на котором ты плывешь, единственное на всей реке.

Другие хронисты — или жрецы — Темзы поздневикторианских и эдуардианских времен испытывали не столько ощущение ужаса перед диким краем, сколько ощущение волнующей тайны. Отчасти это, видимо, объясняется новой ролью, которую Темза стала играть в ту эпоху в сознании людей: торговая магистраль уступала место средству развлечения и отдыха в выходные дни. Во многом, однако, перемена настроения связана с тем, что Кеннет Грэм, Льюис Кэрролл и Джером К. Джером двигались вверх по реке, удаляясь от эстуария и "лондонского пула" с их мрачными ассоциациями.

Джером был по сути своей комическим автором, писавшим в стиле "Панча"; при этом, однако, вся его жизнь была связана с Темзой. В разные ее периоды он обитал у ее берегов: например, в 1860-е — на Нэрроу-стрит в Лаймхаусе, позднее — в новом многоквартирном доме в нескольких шагах от моста Баттерси. В мемуарах он так и написал: "Большую часть жизни я провел около реки", и, несомненно, он был одним из тех, кто

испытывал потребность находиться подле Темзы. Свой прах он попросил похоронить на кладбище в Юэлме — деревушке, расположенной недалеко от реки в Оксфордшире.

Его книга “Трое в одной лодке” (1889) была задумана как топографический и исторический путеводитель по Темзе, но, намеренно или нет, Джером превратил ее в шедевр юмористической литературы. Три путешественника садятся в лодку в Кингстоне, чтобы отправиться вверх по реке. Хотя в целом рассказ о плавании выдержан в комическом стиле, там, где Джером принимается размышлять об историческом прошлом и о духах реки, возникают элементы некоей “фуги сновидений”. В ненастную погоду дождь “роняет слезы, шепчет жалобно, по-вдовьи”, а деревья на берегу стоят, “словно призраки немые, призраки с печальным взором, призраки друзей забытых, — неживая, теневая, скорби полная река”. Некоторые ее участки заставляют автора мечтать “об исчезнувших лицах и образах”. Ноты печали, сожаления, смутной сентиментальной тоски по прошлому то и дело вторгаются в общую беззаботность повествования. Вот почему на протяжении всей книги ее взрослые персонажи ведут себя как дети.

Детство часто связывают с рекой. Водная нимфа Левкотея была также и покровительницей деторождения. В сказке Чарльза Кингсли “Водяные малыши” (1863) Темза становится постоянной игровой площадкой для детей. Рефреном служит стихотворная строка: “Тут играйте, тут купайтесь, мама и дитя”. На ранних фотографиях Темзы, особенно ее лондонских участков, очень часто у самой воды видны дети: играют, плещутся или ищут что-нибудь полезное. На панораме реки 1937 года, сделанной по заказу Управления Лондонского порта, фигуры детей видны у пристаней Ган-уорф и Игл-уорф, Фаундри-уорф и Сноудонз-уорф; около спуска к воде Уоппинг-Нью-стэрз можно различить крохотного “речного жаворонка”, занятого поисками в речном иле чего-нибудь ценного. Всюду, где был доступ к реке, скапливались дети. Играли они в прошлом и на увеселительном пляже у Тауэрского моста. Во время отлива в Саутуорке на участке реки Гэбриелз-рич и в наши дни обнажается песчаная полоса — там собирается детвора.

Но, разумеется, река таит в себе опасности. В начале XX века спуск к Темзе по большей части лестниц, которые в старину использовали лодочники, был детям запрещен из-за боязни, что

они могут утонуть в ее коварных водах. Над некоторыми лестницами и сегодня висят таблички: “Детям на этих ступенях играть воспрещается”. В Итонской школе бытовала легенда, что раз в три года в Темзе тонет ее ученик. Нередко в реку бросали детские трупы. Невинность и гибель невинности составляют часть повести Темзы.

Детство связано с наплывом непроизвольных воспоминаний. Вот почему река памяти — это также и река детства. У Льюиса Кэрролла, Джерома К. Джерома и Кеннета Грэма это река инфантилизма и возврата к детскому состоянию зачарованности. Говоря языком конца XIX столетия, река — это путь в сказочную страну. На ее берегах взрослые могут превращаться в детей. Темза становится матерью или нянюшкой, в чьих объятиях немолодому человеку могут сниться блаженные сны. И вот 4 июля 1862 года, в прохладный и довольно сырой день, когда Чарльз Латвидж Доджсон, катая трех маленьких дочек декана Лидделла на лодке, направлялся с ними вверх по Темзе от Оксфорда к Годстоу, он начал рассказывать им импровизированную историю о приключениях Алисы в подземном мире. Вместо обычных строгих черных брюк он, как влюбленный Пруфрок в стихотворении Т. С. Элиота, надел

белые фланелевые.

Робин Дакворт, его спутник в этой прогулке, который задавал темп гребле, в то время как Доджсон греб на носу лодки, вспоминал позднее: “История эта сочинялась на месте и рассказывалась Алисе Лидделл поверх моего плеча”. “Вы рассказываете эту сказку экспромтом?” — спросил Дакворт. “Да, — ответил Доджсон. — Я ее сочиняю по ходу дела”. Доджсон и девочки иногда устраивали пикник на островке Лок-Вудайленд, иногда — в прибрежном Ньюнемском парке. Алиса Лидделл объясняла впоследствии: “Большинство своих историй мистер Доджсон рассказывал нам во время лодочных прогулок в Ньюнем или Годстоу”. Там “мы перекусывали, а затем слушали сказки, которые переносили нас в волшебную страну”. Будь юная Алиса знакома с речной мифологией, она бы знала, что уже там находится.

И вот история начинается: “Алисе наскучило сидеть с сестрой без дела на берегу реки…”[72] В первоначальной версии “Алисы в стране чудес” — в рукописи, озаглавленной “Приключения Алисы под землей” (1864), — об источнике сказки

---

[72] Примечания: 72
Перевод Н. Демуровой.

говорится более прямо. По какой-то странной ассоциации пруд из Алисиных слез в первой главе становится Темзой — рекой, “поросшей вдоль берегов камышом и незабудками”. Совсем как Темза около Годстоу — так что мы можем говорить о реке слез.

В конце первоначальной версии Алисе видится Темза близ Оксфорда: “Она увидела старинный город, увидела спокойную реку, вьющуюся рядом с ним по равнине, а на реке увидела лодку, неторопливо скользящую вверх по течению, с веселой детской компанией на борту — она слышала звонкие голоса и смех, разносящиеся над водой как музыка…” Невозможно лучше выразить родство между рекой и невинностью, между рекой и чистотой. Но этот взгляд на реку окрашен также и грустью, чувством утраты: “Лодка медленно двигалась извилистым путем под яркими лучами летнего дня со своими веселыми пассажирами под музыку их возгласов и смеха, пока, миновав один из многих поворотов реки, она не скрылась из виду”. Упоминание о “старинном городе” готовит читателя к этому образу реки времени, времени ушедшего и времени уходящего, к мысли о том, что в сокровищнице детства таится элемент взрослой умудренности. Дети уплывают

от нас по реке.

Но Темза вместе с тем породила книги, погружаясь в которые, мы, по словам Вирджинии Вулф, просто обязаны стать детьми. На этой реке и сам Доджсон превращался в ребенка, о чем он часто мечтал: его вечное заикание пропадало, взрослая логика сменялась высшей алогичностью. “Приключения Алисы в стране чудес” (1865) и “Алиса в Зазеркалье” (1871) — это повести, полные мечтаний, видений и бессмыслицы. Очарование реки отчасти связано с надеждой избавиться с ее помощью от власти времени. Вспоминая ту речную прогулку, Доджсон впоследствии писал: “…безоблачная синева над головой, водное зеркало под нами, лодка лениво движется под звуки капель, падающих с весел…” Это — Темза как статическое равновесие, как райский миг, продолженный в вечность вдохновения. Некое особое свойство реки подмечает Уильям Моррис. Плывя по ней на лодке, он ощутил, как “все уменьшилось в масштабе, плесы укоротились, картины берегов сменяются стремительно, и возникает чувство, будто тебя куда-то несет, к чему-то странному, чувство приключения, которого я не испытывал в более обширных водах”. Чем это не описание случившегося с Алисой? Река творит особую

перспективу и своеобразие деталей, присущие сновидениям:

По речке, солнцем залитой,
На легкой лодке мы скользим.
Мерцает полдень золотой
Дрожащим маревом сквозным[73].

Такая же атмосфера сновидения и печали по утраченному наполняет книгу Кеннета Грэма “Ветер в ивах” (1908) — еще одно произведение, формально предназначенное детям, но ставшее любимым чтением многих взрослых. В частности, это была любимая книга художника Стэнли Спенсера. По странному совпадению, в детстве Грэма отправили жить к бабушке в Кукем на Темзе, где родился и много лет провел Спенсер. В шесть лет Кеннет исследовал тамошний речной берег, наблюдал за выдрами и другими существами, обитавшими подле реки. Его дядя, викарий кукемской церкви, катал его на лодке в Бишем и другие окрестные места на Темзе. Сорок лет спустя Грэм вернулся в Кукем с женой и сыном и, вдохновленный этим местом, стал рассказывать мальчику истории про Жабу и Барсука.

---

[73] Примечания: 73
Перевод Л. Яхнина.

Начавшись, подобно реке, с маленького ручейка, повесть крепла и разрасталась. После самоубийства сына Грэм покинул Кукем и перебрался на несколько миль выше по реке — в Пангборн, где и остался до конца жизни. После его смерти местные дети украсили приходскую церковь ветками ивы, собранными на речном берегу. На его могильном камне было высечено: “Светлой памяти Кеннета Грэма — супруга Элспет и отца Аластера. Он пересек Реку 6 июля 1932 года”. Грэм наверняка был согласен с панегириком реке, который в его книге произносит дядюшка Рэт: “Это мой мир, и я ничего другого себе не желаю. Чего она не может дать, того и желать нет никакого смысла, чего она не знает, того и знать не следует. Господи! Сколько прекрасных часов мы провели вместе!”[74]

Хотя в “Ветре в ивах” нет Алисы — “сказочного ребенка”, — там есть сказочные существа иного рода. При этом Крот и Барсук обитают среди узнаваемого речного пейзажа. Прообразом тюрьмы, куда попал Тоуд, послужило, как считают, старое льдохранилище в Бишемском лесу, а эдуардианский лодочный сарай в районе Борн-Энда,

---

[74] Примечания: 74
Здесь и ниже перевод И. Токмаковой.

говорят, превратился в лодочный сарай этого персонажа. Тоуд-холл, возможно, скопирован с водяной мельницы на Темзе близ Мейплдарема, возможно — с поместья Лаллбрук; Дремучий Лес в книге Грэма — это, безусловно, лес Куорри-вуд около Темзы в окрестностях Борн-Энда. Там, в этом лесу, некогда стоял, по словам Грэма, великий и могущественный город, выстроенный, чтобы “стоять вечно”. Но все его жители ушли, добровольно или вынужденно, и город постепенно уничтожили “сильные ветры и затяжные ливни”. Мы уже отмечали выше, что река если не прямо внушает, то поощряет подобные размышления об исчезнувших городах и цивилизациях. Словно бы культуры народов, некогда обитавших на ее берегах и создавших курсусы и курганы, оставили некий след в сознании человечества. Как пишет Грэм в первой главе своей книги, “река все продолжала рассказывать свои прекрасные переливчатые сказки, которые она несла из глубины земли к морю, самому ненасытному на свете слушателю сказок”. Грэм слышал зов священной Темзы.

Глава 39
Речная песнь

17 июля 1717 года с великой торжественностью Георг I и его свита отправились на королевской барке из Ламбета в Челси. Их сопровождала еще одна барка, на которой оркестр играл пьесу, сочиненную Генделем по особому заказу. Пьеса называлась “Музыка на воде” и, несомненно, стала самым знаменитым нотным произведением, связанным с Темзой. В каком-то смысле это музыка самой реки. Как писала 19 июля газета “Дейли курант”, музыка так понравилась королю, что он три раза приказывал ее играть по пути туда и обратно. В одиннадцать Его величество изволили сойти на берег в Челси, где был устроен ужин и дан еще один прекрасный музыкальный концерт, длившийся до двух; после чего Его величество вновь взошли на барку и вернулись тем же путем, причем музыка звучала до самого его прибытия.

Злые языки позднее утверждали, что подлинной целью музыки было заглушить брань гребцов, чьи эгалитаристские чувства освящала

речная традиция. Но нет — “Музыка на воде” звучала по иной причине. Это была попытка соединить Георга I Ганноверского с одним из источников английской идентичности и английского могущества. Сочетание Темзы с музыкой оказалось столь мощным, что эту вещь Генделя использовал Хамфри Дженнингс как вступление к своему военному фильму 1941 года “Слова для битвы”. Миф Темзы глубоко укоренен в душе нации.

Есть и другая речная музыка. Какова она — песнь Темзы? Ее нескончаемую мелодию можно услышать во всех поэтических легендах и мифах этой реки. От Темзы произошли многие английские свидетельства о времени и об истории — в “Королеве фей” Спенсера, в “Полиольбионе” Дрейтона, в произведениях Поупа и Мильтона, Марвелла и Шелли. У Спенсера река становится лицом нации. Темза соединяла жанры и формы, чтобы создать законченное высказывание. Она воплощала в себе гармонию и единство. Она символизировала невинность, доброту, процветание. Она стала метафорой поэзии как таковой. Поэты реки и поэзия реки существовали всегда. Слово, обозначающее воду, неизменно текуче, образовано перетекающими друг в друга звуками:

water — aqua — apa — wasser — eau. Вода — повелительница льющейся речи, речи без остановок и пауз. Говорили, что река поет на пути к морю; ее пение, как писал Шелли в “Восстании Ислама” (1818), звучит “подобно хору сладких голосов”.

Самым ранним поэтом Темзы был, вероятно, Джон Гауэр, который жил в XIV веке и якобы финансировал строительство церкви св. Марии-за-рекой (ныне — Саутуоркский собор) на южном берегу, где он и похоронен. Он первым из поэтов упоминает Темзу — в прологе к “Исповеди влюбленного” (1386–1390). Он рассказывает о встрече на реке с Ричардом II, который,

Едва меня узрел,
Взойти на свою барку повелел.

Но подлинным поэтом Темзы того столетия был, несомненно, Джеффри Чосер. Он родился у реки, жил у реки, и она давала ему заработок. Его дом стоял на улице, которая шла параллельно реке в лондонском округе Винтри. Его невозможно представить себе иначе, как на фоне Темзы. Обитая в Лондоне, он, скорее всего, видел и слышал ее каждый день. Он жил около нее до самой смерти, перебравшись сначала в Гринвич или Детфорд, затем в Вестминстер. Первые два прибрежных

городка он упоминает в “Прологе мажордома” из “Кентерберийских рассказов” (1392–1400):

Смотри, уж Детфорд близко – полпути
До Гринвича осталось нам пройти[75].

Чосер был инспектором таможни Лондонского порта, и в этой должности он слышал все речные и морские истории Он был из тех поэтов, у кого поистине речная судьба, из тех, сквозь чью душу Темза текла столь же мощно, как она текла через сам город.

Во взаимоотношениях лондонских поэтов и прозаиков с Темзой есть что-то глубоко волнующее. Приходят на ум и Чосер, и Мор, и Мильтон, и Поуп — все они ходили по одним и тем же приречным улицам, все, каждый в свою эпоху, жили на расстоянии сотни-другой шагов друг от друга, все в зрелом возрасте поселились у воды. Вспоминается и художник Тернер, великий лондонец и великий наблюдатель реки; Тернер цитировал слова, сказанные о Темзе Поупом, Поуп — Мильтоном, Мильтон — Чосером. Видна преемственность, которую вдохновляла и поддерживала сама Темза.

---

[75] Примечания: 75
Перевод И. Кашкина, О. Румера.

И в этом обществе славных лондонцев мы можем различить фигуру Уильяма Блейка, для которого Темза была рекой вечности. Он жил подле нее в Ламбете, откуда она была видна ему через болота. Всякий раз, когда ему нужно было в Сити, он пересекал реку по только что построенному мосту Ватерлоо, и он особо отметил в своих стихах обгоревшую мельницу Альбион-миллс у этого моста. Он и умер у реки — в Фаунтин-корте близ Стрэнда. Те, кто приходил к нему туда, обращали внимание на реку, блестевшую в конце переулка. Блейк уподоблял ее "золотому бруску". Поэт XX века Джордж Баркер однажды почувствовал присутствие Блейка у реки. В поэме "Бедствие и ужас" (1937) он пишет, как ему привиделась

Фигура Уильяма Блейка, просветленная и огромная,

Нависшая над Темзой в Соннинге.

Более ранним речным поэтом был Уильям Данбар, написавший в 1501 году стихотворение "Во славу града Лондона", где он воздал хвалу и Темзе:

Превыше всех рек твоя Река прославлена,

Чьи берилловые струи, приятные и зна-

менитые,

Под твоими мощными стенами текут,

Где плавает множество лебедей с прекрасными крыльями,

Где проплывает на веслах множество барок,

Где покоится множество кораблей с высокими мачтами[76].

Данбар сделал одну из первых попыток выразить поэтический миф Темзы: здесь и “берилловые” струи, и слава, и лебеди, и связь с королевской властью. Такова река, освященная поэтическим воображением.

Во второй половине XVI века поэзия Темзы уже била через край. То была эпоха, когда одна из главных достопримечательностей Темзы — Банксайд (участок южного берега) — стал подмостками для величайшей английской поэзии всех времен. Связью между Шекспиром и Темзой обычно пренебрегают, а между тем эта река была одной из главных магистралей его воображения. Он жил около нее — сначала в Саутуорке,

---

[76] Примечания: 76
Подстрочный перевод.

потом в Блэкфрайерз. Он постоянно пересекал ее, и безусловно она стала для него одним из главных путей сообщения. Его пьесы игрались на ее берегах — либо в “Глобусе”, либо в театре “Блэкфрайерз”; когда он пишет о приливах или о торговых судах, на уме у него жизнь Темзы. “Не болтай, дурак. Говорю тебе, ты упустишь прилив. А если упустишь прилив, так упустишь поездку”[77]. Так говорит Пантино в “Двух веронцах” (1592), но чувствуется, что он имеет в виду смену приливов и отливов на Темзе, а не на реке Адидже. Темза — грубая колыбель, с раскачиваниями которой Шекспир был знаком очень хорошо.

Имя Эдмунда Спенсера возникало в этом повествовании уже не раз, и неспроста: ведь он был главным панегиристом Темзы. Он прославлял “богатую Тамис”, “среброструйную Тамезис”. Его по праву можно назвать “речным поэтом” XVI столетия, и то, что он в 1579 году намеревался написать “Эпиталаму Тамезис”, лишний раз говорит о его связи с Темзой. Он использует реку как символ величия, как иллюстрацию течения английской истории; он приспосабливает ее к элегии и пророчеству; он связывает ее с приро-

[77] Примечания: 77
Перевод М. Морозова.

дой и искусством. Тему реки подхватил Майкл Дрейтон, который в стихах, опубликованных в сборнике “Английский Геликон”, обращается к ней так: “О серебряная Темза, о чистейший кристальный поток!” Темза XVI века поистине живет в поэзии и исторических легендах как серебряная Темза, кристальная Темза, сладостная Темза. В том столетии весла лондонских лодочников, как писали, порой оплетали стебли кувшинок, а ритм им помогало держать “пение флейт”. Миф о блестящей судьбе Англии под эгидой Королевы-девственницы был органически связан с подобными образами Темзы как реки монаршего величия. Эти образы возникали вновь и вновь в поэзии позднейших веков: вспомним “среброногую Тамезис” у Геррика и “серебряную Темзу” у Поупа.

В XVII и XVIII столетиях участки Темзы близ Твикнема и Ричмонда привлекали многих поэтов. В старых путеводителях по прибрежным местам встречаются такие фразы: “Здесь писал Каули”; “Здесь катался на лодке Поуп”; “Здесь похоронен Томсон”; “Здесь стоял Денем, слагая в уме прекрасную хвалебную песнь реке, строки из которой так часто вспоминают”; “Здесь король Вильгельм показал Свифту, как срезать спаржу

на голландский манер". Темза стала новым Геликоном, прославленным приютом муз.

Но правы, вероятно, те, кто утверждал, что не существует великой поэмы, посвященной Темзе; у реки нет своего барда. Попытки, однако, предпринимались, и в их числе — "Куперз-хилл" Джона Денема (1641). По существу это единственное творение Денема, ставшее знаменитым; поэму после первой публикации без конца цитировали и включали в антологии. Умеренная по темпераменту и несравненная по техническому совершенству, поэма с ее мягким ритмом и возвышенной интонацией, с ее сдержанностью образов и щедростью чувств считалась образцовым произведением английской поэзии. Темза представлена рекой ласковой и широкой, источником как богатств, так и гордости. Благодаря торговле она "делает обе Индии нашими"; ее "прекрасное лоно — всемирная биржа" (самое ценное свойство реки в XVII веке). Поэма была опубликована перед самым периодом гражданских войн, когда в Англии воцарилась беспрецедентная смута, и эти стихи можно воспринять как призыв к спокойствию и умеренности. Денем изображает Темзу сдержанной и вместе с тем изобильной рекой; она не кидается в крайности,

не бурлит, всегда предсказуема. Вот почему она стала своего рода парадигмой благих надежд. Посреди столкновений 1640-х годов в поэме можно было увидеть ностальгию по золотым мирным дням; в последующие десятилетия ее интерпретировали как новое красноречивое утверждение основных английских принципов умеренности и справедливости. Она стала неким талисманом, тем более поразительным, что в ней сама Темза служит образцом доброго порядка:

> *О, если бы я мог течь, как ты, и сделать для себя твою струю*
>
> *Великим примером, как я сделал ее моей темой!*
>
> *Ты глубока, но чиста; спокойна, но не скучна;*
>
> *Сильна без ярости; полна, но не переполняешься*[78].

В том же десятилетии Роберт Геррик написал “Плач о Тамазис” (1648) — грустную элегию, обращенную к реке, где он прощается с ней навсегда, вынужденный перебраться в сельский приход. Он посылает Темзе нежнейший поцелуй, сожа-

---

[78] Примечания: 78
Подстрочный перевод.

лея, что ему больше не придется плыть на барке из Ричмонда в Кингстон

> *И летним приятным вечером*
>
> *В тебе, река, купаться, как делают тысячи*[79].

Это одно из немногих письменных указаний на тот очевидный факт, что в Темзе плавали и мылись “тысячи” горожан. Геррик горюет об отъезде из “любимого Вестминстера” и объясняет, что родился у берегов Темзы на “златом Чипсайде”. Рожденные у реки — как Тернер (на Мейден-лейн) и Мильтон (на Бред-стрит) — испытывают особое чувство близости с ней.

Свидетельство тому — жизнь Джона Мильтона. Каждый гражданин Лондона был в то время и гражданином реки. Как писал Мильтон в “Эпитафии Дамону” (1639), Thamesis meus ante omnes — “Моя Темза прежде всего остального”. После учебы в университете он с 1632 по 1638 год жил в Хортоне, недалеко от моста, где в Темзу впадает река Колн; здесь, на берегу притока, он сочинил “Il Penseroso”, “L’Allegro”, пьесы “Лисидас” и “Комус”. В “Комусе” есть упоминание об этих

---

[79] Примечания: 79
Подстрочный перевод.

краях: “У берега, что камышом порос и ивой…” В “Лисидасе” тоже слышится отзвук памяти о приречных местах:

> *О низкие долины, где тихие шепоты живут*
>
> *В тенях, в своенравных ветрах, в стремительных ручьях!*[80]

В XVII веке Хортон вообще был влажным местом, где среди лугов и камышей текли речушки, заросшие водорослями; в ручейках вдоль обочин дорог даже в XIX столетии еще водились миноги. Мильтона, как Шелли, до того радовала близость воды, что Темзу можно считать первичной средой его воображения. Он вплетает реку в английский эпос и рассматривает ее как поток культурной памяти. Thamesis meus — “моя Темза” — это похоже на акт идентификации или присвоения, интимный и в то же время абсолютно неопределимый. Здесь чувствуется почти детская близость.

Когда Босуэлл нанял ялик и отправился на нем с Сэмюэлом Джонсоном в Гринвич, “мы получили удовольствие от громадного числа и разнообразия кораблей, стоявших на якоре, и от красивой

---

[80] Примечания: 80
Подстрочный перевод.

местности на обоих берегах реки”. Когда они приплыли к месту назначения, Босуэлл вынул из кармана экземпляр поэмы Джонсона “Лондон” (1738) и продекламировал строки оттуда:

> *На берегу Темзы стояли мы в молчаливой задумчивости*
>
> *Там, где Гринвич с улыбкой глядит на серебристый поток*[81].

Это река мифа, живописная река XVIII столетия, которая благодаря ассоциациям и традиции оставалась парадигмой в период, когда она на деле претерпевала фундаментальную перемену.

Но самый разительный пример тяготения к Темзе дал Александр Поуп, обитавший в разных местах подле нее всю жизнь. Он родился в старом лондонском Сити, где Темзу было и видно, и слышно; позднее у него был кабинет в Баттерси с видом на Темзу, где он написал “Опыт о человеке”. Затем он жил на границе Виндзорского леса, затем, недолго, — в Чизике у Темзы. Но самое знаменитое его прибрежное жилище было в Твикнеме, где сад его “виллы” спускался прямо к Темзе. Он купил дом в 1718 году и обитал в нем

---

[81] Примечания: 81
Подстрочный перевод.

до самой смерти в 1744 году. Любимым его архитектурным сооружением здесь был грот у самой реки, и он писал своему другу Бланту, что глядя с реки Темзы, можно через мою арку и проход в зарослях увидеть своего рода открытый храм, целиком построенный из ракушек в сельском стиле; а оттуда, из храма, можно поглядеть вниз сквозь наклонную аркаду из древесных ветвей и увидеть, как в подзорную трубу, паруса на реке, внезапно появляющиеся и исчезающие.

Река была для него священным местом, достойным “храма” в честь ее божества, и вмурованные в стены грота осколки стекла и гладкие ракушки отсвечивали, как оклад некоей прибрежной иконы. Он сочинил и стихотворную надпись:

> *Если ты остановишься здесь, где прозрачная волна Темзы*
>
> *Просвечивает широким зеркалом тенистую пещеру,*
>
> *Где на каменном своде выступают медлительные капли*
>
> *И заостренные кристаллы погружены в сверкающий ручеек…*[82]

---

[82] Примечания: 82
Подстрочный перевод.

В восемнадцатой книге “Смерти Артура” Мэлори (1469–1470) Ланселот удаляется в Виндзорский лес, где живет в скиту у ручья. Это своеобразный пролог к проживанию Поупа в отцовском доме в Бинфилде у Виндзорского леса и впадающей в Темзу речки Лоддон; на одном из тамошних деревьев внутри особой ограды было вырезано: “Здесь пел Поуп”. Он никак не мог уйти от реки, ему необходимо было жить подле нее, как одному из античных божеств, чье существование зависело от тихой помощи, оказываемой реками Греции. Он заявил однажды, что не знает “райских мест и приятных жилищ, равных тем, что встречаются на берегах Темзы”. Река была его Аркадией, лесным прибежищем, которому он адресовал свои строки:

Средь Виндзора полян, в глуши лесной,
Коснулся я впервые струн весной.
И там, на Темзы берегах английских,
Я голос Муз услышал сицилийских…[83]

Сити — Баттерси — Виндзор — Чизик — Твикнем: вот Одиссея Александра Поупа, путешествие по берегам Темзы, от которой он никогда не отлу-

---

[83] Примечания: 83
Перевод В. Потаповой.

чался. Поистине он был “гением места”.

Можно вспомнить и других жрецов Темзы. Ее включил в свое обширное поле зрения Джеймс Томсон, знаменитый некогда автор “Времен года” (1730), этой пасторальной Библии XVIII столетия. Часть этого природоведческого эпоса он написал у реки в Хаммерсмите в кофейне (ныне пабе) “Голубь”. Там мы находим строки:

Пройдем долиной Темзы бесподобной
Туда, где Музы светлые живут…

В Кливдене подле Темзы он написал пьесу-“маску” “Альфред”, примечательную тем, что в ней содержится песня “Правь, Британия!” Он постоянно находился около Темзы — жил, умер и был похоронен на ее берегу. Темза, можно сказать, и убила его: Томсон простудился, плывя на открытой лодке из Лондона в Кью.

Рядом с ним мы можем поставить Томаса Грея. В своей “Оде, написанной при виде Итонского колледжа” (1742) он спрашивает Отца Темза:

Кто ныне с наслаждением рассекает
Гибкой рукой твою гладкую волну?[84]

---

[84] Примечания: 84
Подстрочный перевод.

На что единственным ответом может быть: такие же парни, какими в свое время были ты с твоими однокашниками. В очередной раз река побуждает к воспоминаниям и мыслям о ходе времени. Одна из самых долговечных способностей реки — настраивать человека на меланхолический лад.

Но подлинным преемником Поупа в качестве речного поэта, стихотворцем, одержимым рекой, следует назвать Перси Биши Шелли. Река, можно сказать, ударила ему в голову. Его стихи текут ее потоком. У Темзы он рос и взрослел — сначала в “академии Сайон-хауса” в Айлворте, затем в Итоне и Оксфорде, — и это раннее знакомство, похоже, повлияло на его судьбу. Всю свою короткую жизнь он любил реки и поэтов, певших о реках. Подражая Поупу, он летом 1815 года жил на опушке Виндзорского леса. Его любимым занятием было плавать по Темзе на лодке, и он обследовал за то лето все ее участки от Виндзора до Криклейда. Совершая паломничество к истоку реки, он смог подняться до самого Инглшема, где его дальнейшему продвижению помешали водоросли. И неудивительно: ведь там, как говорили, вода едва закрывала копыта стоящего в реке скота.

Спутником его в том путешествии был Томас Лав Пикок, уже написавший поэму “Гений Темзы” (1812). Оба они представляли речную поэтическую школу. В детстве Пикок жил в Чертси, а похоронили его в Шеппертоне. Итак, начало и конец его существования были связаны с Темзой (этому закону, похоже, подчинялись многие жизни). В романе “Замок Кротчет” (1831) Пикок создал портрет Шелли, каким он был во время этого путешествия. Пикок изображает “мистера Филпота”, который “часами лежал в одиночестве, слушая журчание воды, рассекаемой носом лодки, и время от времени просвещал честную кампанию рассуждениями о великих переменах, которые произойдут в мире благодаря пароходному сообщению на реках…”

На два дня они остановились в Лечлейде, и тропа между церковью и рекой до сих пор называется “тропой Шелли”. Так всякий речной поэт впечатывает себя в местность. Эта церковь XV века вдохновила Шелли на стихотворение “Летний вечер на кладбище”. Созданию большой поэмы в честь Темзы, возможно, препятствуют ее переменчивость и многообразие; ее поэтический образ составлен из небольших картин, подобных картине лечлейдского кладбища. Темза не может

подвигнуть поэта на сочинение в героическом размере, исполненное ощущения грандиозности; она пестует поэзию тени и уединения, отдыха и покоя, которой не свойственны эпические интонации.

По возвращении из Лечлейда Шелли сочинил поэму “Аластор, или дух одиночества” (1815), где явственно изобразил пейзаж верхней Темзы:

> *Листва и ветви встречные соткали*
> *Тенистый сумрак над стезей поэта…*[85]

В “Аласторе”, кроме того, он сравнивает путь поэта с плаванием к речным верховьям: путешествие в прошлое, путешествие в тайники воображения — это речное путешествие. Сама же река превращается в трепетное, боязливое божество. “Реки не похожи на дороги, созданные руками человека, — писал он Пикоку. — Они напоминают наш ум, который странствует по своей прихоти среди пустынного бездорожья и течет сквозь прелестнейшие укромные уголки природы”. Человеческое существование “подобно реке, чей стремительный и непрерывающийся поток

---

[85] Примечания: 85
Перевод В. Микушевича.

направлен вовне". Итак, река для Шелли — метафора человеческого сознания, и, в частности, она символизирует характерное качество самого поэта, ту текучесть, о которой писал Уильям Хэзлитт: "Он с его гибкостью, с его изменчивостью, можно сказать, не вступает со всем окружающим в схватку, не берет мир на абордаж, а скользит по нему, как река". Это самое ясное из возможных описаний созвучия между человеком и рекой, человеком вообще и Шелли в особенности. Неизменно желавший находиться около реки, которая составляла часть его существа, Шелли был с Темзой в ладу.

Через три года после речного путешествия с Пикоком Шелли снял дом на Темзе в Грейт-Марлоу (графство Букингемшир), где он написал "Восстание Ислама" (1818). Оттуда он много раз плавал в свои любимые места на реке — в Бишем, в Медменем, в Хенли, в Мейденхед. Немалую часть "Восстания Ислама" он написал в Бишемском лесу или плывя между поросшими буком берегами близ Бишема в лодке, которая называлась "Вага". Образы этой поэмы непосредственно связаны с рекой, и в ней встречаются строки, которые прямо ассоциируются с тем, что окружало поэта:

Водопады струятся меж диких зеленых

островков,

Создававших для моей одинокой лодки уединенное убежище

Из замшелых деревьев и трав… [86]

Это пейзаж Темзы, который Мэри Шелли считала “неповторимо прекрасным”.

В одном из своих писем Шелли говорит о тирании мест: тебе кажется, сетует он, что ты покинул некий край, но ты по-прежнему в нем обитаешь. Отсутствуя, ты остаешься его жителем. Здесь слышится душевный отклик поэта на пребывание у Темзы, и в самом ритме его стихов можно почувствовать движение реки. Йейтс писал о нем, что “был один образ, который являлся ему снова и снова, — образ лодки, плывущей по широкой реке… кто бы ты ни был, всегда есть какая-то одна картина, одно приключение, один пейзаж, через который приоткрывается твое тайное бытие”. И, разумеется, мы помним, что Шелли погиб в открытом море — в водной стихии, которой он посвятил жизнь.

Уильям Моррис родился в Уолтемстоу, на границе болот, лежащих к северу от Темзы, и

---

[86] Примечания: 86
Подстрочный перевод.

некоторым из самых знаменитых своих узоров для тканей и обоев он дал названия притоков этой реки: “Ивенлоуд”, “Кеннет”, “Уондл”, “Уэй”. Большую часть жизни он провел в поместье Келмскотт близ Оксфорда в нескольких шагах от реки и в прибрежном Келмскотт-хаусе в Хаммерсмите. Как некий средневековый лодочник, он совершал поездки по реке из одного дома в другой. Это неторопливое плавание занимало примерно шесть дней; два родственных мира, которые оно соединяло, он увековечил во вступительных строках к разделу “Июнь” поэмы “Земной рай” (1865–1870):

Какое лучшее место могли мы найти,

Чем это – у милой реки, которая не знает о море,

Которая не догадывается о несчастьях большого города,

У речки, где прибрежные деревушки чуть ли не безымянны,

У дальней уединенной речки, приходящейся Темзе

ма-

терью?[87]

Вордсворт относился к Темзе почти с таким же почтением, как к Озерному краю и Альпам. Его сонет, сочиненный на Вестминстерском мосту, известен достаточно хорошо, но есть и другие свидетельства образного потенциала реки. В 1790 году близ Ричмонда на Темзе он написал стихотворение, где говорится о “чудных видениях”, посещавших его на берегах этой реки:

Теки, прекрасная река,
Покуда тем же плавным ходом
И души наши на века
Не уплывут, подобно водам[88]*.*

В этом стихотворении, как и в сонете, сочиненном на Вестминстерском мосту, он говорит о спокойствии Темзы. У нее “тихая душа”, серьезная и в то же время безмятежная. В механическом, искусственном городском хаосе конца XVIII и первых лет XIX века река была для Вордсворта живым связующим началом с природным миром. Помимо нее, он, пожалуй, не видел в столице

---

[87] Примечания: 87
Подстрочный перевод.

[88] Примечания: 88
Перевод И. Меламеда.

ничего, что оставалось бы от прежней естественной жизни.

Но Вордсворт, кроме того, чувствовал, что река — это зарождение и прекращение, исток и устье в символическом смысле и что поэтому она может служить образом вечности мироздания. Хотя, возможно, это слишком уж облегченная формулировка. В своем "Эссе об эпитафиях" (1810) он замечает, что зарождение и цель — понятия неразделимые. Никогда еще ребенок не стоял на берегу реки, размышляя про себя, какая сила питает этот вечный поток, из каких неиссякаемых источников пополняется эта водная масса, не задав с неизбежностью после такого вопроса следующий: "Какая бездна все это ожидает? Какое вместилище может быть достаточным для этой движущейся громады?"

Здесь чувствуется завороженность поэта тьмой и небытием. В его сонете к реке Даддон, сочиненном в 1820 году, о Темзе говорится как о реке более крупной и мощной; но обе они неотвратимо текут в "Глубь", где утратят свои названия и неповторимость. Что может быть спасено от перехода в небытие, кроме "коммерческого успеха или военного триумфа", основой для которых послужила Темза? Исторический процесс, таким

образом, уравновешен процессом природным, достижение соседствует с “бездной” утраты — но равновесие это чрезвычайно неустойчиво. Перед нами один из тревожных образов реки, обреченной постоянно терять себя, меж тем как обломки эпох громоздятся на ее берегах.

Мэтью Арнолд видел все стороны жизни реки — “Кому это ведомо, если не мне?” — и в поэме “Тирсис” описал бело-пурпурные цветы, которые росли на заливных лугах верхней Темзы. Он был поэтом главным образом ее верховий и упоминает в своих стихах Уичвуд и Камнер. Есть также указание на конкретное место в поэме “Школяр-цыган” (1853):

> *…Пересекая юную Темзу на пароме у Баблок-хайта,*
>
> *Бороздя прохладный поток мокрыми пальцами*[89].

Арнолд родился и был похоронен в Лейлхеме, там, где Темзу было почти что слышно. Он провел около нее последние пятнадцать лет жизни. Он и женился около нее, так что все самое священное произошло с ним на берегу Темзы. Для него она

---

[89] Примечания: 89
Подстрочный перевод.

была символом постоянства:

> *…И жизнь текла беззаботно, как сверкающая Темза*
>
> *До того, как распространилась странная болезнь*
>
> *современной*
>
> *жизни…*[90]

Примечательно, сколь многие речные авторы неодобрительно отзываются о “современной жизни”, будь то в XVIII, XIX или XX веке; тот, кто гулял по берегу в 1745 году, был настолько же склонен ругать “новшества”, как его собрат в 2007 году. Река, похоже, настраивает человека на ностальгический лад, внушает печаль по тому, чего никогда не было и быть не могло. Она рождает чувство потока времени, ощущение перспективы, которого иначе у гуляющего не возникло бы. Поэтому она — готовое вместилище для ложных, легковесных чувствований.

* * *

Самый занятный из поэтов Темзы остался, впрочем, у нас напоследок. Джон Тейлор, из-

---

[90] Примечания: 90
Подстрочный перевод.

вестный при жизни как “лодочник-поэт”, был лодочником на Темзе, испытывавшим тягу к бессмертию. Он был самозванным хранителем и музой этой реки, ее Данте. Он родился в 1580 году на берегу Северна и посещал Глостерскую школу латинской грамматики, где заметных успехов не добился. Потом приехал в Лондон, где сделался учеником лодочника, после чего был призван во флот. Вернувшись со службы в конце 1590-х, он снова начал трудиться на Темзе и долгое время был перевозчиком между двумя берегами. Темза не давала ему покоя. Как и многие его поэтические предшественники, первое вдохновение он испытал, плывя по ее водам: однажды вечером, развалясь в своей лодке, он декламировал строки из речной поэмы Марло “Геро и Леандр”, как вдруг на него снизошло откровение. Муза Темзы позвала его, и с той поры он стал “лодочником-поэтом”. Собрание его трудов было впоследствии издано в восьми томах; помимо поэзии, он писал также в жанрах речной прозы, хроники лондонских увеселений и политической публицистики. Он даже написал справочник, озаглавленный “Космография перевозчика”. Ему приписывают около двухсот произведений. Поуп, пусть и с долей иронии, назвал его “лебедем Темзы”. Тейлор

однажды ехидно констатировал:

По злобе иль незнанью
Иной готов сказать,
Что не обучен вовсе
Читать я и писать.

Он устраивал речные парады и королевские сражения на воде; он собирал пошлину на вино, перевозимое вверх по реке; ему поручили разработать план очистки Темзы и углубления ее дна. Он стал лондонской знаменитостью, и, по словам Роберта Саути, “короли и королевы обращали на него свое высочайшее внимание, аристократы и архиепископы приглашали его к своему столу, мэры и корпорации оказывали ему гражданские почести”. Он был представителем народной культуры, которая пышно цвела в то время около реки. Он был плебейским голосом Темзы, заключавшей в себе уравнительное, подрывное начало. Его стихи зачастую выдержаны в юмористическом или непристойном ключе, он пародировал других поэтов, был смекалистым любителем приключений, выразившим в своих бойких виршах грубые доблести лондонского речного люда.

Он, помимо прочего, устраивал то, что ныне

называют “пиар-акциями”. Однажды соорудил лодку из плотной бумаги и с другим лодочником поплыл в ней из Лондона вниз по Темзе к Медуэю; бумажную лодку держали на плаву восемь надутых свиных пузырей, весла были сделаны из жестких, как доска, вяленых рыб.

Бумага стала подмокать,
Кораблик начал подгнивать, —

беззаботно признавался Тейлор. После героического тридцатишестичасового плавания они с напарником кое-как выбрались на берег, держа остатки судна в руках. Позднее он написал аллегорическую поэму “Темза-Айсис” и начал называть себя “Аква-музой”. “Темза-Айсис” — это отчасти историческое сочинение, отчасти путевой дневник; Тейлор взял за образец топографическую поэму Майкла Дрейтона “Полиольбион” и латинскую поэму Джона Лиланда “Лебединая песня”. Он пытался включить свой труд в богатую традицию речного эпоса, где, он считал, его подлинное место. В конце жизни он владел таверной на Феникс-элли близ Лонг-Эйкра, но на суше его успехи были не слишком велики. Он умер в 1653 году, причем, согласно одному сообщению, — голодной смертью. В “Жизнеописаниях поэтов”

Уинстенли (1687) он был удостоен эпитафии:

Здесь прах речного стихотворца Джона.
Ведя свой челн по водам Геликона,
Он волн и скал прибрежных не боялся
И в вечной Гавани пришвартовался.

XIII
Тени и глубины

Медменемское аббатство, где собирались члены Клуба адского пламени.

Глава 40
Речные грезы

Льюис Кэрролл завершил “Алису в зазеркалье” (1871) — книгу, отчасти навеянную его лодочными прогулками по Темзе близ Оксфорда, — стихотворными строками:

Если мир подлунный сам
Лишь во сне явился нам,
Люди, как не верить снам?[91]

Темза рождает грезы — своего рода отражения реальности. В начале XIX века Теодор Хук сочинил в Темз-Диттоне стихотворение, темой которого стал его “безмятежный сон наяву” на берегу реки. Гастон Башляр в книге “Вода и грезы” (1993) пишет: “Когда я сижу у реки, я непременно погружаюсь в глубокое забытье, гляжу вспять на свое былое счастье”.

Есть, кроме того, стихи неизвестного автора о воде, “текущей под задумчивыми ивами”:

Зачем ты спешишь ухватить снови-

---

[91] Примечания: 91
Перевод Д. Орловской.

денье,

Стремишься узнать, чем закончится сказка?

В “Земном рае” (1868–1870) Уильям Моррис пересказал сон, который приснился ему у реки в Келмскоте:

Вот Лондон – чистый, маленький и белый,

Вот Темза светлая среди садов.

Итак, река не только творит сновидения — она возникает внутри них. Эта связь идет из глубокой древности. В искусстве австралийских аборигенов (круговые узоры вальбири) концентрические круги обозначают воду или родник, откуда появляются грезы и куда они возвращаются. Вода и сновидения — единая стихия. Вот почему Джером К. Джером в романе “Трое в одной лодке” пишет о Соннинге, что “в этих местах хорошо мечтать об ушедших днях, об исчезнувших лицах и образах, о вещах, которые могли бы случиться и не случились…” У реки Тернер грезил об античном и мифологическом прошлом, и некоторые его наброски — это своего рода сновидения художника с исчезающими, смутными очертаниями предметов, которые и существуют, и не суще-

ствуют. В Ричмонде навеки прощаются Дидона и Эней; в Айлворте Порция горюет о расставании с Брутом. По Темзе плывут триремы, на ее берегах стоят замысловатые дворцы. Это — грезы о величии.

Но кто может разграничить склонность к грезам и ясновидение? Вордсворт, очень хорошо понимавший мощь реки, писал в 1790 году близ Ричмонда:

Струись же до скончанья лет,
О Темза, в блеске нежных волн,
Чтоб здесь мечтал другой поэт,
Как я, видений чудных полн![92]

Река, текущая к океану, создала множество визионерских представлений; игра света на воде, мосты через реку (“мосты довольства”) — все это подхлестывает воображение. Река затуманивает сознательное мышление и смывает воспоминания; плеск и движение воды, как некий мягкий наркотик, унимают нашу потребность наблюдать за реальностью. Тут могут возникнуть видения. Вот почему водный поток ассоциируется с возникшим в XX веке понятием подсознательного.

---

[92] Примечания: 92
Перевод И. Меламеда.

Грезит не что иное, как сама вода.

Поразмыслим о природе отражений. Они бросают занятный свет на границу между тенью и предметом. Когда по воде плывет лебедь, кажется, что он удвоен: лебедь и тень некоего другого лебедя. В тихий вечерний час — примерно за полчаса до захода солнца — каждый находящийся на берегу предмет может быть идеально отражен гладкой водой, и это отражение или тень мы зачастую видим более отчетливо, чем предмет, которому образ на воде обязан своим существованием. В эти минуты реальность словно бы переходит из того, что осязаемо, в эфемерное, наделяя его силой; при этом самые что ни на есть обычные предметы становятся незнакомыми и новыми. Словно смотришь на какой-то изменившийся мир. Воду при этом нельзя уподобить зеркалу — она нечто более нежное, более емкое, более манящее. Наделенная глубиной, она погружает в нее предмет, сообщая ему некую идеальную вещественность. Она делает отраженный мир истинным — возможно, более истинным, чем подлинный мир над водой. Отражение в этом смысле реальнее самой реальности. Это может, однако, вызвать замешательство и своего рода головокружение; глядя на перевернутый пейзаж,

подспудно боишься попасть в него и затеряться — или оказаться поглощенным глубиной под ним.

Томас Трахерн, поэт и мистик, был настоятелем церкви св. Марии в Теддингтоне и жил там около реки. В стихотворении “Тени на воде”, сочиненном, вероятно, в начале 1670-х, он размышляет о природе речных отражений:

> *Перевернутые ступни идущих людей*
> *Дали мне случай повстречаться с иным миром.*
> *Хоть и призрачный на первый взгляд,*
> *Этот мир – действительно мир,*
> *Где небеса сияют под нами,*
> *Где земля по воле Божьей*
> *Иной лик являет нам внизу,*
> *Где ступни идущих упираются в наши ступни*[93].

Река изобилует такими странными примерами спаренных противоположностей. Она поощряет двойничество. Она может также являть собой “мир наоборот” — это старинное выражение обозначает либертарианскую, эгалитаристскую,

---

[93] Примечания: 93
Подстрочный перевод.

карнавальную власть низов над верхами. Река — царство свободы во всех ее проявлениях.

Древние курсусы в Лечлейде имеют одну важную особенность. Параллельно небольшому курсусу расположен более крупный комплекс на другой стороне реки — в Баскот-Уике. Похоже на попытку создать спаренное сооружение, в котором Темза играла роль естественной границы. Подобные явления наблюдаются и в других местах на Темзе — например, в Дорчестере, — и их можно рассматривать как любопытные предвестья возникновения “городов-близнецов”, разделенных рекой, — таких, как Стритли и Горинг, Пангборн и Уитчерч, Рединг и Кавершем, Патни и Фулем. Возможно ли, что спаренные города имеют доисторические корни — спаренные земляные сооружения? Не связано ли это с неким атавистическим побуждением. возникающим, когда человек созерцает реку? Не играет ли здесь роль идея двойственности, связанная с природой отражающей воды?

Есть и более причудливые примеры отражений. Когда проходишь по береговой тропе под пролетом моста в Мейденхеде, можно услышать эхо, которое славится своей силой. В Твикнеме на самом берегу Темзы была вывеска питейного

заведения “Пенистый герб”, изображавшая злую Герцогиню из “Алисы в стране чудес” вниз головой. Поскольку сама “Алиса” — это мир вниз головой, на изображение которого Кэрролла вдохновили лодочные прогулки по Темзе, вывеску можно приветствовать как верный речной образ. На берегах Темзы видели немало призраков, и, возможно, они имеют ту же природу, что и отражения в воде, и не уступают им в реальности. К стихотворению Трахерна мы можем добавить строки Поупа из “Виндзорского леса” об отражающей способности Темзы:

> *И в этом зеркале находит взор*
> *Небесный свод и склоны ближних гор;*
> *Лесная даль в том зеркале жива,*
> *Трепещут, расплываясь, деревья;*
> *Сливаются стада с голубизной,*
> *Поток раскрашен зеленью лесной…*[94]

[94] Примечания: 94
Перевод В. Микушевича.

Глава 41
Речные легенды

Темза создала свои местные мифы. Говорили, например, о городах, существующих на дне реки: древний Тилбери, как считалось, лежал на дне эстуария. Район ниже Дагнема был, по тамошнему поверью, местом, где произошел библейский Потоп. Ходили рассказы о чудесным образом сотворенных каменных деревьях на берегу. В Годстоу одна монахиня, показывая на дерево, говорила, что оно обратится в камень, когда она окажется на небесах среди святых. Паломники почитали это дерево вплоть до начала XVI века. Ныне мы, разумеется, понимаем, что каменные деревья около Темзы или в ней самой действительно существуют; но мы объясняем их окаменение другими причинами. В Фэрфорде близ Инглшема случилось внезапное нашествие лягушек и жаб, которые двинулись к дому местного судьи; там, согласно брошюре 1660 года, “они отчетливо разделились на два отряда и строем направились к жилищу упомянутого судьи; иные полезли на стены и через окна проникали

в покои". Когда судья перестал преследовать городских нонконформистов (протестантов, не принадлежавших к англиканской церкви), существа "странно и неожиданно исчезли". Ходили слухи о черной магии в Кукеме и в Бернем-Бичез — и, конечно, о "Клубе адского пламени" в Медменемском аббатстве.

Подле Темзы в Калеме были глубокие ямы, одну из которых называли "ямой Гледди", или "ямой Глэди". Окрестные жители верили, что рыбак по фамилии Гледди упал в эту яму и утонул; говорили, что пузыри, поднимавшиеся на поверхность, лопаясь, изрыгали громкие ругательства. Один островок близ Бинзи был известен как "Западня Черного Джона": оттуда будто бы выскакивал гоблин, который топил детей, держа их головы под водой. Подобные легенды ясно указывают на боязнь утонуть, но кроме того, возможно, и на ужас перед неким подземным миром расселин и пещер, существовавшим якобы под речным дном. Потусторонний мир, в который верили древние, жил в местных историях, не изгладившихся до конца в памяти людей и поныне.

На южном берегу Темзы, между Вестминстером и Хангерфордом, было место, которое в XVII веке называлось "землей коробейника". Владевший

участком коробейник завещал его церкви св. Марии в Ламбете. Эта церковь, как говорили, однажды предоставила ему убежище, и он оставил ей землю с условием, что он и его собака будут увековечены в витраже. В церкви действительно имеется витраж с коробейником и собакой. Табличка гласит: “На этом витраже по традиции изображен жертвователь, который около 1500 года оставил церкви участок земли, известный под названием ‘земля коробейника’, с условием, что в церкви поместят и по мере необходимости будут обновлять его изображение. Витраж починен в 1608 году; восстановлен в 1703 году; перемещен в этот придел в 1884 году; разрушен в 1941 году; восстановлен в 1956 году”. В истинности этой истории нет причин сомневаться. Во время земляных работ, когда участок готовили к строительству административного здания графства, был найден межевой камень с надписью: “Граница земли коробейника. 1777 год”. Административное здание и теперь стоит на древней земле коробейника.

Неудивительно, что река, которая в далекие времена была обиталищем потусторонних сил, позднее станет ассоциироваться с более “привычными” формами сверхъестественного;

таинственное присутствие длительно, пусть даже оно проявляется предсказуемым или смехотворным образом. О призраках Темзы написана не одна книга. Есть сообщения о встречах с ними в Виндзоре и Слау, Мейденхеде и Оксфорде. Писали о привидениях в Хенли. Была “серая дама из Леди-Плейс” в Херли; в Бишемском аббатстве видели призрак леди Хоби. “Женщина в белом” будто бы возникала в номере гостиницы “Джордж” в Дорчестере; некая “маленькая леди” порхает вокруг бара “Петушиная арена” в Итоне, существующего с XV века. В Кемпсфорде призрак выглядывает из окна разрушенного аббатства. В Дорни в особняке Дорни-корт маленькая серая дама сидит в спальне и плачет. Предсказуемым, вероятно, следует считать то, что на территории старинного Дорчестерского аббатства видели монахов. Имеется много таких историй, постоянно возобновляемых в устном предании.

Каждая история какого-нибудь места в долине Темзы, какого-нибудь прибрежного городка или деревушки содержит эпизоды с гостями из мира духов. Много таких гостей, кажется, было в Кукеме (семь по последнему счету), в том числе юноша в старинной кожаной безрукавке в Кукем-Дине и девочка в Стрэнд-Уотер. Две прибрежные ули-

цы даже были названы в честь потусторонних пешеходов: Монашеская в Медменеме и Белой дамы в Кукеме. Говорят, помимо прочего, что на этой улице Белой дамы темной ночью иногда можно увидеть призрачную карету с безголовыми лошадьми. Вблизи Кукема вдобавок людям являлся Херн-охотник — кельтский персонаж, получеловек-полуолень, который волновал народное воображение много столетий. В облике белого оленя его якобы видели на улице Белой дамы. Согласно легенде, эта самая дама с развевающимися волосами участвовала в буйной охоте Херна, сам же Херн будто бы управлял повозкой. Получается, что все составные части древнего мифа — белая дама, рогатый бог, повозка-карета — возникают как "призраки" в позднем варианте той же истории. Это никакие не призраки, а образы утраченной веры. Так действует людское воображение.

Стоит, пожалуй, отметить, что в состав многих из этих видений входил, по описаниям, белый или белесый туман. Например, были независимые сообщения о "серебристой фигуре" и "белой, колеблющейся, как туман, фигуре" в Лоуэр-Базилдоне около Темзы. В Бишеме якобы некий призрак "протягивался через реку в виде разреженного

белого тумана, войти в который означало верную смерть". В Соннинге через улицу Соннинг-лейн иногда плыла "серая дама". Еще одна "серая дама" проходит через территорию Дейнсфилд-хауса на высоком речном берегу близ Херли. В Стритли видели "белую даму" в ночной рубашке, в Марлоу — "даму в накидке… вся одежда у нее серая". В Абингдоне, по старинному свидетельству,

> как доподлинно известно, существует зримый Дух в облике христианина (почти наверняка – женщины)… В дневное время над водой показывается только женская голова с прической, ночью же она постоянно проходит по мосту, вся в белом… и только шипит, как змея или гусь.

"Белую даму без головы" часто видели в Кливдене в одной аллее вязов. Можно предположить, что над поверхностью воды порой возникают сгустки тумана или пара, который, завихряясь, иногда принимает вид человеческой фигуры. Нередко людям слышится, будто "оно" всхлипывает или вздыхает, а в Кавершеме им чудятся всплески невидимых весел. Вероятно, все это — естественные речные звуки. Истории о призраках по крайней мере подчеркивают ту силу, которой

Темза, как по-прежнему считают, обладает. Реку не отпускает ее прошлое.

XIV
Река смерти

Развалины аббатства Чертси. “Кости… были густо разбросаны по всему саду”.

Глава 42
Приношения

Темза — это большая гробница. В ней лежали, пока вода не растворила их, тела умерших. В ней по-прежнему лежит оружие, остатки жилищ, украшения. Вода вечна; она способствует гниению и распаду; все возвращается в ее глубины. В Темзе находили украшения и ювелирные изделия, бритвы и щипчики, серпы и стамески, рапиры и топоры, ножницы для стрижки овец и крюки для мяса. Двое рабочих на землечерпалке в Барн-Элмс близ Хаммерсмитского моста обнаружили троянскую чашу (кантарос), изготовленную между 1000 и 700 годом до н. э. Греческий ритон (сосуд для вина в виде рога) II века до н. э. был найден в Биллингсгейте; гидрию (сосуд для воды) VI века до н. э. извлекли из речки Баркинг-крик. Обнаружены предметы с Кипра и из Микен. Было бы ошибкой считать племена, жившие здесь до вторжения римлян, “нецивилизованными” в каком-либо отношении; их культура несомненно была такой же богатой и сложной, как любая другая из тех, что цвели подле Темзы.

Были и иные важные археологические находки, имеющие прямое отношение к Темзе. Налицо непреложный факт: более половины наконечников копий Бронзового века, обнаруженных в регионе Темзы, лежали в самой реке. Точки, где находили изделия из металла — лезвия топоров с отверстиями для топорищ, пальстабы, мечи, наконечники копий, — большей частью расположены в Темзе или около нее. Точно такая же картина — с топорами эпохи неолита, которые археологи извлекали из Темзы (особенно часто на отрезке между Рединго́м и Стейнзом). Все это показывает, что река в разные периоды была в фокусе ритуальной деятельности.

Трудно предположить, что оружие теряли в реке случайно: его там слишком много, и налицо многозначительные скопления предметов. Напрашивается мысль, что это религиозные приношения, с помощью которых пытались умилостивить речных богов — например, предотвратить наводнения. В те времена климат был более влажным, чем теперь, и есть данные о периодических повышениях уровня воды в реке. Потому-то и было высказано предположение, что на смену почитанию богов земли и неба тогда пришло поклонение водным божествам. Не ис-

ключено также, что оружие и другие предметы бросали в Темзу, чтобы упрочить ее роль как оборонительного рубежа. Было подмечено, что в тот период, когда население быстро росло и уплотнялось, более существенную роль стали играть вопросы границ и территорий. Река была важнейшей естественной границей в регионе, и вполне вероятно, что ее оборонительное значение подкреплялось приношениями богам.

Ритуальные дары были частью речной жизни на протяжении многих тысячелетий. Считается, что к позднему Средневековью их стало меньше, но есть данные о том, что полностью подобные ритуалы не прекратились. Поклонение рекам — явление повсеместное. Ахилл срезал и кинул в реку Сперхей в качестве приношения свои волосы. Троянцы топили в Скамандре живых лошадей, а позднее они приносили в жертву животных на алтарях, установленных у этой реки. Индейцы-алгонкины бросали в водопады табак. Греки закалывали животных, держа их над рекой, чтобы кровь смешивалась с проточной водой.

Самые ранние обнаруженные в Темзе предметы — куски кремня и кости животных — относятся к периодам верхнего палеолита и раннего

мезолита. Они свидетельствуют о том, что предполагаемое поклонение реке уходит в глубокую древность. Найдено также много предметов (включая обожженные куски кремня, гончарные изделия и кремневые орудия) эпохи неолита. Из Темзы извлечено немало неолитических топоров, в ее эстуарии обнаружен ряд корнуолльских топоров той же эпохи. Со дна реки, кроме того, было поднято много наконечников булав. В описании реки, составленном тридцать лет назад, перечислено 368 неолитических топоров. Они были в хорошем состоянии и, судя по всему, не использовались для обычных целей. Если каменное оружие — эмблема власти, то принести его в большом количестве в дар реке означает укрепить свой авторитет и престиж. Целью приношений, вероятно, было снискать милость богов либо для себя, либо для умерших.

Подобные ритуалы, похоже, играли важнейшую роль в Бронзовом веке, от которого нам достался самый богатый урожай речных и береговых находок. Предметы различных типов оставлялись на различных участках берега: орудия — на сухих, оружие — на более мокрых. Получается, что влажной местности доверяли более дорогие и сложные изделия. В самой же

реке приношения в виде костей, оружия и украшений четко отделены друг от друга. Возможно, дух каждого участка реки имел свои особенности? В Итоне, к примеру, у Темзы обнаружены скопления черепов, а металлических изделий, напротив, там нет. Металл в большом количестве найден в другом месте. Кроме того, высказывалось предположение, что одни отрезки реки были посвящены “женским” предметам, другие — “мужским”.

В XIX веке коллекционер Томас Лейтон нашел двадцать восемь рапир среднего Бронзового века, тридцать три меча позднего Бронзового века, тридцать четыре наконечника копий и шесть бронзовых серпов. Создается впечатление, что есть люди, чуткие к духу места, которые неким таинственным образом находят подводные клады. Может быть, конечно, Лейтону просто повезло, но не исключено, что он читал знаки, как читали их наши предки: внезапное завихрение воды, где встречаются два потока, или тихая зона на беспокойном в целом участке. На низких илистых берегах, заливаемых приливами, и ныне можно увидеть приречных искателей — так называемых “жаворонков”, — которые во время отлива вглядываются в оставленные водой обломки и

мусор. “Общество жаворонков Темзы” насчитывает примерно семьдесят членов, каждый из которых, похоже, наделен некоей интуитивной связью с рекой. Нередко им улыбается особая удача. Один искатель нашел хвост маленького бронзового павлина; год спустя в другом месте реки он обнаружил оставшуюся часть фигурки. Ходит много других подобных историй. Это — одно из характерных свойств Темзы: она способна делать разбитое целым.

Вокруг оружейных приношений реке в Бронзовом веке существует много важных ассоциаций. Согласно одной теории, это был ритуальный акт возвращения оружия в стихию, из которой оно родилось: ведь вода — существенный охлаждающий элемент при закалке металла. Образ Экскалибура — меча из артуровских легенд, — поднимающегося над волшебным озером, служит многозначительным напоминанием о широко распространенном в древности поклонении воде. Возможно, бросая оружие в воду, его приносили в дар предкам или подземным духам. Не исключено, что оружие таким образом символически “убивали”, совершая акт искупления и благодарения. В Темзе найдено пять вырезанных из кости подобий кинжалов Бронзового века.

С водными церемониями связаны и обнаруженные археологами деревянные помосты (causeways) у рек и болот. Большой помост из деревянных столбов и досок найден в Флаг-Фен близ Питерборо. В Оксфордшире имеется искусственный брод из камня и дерева через рукав Темзы, и там же найдены металлические приношения. Но самый важный береговой археологический участок находится на самой Темзе — в районе Воксхолла. Табличкой ныне отмечено место на южном берегу, где древние поселенцы примерно в 1400 году до н. э. соорудили помост, нависающий над водой. Возможно, он служил ритуальным целям, позволяя участникам обряда бросать предметы в глубокую воду. Но, поскольку платформа вела к островку, ее сочли также и мостом. Она состояла из двадцати больших деревянных столбов в два ряда. Если это и правда примитивный мост, возможно, это первое подобное сооружение из всех, когда-либо построенных над Темзой. Среди столбов найдены два наконечника копий.

Были и более поздние приношения. В Кукеме со дна Темзы поднят кинжал Железного века с ножнами. О поклонении воде, распространенном в Железном веке среди кельтских племен в Галлии, писал в I веке до н. э. Страбон: по его словам, в озе-

ра в большом количестве бросали серебро и даже золото. В Темзу также кидали монеты и железные бруски, использовавшиеся в качестве денег, причем расположение находок указывает на некую разницу обрядов между племенами. Из реки были извлечены деревянный сосуд для питья Железного века с бронзовым подстаканником, а также чаша того же периода с маленьким круглым отверстием в дне. Существенно, что находки, как правило, сосредоточены на определенных коротких отрезках Темзы — в частности, между Брентфордом и Баттерси и между Теддингтоном и Твикнемом. Именно там обнаруживались, кроме того, предметы эпохи неолита и Бронзового века.

Вспышкой активности отмечен конец Железного века. К этому периоду относятся великолепный шлем с рогами, мечи и нарядная конская сбруя. В Баттерси со дна реки подняли щит Железного века с богатой чеканкой и красными эмалированными шишечками. Там же были найдены котлы, боевые топоры и железные ножны, украшенные кельтской эмблемой — двумя драконами. Похожие ножны с драконьим орнаментом извлечены из Темзы около Хаммерсмитского моста. Рост числа находок, свидетельствующих о поклонении реке, возможно, в какой-то мере связан с

общим сознанием опасности, причина которого — продвижение римских легионов к таинственному западному острову. В мире войн и слухов о войнах люди обращались к самым древним и самым могущественным богам.

Но и римляне были склонны к обожествлению вод. Количество ритуальных приношений реке, датируемых эпохой римского завоевания, достаточно велико, чтобы предположить: римляне перенимали или имитировали обычаи древних британских племен, которые они покорили. В Темзе были найдены броши и светильники, бронзовые статуэтки и красная самосская глиняная посуда. Кое-что, вероятно, было уронено в реку или выброшено в нее за ненадобностью, но ни в коем случае не все. Римское оружие зачастую изогнуто или скручено — словом, приведено в негодность, прежде чем его отдали реке. Тем самым подчеркивалось, что его жизнь в человеческом мире окончена.

Точно так же бронзовые фигурки, обнаруженные в Темзе, были нарочно искалечены: у одних не хватает конечностей, у других отломаны головы. У Лондонского моста нашли Меркурия без правой руки и Аполлона, лишенного ног. Это поразительное явление, связанное с Темзой.

Высказывалось суждение, что статуэтки языческих богов намеренно портили и топили в воде ранние христиане: в их мифологии подземный мир, с которым река была связана, превратился в ад как таковой. Темза, согласно этой теории, должна была, по мнению воинствующих христиан, переправлять идолов в царство дьявола. Но сильный довод против этого предположения — распространенность культа воды, приверженцы которого приносили реке в жертву изображения. Нет причин думать, что те, кто бросал богов в воду, отрицали их силу или само их существование; возможно, они видели в реке более мощное божество, в чьих могучих объятиях другим богам следовало оставаться? Не исключено, что перед актом передачи происходило ритуальное убийство богов, подобное человеческим жертвоприношениям более ранних времен. Это была одна из форм утверждения власти реки.

Большое количество римских предметов было найдено во время разнообразных раскопок и усовершенствований в районе Лондонского моста. Это было главное место ритуальных приношений, куда, можно предположить, стекались те, кто жаждал обратиться к Темзе как к духу-хранителю или богу. Сам по себе мост считался

оскорблением божества, следовательно, просить реку о милости следовало с двойным усердием. Подле старых деревянных обломков на дне были обнаружены фигурки и статуэтки, светильники и горшки, колокольчики и ножи, веретена, стекло, ювелирные изделия. Найдены сотни и сотни монет, которые были сосредоточены напротив второго пролета нынешнего моста; судя по всему, на старом мосту здесь был алтарь или святилище.

Найдены и другие предметы, имитирующие человеческий облик; в 1834 году близ Лондонского моста обнаружили бронзовую голову императора Адриана. Со дна реки подняты и другие сокровища. В Баблок-Хайте нашли алтарь с изображением гения или бога, в Гринвиче — светильник с головой овна и человеческим лицом. Из Темзы, кроме того, извлечена ритуальная пластинка, вырезанная в форме алтаря. У Лондонского моста со дна подняли бронзовые ритуальные щипцы, посвященные матери-богине Кибеле. Это разрозненные находки на протяжении столетий, но они говорят о постоянном интересе к ритуалу и культу.

Многочисленные свидетельства своего присутствия на речных берегах оставили саксы

и викинги. В Куинхайте в прибрежном иле нашли монеты с изображением Альфреда Великого, из самой Темзы извлекли топоры, мечи и наконечники копий. Существенные находки, относящиеся к саксонскому периоду, имели место в Брее, в Виндзоре и близ Мейденхеда. Раннесаксонские наконечники копий обнаружены в таких различных районах, как Кливден и Уондсворт, и позднесаксонское оружие встречается на всех участках реки. Факты опять-таки говорят в пользу "ритуальной" теории. У одного саксонского меча, найденного в реке выше Шиллингфордского моста, отломано острие: над мечом совершили ритуал "убиения" — возможно, после смерти владельца. Со дна поднято много боевых топоров, мечей и наконечников копий, принадлежавших викингам. По последнему счету, из Темзы извлечено двадцать четыре меча викингов. Эта река поистине ненасытна.

В Средние века благоговение перед ней, судя по находкам, не уменьшилось. Богомольцы, возвращаясь из Кентербери и от других святынь, имели обыкновение бросать в воду свои паломнические эмблемы; на одном лишь маленьком участке берега чуть восточнее моста Блэкфрайерз, где, судя по всему, была пристань, обнаружено около 250

эмблем из сплава олова со свинцом. Среди изображений на них — колесо св. Екатерины, створка раковины в честь св. Иакова Компостельского и роза св. Доротеи. В Темзе лежали, кроме того, деревянные реликварии и бронзовые статуэтки святых. Паломники, вероятно, молили святых о защите, но характер ритуала говорит и о том, что их в не меньшей степени интересовали языческие божества Темзы. В ней находили распятия с отломанной головой Христа; многие образы святых на эмблемах опять-таки лишены голов. В Уоппинге обнаружили латунный реликварий, приспособленный для того, чтобы в нем хранился череп. Возможно, это разновидность колдовства, основанного на внушении и имеющего целью защитить голову и шею владельца; так или иначе, здесь сохраняется дух древних обрядов.

В Биллингсгейте около берега найдены два серебряных пенса времен Генриха I; они были согнуты символическим способом, напоминающим ритуальное обламывание оружия и “ампутацию” частей тела у человеческих фигурок. Из реки подняты многие сотни средневековых трактирных жетонов, причем все они согнуты или перекручены. Одна красивая, тщательно изготовленная эмблема паломника с изображе-

нием Богоматери и Младенца была перед тем, как ее бросили в Темзу, сложена в несколько раз. Небольшой свинцовый сосуд — ampulla, — на котором изображено мученичество св. Фомы Беккета, найден близ причала Топпингс-уорф. Из Темзы извлечены также сотни церковных жетонов, дававших право принять причастие. Все это были священные приношения, нарочно приведенные в негодность, чем подчеркивался переход предметов из естественного мира обычного использования в мир иной. Но кому эти приношения были предназначены?

В реке найдено много кинжалов, копий, мечей и другого оружия XII–XVI веков, причем многие из этих предметов согнуты или сломаны так же, как оружейные приношения Бронзового века. На некоторых находках имеются надписи, обращенные к тем или иным богам или силам, например: Ave Ami (Привет тебе, друг!) или Ecce Edwardus (Се Эдуард!). В воду бросали и миниатюрное оружие из сплава олова со свинцом, как в Железном веке поступали с “оружием” из кости. Найдены ружья и пушечки уменьшенного размера, а также миниатюрные кувшинчики и котелки; обнаружена маленькая средневековая сковородочка с крохотными рыбками. Все это сочли средне-

вековыми игрушками, которые уронили в воду неосторожные дети, катаясь по реке на лодках, но пусть историки Темзы задумаются, прежде чем принять такое объяснение. Может быть, это вовсе не игрушки, а копии подлинных предметов, предназначенные для совсем иной цели.

Как такое знание речных обычаев смогло просуществовать три тысячи лет с лишним? Ведь об этом ничего не было написано ни в каких средневековых книгах. Знание передавалось изустно — через легенды и поверья, связанные с Темзой. Даже в XIX веке женщины бросали в воду булавки, предварительно согнув их. Это поистине необычайный пример длительного существования обряда. Не менее существенны приношения реке в виде животных. У причала XIV века близ Триг-лейн в Лондоне на дне рядом с деревянным столбом лежали две половинки овечьей челюсти. Так люди пытались защитить сооружение от пагубного воздействия воды. Под основанием второго пролета моста Блэкфрайерз, который строился в 1760-е годы, обнаружены кости людей и животных. Старые обычаи никуда не исчезают. В XIX веке капитаны кораблей все еще бросали в реку монетки, чтобы “купить ветер”.

О священных или магических речных делах го-

ворит и более диковинный предмет — bellarmine, каменный кувшин, который называли еще “ведьминой бутылкой”. В XVI и XVII веках подобные кувшины использовали как средство против колдовских чар, кладя в них гвозди, лоскутки, полусгоревшие уголья и другие мелкие предметы. Кувшины были обнаружены в реке у причала Ползпир-уорф, в Степни, в Вестминстере, в Грейвзенде и в Чизике; на дне Темзы их наверняка лежит гораздо больше. Это — практическое свидетельство тесной связи между рекой и миром сверхъестественного, звено, оставшееся неразомкнутым со времен раннего мезолита.

Темза хранит в себе весь мыслимый мусор: птичьи клетки и уретральные шприцы, часы и табуретки, курительные трубки, склянки, щипцы для завивки париков. Немецкая керамика лежит поверх венецианского стекла. Кремневый топор может делить участок дна с горшком XVI века и велосипедным колесом XIX века. Немецкая бомба может соседствовать с миниатюрным седельным пистолетом, фрагмент римской статуи — с головешкой от Великого пожара. Средневековый плотницкий топор мог окончить жизнь подле римского кухонного горшка и коробочки для монет XIX столетия. В древней реке ни одно из

времен не гибнет безвозвратно, прошлое и настоящее сохранены бок о бок, тесно переплетенные между собой. Река бросает времени вызов, у ее дна, покрытого толстым слоем ила, в воде мало кислорода, необходимого для органического распада. Из Темзы извлекали железные изделия, которые, стоило смыть с них грязь, блестели как новенькие. Бронза и латунь сияют в речной глубине. Глиняная трубка XIX века, найденная на затопляемом приливами илистом берегу, выглядит так, словно ее обронили минуту назад. Река — великое хранилище прошлых жизней; в ней по-прежнему живут былые культуры, которые цвели на ее берегах.

Глава 43
Речные головы

Прослеживается любопытная связь между Темзой и отрубленными головами. Самый очевидный ее символ — конечно, головы казненных, выставленные на Лондонском мосту, но это зрелище — сравнительно позднее проявление древнего феномена. Головы бросали в реку с незапамятных времен. Согласно недавним подсчетам, в русле Темзы в общей сложности было обнаружено почти триста человеческих черепов, датируемых разными периодами от неолита до Железного века, причем головы попадали в реку в “оголенном” виде — то есть либо с них сдиралась плоть, либо, скорее, они долгое время гнили на суше, пока плоть не отделялась от костей сама. Только у четырнадцати черепов имеется нижняя челюсть. Но это — лишь документированные находки, относящиеся к обычаю, который, видимо, носил массовый характер. Археологи находили подле реки ямы с черепами эпохи неолита; в одной такой яме близ Саттон-Кортни было десять человеческих черепов. У некоторых из них до

захоронения была отделена нижняя челюсть. Следы на черепе, обнаруженном в Стейнзе, показывают, что голова была отрублена. Недавние раскопки принесли ряд человеческих черепов Бронзового и Железного века, которые нарочно были помещены на берегу реки. Делалось ли это с целью наказания или в знак благоговения — остается неясным.

Большое количество черепов римлян и британцев кельтского, или раннебританского, периода обнаружено в реке под Челсийским мостом. Можно предположить, что это просто-напросто последствия одной из кровавых битв, но как объяснить, что найдены только черепа? Представляется более вероятным, что головы отделили от тел до того, как они попали в Темзу. Участок реки около Баттерсийского моста в свое время назвали “кельтской Голгофой” — опять-таки из-за черепов. Еще в 1857 году была опубликована статья “Об обнаружении кельтских черепов в окрестностях Лондона”. В лондонском районе Стрэнд-он-де-Грин в конце 1920-х нашли более сотни человеческих черепов. Подобные находки имели место и в Кью, и в Хаммерсмите. Обилие черепов идет от конца доисторического периода, и напрашивается мысль, что с какого-то момен-

та Темза в некотором смысле была настоящей бойней. Большей частью эти находки были сделаны между Лондоном и Оксфордом, причем особенно много их на участке реки от Ричмонда до Мортлейка. Возможно, это отражает разницу в плотности населения на берегах Темзы, возможно — просто-напросто разницу в интенсивности работ по углублению дна.

В реке обнаружены и искусственные головы, самая известная из которых — голова императора Адриана, брошенная в Темзу около Лондонского моста. На том же участке Темзы найдена мраморная женская голова, а недалеко от берега у Фиш-стрит-хилла — бронзовая головка девочки. И, кроме того, в водах Темзы немало скульптурных человеческих изображений, намеренно лишенных голов. В частности — маленькие фигурки из бронзы. Не было ли это особой формой связи с потусторонним миром духов или с речными божествами?

Идея значимости и святости человеческой головы несомненно входила в состав древних британских верований. Душа, по убеждению британцев, обитала не в сердце, а в голове человека, и вполне возможно, что, отдавая реке голову умершего, люди отправляли в мир иной, символом

которого была река, также и душу. Тацит пишет, что саксы задолго до того, как они колонизовали Британию, имели обыкновение топить врагов в реках, принося их в жертву богине Нертус. Кельты в ритуальных целях отсекали головы врагов и соплеменников, после чего, как саксы, бросали эти головы в реку. Эта практика продолжалась и в христианские времена. Найдено много фигур христианских святых с отломанными головами; в XIX и XX веках, как мы увидим, из Темзы не раз извлекали отрубленные головы и безголовые трупы.

С этим явлением связана одна история, которая содержится в старинной кельтской балладе. Ее герой Риах построил “дом” или храм над колодцем, куда он бросил отрубленные головы воинов, убитых в сражении. Но сила, исходившая от этих голов, возбудила воду до такой степени, что она стала опасной, и Риаху пришлось воздвигнуть над колодцем более прочное строение, чтобы держать ее в узде. Не помогло. Вода хлынула на него, и он утонул. В этой легенде проведена недвусмысленная связь между отрубленными головами воинов и священными свойствами воды. Вода в некотором смысле отзывается на “ману” (магическую силу) этих голов. Нет ли

здесь некоего намека на объяснение ритуала, из-за которого человеческие черепа оказывались в Темзе? Камден считал, что название Мейденхед связано с религиозным почитанием головы некоей британской девственницы (maiden — девица, head — голова), которая якобы принадлежала к числу одиннадцати тысяч девственниц, принявших мученическую смерть вместе со св. Урсулой на берегах Рейна.

Есть и другие мифы, знаменующие еще более тесную связь между головами и Темзой. Кельтский бог Беленус был наделен властью забирать в потусторонний мир головы принесенных в жертву. Как уже было отмечено, рынок Биллингсгейт на берегу Темзы, возможно, назван в честь Беленуса. Эта этимология хоть и не бесспорна, но наводит на размышления: что если Беленуса в древности действительно считали одним из богов реки? Другая речная легенда не менее интересна. Британский великан Бран, смертельно раненный в бою с ирландцами, приказал, чтобы его голову поместили у Темзы на нынешнем Тауэр-хилле как оплот против вражеских нападений. Пока лодочники везли эту голову вниз по Темзе, она изрекала пророчества о судьбе острова. Древние поэты утверждали, что король Артур велел

убрать голову, поскольку считал, что стране не нужно иного защитника кроме него самого. Вот почему Лондон — и Англия вместе с ним — подверглись вторжению римлян. Помимо прочего, bran на современном валлийском и старинном бретонском языках означает “ворон”. Поэтому Карл II, поселив воронов в Тауэре, всего-навсего возродил старинную традицию.

Гипотезу о ритуальных убийствах подтвердила еще одна, сравнительно недавняя, находка. В конце XX века в Уолбруке, притоке Темзы, впадавшем в нее в районе лондонской Каннон-стрит, было найдено сорок восемь человеческих черепов. Еще десять извлечено из другого ее лондонского притока — реки Ли. Несомненно, многие черепа еще ждут обнаружения. Уолбрукские головы, как считалось, принадлежали либо жертвам нападения на Лондон Боудикки в 60 году н. э., либо погибшим в каком-то другом столкновении между римлянами и британцами. Но остается вопрос: почему только черепа? Эти люди были взрослыми молодыми мужчинами, и, что важно, их черепа, прежде чем попали в проточную воду, лишились плоти. Нижние челюсти у них отсутствовали.

Головы, демонстрировавшиеся на Лондонском

мосту, таким образом, составляют часть давней традиции. Их выставляли там на протяжении многих веков. Иногда их вымазывали в дегте, иногда нет; насаженные на пики или шесты, они гнили под солнцем и дождем. В начале XIV века, когда появились первые письменные сообщения о головах, их помещали на башне или воротах у северного, ближайшего к городу, конца моста. Из казненных, чье имя нам известно, первым был сэр Уильям Уоллес. Позднее (точного момента мы не знаем) головы начали водружать над большими каменными воротами со стороны Саутуорка на южном берегу. Их стали называть “воротами изменников”. В 1598 году один немецкий путешественник насчитал около 30 голов, и на панораме 1597 года они напоминают гроздь винограда. Головы вообще-то были не единственными частями тел, которые выставлялись на мосту: помимо них — еще ноги и “четверти” казненных за измену, так что ворота напоминали мясницкую. Однако те, кто занимался этим мрачным делом, участвовали в ритуале более древнем, чем они могли себе представить: они не столько “наказывали” умерших, сколько предлагали их души в дар “иному миру”, которым является Темза.

Глава 44
Река смерти

Весной 2004 года в Лондоне на южном берегу Темзы прошла выставка, которая привлекла к себе большое внимание. Называлась она “Пропавшие”, и на ней были показаны фотографии примерно восьмидесяти человек, которые просто-напросто исчезли. Более подходящего места для такой выставки и придумать было нельзя. Темза — река исчезнувших. Из первых восьмидесяти неопознанных трупов, значащихся в списках Национального бюро по исчезнувшим людям, четырнадцать были найдены в Темзе или около нее: “…обнаружен в Темзе близ Эрита… в Темзе около колеса обозрения ‘Лондонский глаз’… в Темзе в районе Ротерхайта… в Темзе у Хаммерсмитского моста”. И так далее. В контексте истории реки это не составляет ничего необычного.

Есть некая сила — возможно, та самая, что названа у Диккенса “влечением к ужасному”, — которая и ныне гонит многих людей к реке. Во все времена бродяги и нищие спали или жили

под мостами или даже на мостах. Беднейшие из бедных обоего пола, как известно, пользовались скамейками на набережной Виктории от Вестминстерского моста до моста Блэкфрайерз почти с момента ее сооружения. Их устойчивая завороженность рекой наводит на размышления. Не ассоциируется ли у них течение реки со временем, которое, к счастью, проходит? Или все дело — в возможности погрузиться? А может быть, тут более прозаическое желание: находиться подле других, испытывающих такие же тяготы? Возможно, Темза потому зовет потерянных и обиженных, что она всегда была накоротке с потом, трудом, бедностью и слезами. Бродяг и отверженных всякий раз толкает к ней одна и та же надежда, одно и то же одиночество. Река — огромный водоворот страдания.

Ее темноту понимали как связь с дьяволом. В XVI–XVII веках в речных парадах участвовали люди, наряженные демонами; они изрыгали над водами Темзы красно-голубое пламя. “Ужасный, чудовищный вид имели они, — пишет Стоу, — и шум производили отвратительный”. На болотистой земле близ Баркинга, около участка Темзы, называемого Гэлионз-рич, стояло, глядя на реку, здание, называвшееся в конце XVIII века “домом

дьявола”; оно долго пребывало в полуразрушенном состоянии и использовалось как укрытие для скота. Чуть выше Радкота один отрезок реки по неизвестным причинам назывался “адским поворотом”.

Темза — это во многом река мертвых. Она способна калечить и убивать. Между фигурой лодочника или паромщика на Темзе и фигурой Харона есть, чувствуется, некая связь. В Уоппинге был спуск к реке, получивший название “Лестница мертвеца”; туда из-за каких-то особенностей прилива и течения раз за разом прибивало тела утопленников. Между Айл-оф-Догс и Детфордом есть излучина реки, где труп, двигавшийся к морю, мог задержаться. Тамошний док некогда называли “доком мертвецов” из-за количества тел, найденных при его сооружении. Если разлагающийся труп, миновав эти западни, проплывал мимо берега, именовавшегося Лоуэр-Хоуп (“Нижняя надежда”), то надежды действительно не оставалось. Тело исчезало навсегда. Был, кроме того, “остров мертвецов” близ болота Тейлнесс-Марш в эстуарии, получивший название из-за того, что там хоронили умерших от холеры; трупы поступали с плавучих тюрем, стоявших на якоре поблизости во время наполеоновских войн.

Находили там и утопленников не столь давних времен; у одного, согласно показаниям местного лодочника, “из глаз, изо рта, из носа торчали креветки…”

Темза всегда была ненадежной рекой со скрытыми опасными течениями под спокойной поверхностью. Удивительно быстро человека может засосать, затянуть вниз точно невидимыми руками. В районах, примыкающих к старым докам, вода порой возникала перед неосторожным пешеходом внезапно, без причалов и ступенек, и он в испуге отшатывался.

Река во все времена привлекала самоубийц, но некоторые ее участки были особенно популярны. В конце XVIII века француз Пьер-Жан Гроле писал, что берега Темзы для того застроили пристанями и мануфактурами, чтобы отгородить реку от людей, имеющих “природную склонность англичан, и особенно лондонцев, к самоубийству”. А вот недавний пример: молодая женщина специально приехала в Лондон из Парижа, чтобы утопиться в Темзе.

Вода — поистине меланхолическая стихия, рождающая мысли о том, что все преходяще. В ней все растворяется, с ней все уплывает. Она — материал, из которого отчаяние может вы-

строить себе дом. Проточная вода — постоянный источник покоя и забвения, но что если покой и забвение пожелают сделаться вечными? Что если мечта об уходе, об изоляции сосредоточится на воде как таковой — темной, закручивающейся? Это путь к самоубийству.

Из Средневековья до нас дошло несколько сообщений о самоубийствах в реке. Поскольку такой поступок считался смертным грехом, карающимся адскими муками, самоубийц тогда рассматривали как умалишенных. Например, некая Алиса де Уэйнвик “утопилась в Даугейтской гавани, будучи не в своем уме”. О других утопившихся сказано, что они были “в состоянии помешательства”. Разумеется, для немалого числа средневековых горожан река стала местом последнего упокоения по другим причинам: многих попросту убили и бросили в Темзу. Есть сообщения и о свалившихся в реку пьянчугах.

Многие утопившиеся в Темзе остались безымянными и неоплаканными — для того, может быть, они и выбрали такой способ самоубийства, — но ряд индивидуальных случаев все же сохранен в документах. 24 февраля 1666 года Пипс написал в дневнике, что нанятый им лодочник, когда они проплывали под мостом,

рассказал ему про утопившуюся в Темзе хозяйку расположенной у моста таверны “Медведь”: “…она, кажется, давно пребывала в унынии и не раз пыталась покончить с собой”. В 1680-е годы сын сэра Уильяма Темпла, тогдашнего военного министра, нанял лодочника, чтобы “промахнуть под мостом” — то есть проплыть под Лондонским мостом в тот промежуток времени, когда отлив превращает течение в бурный поток. Как только лодка вошла в узкий пролет, Темпл бросился в воду и мгновенно утонул. Позднее выяснилось, что его карманы были полны камней, но это, пожалуй, было излишне. Водная масса весом в сотни тонн отправила его на дно, и поток затем крутил его тело, поднимал и снова швырял вниз. Если бы даже он пережил падение, он, несомненно, увяз бы в донном иле, засасывающем тела, как трясина. Если бы и это его не убило — он умер бы через шесть-семь минут от переохлаждения. В анналах лондонских преступлений сохранился не один случай, когда преступник спасался от преследователей, переплывая реку. Для них она оказывалась устрашающим препятствием.

Вода как таковая черна; даже современный ныряльщик может потерять ориентацию из-за практически нулевой видимости. Место,

где выпрыгнул из лодки Темпл, называлось “мальштрем”; особенно славились окрестности среднего пролета — там, как пишет Джордж Борроу в романе “Лавенгро” (1851), была “жуткая пучина, которая завораживала меня сверхизобилием ужаса. Не прыгнуть ли? Я слыхал о подобных случаях…” Темная, бурная стремнина способна произвести роковое впечатление на неподготовленного, и он может покончить с собой, повинуясь инстинкту, а не осознанному решению. Будь лондонская вода чиста и приятна, прыгнуть в нее было бы намного труднее.

Многократно утверждали, кроме того, что потенциальных самоубийц манит глубокая и тихая вода. В старые времена застойные воды считались обиталищем злых духов, и, возможно, в немалом числе они таятся в Темзе на спокойных ее участках, норовя завлечь человека в свое логово. Речные самоубийцы обычно не хотят, чтобы их увидели, чтобы их нашли. Они желают исчезнуть — и только. Исчезнуть без следа и по возможности без боли. Можно вообразить себе дискомфорт, причиняемый водой, — но не боль. Иные утверждают, что это мирная смерть, — но как они могут знать? Говорили, что женщины всплывают лицом вверх, мужчины — лицом

вниз, но это, без сомнения, только миф, бытовавший среди речного люда.

В 1756 году Стивен Дак, сельский поэт, подвергавшийся насмешкам, бросился в Темзу позади Черного трактира в Рединге; свою роль здесь, возможно, сыграла его фамилия[95]. Другой поэт XVIII века — Уильям Купер — избрал было такой же путь в небытие. Впоследствии он писал:

> Не отваживаясь отравиться, я решил, что утоплюсь. С этой целью я нанял карету и приказал везти меня к Тауэрской пристани, желая броситься в воду с таможенного причала. Я оставил карету на пристани, не намереваясь садиться в нее снова; но, подойдя к воде, я увидел, что она стоит низко, и рядом на каких-то мешках сидел грузчик, словно нарочно, чтобы воспрепятствовать мне. Итак, этот путь в бездну был для меня милостиво закрыт, и я вернулся в карету.

Слово “бездна” хорошо подходит для характеристики этого участка лондонской Темзы.

Но самым урожайным на самоубийства оказал-

---

[95] Примечания: 95
Duck как глагол означает “нырнуть, окунуться”.

ся век XIX. Молодой лакей из Херли, удрученный гибелью брата, утонувшего в реке, бросился в нее же, надев купальный костюм, чтобы его одежда осталась родственникам. Он пожелал воссоединиться с братом через сходную смерть, как если бы вода была пристанищем потерянных душ. Другой молодой самоубийца из Херли повесил себе на шею, прежде чем прыгнуть в реку, 25-килограммовый груз. Бывают времена, когда простейший предмет могут принять за символ смерти. Когда жители Брея увидели плывущую по реке шляпу ушедшего на покой торговца канцелярскими товарами, они сразу подумали худшее; позднее выяснилось, что его тело "уютно устроилось" в питейном заведении. Там же, в Брее, к запруде прибило картуз помощника пекаря; его труп обнаружили только три недели спустя.

В газетах XIX столетия содержится много подобных историй. Один работник пивоварни в Марлоу, задолжав владельцу тринадцать фунтов, вошел в зимнюю реку и стоял в ней, пока не погиб от переохлаждения. Другой работник, у которого умер ребенок, бросился в реку, каким-то образом связав себе перед этим руки и ноги. В Виндзоре почти одновременно в Темзе утопились бывший управляющий театром и дворецкий.

Заведующий лондонской прачечной, прежде чем прыгнуть в реку близ Виндзора (его тело позднее нашли у островка, называемого Обезьяньим), сказал дочери: “Загляни мне в глаза — и увидишь там смерть”. Тут возникает некая ассоциация с отражениями в реке: иной раз можно поглядеть в воду и узреть в ней смерть.

Виндзор вообще был популярным местом у желающих свести счеты с жизнью. Одна молодая особа бежала там к Темзе с криками: “Уильям!” и “Помоги мне, Боже!” Зафиксированы и слова других самоубийц: “Оставьте меня. Я хочу умереть. Я сошел с ума!”, “Дайте мне умереть! Дайте мне умереть! Я никому не нужен. Уйду и не буду мешать”, “Посмотрите на меня. Больше вы этого лица не увидите!” Многие самоубийцы-неудачники были недовольны своим спасением и стремились опять оказаться в воде. На тех, кто желает смерти, она оказывает сильнейшее завораживающее действие. Есть и такие, что прыгают в воду снова и снова, чтобы снова и снова быть выловленными. Лодочники сложили песни об утопленниках, где чаще всего говорится о судьбе несчастливых влюбленных или жертв любовной измены. В этих песнях, как правило, есть отчетливый местный колорит.

Знаменательная смерть Офелии высветила поэтическую природу самоубийства в воде, и многие из тех, кто искал гибели в Темзе, кажется, следовали ее примеру. Присоединение к великому множеству покончивших с собой в реке может сулить некий покой, и ассоциация, вероятно, умеряет ужас индивидуального ухода в небытие, освящает этот уход. Даже Джером К. Джером в юмористическом романе о поездке по реке “Трое в одной лодке” не удержался и рассказал историю, как тогда говорили, “согрешившей” или “падшей” женщины — историю, которая завершилась ее гибелью в Темзе:

> Весь день она бродила по прибрежным лесам, а когда настал вечер и сумерки окутали Темзу своей серой мантией, она простерла руки к молчаливой реке, свидетельнице всех ее радостей и печалей. И древняя река приняла ее в нежные объятия, и приютила ее истомленную голову у себя на груди, и прекратила ее мучения.

У Джерома такая судьба выглядит желанной: перспектива смерти в водах Темзы словно бы сулит покой и утешение. Что ж, возможно, это действительно так. Мы подозреваем, что много

тысяч лет люди использовали эту реку как путь для умерших к их месту назначения. Кто знает — может быть, современные самоубийцы просто идут путем предков?

В “мертвецкие”, расположенные на берегах Темзы, доставляли тела тех, кто, по выражению с вездесущих плакатов, был “найден утонувшим”. Согласно оценкам, в неделю обнаруживали три-четыре трупа, хотя иные смерти трудно было квалифицировать: самоубийство, несчастный случай, убийство? В районе лондонских доков недалеко от церкви св. Петра близ Олд-Гравел-лейн был разводной мост, который из-за самоубийств окрестили “мостом вздохов”. Кроме чистой силы примера трудно найти явную причину для столь высокой частоты самоубийств у этого моста. Мост Ватерлоо, открывшийся летом 1817 года, называли “утесом влюбленных”, “аркой самоубийц”, “мостом вздохов” и “мостом печали”. Временами он был довольно-таки уединенным местом; пошлина размером в пенс, взимавшаяся на каждом из концов моста, останавливала многих пешеходов. В середине XIX века за год в среднем здесь кончало с собой тридцать человек. Ближе к концу столетия у моста стояла наготове специальная лодка со шкивом для каната на

корме. Это была необходимая мера предосторожности, ибо самоубийца, сопротивляясь, мог стащить спасателя в воду. Впоследствии лодку сменил плавучий полицейский участок.

Высказывалась мысль, что в самой атмосфере близ моста Ватерлоо есть нечто, подталкивающее человека к самоубийству. В 1827 году сюда под вечер пришел немецкий поэт Генрих Гейне; позднее он вспоминал "черную тоску, которая однажды напала на меня, когда в сумерки я стоял на мосту Ватерлоо и смотрел на Темзу… На память мне приходили печальнейшие из историй". Это — свидетельство о темной, недоброй силе Темзы. Гейне продолжал: "Меня охватила такая душевная боль, что из глаз полились жаркие слезы. Упав в Темзу, они поплыли в могучее море, которое уже поглотило великие потоки людских слез и осталось к ним совершенно равнодушным".

Речные самоубийства и, в особенности, мост Ватерлоо завораживали и Чарльза Диккенса. В очерке 1860 года "Ночные прогулки" из книги "Путешественник не по торговым делам" он так описывает Темзу у этого моста:

> …река была страшной, дома на берегу были окутаны черным саваном, и каза-

лось, что отраженные огни исходят из глубины вод, словно призраки самоубийц держат их, указывая место, где они утонули. Луна и тучи беспокойно метались по небу, точно человек с нечистой совестью на своем смятом ложе, и чудилось, что сам необъятный Лондон своей тяжелой тенью навис над рекой[96].

Река в сознании Диккенса была неразрывно связана с мыслью о смерти.

Интересно, что его старший сын тоже был заинтригован причинами и числом самоубийств на Темзе. Он расспрашивал сборщиков пошлин на мосту Ватерлоо, хорошо разбиравшихся в этом вопросе.

Вот здесь самое лучшее место! А если прыгать с середины пролета, разобьешься, а не утонешь, бедняга, вот что с тобой будет… Но если ты прыгнешь вот тут, сбоку, то попадешь прямо в поток под пролетом… Надо смотреть, где прыгаешь.

Как показывает начало “Нашего общего друга”

---

[96] Примечания: 96
Перевод Ю. Кагарлицкого.

(1865), поиски тел утопленников были в то время ремеслом, дававшим возможность заработать. Гаффер Хэксем плавает вечерами на своей лодчонке близ Лаймхауса, выискивая все, что имеет сходство с человеческим телом, и рассчитывая в случае удачи получить деньги как за труп, так и за одежду на нем. Как во всех городских сценах, нарисованных Диккенсом, здесь очень много правды. В конце XIX века, к примеру, власти Суррейского берега Темзы платили за каждый найденный труп 5 шиллингов (крону), тогда как на Мидлсекском берегу платили всего полкроны. Поэтому тела, как правило, везли в Суррей. Там их фотографировали и отправляли не в полицейский участок, а в приходский морг. Невостребованные трупы в конце концов сжигались по распоряжению коронера, одежда же сохранялась для возможного будущего опознания.

Всего в нескольких шагах от “Лестницы мертвеца”, в штаб-квартире речной полиции в Уоппинге, можно увидеть “книгу мертвых”, или “журнал несчастных случаев”, где перечислены печальные находки. Запись от 2 июля 1966 года, к примеру, гласит:

> …на пирсе замечен пожилой, прилично одетый мужчина… Через несколько секунд посмотрели снова и как раз успели увидеть, как он с плеском упал в воду и его понесло отливным течением… Пока мужчина был в воде, он постоянно находился в поле зрения спасателей, которые не видели, чтобы он боролся за жизнь, и не слышали криков о помощи.

26 мая 1948 года под заголовком “Предполагаемое самоубийство” в журнале помещен отчет свидетеля: “Я услышал чей-то крик: ‘Прощайте!’ Оглянулся и увидел ноги мужчины, падающего за левый борт в кормовой части”. Речной полицейский добавляет: “Я отплыл на шлюпке, чтобы попытаться его спасти, но, когда я схватил его, он так отчаянно боролся, что сумел вырваться, и прежде чем я смог снова за него уцепиться, он утонул”. Он не желал быть спасенным. Чуть позже из воды достали “мужскую коричневую мягкую фетровую шляпу”.

Бывают дни, когда что-то подталкивает самоубийц к последнему шагу. Так, 31 декабря 1986 года произошло два самоубийства с промежутком в несколько часов. В 8.34 утра полицейские

“обнаружили на южном берегу труп женщины”; в 13.15 “найдено мертвое мужское тело на Баттерсийском участке близ пристани Фолкон-уорф”.

Итак, в XX веке самоубийц меньше не стало. Их окрестили “прыгунами” (слишком пренебрежительное словечко для решившихся на такой шаг), а в середине столетия — “жмуриками”. В длительный период речного загрязнения оказавшийся в воде имел поровну шансов задохнуться и отравиться, и в стандартный спасательный набор входил зонд для откачки содержимого желудка. В 2002 году Королевская национальная служба спасения на воде начала действовать в отношении тех, кто прыгнул или упал в Темзу, совместно с речной полицией и береговой охраной. За год зафиксировано почти четыреста случаев. Зимой самоубийств больше, чем летом. Любопытно (и это доказанный факт), что обитатели столицы составляют лишь меньшую часть погибших в Темзе. Мать одного молодого самоубийцы, жившего в Стритеме, сказала репортеру “Гардиан” в декабре 2004 года: “Не было причин, чтобы он там оказался. Это заколдованная река. Она засасывает людей”.

Ряд самоубийств прошедшего столетия имеют необычные особенности. Один мужчина при-

вязал к груди пакет с 3000 фунтов стерлингов, чтобы было чем заплатить за похороны. Другой утяжелил себя словарем и монетами почти на 200 фунтов. Некто, прыгнув в воду с грузом, оставил на илистом дне следы царапающих пальцев; похоже, он в последний момент пожалел о своем решении. Две юные сестры по неизвестной причине прыгнули в воду, связавшись воедино. Несколько молодых людей в шутку затеяли на берегу Темзы возню, в результате один из них полетел в реку; схватившись в воде за первый попавшийся предмет, он обнаружил, что держится за труп. Всеми этими тяжкими подробностями я обязан книге Рони Хорн “Другая вода” (2000) — одной из самых интересных работ о Темзе, вышедших за последние годы.

В воде трупы разлагаются медленней, чем на суше, где волосы и кожа особенно уязвимы. Но в низовьях реки тела могут ударяться о судовые борта и их расклевывают чайки. Диккенс отмечает, что кожа утопленников выглядит обесцвеченной и как бы обожженной, словно они погибли от огня, а не от воды.

Коронер, рассматривая дело о смерти в воде, скорее всего вынесет “открытый вердикт”, означающий, что о самоубийстве с уверенно-

стью говорить невозможно. Такая осторожность вполне объяснима: не все найденные в реке трупы принадлежат самоубийцам. По ней во все времена плыли и жертвы убийств. Массовой гибелью людей сопровождались старинные битвы, когда, по словам одного хрониста XIV века, речная вода была красна от крови. Темза издревле предоставляла весьма удобный и эффективный способ избавиться от трупа. Средневековые лондонские анналы пестрят сообщениями о найденных в Темзе телах. В XVI веке “близ Рединга много было убийств и грабежей, и немало людей найдены убитыми и брошенными в Темзу”. В XVII веке разбойники, промышлявшие на дороге между Хаунслоу-Хитом и Колнбруком, клали трупы ограбленных в мешки, утяжеляли их и кидали в реку близ Датчета. В результате этот участок Темзы стали называть “колнбрукским кладбищем”.

В XVIII веке Темза и ее лондонские притоки приобрели особую известность как места, где убийцы избавлялись от трупов. У реки Флит (или “канавы Флит”, в каковую она превратилась) стояла таверна, где собиралась шайка преступников. В подвале там был люк, открывавшийся над самой водой; из него выбрасывали тела несчастных, которых завлекали в таверну и убивали. В начале

XIX века в реке часто находили трупы членов противоборствующих бандитских группировок; только за один год таких тел было обнаружено тринадцать.

Подавляющее большинство этих преступлений так и не было раскрыто — несомненно, потому, что Темза действует как великий растворитель улик, мотивов и местных примет. Между тем тот факт, что лишь немногие из преступников были пойманы, мог наводить на иррациональные подозрения: не ответственна ли за убийства каким-нибудь образом сама река? В газетных публикациях XIX столетия Темзу часто изображали как зловредную силу, как действующее лицо мрачной повести о преступлении. Выходили популярные дешевые издания с такими названиями, как “Тайная Темза” и “Таинственные убийства на Темзе”. Их авторы использовали в своих целях дурную репутацию Темзы, сложившуюся в средне- и поздневикторианский периоды. В опубликованном позднее сборнике Эллиота О’Доннела “Великие тайны Темзы” (1928) рассказано о трех убийствах с расчленением, совершенных в Патни; автор высказывает предположение, что “убийца испытывал некую особую привязанность к этому району”. О другом

участке реки — близ Дагнема — он пишет, что “после захода солнца крики о помощи со стороны берега звучали здесь нередко, и слышавшие их, если шли в одиночку, содрогались и ускоряли шаги”.

Истории убийств на Темзе придает пикантности еще и то, что многие из жертв, оказавшихся в ее водах, были расчленены. К 1828 году относится сообщение о голове, найденной в Шадуэлле; в 1873 году расчлененный труп нашли в Баттерси, а в следующем году части двух тел были обнаружены в Патни и у моста Воксхолл, что заставило многих горожан думать о своей реке самое худшее. Как пишет О’Доннел, “никакая из прежних тайн, связанных с Темзой, не наделяла ее столь зловещей репутацией и не заставляла людей так сильно ее бояться, и много прошло времени, пока весь этот ужас не изгладился в умах горожан”. Сложилось мнение, что убийца или убийцы “испытывают отвратительное влечение к Темзе”. Знакомая всем река, серебристая Темза былых столетий стала внушать людям суеверный страх. Словно бы проснулись дремавшие в ней древние силы.

Одним из самых знаменитых “случаев” была серия убийств, произошедших в 1887, 1888, 1889

(в том году было найдено два тела) и 1902 годах. Первый труп обнаружили у дамбы в Рейнеме, графство Эссекс; отсеченная голова и члены были завернуты в грубую мешковину. Другие части того же тела нашли у пирса близ Темпла и в Баттерси. Согласно “Эссекс Таймс” от 8 июня 1887 года, “на набережной Виктории это вызвало немалое возбуждение”. Убийства на реке действительно вызывают возбуждение — хотя бы потому, что люди инстинктивно ощущают некую связь между убийством и проточной водой. В следующем году близ Пимлико из речного ила была извлечена женская рука; позднее были обнаружены и другие части тела, что побудило одну газету употребить выражение “кровавый карнавал”. В 1889 году различные части двух тел нашли у спуска к реке Сент-Джордж-стэрз, у моста Альберта, в Баттерси, в Уондсворте и в Лаймхаусе; “печень малого размера” обнаружили в Уоппинге. Только одна из жертв была опознана. Ходили слухи, что эти убийства — дело рук так называемого Джека Потрошителя, но подтверждения они не получили. К тому же они противоречили версии, согласно которой Джек Потрошитель утонул в Темзе (возможно, еще одно указание на то, что реку связывали с самыми жуткими преступными

деяниями). В самом начале фильма Альфреда Хичкока “Исступление” (1972) по Темзе плывет тело задушенной молодой женщины.

Немало знаменитых речных убийств было и в XX веке. В первые месяцы 1964 года близ Хаммерсмитского моста в реке нашли останки двух проституток; последующие жертвы были обнаружены хоть и на суше, но в прибрежных частях Чизика и Брентфорда. В 2001 году из реки извлекли часть человеческого торса, который, как выяснилось, принадлежал юному африканцу; полиция назвала его “Адамом”. Убийц не нашли, но сложилось мнение, что мальчика принесли в жертву приверженцы какого-то свирепого культа. Примерно тогда же полицейские обнаружили семь завернутых в белую ткань полусгоревших свечей, которые прибило к южному берегу Темзы. Не столь хорошо известно, однако, что всего девятью месяцами раньше в реке было найдено другое расчлененное тело — оно принадлежало молодой женщине по имени Кэти Деннис. Внутренности и ногу еще одной жертвы извлекли из реки близ Силвертауна. В совсем недавние годы в Темзе были обнаружены голова и конечности мужчины (но не торс). 8 июля 1999 года в иле “нижнего пула” была найдена человеческая

голова; с нее была содрана кожа, чтобы жертву не опознали. Прочие части тела, включая торс, нашли на других участках реки. Темза во все времена была неравнодушна к отрубленным головам.

* * *

Погибнуть в реке можно и по-другому. Например, утонуть вследствие несчастного случая. В приходской книге, хранящейся в церкви в Хенли около реки, читаем: “8 апреля 1563 года. Ignotus quidam viator. Sepultus[97]… Джон Смит, пришлый человек, утонул. Sepultus… 30 апреля 1611 года. Джеймс, барочник, прозванный Сладкое Яблоко, утонул. Sepultus”. В книге записей каждой прибрежной церкви мы найдем такие же свидетельства об опасностях Темзы. В 1585 году у шлюза в Марлоу “течение было такое сильное, и вода так ужасающе устремлялась вниз, что за короткое время были потеряны четверо, из коих трое утонули, а четвертому вышибло ум”. Вот вам яркое напоминание о свирепой силе воды. Темза на этом участке текла так стремительно, что его называли “стремниной Марлоу”, которая,

[97] Примечания: 97
Неизвестный путник. Похоронен. (*лат.*)

по словам поэта,

Немало чад сиротами оставила,
Отцов в пучине страшной погубила,
А матерей идти с сумой заставила.

Река может быть яростным, всесокрушающим божеством.

Одна брошюра 1647 года вышла под длинным, но выразительным названием: “Печальная и прискорбная весть из Оксфордшира и Беркшира — правдивый и грустный рассказ о том, как утонуло шестьдесят человек, мужчин, женщин и детей, в шлюзе близ Горинга в Оксфордшире, когда они с празднеств в Горинге плыли в Стритли, что в Беркшире”. Судя по всему, барочник подвел переполненное судно слишком близко к плотине, вследствие чего оно перевернулось. Даже по меркам Темзы число жертв было велико. Один из спасшихся говорил, что некоторые утопленники “распластались на дне, как лягушки”. Другие, кажется, совсем не пытались бороться: их нашли лежащими на спине, словно они уснули.

В 1763 году лодка, в коей было десять человек, проходя под Лондонским мостом вниз по течению, перевернулась, и трое утонули… В ночь на вторник барка, тяжело нагруженная лесом,

проплывая под Лондонским мостом, стукнулась о ледорез, и от удара Джон Герберт, один из барочников, к несчастию, упал за борт и утонул.

Четыре года спустя “вечером в понедельник, незадолго до десяти, лодка с тремя женщинами и двумя мужчинами перевернулась под Лондонским мостом, и все погибли”. И так далее, и так далее. Согласно подсчетам, выполненным в XVIII столетии, в среднем тогда у моста гибло за год около пятидесяти человек. Причиной большинства (если не всех) трагедий было желание проскочить под мостом, пользуясь быстрым приливным потоком. Эта старинная статистика наводит на размышления: как писал А. Дж. Черч в книге “Айсис и Тамезис” (1886), “англичанин очень любит приправлять свои удовольствия ощущением риска… и река радует его сильнее всего, когда он чувствует, что может и утонуть”. Это хорошо соотносится с мнением об англичанах как о нации потенциальных самоубийц и подчеркивает довольно-таки мрачную роль Темзы в национальной жизни. Об утоплении говорится не только в поэмах и песнях, но и в шуточных пятистишиях — лимериках, например в этом, взятом из “Книги чепухи” Эдварда Лира (1846):

Пожилому бедняге из Эмса

До того полюбилася Темза,
Что сказал он: нырну
И отправлюсь ко дну.
Так и сделал бедняга из Эмса.

В XIX веке, когда огромную популярность приобрели лодочный спорт и лодочные прогулки, было много случаев гибели в реке. Длинные платья дам делали их чрезвычайно уязвимыми, если они оказывались в воде. Иные отдыхающие, плывя на плоскодонке, случайно попадали шестами в донные ямы, другие теряли равновесие из-за перепоя. Некоторые, наоборот, переедали, вследствие чего, купаясь, становились жертвами судорог. Кое-кого фатально очаровывали речные прелести. Оставаясь на воде слишком долго, они безвозвратно погружались в туман и вечернюю мглу; лодка опрокидывалась в миг наивысшего веселья, или же они просто недооценивали коварный нрав мирной на вид Темзы. В июне 1896 года “Дейли мейл” поместила интервью одного смотрителя шлюза, который за годы службы видел с дюжину случаев, когда люди гибли в воде. В частности, “лодка, полная людей, однажды перевернулась при луне, их трупы всплывали один за другим и плавали в шлюзе”.

Даже речные профессионалы подвергались опасности. В 1881 год у в грозу погиб кукемский паромщик, когда перевернулась его плоскодонка; в 1893 году утонули паромщик из Шиллингфорда и его жена. В период с 1871 по 1890 год утонули смотрители шлюзов в Херли, Уитчерче, Пинкхилле, Абингдоне, Кавершеме, Шиплейке и Хэмблдине. Это большие потери в рядах тех, кто по существу были хранителями Темзы. Вспоминаются слова пророка Исаии: “Сторож! сколько ночи? сторож! сколько ночи?” Впрочем, естественно, пожалуй, что люди, работавшие и жившие на берегу, составляли немалую часть утонувших; сама по себе близость к воде повышает риск. Высокая смертность, однако, говорит о предательском характере реки и о связанных с ней непредвиденных опасностях. Особенно несчастливыми кажутся окрестности Темпл-Лока и Темпл-Миллза; здесь в разное время утонули две маленькие дочери и двадцатилетний сын смотрителей шлюзов.

Но самое ужасное из всех бедствий на Темзе произошло 3 сентября 1878 года. Ранним вечером из Грейвзенда в Лондон возвращался прогулочный колесный пароход “Принцесса Алиса”. Когда судно прошло поворот между Кросснессом и Мар-

гарет-Нессом, на участке реки около Гэлионз-рич (ныне называемом Темзмид), оказалось, что навстречу ему идет угольщик “Байуэлл Касл”. Судя по всему, произошла путаница сигналов, люди не разобрались, кто кому должен уступить дорогу, и пароходы столкнулись. Слышали, как капитан “Принцессы Алисы” кричал: “Малый ход! Стоп, машина! Куда мы идем? О Боже, куда мы идем?” Угольщик врезался в “Алису” и проломил ее борт. Один выживший пассажир сказал потом, что на меньшее судно словно бы обрушилась стена склада.

Нос и корма “Принцессы Алисы” задрались, и она начала тонуть. Через четыре минуты она уже была под водой, и почти все, кто на ней был, утонули. Водолаз, обследовавший затем судно на дне, сообщил, что двери салона были плотно забиты телами пассажиров, большая часть которых так и осталась в стоячем положении. Капитан другого судна, находившегося близко к месту трагедии, вспоминал: “Не могу это ни с чем сравнить, кроме как с отарой овец в воде”; по его словам, “Принцесса Алиса” растаяла, “как облако. Только что была — и вот уже ее нет и в помине. Река была полна тонущих людей”. Говорили, что Темза “стала саркофагом” — не в первый раз в

своей истории.

Некоторые из тех, кто, может быть, и доплыл бы до берега, пали жертвой загрязнения Темзы. За час до столкновения насосные станции, которые Джозеф Базалджетт недавно построил в Кросснессе и Баркинге, выпустили в Темзу 340 млн литров жидких отходов. Как писал в “Таймс” после катастрофы один химик, поток состоял из “двух сплошных столбов разложившихся канализационных стоков в состоянии брожения, шипящих, как содовая вода, от ядовитых газов. Эта масса была так черна, что вода изменила цвет на протяжении миль, и от нее шел отвратительный запах скотобойни”. В тот же день на Темз-стрит произошел пожар, вследствие которого в воду вылились скипидар и нефтепродукты. Было замечено, что тела, извлеченные из реки, покрывала некая слизь. Если ее смывали, она появлялась вновь. Одежда была обесцвечена и быстро начала гнить. Трупы были неестественно раздуты, из-за чего потребовались особые гробы, и разлагались стремительно. Некоторые из выживших позднее умерли от неизвестных причин. Через две недели после катастрофы сообщалось, что с тех пор шестнадцать из спасенных умерло и многие другие пребывают в опасном положении.

Впоследствии было подсчитано, что погибло примерно семьсот человек — это было крупнейшее в мирное время бедствие на Темзе. Примерно 160 тел не были востребованы, и их в конце концов похоронили в общей могиле на Вулиджском кладбище. Одной из немногих выживших была молодая женщина Элизабет Страйд, которая позднее заявила (может быть, ложно), что потеряла в этой катастрофе мужа и троих детей. Она стала третьей жертвой “Джека Потрошителя”. Говорили, что ее обращение к ремеслу проститутки стало прямым следствием семейной трагедии.

Единственным событием недавних времен, сравнимым с этим бедствием, стала катастрофа увеселительного судна “Маркиза” между Саутуоркским мостом и мостом Каннон-стрит 20 августа 1989 года. “Маркиза” водоизмещением в 91 тонну столкнулась с землечерпалкой “Боубелл” водоизмещением в 1498 тонн. Утонул пятьдесят один человек. Лорд Уильямс, тогдашний генеральный прокурор, спросил в ходе расследования: “Как могло быть, что, хотя столь многим людям столь долгое время было известно о риске серьезного столкновения на Темзе, бедствие все же случилось?”

Авторы XIX века, в отличие от их собратьев из

XX столетия, имели особую склонность к описаниям смерти и несчастных случаев. Дж. Д. Лесли, написавший книгу “Наша река” (1881), был одним из многих речных путешественников, неспособных устоять перед соблазном рассказать о картинной гибели в воде. Он описывает случай, которому был свидетелем: сын баптистского пастора попал в обратный поток у плотины. Лесли повествует о том, как “несчастный отец, полуодетый, ходил и ходил по краю плотины, то звал своего сыночка, то принимался молиться”. Когда тело ребенка наконец вытащил неводом рыбак, Лесли нашел, что оно “чрезвычайно красиво в смерти, ничем не запятнано и не повреждено”. Итак, смерть ребенка может выглядеть “красиво”; он сохранил свою чистоту, свою незапятнанность, и безвременная гибель в реке, безусловно, сделала эту чистоту едва ли не совершенной.

Связь между ребенком, Темзой и смертью вообще заметна в викторианских текстах, и в этой триаде можно увидеть символ двойственного отношения викторианцев к детству и невинности. Они сокрушались о печальной участи детей и в то же время посылали их на фабрики и на омерзительные городские улицы, где их ждала гибель. С любопытной истории начинается “Кни-

га Темзы" (1859) мистера и миссис Холл. Речь идет о девочке Эмили, которая при них наотрез отказалась перейти Темзу по простому деревянному мосту между Кемблом и Юэном. Она кричала, что ей страшно. Оказывается, когда-то раньше, когда она шла по этому мосту с бабушкой, они обе упали в воду. Эмили спасли, но "бабаня" — "веселая толстушка", по словам родных Эмили, — погибла, и труп ее не нашли. Когда Эмили глядит на Темзу, "все, что она видит на воде яркого, кажется ей лицом 'бабани', которая смотрит на нее из реки". Образ раздувшегося трупа и зловредное коварство реки угрожают невинности и даже пятнают ее. Это, согласитесь, довольно диковинное введение к книге о Темзе; в ней же спустя несколько страниц мы читаем о смерти в воде Джейбза Ллойда, лодочника, который упал лицом вниз в заросли кувшинок и умер до того, как его успели достать "из сетей, образованных золотыми чашечками цветов и широкими листьями". Смерть может облечься и в одеяния красоты. Из всякого произведения викторианской литературы, посвященного Темзе, можно извлечь некую мораль, пусть даже она неслышно таится под словесной поверхностью.

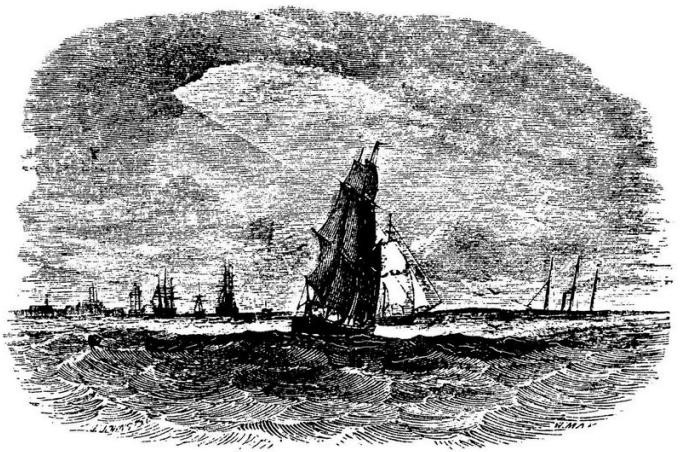
В кукемской церкви имеется необычный

настенный памятник сэру Исааку Поукоку, высеченный в начале XIX века. Изображено, как его, падающего в Темзу с плоскодонки, подхватывает ангел. Надпись гласит, что он “внезапно был призван из мира сего в лучшие обители, будучи на Темзе поблизости от своего дома”. Возможно, он из числа тех, кого мы видим восстающими из мертвых на картине Стэнли Спенсера “Воскресение на кладбище в Кукеме”.

Есть довольно любопытное выражение: “поджечь Темзу”, означающее: “сделать что-то необычное”, “сотворить чудо”. Одно из объяснений связано со словом temse (сито). Считалось, что рьяный работник может усиленным трением сита о закром добыть огонь, а про нерадивого, напротив, можно сказать: “Уж этот-то сита никогда не подожжет”. Эта версия столь прозаична, что похожа на правду. Между тем Темза ассоциировалась, помимо прочего, со смертью от молнии, и в верхнем течении реки на берегах можно видеть обожженные молнией деревья. Одно находится на вершине холма Сайноден-хилл. Такие деревья обычно считались священными. Бытовало мнение, что особенно легко загораются ясени. В “Книге Темзы” есть история о рыбаке, который сидел на берегу, “пока вдруг удар молнии не

лишил его зрения”. В XVII веке доктор Роберт Плот вспоминал сильнейшую грозу в Оксфорде, когда двоих ученых из Уодем-колледжа молния вышвырнула из лодки: “Один из них умер на месте, другого всадило как столб в береговой ил ногами вниз”. Чуть ниже Радкота по течению на самом берегу стоит еще одно пораженное молнией дерево. Огонь и вода не всегда бывают несовместимы.

XV
Конец реки



Темза и Медуэй

Глава 45
Низовья реки

Это таинственное, двойственное место. Где кончается река и начинается море? Эстуарий — промежуточная область, где соленая и пресная вода смешиваются то в равной, то в неравной пропорции. Это район малоизвестный и редко посещаемый. Река здесь меняет свою природу, приближаясь к морю, которое всегда враждебно человеку. Часть эстуария, куда выбрасывают лондонские отходы, и поныне называют Черной Глубиной. Вода здесь коварна и опасна, волны достигают двухметровой высоты. Река становится глубже, темней. По словам Джозефа Конрада, “устья рек, впадающих в море, многое говорят смелому воображению”[98].

Эстуарий занимает примерно 250 квадратных миль и имеет протяженность 30 миль — от Грейвзенда до Нора, где Темза впадает в Северное море. В этой переходной точке ее ширина составляет 10 миль. Она подходит к морю тремя главными рукавами, один из которых — Черная Глубина, и

---

[98] Примечания: 98
Перевод М. Абкиной.

двумя десятками малых протоков. Плавучие маяки, качающиеся на волнах, называются “Мышь”, “Язык” и “Корсетник”. Так проявляется поэзия реки. Мелям и банкам дают такие названия, как “Галька”, “Дрожащий песок”, “Заколдованное место”, “Печка”. “Опущенный песок” находится между Черной Глубиной и Курганной Глубиной. Но названия во многом обманчивы. “Песок” — это частью глина, частью черный вязкий ил.

Эстуарные болота около Темзы — пограничный район, это и не вода, и не суша. Они соединяют в себе две реальности и в этом смысле благословенны. Вот почему эстуарий Темзы всегда считали зачарованным, таинственным местом. Во время отлива мели и банки превращаются в острова, сулящие фальшивые гавани. Англосаксонская поэзия изображает эти места как некий кошмарный ландшафт. Низкие берега, пересеченные тропами, образуют скучный, плоский, однообразный пейзаж. Небо здесь обширней и словно бы ниже. Омытые приливами илистые низменные участки отражают меняющийся свет. Много столетий эта земля была по большей части необитаема и непригодна для обитания. И поэтому она до сих пор оказывает первобытное и угрожающее воздействие, причем близость к огромному городу

усиливает впечатление угрюмого безлюдья.

На закате здесь возникает чувство тоскливой чужеродности. Чарльз Диккенс ощущал ее очень отчетливо, и в “Больших надеждах” мы читаем, что “плоская темная даль за оградой, вся изрезанная дамбами, плотинами и шлюзами, среди которых кое-где пасется скот, — это болота; что замыкающая их свинцовая полоска — река; далекое логово, где родится свирепый ветер, — море”[99]. Здесь прятался Мэгвич, здесь он тайком пробирался по лабиринту из досок, положенных на илистые берега и зыбучие пески. Все это — земля, отвоеванная у моря и потому имеющая двойственный статус. Некоторые ее части, как выше, так и ниже по течению, нередко называли дикими и негостеприимными. На чужаков здесь смотрели косо. Даже в начале XXI века, идя в одиночестве по берегу устья, человек может испытать великий страх — страх одиночества, покинутости, страх перед чужеродным началом, которое несет в себе река. Может быть, это страх перед первобытной Темзой.

До самого горизонта здесь тянутся плоские, заболоченные низины — одни просоленные,

---

[99] Примечания: 99
Перевод М. Лорие.

другие относительно пресные, используемые для выпаса скота. Кое-где, впрочем, сейчас начали выращивать злаки. Деревьев тут нет: болотистая почва не позволяет пустить корни глубоко. Более пустынный пейзаж и вообразить трудно. Однако постоянно меняющийся свет делает его по-своему красивым. Здесь растут кермек, девясил и волнистые травы солончаковых болот; ручейки и озерца окаймлены солончаковой астрой. Птиц тут бесчисленное множество: утки и цапли, гуси и кроншнепы, кулики, ржанки и травники, которым по нраву уединенная болотистая местность.

Деревушки среди болот всегда были меньше и располагались более изолированно, чем на твердой суше. По поводу Хандред-оф-Ху — территории между Темзой и рекой Медуэй — было сказано, что “это место Господь сделал в последнюю очередь и так торопился, что не доделал”. Один здешний священник написал, что “тут, как считалось, глухой угол, дикое место, где человек по доброй воле жить не будет”. Да, место и правда дикое — точнее, с некими чертами дикости. Не природа создает эту дикость, а безлюдье. Это не людское место. В Хандред-оф-Ху можно идти вдоль дамбы, между рекой и травой, милю за милей и не встретить ни единой души. В про-

шлом это был край контрабандистов. Деревушка Оллхэллоуз, как писал в XVIII веке любитель старины Эдвард Хейстед, пребывала в “чрезвычайно заброшенном и печальном положении”. В XIX столетии на острова Грейн и Шеппи мало кто заглядывал. Жители первого из них — Паннелы, Уилсоны и Фраи — считали себя некоей особой расой. За весь XIX век население Сент-Мэриз-Ху увеличилось только на четыре человека. Полуостров Ист-Тилбери и отдаленный остров Кэнви были в свое время совершенно отчуждены от общего хода жизни. Обитателей низовий Темзы называли “скелетами”, “мертвяками”. Городки, которые здесь имелись, — такие, как Грейвзенд, Гринхайт, Грейз, Эрит, — могли существовать потому, что были построены на немногих участках твердой суши. Под Гринхайтом — мел, под Эритом — гравий.

Здесь встречаются названия, которые кажутся некоей формой атавистический памяти, голосом древнего, позабытого прошлого. Названия таких деревень, как Фоббинг и Коррингем, Макинг и Террок, существуют уже тысячу лет. Водный участок от входа в Медуэйский канал до Шорна именовался Отхожим местом, от Шорна до Хайема — Ямой. От Грейвзенда до Тилбери река

называлась Блокгаузом (поскольку в Тилбери был форт) или, неизвестно почему, Джеркгаузом (Jerkhouse). Смысл некоторых других названий, однако, вполне понятен. Широкий участок реки от Грейвзенда и Тилбери в сторону моря называется Надеждой (the Hope). Ископаемый лес близ Уэст-Террока, сохранившийся с древних времен, именуется “Корни”. В регионе, где столетие за столетием мало что менялось, долго держатся старые названия. Хейвенгор происходит от англосаксонского gore, означавшего треугольный участок земли. Мэплин — от mapples, что означает ветки, из которых делали метлы. Холи-хейвен (Святая гавань) превратилась за столетие в Хоулхейвен (Яму-гавань).

Здесь во все времена много болели. Согласно оценкам, в XVII и XVIII веках почти половина населения страдала от малярии, которую называли попросту “лихоманкой”. Уильям Ламбард в “Прогулке по Кенту” (1576) заметил: “‘Ху’ происходит от староанглийского ‘Хо’, означающего печаль или болезнь. Вполне подходящее название для этого нездорового округа”. В своем “Путешествии по всему острову Великобритания” (1724–1726) Дефо пишет, что среди болот иные мужчины имеют на протяжении жизни “пять-шесть, а

то и четырнадцать-пятнадцать жен” не столько из-за похотливости, сколько из-за высокой смертности. Мужчины, выросшие на болотах, “привычны к месту”, а вот женщины, которых они берут в жены в краях, “лежащих выше”, куда более уязвимы. “Перемещаясь из родного им воздуха в болота с их туманами и сыростью, они тут же делаются бледными, заболевают лихорадкой и редко выдерживают долее полугода”. Два ряда могильных плит в сумрачном начале “Больших надежд” Диккенса — без сомнения, следствие детской малярии. Лица у обитателей этих заразных мест, как писали в XVIII веке, были “тускло-желтые”, и нередко можно было увидеть, как “бедняк, его жена и пятеро-шестеро детишек жмутся в хижине к очагу и все до единого трясутся в лихорадке”. Детям давали опиум, способный, как считалось, уберечь их от заразы, и они становились “одуревшими” и “сморщенными, как обезьянки”; взрослые же предавались безудержному пьянству.

Многие приплывали в эстуарий поохотиться, но зачастую “возвращались, нагруженные эссекской лихорадкой, которая перевешивала всех подстреленных птиц”. В XIX веке местные жители нередко спрашивали друг друга: “Ну как, была

у тебя уже лихорадка этой весной?" Парламентский комитет, созданный в 1864 году, выяснил, что разносчик инфекции — вездесущий малярийный комар, который плодится в застойных водах болот. Возбудитель болезни получил название Plasmodium vivax. Легче ли это для понимания, чем былые разговоры о "миазматических болотных испарениях"?

Кроме того, вследствие некоей мрачной ассоциации низовья Темзы некогда были избраны как место стоянки "чумных" и карантинных судов. В XVII веке страдающих чумой и желтой лихорадкой помещали на корабли, которые стояли на якоре у "острова мертвецов", расположенного чуть севернее Четни на болотах северного Кента. Название острова, разумеется, связано с тем, что там хоронили умерших. В книге "Преображенная Темза" (1976) Джеффри Гаррисон и Питер Грант пишут: "И сегодня, если перейти через ручей Шепердс-крик на остров Мертвецов, можно без труда найти человеческие кости, удивительно большая часть из которых несет на себе признаки остеомиелита — хронической костной инфекции". На здешнем берегу — у Четни-хилла — собирались разместить чумную больницу, но работы прекратили, когда выяснилось, что почва ненадежна.

Здесь поистине был один из “мрачных уголков земли”. Но где болезни — там и лекарства. В XVIII и XIX веках врачи собирали здесь пиявок, которые водились в болотах в изобилии.

Много веков район между Баркингом и Грейвзендом был пустынной зоной, если не считать редких отдельных сельских домов, церквей, ферм и прибрежных гостиниц для путешествующих по Темзе. Через болота здесь были проложены тропы и дороги, имелись пастбища. Для скотоводства район считался удобным; говорили, что болота “хороши для скотины”, а самым дорогим мясом была “баранина с болот”. Ныне северный берег устья — сплошная цепь нефтеперерабатывающих и газовых заводов, очистных сооружений; имеются цементные и нефтехимические предприятия. Индустриальная архитектура приобрела здесь грандиозный масштаб; это некое подобие Ниневии и Тира на берегах Темзы. И это тоже ныне часть ее истории. В Детфорде в устье Темзы в конце XIX века Себастьян де Ферранти соорудил первую в мире электростанцию современного типа с высоковольтной линией электропередачи. Придет время, когда эти постройки, если их не разрушат, станут, подобно земляным сооружениям этих мест, волнующими памятниками

старины.

И на том, и на другом берегу есть жители; они были всегда, но теперь они появляются все более мощными волнами, что связано с созданием “Коридора Темзы”, направленного к Европе. Идет благоустройство таких городов, как Террок и Грейвзенд. Берега реки в ее нижнем течении стали частью общего процесса возрождения Темзы. Остаются, однако, зоны запустения, где продолжают гнить старинные причалы, пристани и гавани. Попадаются остовы потерпевших крушение или пришедших в негодность судов. По-прежнему иные участки здесь — это выступающие из ила скользкие камни, старые пристани, древние разрушенные постройки без крыш, постепенно растворяющиеся в воде и песке. Что до болот — они и ныне творят былую атмосферу уныния и меланхолии.

Но дальше открывается море. Темза, теперь уже необъятная и ликующая, устремляется в его объятия. Знаком их встречи служит обелиск Кроу-стоун, стоящий на самом берегу близ Чокуэлла в миле к западу от Саутенда. Незримая линия, соединяющая его с устьем Янтлет-крика, служит границей Лондонского порта. Здесь — официальная точка, где кончается Темза и

начинается море. От обелиска корабли плывут к Нору, где находится плавучий маяк, и к океанским волнам. Песнь Темзы на этом завершена.

Опыт альтернативной топографии: от истока до моря

КЕМБЛ

Некогда название писалось Kemele или Camele, что означает границу. Не исключена, однако, связь с древним британским богом Камулосом. Река здесь, можно сказать, собирает себя воедино из ряда маленьких ручейков, петляющих через поля. Гаррисон пишет, что юная река “раньше всего получает воду Кембла, называемую Ку”. Древними обитателями этих мест были добунны, которых позднее вытеснили римляне. Здесь был обнаружен участок с римскими захоронениями. О них упоминается в хартиях англосаксонских королей, древнейшая из которых датируется 682 годом. Кроме того, тут были найдены два саксонских кладбища. Недалеко от здешней церкви некогда была роща, которую в XIX веке один любитель старины назвал “местом диковинных обрядов с жертвами”; но никаких конкретных данных, подкрепляющих это утверждение, приведено не было. Сама же церковь была в 1834 году поражена молнией. Ясень на кладбище

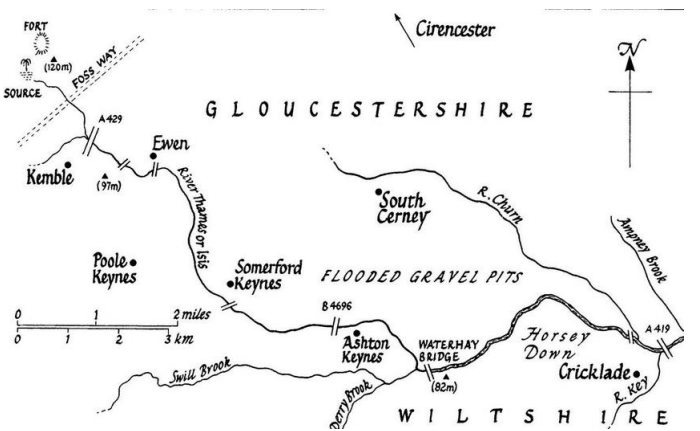
— старейший живой организм в этой деревне, которая славится изобилием водяного лютика (ranunculus aquatilis). Здесь, путешествуя вниз по Темзе, можно увидеть первых уток. Местные жители в прошлом называли Темзу “ручьем”, на который она тут действительно похожа. Она миниатюрна и издает приятное журчание. До прихода современной жизни в деревне каждый год устраивали праздник под названием Джекименс-клаб; существовал также обычай носить по улицам фигуру быка. Окрестности малонаселены, и на берегах реки редко можно увидеть человека. Мост, по которому из Кембла можно попасть в ближнюю деревню Юэн, — это первый (в топографическом смысле) мост через Темзу. Трактир в Кембле в свое время держал некто Адамс, изготовитель деревянных плугов. Его эль был настолько плох, что однажды мужчины сговорились, выкрали у него бочки и вылили содержимое в реку. В названиях деревень в этом регионе верхней Темзы заключена некая особая прелесть, что побудило одного американского автора заметить: “Здешняя земля творит атмосферу мелодии и легенды”. Древнейшие из этих легенд, однако, повествуют о полях сражений и пограничных стычках. Некогда здесь обильно лилась

кровь. Камулос был воинственным божеством, и его порой отождествляли с Марсом. Где торговля — там власть, а где власть — там война. Весь регион на протяжении человеческой истории был пронизан распрями; поля и луга верховий Темзы часто фигурируют в источниках как поля сражений между различными британскими племенами, между саксами и бриттами, между бриттами и римлянами.

ЮЭН

Название можно произвести от Aewilme, что означает то ли ручей, то ли исток: очередная неясность, связанная с происхождением Темзы. Поскольку близ Юэна зарождались ручьи, он считался священным местом. На картах XVIII века название писалось Yeoing, местные жители произносили его “Йоуин”. Реку здесь чистят дважды в год, чтобы Темза в ее младенчестве текла без помех. Округа знаменита большим количеством столетних стариков, поэтому здешний климат считается здоровым. Кроме долголетия, местные жители славились обжорством. Некто Корнелиус Аззл смолотил двенадцать фунтов бекона — шесть сырого и шесть вареного — в трактире “Дикая утка”, который, кстати сказать, и поныне существует и славится превосходной едой. Весь

район вдоль Темзы ниже Кембла и Юэна принес очень много археологических находок из палеолита, мезолита, неолита и более поздних времен. Верховья Темзы могут претендовать на то, чтобы считаться самой древней на Британских островах территорией непрерывного обитания. Можно с немалой долей уверенности утверждать, что все городки и деревушки верхней Темзы зародились еще в британские или саксонские времена; из них одни расположены у бродов, другие у дорог, третьи на границах владений, где играли оборонительную роль.



СОМЕРФОРД-КЕЙНС

Наличие здесь в прошлом летнего брода (summer ford) достаточно очевидно. Второй частью названия деревня обязана сэру Ральфу де Кейнсу, которому в правление короля Иоанна принадлежали все местные земли. В здешней церкви имеется саксонский “мегалитический” дверной проем, оставшийся от самого древнего строения на этом месте. Есть, кроме того, два резных играющих дракона эпохи викингов. Полагают, что саксонская церковь была построена св. Альдхельмом, который владел тут землей задолго до Ральфа де Кейнса. В раннехристианские времена верховья Темзы были довольно плотно населены. Некогда здесь было пять водяных мельниц, и это значит, что река в прошлом быстрее текла через эти сонные поля. Сомерфорд-Кейнс по-прежнему порой страдает от наводнений. Рядом имеются совсем мелкие деревеньки, что объясняет слова Уильяма Морриса о здешней Темзе как о речке, “где прибрежные деревушки чуть ли не безымянны”. Местные жители усердно занимались сельским хозяйством. Как сказал один из них в начале XX века, “в Сомерфорде что? Много пота и почти ничего больше”.

АШТОН-КЕЙНС

Название происходит от англосаксонских слов esc (ясень) и tun (место). Итак, это — поселение под ясенями. Поблизости найдены лезвия топоров эпохи неолита. Уильям Коббет в “Сельских прогулках” (1830) назвал эту деревню “очень интересной” — прежде всего потому, что она состоит из ряда параллельных улиц, пересекаемых протоками Темзы. Всего здесь двенадцать мостов, и каждый из них ведет к маленькому строению. В центре деревни протоки соединяются, далее Темза течет под несколькими арками и теряется из виду среди буков. Здесь на реке начинается рыбная ловля. В прошлом Аштон был сравнительно важным рыночным городом, и здесь имеются остатки старинного монастыря. Вдоль дорог стоят четыре креста, старейший датируется XIV веком. Их называли “крестами для проповедей”, но в точности их назначение не объяснено. Мадж Паттерсон и Эрни Уорд, написавшие биографию этой деревни, красноречиво озаглавили ее: “Аштон-Кейнс, деревня без истории”.

ПУЛ-КЕЙНС

Происхождение названия неизвестно. Вместе с тем это, возможно, старейший населенный пункт в верховьях Темзы. Археологические находки свидетельствуют, что люди жили здесь

еще в эпоху палеолита — то есть примерно 1 750 000 лет назад. Поэтому церковь, возникшая в XIV веке, — здание относительно новое. У этих мест настолько долгая история человеческого обитания, что замедлению темпа жизни здесь в последние годы трудно удивляться.

КРИКЛЕЙД

Первый город на Темзе, расположенный примерно в десяти милях от Темз-Хеда, где находится ее исток. Название, возможно, указывает на переправу через реку у холма (а именно холма Хорси-Даун к западу от города), но другие исследователи производят его от британских слов cricw и ladh, что означает каменистую или скалистую местность. А может быть, это Cerrig-let, что означает каменистое место, где в Темзу впадает речка Черн? Некоторые любители старины полагали, что в древности это был "Гриклейд", то есть место, где собирались книжники и монахи, разумевшие по-гречески. В монастырских хрониках говорится, что в 1180 году до н. э. Брут, переживший падение Трои, прибыл сюда с группой соплеменников и учредил "университет" для бриттов. Сэмюэл Айрленд и другие также считали, что здесь еще до Оксфорда возник первый университет на британской земле, но основал его якобы

Панда из Мерсии в 650 году н. э. Здесь обнаружен саксонский burh — огороженное место. Дрейтон прославил город следующими строками:

> *Гриклейд, чье славное название и ныне гордо*
>
> *указывает на ученый язык,*
>
> *Город, где впервые в Великобритании пели священные музы*[100].

Чем пристальней исследуешь здешние корни, тем больше видишь в них двойственности и неопределенности. Одна из двух церквей города посвящена св. Сампсону — древнему кельтскому святому. На южной стороне башни этой церкви имеется скульптура, изображающая дракона и рыцаря; по старинной местной легенде, дракон свирепствовал в этих краях, пока его не убил сэр Гай Уорик. В церкви есть расколотое каменное изображение неизвестного мужчины, который будто бы разбился, упав с церковной башни; легенда гласит, что скульптура не изваяна руками человека, а возникла сама собой на месте гибели упавшего. Недалеко отсюда св. Августин совещался с кельтскими епископами. В свое время здесь

---

[100] Примечания: 100
Подстрочный перевод.

была община нонконформистов, и до конца XVIII века у сельского моста Хатчетс на окраине города совершались обряды крещения. Через Криклейд проходила римская дорога, пересекавшая Темзу и называвшаяся Эрмин-стрит или Ирмин-уэй; король Альфред обнес город стеной. Датчане под водительством Кнута в конце концов разграбили его; позднее, в XII веке, здесь была построена деревянная крепость. В свое время в городе был монетный двор, и в нескольких местах археологи обнаружили "криклейдские монеты". Генрих II в награду за то, что горожане защитили его мать Мод, издал хартию, позволявшую им торговать во всех частях королевства. Как говорится в старых стихах неизвестного автора,

Со смехом мимо люд спешит пустой,
А ты, как часовой, спокойно стой,
О мудрый Кри́клейд: он еще придет,
Над ними посмеяться твой черед.

Мудрость принимает разные формы. В XVIII и начале XIX века город славился продажностью своих избирателей. Коббет отмечает, что "более подлого на вид городишки мне еще не попадалось. Здешние работники выглядят едва ли не нищими. Их жилища похожи на свинарники, а

наружность их показывает, что питаются они похуже свиней. За всю жизнь я не видывал столь отвратительной бедности". В Криклейде, кроме того, необычно выглядели похоронные процессии: гроб ставили на почтовую карету. Ныне город избавился от сомнительной репутации, но в нем по-прежнему стоит тишина и чувствуется некая отрешенность. В конце XIX века, по словам Чарльза Диккенса-младшего, "здесь не происходило никаких заметных событий". В древние времена здесь явно больше любили приключения. Какой другой маленький городок может похвастаться историями о Бруте и Августине, Альфреде и Кнуте? Не говоря уже о драконе. На здешнем Северном лугу роскошно цветет довольно редкое растение — фритиллярия "змеиная голова".

КАСЛ-ИТОН

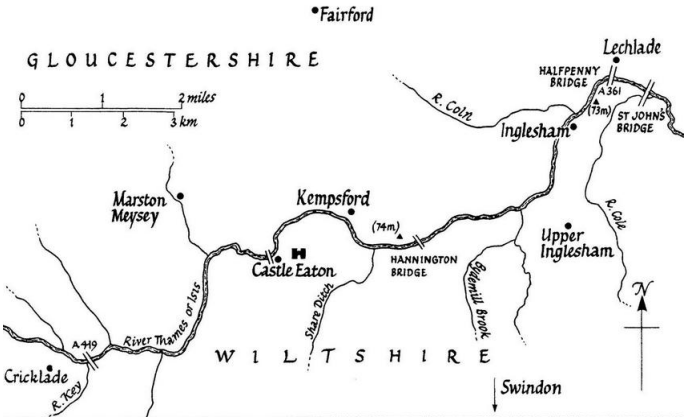
Иногда упоминался под названиями Eton Meysi или Ettonne. Замок (castle) располагался к северо-западу от Итона. "Итон" происходит от слов ey (остров) и tun (поселок). Лиланд описывает здешний замок так: "Замок Итон, где великие развалины здания, в Уилтшире… Итон, замок лорда Зуша". Ничего из этого не сохранилось. Церковь с каменной колокольней возникла в норманский

период, берег реки здесь покрыт цветами. Роджер Норт, автор книги “Жизнеописания Нортов” (1890), пишет об этом участке реки: “Здесь мы ближе подошли к жизненному совершенству, нежели я мог подойти к нему где-либо и когда-либо еще”. Поблизости было обнаружено круглое жилище Железного века. А церковный колокол вызванивает свое: “Свят! Свят! Свят!”

КЕМПСФОРД

Первоначально— Kynemeresforde, что означает “брод Кинемера” или, возможно, “брод у большого болота”. Саксы устроили у этой переправы оборонительный пункт. 16 января 800 года во втором часу ночи, как сообщает “Англосаксонская хроника”, “луна зашла за тучу… Олдермен Этельмунд поехал от Хвикке через Кемпсфорд; олдермен Веостан встретил его с людьми из Уилтшира; и была великая сеча, и оба олдермена пали, и уилтширцы праздновали победу”. Между Касл-Итоном и Кемпсфордом и ныне есть луг, называемый “Полем битвы”. Этот мирный край некогда был ареной многих убийств. Генри, граф Ланкастерский, якобы заколол здесь свою возлюбленную и бросил тело в Темзу; ее призрак, говорят, появляется на тисовой аллее, которая ведет от церкви к реке. Здесь утонул в Темзе внук

Генри; отец мальчика, убитый горем, покинул Кемпсфорд навсегда. Когда он уезжал, его лошадь потеряла подкову; местные жители сохранили ее и прибили к северному входу в церковь, где она висит и ныне. У. Х. Хаттон назвал Кемпсфорд “одной из красивейших деревень на Темзе”. Не исключено, что это место связано с Чосером. Джон Гонт якобы воздвиг здесь церковь в память о своей жене Бланш. Чосер входил в окружение Гонта и написал в память о Бланш “Книгу герцогини”. Ему также принадлежат строки, где чувствуется сильная связь с Темзой:



Я видел сад в обильнейшем цвету
Вблизи потока, на лугу зеленом,
И, овевая эту красоту,
Ласкался ветер к разноцветным кронам;
А ток холодный мчал с хрустальным звоном,
И я узрел, склонившись над струей,

Как блещут красноперки чешуей[101].

Кемпсфорд и сейчас находится на границе между Глостерширом и Уилтширом.

ИНГЛШЕМ

“Луг Инги” или “Заливной луг Инген”; возможно также, что название происходит от саксонского inga (святой колодец, куда на счастье бросали шпильки) или же от короля Ине, “законодателя” и повелителя Эссекса, жившего в XVII веке. Достопримечательность деревушки — крохотная церковь Иоанна Крестителя, саксонское здание, построенное, что любопытно, по византийскому образцу. На кладбище при церкви стоит саксонский крест. Но более всего церковь знаменита старинным барельефом в северном приделе, изображающим Богоматерь с Младенцем. На стене — табличка с надписью: “Эта церковь была отремонтирована в 1888–1889 годах благодаря усилиям и помощи Уильяма Морриса, который любил ее”. В Инглшеме Шелли и его спутники оставили попытки добраться до истока Темзы. Это не достигшее цели путешествие, помимо прочего, вдохновило Томаса Лава Пикока на написание романа “Замок Кротчет”.

---

[101] Примечания: 101
Перевод С. Александровского.

ЛЕЧЛЕЙД

Пристань или переправа близ Леча или Лича — речушки, впадающей в Темзу. Lech у британцев означало камень, и название указывает на то, что вода в речушке была холодна — от нее все стыло, каменело. У Лечлейда встречаются границы четырех графств. Лиланд в XVII веке назвал его “приятным старинным городком”. Тут налицо все приметы древности. Возвращаясь из Инглшема, Шелли задержался на здешнем погосте и написал стихотворение “Летний вечер на кладбище”:

> *…Ветер утих – или сухая трава на церковной башне*
>
> *Не чувствует его нежного дуновения*[102].

Трава тут, впрочем, не так суха, как представилось поэту. Из-за близости Темзы кладбищенская земля считалась такой влажной, что покоиться в ней — почти то же самое, что быть погребенным в море. Шпиль церкви св. Лаврентия, которая в прошлом была посвящена св. Марии, можно, плывя по реке, увидеть за несколько миль; это один из самых долговечных видов на Темзе. С

---

[102] Примечания: 102
Здесь и ниже подстрочный перевод.

некоторых точек шпиль выглядит так, словно поднимается из самой воды. О нем Шелли написал в том же стихотворении:

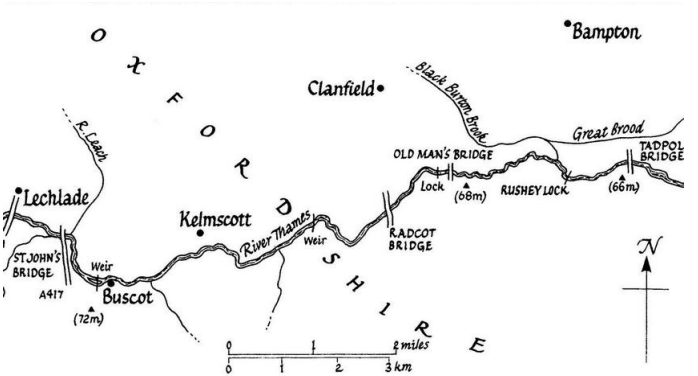
> *…Облекая в небесные оттенки твой трудноразличимый,*
>
> *отдаленный шпиль,*
>
> *Вокруг истончающейся и незримой высоты которого*
>
> *Собираются среди звезд ночные облака.*

Шпиль стал источником старинного присловья: “Так же верно, как то, что Бог находится в Глостершире”. Здесь не всегда царила такая же тишина, как теперь. Лечлейд знаменовал начало оживленной коммерции на Темзе. Особенно славился здешний сыр, в первую очередь шалфейный, который отправляли вниз по реке в Оксфорд и Лондон. Отсюда, кроме того, привезен камень, из которого сложен купол собора св. Павла. Отсюда в 1793 году один барочник вез в Лондон “железо, медь, олово, латунь, цинк, пушки, сыр, гвозди… и орудийные снаряды”. Обратно он доставил древесину, бакалейные товары, уголь и порох. Здесь два моста — св. Иоанна и Полупенсовый; первый из них — возможно, старейший мост через Темзу, тогда как шлюз св.

Иоанна — старейший шлюз. Здесь установлена статуя Отца Темза, ранее стоявшая у истока реки. Нынешняя таверна “Форель” расположена на месте гостиницы при небольшом монастыре св. Иоанна XIII века. В окрестностях города найдены круглые хижины добуннов, а также англосаксонское кладбище VI века с примерно пятью сотнями захоронений.

БАСКОТ

То есть “дом (коттедж) Багсверда”. В Книге судного дня носит название Boroardescote. Городок знаменит прежде всего церковью без прохода между рядами сидений. Вывеской отмечена не используемая сейчас “Сырная пристань”; кроме того, здесь делали не особенно популярный крепкий напиток из свеклы. С XVII века тут очень мало что менялось — по крайней мере до начала XX столетия. Промышленная революция региона не коснулась, и на вид он остался неизменным. Хилэр Беллок писал в книге “Историческая Темза” (1914): “Можно пустить человека XV столетия плыть по реке ниже шлюза св. Иоанна, и до самого Баскотского шлюза ему будет невдомек, что он попал в другую эпоху”.



КЕЛМСКОТ

то есть “дом Кенелма”. Здесь чтут память Уильяма Морриса, чей сельский дом Келмскотт находится всего в нескольких шагах от реки. В письме к другу, датированном 1871 годом, Моррис писал: “Я подыскивал дом для жены и детей, и на что, по-твоему, мой взор обращен сейчас? На Келмскотт, деревеньку примерно в двух милях выше Радкотского моста — настоящий рай на земле”. Россетти, правда, не пришел от этих мест

в восторг: он назвал их “дремотнейшим скоплением старых серых ульев”. То, что Моррис писал название деревни с двумя “т”, показывает: он не был осведомлен о подлинном источнике этого названия.

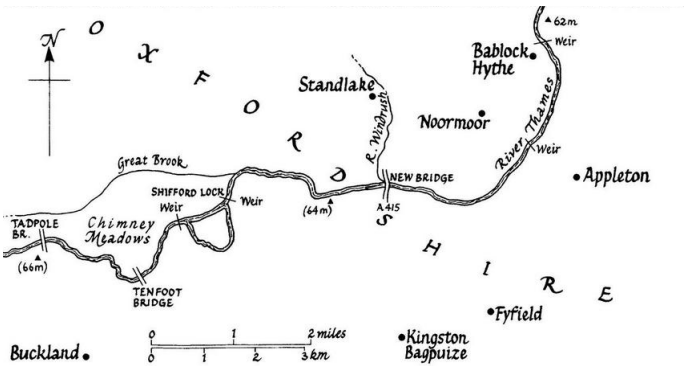
ИТОН-ХЕЙСТИНГС

Ферма у реки, находящаяся во владении семьи Хейстингс. В Книге судного дня называется Etona, но некоторые местные любители старины полагают, что название происходит от большого изгиба реки, называемого “Адским поворотом”.

БАМПТОН

От англосаксонских слов bam (бобовое дерево) и tun (усадьба, поселение). То есть поселение, расположенное либо вокруг большого дерева, либо вокруг деревянного строения. Городок назывался также Бамптон-ин-де-Буш (“Бамптонв-кустах”), что склоняет к первому толкованию. Местная церковь в свое время славилась тем, что в ней служило три приходских священника, живших при ней в трех отдельных домах. Бамптонские труппы исполнителей танца моррис — старейшие в стране. Этих трупп ныне существует три, их участники связаны семейными узами, и говорят, что местная традиция, которую они продолжают, насчитывает шесть столетий. Сохранилось много

фотографий бамптонских танцоров со скрипками, свиными пузырями, колокольчиками и барабанами, сделанных в разные эпохи. В газетном отчете об их выступлении, датированном 1877 годом, говорится, что они “лихо отплясывали под звуки скрипки и тамбурина”. Долговечность этого рода искусства лишний раз говорит о консерватизме речного региона.



РАДКОТ

“Тростниковый дом” или “красный дом”; “тростниковый” кажется более вероятным. Радкотский мост, возможно, старейший из всех на Темзе — во всяком случае, одна саксонская хартия свидетельствует, что в 958 году мост уже был. Как и у многих других мостов в верховьях Темзы, здесь происходили разнообразные стычки и беспорядки во время гражданской войны. Отсюда по реке отправляли сыр и берфордский камень. В XVIII веке Сэмюэл Айрленд отметил плачевное состояние здешнего притока. В своей “Великобритании” (1720) Томас Кокс пишет, что большая насыпная дорога вела от моста напрямик к оксфордскому жилищу брата Бэкона, но ее давно уже нет, и причины ее существования в любом случае неясны. В прошлом Темза была тут очень глубока и, как пишут, изобиловала рыбой. Впрочем, река, находящаяся здесь в младенческом состоянии, чрезвычайно переменчива: то она течет быстро, то медленно, ее цвет в один миг меняется от голубого к серому, она то петляет, то устремляется напрямик, на одном отрезке кажется глубокой, на соседнем — очень мелкой.

ШИФФОРД

“Овечий брод”. Из Радкота до этого места можно добраться, перейдя Темзу по Мосту старика,

Тадпоулскому мосту или Десятифутовому мосту; но, кроме названия, здесь сейчас ничего больше нет. Однако именно здесь король Альфред собрал парламент. “Заседали в Шиффорде, — гласит англосаксонская поэма того времени, приведенная в первом томе Reliquiae Antiquae (1841), — многие таны, многие епископы и ученые мужи, гордые графы и славные рыцари. Там был граф Альфрик, весьма сведущий в законодательстве, и Альфред, пастырь Англии и ее любимец”. Ныне тут большое пустое поле с фермой и разрушенной церковью, где стоит так называемый “Альфредов камень”. Порой здесь дуют очень сильные ветры.

БАБЛОК-ХАЙТ

“Пристань на потоке Баббы”. Камден пишет это название Bablac. Мэтью Арнолд увековечил это место в поэме “Школяр-цыган”, герой которой “пересекает юную Темзу на пароме у Баблок-хайта”. Впрочем, поэтические вкусы меняются. Паром здесь, так или иначе, имеется и сейчас (он находится в ведении управляющего местной гостиницей). Некогда этот паром был приспособлен для перевозки лошадей и скота. В 1860 году тут побывал Натаниел Готорн; он написал о здешней старой паромщице и обратил внимание на

круглый очаг посреди ее жилища, возможно, сделанный по образцу очагов в древних британских хижинах, которые были обнаружены поблизости. При всем уважении к Арнолду, Темза здесь не такая уж юная, а довольно глубокая и широкая река. Чуть западнее Баблок-Хайта три доисторических стоячих камня — так называемые "дьявольские камни"; возможно, это остатки какого-то древнего памятника, причем некоторые местные любители старины считают, что памятник был поставлен на месте битвы между саксами и бриттами. Согласно легенде, бытовавшей среди паромщиков, монета, брошенная здесь в воду, возвращается в семикратном размере.

ЭЙНШЕМ

"Жилище Эгена". Лиланд писал это название Eignesham. Под председательством Этельреда Неразумного здесь в 1008 году собрался саксонский витенагемот — совет старейшин. Нет сомнений, что он заседал в бенедиктинском аббатстве, от которого сохранилось лишь несколько камней. Некогда здесь бытовал такой обычай: жители Эйншема могли брать с помещичьей земли столько леса, сколько им удавалось внести на руках на территорию аббатства. Около деревни находится платный мост через Темзу — один из двух

на этой реке. Он называется Суинфордским, что указывает на наличие здесь в далеком прошлом брода для свиней. Джону Уэсли, когда здешний паром был затоплен, пришлось, сидя на лошади, преодолеть реку вплавь.

ГОДСТОУ

“Божье место”. Все, что сохранилось, — это развалины маленькой церковки и внешняя стена. Некогда здесь был женский монастырь. Прекрасная Розамунда, возлюбленная Генриха II, провела тут последние годы жизни. Утверждали, что в конце концов ее отравила жена Генриха Элеонора Аквитанская. Доски ее гроба были позднее использованы для того, чтобы проложить тропу через соседние поля. Томас Лав Пикок писал о старом орешнике, который

> *…бросает легкую смиренную тень*
>
> *Туда, где похоронено тело Розамунды*[103].

С другой стороны, цыгане Темзы верили, будто после смерти она превратилась в священный куст шиповника, который кровоточит, если отломить ветку. При таверне “Форель”, которая в

---

[103] Примечания: 103
Подстрочный перевод.

старину была монастырской гостиницей, разводят павлинов. Водная глубь перед здешним мостом насыщена яркой, густой синевой.

БИНЗИ

“Остров Бини”, некогда оплетенный сетью ручейков и речушек; или же, как полагают некоторые, bene ea, “остров молитвы”. Место издавна считалось святым, здешний священный колодец стал прообразом целебного колодца в приключениях Алисы. Любопытно, что местные жители в прошлом называли образующиеся из-за зимних дождей ямы, наполненные грязью, “целебными шахтами”. В этой деревне родилась мисс Приккет, гувернантка Алисы Лиддел и прообраз Красной Королевы из “Алисы в стране чудес”. Так что Бинзи — поистине святое место. Первым здешним приходским священником, о котором сохранились сведения, был Николас Брейкспир, ставший впоследствии Адрианом IV — единственным римским папой-англичанином. Здешние тополя увековечил в стихах Джерард Мэнли Хопкинс.

ОСНИ

“Остров Озы” или “Остров Оза”. В прошлом тут было много ручьев, образовывавших маленькие островки, на которых жили люди. Здесь располагалось аббатство Осни с церковью, в которой

было двадцать четыре алтаря. Северную часть острова занимало аббатство Рули. Оно тоже исчезло с лица земли. Епископская кафедра из Осни была перемещена в монастырскую церковь св. Фридесвиды, местной святой, ставшую, в свой черед, соборной церковью оксфордского Крайстчерч-колледжа. “Большой Том” — знаменитый колокол аббатства Осни — теперь звонит на башне “Том Тауэр” Крайстчерч-колледжа.

ОКСФОРД

“Бычий брод”. Старинная городская печать изображает быка, переходящего реку вброд. Впрочем, название может происходить и от Ouseford или Ouseney ford — то есть “брод близ Осни”. Ouse или Ouze (Уз) было почти нарицательным названием реки. Ныне город славится в первую очередь университетом. Согласно Гальфриду Монмутскому, Оксфорд был основан в 1009 году до н. э. Мемфриком, королем бриттов; если так, то это один из древнейших городов мира. Доказательств этому утверждению, увы, не найдено, однако под названием Caer-Memphric или Caer Pen Halgoit город упоминают многие авторы, говорящие о нем как о “славнейшем граде, облюбованном владыками и музами”, который позднее, в правление Клавдия, разрушил Плавт.

Город “сильно пострадал” от саксов и затем был сожжен датчанами. Король Альфред соорудил свои чертоги infra muros Oxoniae (“под стенами Оксфордскими”), так что здешние защитные стены, видимо, были весьма древними. Альфред якобы основал и университет; по другой версии, он был создан в конце XI века для шестидесяти студентов Теобальдом Этампским. Первого ректора назначили в 1214 году. Город стоит на гравийном основании и почти целиком окружен водой. По словам Джона Уиклифа, его “снабжали водою ручьи и источники… его по праву назвали домом Божьим и вратами небес”.

ИФФЛИ

“Лес или поляна, где водятся ржанки”; или же — от саксонского giftilege, то есть “поле даров”. На холме над рекой стоит красивейшая в стране норманская церковь. Мельница XIII века сгорела в 1908 году. Кит Дуглас в стихотворении “Каноэ” (1940) воображает, как его дух возвращается сюда

> *…на другой вечер, когда ты одна*
> *Будешь плыть к Иффли на этой лодке*[104].

---

[104] Примечания: 104
Подстрочный перевод.

KINGS WEIR
A 34
Eynsham
WOLVERCOTE
Godstow Abbey
Weir
B 4044
Weir
Seacourt Stream
Binsey
R. Cherwell
River Thames or Isis
OXFORD
A 420
OSNEY (ISLAND OF OSA)
Botley
(62m)
Bablock Hythe
Hinksey Stream
Iffley
A 40
Weir
Appleton
Wootton
R. Thames
OXFORDSHIRE
Radley
Abingdon
Weir
Weir
A 415
Back Water
(56m)
R. Ock
Burcot
Clifton Hampden
(52m)
Culham
Culham Cut
Weir
Clifton Cut
(50m)
Sutton Courtenay
Appleford
Long Wittenham
0 1 2 miles
0 1 2 3 km.

Он погиб на фронте в 1944 году. Деревню и ныне чрезвычайно высоко ценят за тишину.

АБИНГДОН

“Холм Эббы”, или “Поселение, которым владеет Эбба”. Лиланд пишет, что первоначально это место называлось Сьюкшем (значение неясно). Камден передает это название как Шоувшем. Между тем в vii веке здесь была аббатиса Эбба, которой правители Кента даровали много земли. Таково происхождение этого населенного пункта, расположенного у места впадения в Темзу реки Ок. Существует альтернативная история об Абене, христианском принце, пережившем резню в Стонхендже, устроенную Хенгистом; скорее всего, однако, это всего лишь религиозная легенда. Вместе с тем на имя Хенгист, возможно, указывает название близлежащей деревни Хинкси. У Абингдона, так или иначе, была славная монастырская история, и, согласно “Старой книге об Аббендоне”, он “в древние времена был знаменитым городом, приятным взору, полным богатств”. Он, пожалуй, даже слишком разбогател. Ленгленд в “Видении о Петре Пахаре” порицает абингдонского аббата за роскошную жизнь:

И получат аббат Абингдонский и все

его потомство навеки

Удар от короля, и неизлечима будет рана.

Монахи изменили русло Темзы, чтобы она протекала под монастырскими стенами. Написано, кроме того, что каждая проплывавшая мимо барка с сельдью должна была отдавать сто рыб монастырскому повару. В местной церкви св. Елены имеется мемориальная табличка в память о некоем У. Ли, чье потомство "еще при его жизни насчитывало двести без трех".

КЛИФТОН-ХЭМДЕН

"Поселение на утесе", которое позднее получило вторую часть названия от семьи Хэмденов. Здесь река обтекает участок из твердого песчаника — отсюда и "утес". Перемена грунта вынудила реку отклониться к западу. На этом скальном выступе стоит каменная церковь св. Михаила и всех святых. В ней имеется мемориал сержанта Уильяма Дайка, сделавшего (случайно) первый выстрел в битве при Ватерлоо. Мост, построенный в неоготическом стиле, — весьма характерное произведение сэра Джорджа Гилберта Скотта. Здешнюю гостиницу "Ячменная скирда" Джером К. Джером назвал "самой старинной и самой

занятной гостиницей на Темзе". В приглаженном виде она существует и сегодня.

ДОРЧЕСТЕР

Одно из святых мест на реке подле знаменитых холмов Сайноден-хиллз. Здесь был центр проповеднической деятельности св. Биринуса. По-кельтски dwr означает "вода". Итак, мы имеем caer dauri или caer doren — "большой город на воде". Лиланд поэтому называет его Гидрополисом. Река на этом участке была глубокой и быстрой. Некогда здесь стоял римский гарнизон. Обнаружены также следы амфитеатра. То, что было большим городом, ныне деревушка, где оголенные руины саксонского собора указывают на прежнюю славу этого места как центра крупнейшей епархии в Англии. Церковь аббатства стоит до сих пор, в ней находятся мощи св. Биринуса. В ней также имеется памятник некоей даме, которая "утонула, пав жертвой излишней чувствительности". Говорят, что в Дорчестерском приходе не может жить ни одна гадюка.

БЕРКОТ

"Дом Брайды" или "Дом невесты". Может быть, приданое? Чарльз Диккенс-младший назвал это место "не стоящим внимания".

ЛОНГ-УИТНЕМ и ЛИТЛ-УИТНЕМ

“Поселение Витты” или “Луга Витты” у излучины реки. Первоначально был один Уитнем, позднее он разделился на два. По дороге между ними 1 миля, по реке из-за изгиба — 3,5. Местность принесла богатый археологический урожай, в числе находок — скелет англосакса. В Литл-Уитнеме обнаружен жертвенник, посвященный Юпитеру Наилучшему. В Лонг-Уитнеме одно и то же кладбище непрерывно использовалось в течение Железного века, римской, саксонской и христианской эпох. Здесь в Темзу впадает Тейм.

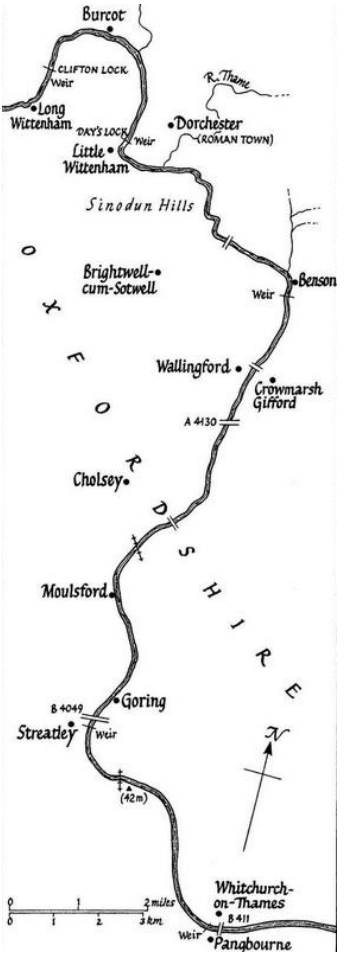
БЕНСОН

“Ферма Бензы” или “Поселение людей Бенезы”. Ранее деревня называлась Бенсингтон. Поблизости от местной церкви некогда располагался дворец Оффы. Здесь сражались войска Уэссекса и Мерсии. С тех пор в Бенсоне мало что произошло, если не считать возможного пребывания тут св. Фридесвиды, укрывшейся в этой деревне во время одного из своих несчастливых бегств.

УОЛЛИНГФОРД

Брод, принадлежавший племени Wealh или Walingas (в то время как близлежащий Шиллингфорд контролировали скиллинги). Wealh — англосаксонское слово, означавшее иноземца, раба или британца, — отсюда Welsh, валлийцы.

Представляется поэтому вероятным, что брод некогда стерегла или защищала группа туземцев-британцев, скорее всего принадлежавших к беркширскому племени атребатов. И тогда не исключено, что именно здесь находился крупный город, ровесник Лондона, который Антонин в своем “Путеводителе” называет Каллева. Впрочем, часть исследователей более прозаически производит название от walled ford (брод, обнесенный стенами). Город был некогда окружен саксонскими земляными валами, которые видны и сегодня; с одной из четырех сторон его защищала река, и улицы были проложены правильной сеткой, по римскому военному образцу. На месте старинных римских укреплений здесь позднее возник норманский замок. Но этот громадный замок уже во времена Лиланда был “в плачевном, разрушенном состоянии и по большей части уничтожен”. Довершила его уничтожение гражданская война. Мост состоит из семнадцати пролетов. Некогда в городе было четырнадцать церквей, но население его сильно уменьшилось после Черной Смерти (чумы) XIV века. В XX столетии здесь жила Агата Кристи.


Burcot
CLIFTON LOCK
Weir
R. Thame
Long Wittenham
DAY'S LOCK
Weir
Dorchester
(ROMAN TOWN)
Little Wittenham
Sinodun Hills
Brightwell-cum-Sotwell
Benson
Weir
OXFORDSHIRE
Wallingford
Crowmarsh Gifford
A 4130
Cholsey
Moulsford
B 4049
Goring
Streatley
Weir
(42m)
N
0 1 2 miles
0 1 2 3 km
Whitchurch-on-Thames
B 471
Weir
Pangbourne

СТРИТЛИ и ГОРИНГ

“Города-близнецы” на противоположных берегах — отнюдь не уникальное явление на Темзе. Названия означают, соответственно, рощу или расчищенное место у дороги и обиталище племени, руководимого вождем по имени Гара (Горинг в прошлом писался Garinges). “Дорога” (street) в названии Стритли — это, возможно, тропа Риджуэй, идущая вдоль меловых холмов, пересекающая тропу Икнилд и спускающаяся в этом месте вниз, к броду через Темзу; или же это сама Икнилд — старейшая дорога в Британии, которая идет из Норфолка в Букингемшир. Обе эти дороги чрезвычайно древние, и то, что они пересекаются в районе Стритли и Горинга, имеет немалое значение. Разумеется, люди жили здесь, как говорили в Средние века, со времен незапамятных. Темза пробивается тут сквозь мел с севера на юг, образуя “Горингскую брешь”. Об этом высоком береге говорится в знаменитых стихах:

> …Я б лучше тут баклуши бил,
> Чем лез на гору в Стритли.

Подъем “на гору”, однако, совершенно не труден, а вид на реку открывается сверху впечатляющий. Темза здесь поворачивает, как ей

и положено, на восток, принимает в себя близ Рединга приток Кеннет и течет дальше к морю. В каждом из здешних городков была своя церковь и своя мельница. В 1893 году здесь некоторое время провел Оскар Уайльд, и одного из персонажей "Идеального мужа" зовут лорд Горинг.

УИТЧЕРЧ и ПАНГБОРН

Еще одна пара: "Белая церковь" и "Ручей, принадлежащий сыновьям Пэги". Кеннет Грэм, подлинный сын Темзы, провел в Пангборне последние годы жизни.

МЕЙПЛДАРЕМ

Поселение у кленов (у британцев клен назывался mapulder). Здешняя мельница упоминается в Книге судного дня; она действует и сегодня, будучи старейшей работающей мельницей на Темзе. Дом Мейплдарем-хаус, построенный в тюдоровские времена, доныне принадлежит потомкам первых владельцев. Он послужил прообразом дома Сомса Форсайта из "Саги о Форсайтах" и Тоуд-холла из книги Грэма "Ветер в ивах".

РЕДИНГ

"Поселение, где живет племя Реды". Реда был местный саксонский вождь, который повел своих людей вверх по Темзе и вторгся на эту террито-

рию. Другие толкования производят название города от rhea (река) или же redin (папоротник); как пишет Лиланд, папоротник “растет здесь в огромном изобилии”. Некогда тут был крупный замок и еще более крупное аббатство. В одной из его келий сочинена самая ранняя из известных английских песен — “Лето пришло”. В XIX веке город хорошо знали и несколько презирали как место, где сосредоточено производство печенья. От развалин аббатства видна тюрьма, где отбывал срок Оскар Уайльд. Город ныне — стремительно развивающийся центр технологии, и ему мало дела до прошлого.

СОННИНГ

“Поселение людей Сунны” — еще одного саксонского племени. Но имеется и более древняя история заселения этих мест в эпохи палеолита и мезолита. Здесь обнаружен ритуальный огороженный участок, датируемый 2000 годом до н. э. Можно вспомнить стихи, сочиненные в XIX веке Джеймсом Садлером:

Всем этот уголок дарует счастье,

С людским трудом природа здесь в согласье,

Здесь протекает славная река,

Стоит здесь Соннинг долгие века.

ШИПЛЕЙК

“Участок реки, где моют овец”. В местной церкви сочетался браком Теннисон, мальчиком здесь жил Эрик Блэр (Джордж Оруэлл). Совсем рядом, у плотины, в Темзу впадает речка Лоддон. У места слияния растет Leucojum aestivum — белоцветник летний, или лоддонская лилия. Здесь также можно увидеть несколько менее красивый лоддонский рдест.

УОРГРЕЙВ

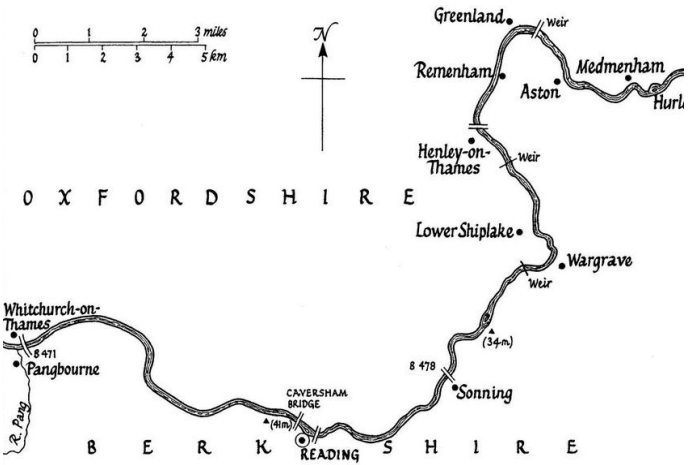
“Роща у плотины”, где в Темзу впадает Лоддон. Первые сведения о деревне на этом месте относятся к XI веку. Здешнюю церковь в 1914 году сожгли суфражистки, недовольные тем, что священник отказался убрать из брачной службы слова о повиновении жены мужу. На местном кладбище похоронена мадам Тюссо. Рядом с ней покоится Томас Дей, чей дидактический роман “История Сандфорда и Мертона” был в свое время хорошо известен. Дей умер после того, как его сбросила лошадь, с помощью которой он пытался доказать, что доброта — лучший укротитель. Здесь проводится ежегодная регата — более 600 участников и 350 гонок за два дня. Гребцы состязаются на традиционных яликах, которые появились на

Темзе в XIX веке.

ХЕНЛИ

Либо “Высокий лес”, либо “Расчищенное место”, либо “Старое место”.

Если верно последнее, то британское название hen-le (аналогичное hen-dre, что значит “старый город”, и hen-gwrt, то есть “старый двор”) свидетельствует о поистине глубокой древности. В старинных документах муниципалитета населенный пункт также именуется Ханлеганц и Хэнбери. Во времена Книги судного дня здесь было три поместья и одна церковь. Население Хенли некогда во многом состояло из барочников, но в XVIII веке тут возникло популярное место отдыха. Архитектура города в немалой своей части георгианская, и здешний мост (1786) очень красив. Тут проводится знаменитая регата, начало которой положило первое гребное состязание между Оксфордским и Кембриджским университетами. Цветом Кембриджа был тогда не светло-синий, а розовый. Во время первой гонки в июне 1829 года две лодки столкнулись, и соревнование пришлось начать заново. Оксфорд победил. На окне здешней гостиницы “Красный лев” Томас Шенстоун нацарапал следующие стихи:



Весь путь свой по жизни проделавши скучной,

Вздохнуть может старец о том,

Что в сельской гостинице самый радушный

Нашел из всех мест он прием.

На берегу Темзы находится Музей реки и

гребли. Поблизости расположена знаменитая лодочная фирма “Хоббс и сыновья”.

МЕДМЕНЕМ

“Дом посередине”, “Поселение среднего размера” или “Земля, обнажившаяся после осушения пруда”. В местном “замке” или “аббатстве” некогда жила небольшая группа монахов-цистерцианцев, однако здание стало более знаменито тем, что в нем собирался Клуб адского пламени, чьим девизом было Fay ce que voudra (“Делай что захочешь”). Ведущий член клуба сэр Фрэнсис Дэшвуд украсил существующее по сей день здание прихотливыми готическими арками. “Неправедные дела” клуба несколько преувеличены, но утверждали, что среди его членов однажды появился сам дьявол в облике бабуина. К концу XIVIII века здание заняли неимущие семьи, которые показывали его за деньги любопытствующим приезжим. Его восстановили в 1898 году, и ныне оно находится в ведении Королевских военно-воздушных сил.

ХЕРЛИ

“Излучина реки”. Это древнее место называлось в прошлом Эсгарестон — “город Эсгара”. Первая церковь здесь возникла усилиями св. Биринуса примерно в 635 году. В годы деятельности этого

святого около мест на обеих берегах Темзы, где он проповедовал и крестил, церкви появлялись одна за другой — в Виндзоре, Итоне, Херли, Медменеме, Уитчерче, Пангборне, Горинге, Стритли и т. д. Этот не самый известный святой поистине изменил топографию Темзы. В церкви Херли где-то под плитами пола похоронена Эдита, сестра Эдуарда Исповедника. В Книге судного дня отмечено, что в деревне живет двадцать пять хозяев и десять "рабов". Местное питейное заведение "Старый колокол" считается старейшим пабом в стране; первоначально здесь была монастырская гостиница. В саду, примыкающем к одному из домов около реки, и ныне можно увидеть участок монастырской стены XI века. Там имеется табличка: "Католический монастырь св. Марии в Херли был в 1086 году, в правление Вильгельма Завоевателя, основан Джеффри де Мандевиллем и его женой Леселиной. Монастырь был подчинен Вестминстерскому аббатству". В 1391 году настоятель пожаловался Ричарду II, что "беспокоят наводнения на Темзе, жилища разрушаются, их обитатели умирают". Сохранились два амбара XII века. Генрих VIII в начале своего правления отдал бенедиктинцам "большой лес, именуемый Херли", в обмен на их сад в Лондоне, "именуемый

Ковент-гарден". Монарх не прогадал. На руинах монастыря был построен особняк Леди-плейс, в подвале которого заговорщики обсуждали план свержения Якова II. Здание было снесено в 1837 году, и под его полом нашли три трупа в бенедиктинских одеяниях.

БИШЕМ

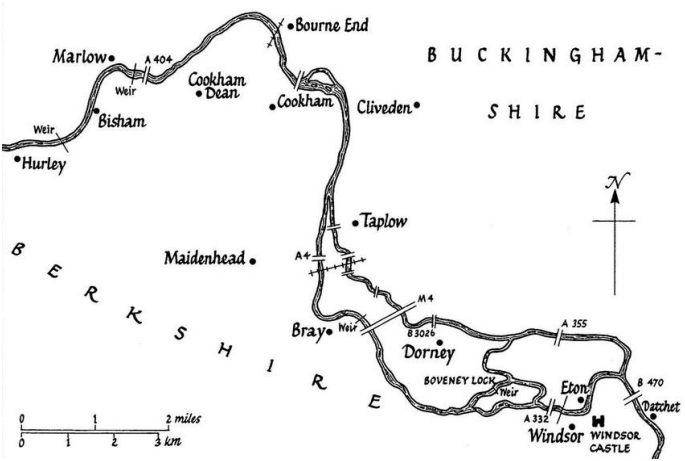
"Дом Биссела" или, возможно, деревушка на реке Бисс. Трудно иной раз отграничить название места от семейного имени, если одно и другое были на протяжении веков неразделимы. Территория получила имя от людей или люди от территории? Самое знаменитое здание здесь — Бишемское аббатство, строение эпохи Тюдоров, возведенное на развалинах аббатства XII века. Дом в его первоначальном виде Генрих VIII подарил Анне Клевской после того как беспардонно ее бросил, она же в конце концов передала его сэру Филипу Хоби. Тот привел дом в нынешний вид. Здесь три года "гостила" (то есть была заточена) принцесса Елизавета во время правления ее сестры, но более всего прославил это здание "бишемский призрак". Леди Хоби убила собственного сына за кляксы в тетрадях, просто-напросто заперев его в одной из комнат. Кое-кто, правда, утверждает, что она запорола его до смерти. Разу-

меется, ее призрак вечно кается в содеянном и без конца моет руки в тазике, который висит в воздухе. Что любопытно, однажды во время ремонта под досками пола нашли ученические тетради. Ныне бишемское аббатство — национальный спортивный центр.

МАРЛОУ

“Низкое и болотистое место” или, возможно, “Остаток озера или пруда”. Камден, однако, связывает слово с “мелом, называемым в народе marle”, которым, по его словам, местность изобилует. В здешней католической церкви св. Петра находится кисть руки апостола Иакова, сбереженная при разорении Рединского аббатства. Согнутые пальцы напоминают когти. В ризнице Всех святых висит портрет “Пятнистого мальчика” — чернокожего парнишки с большими белыми пятнами на коже; он и балаганщик, который демонстрировал его, похоронены в одной могиле на кладбище при церкви. Архитектор здешнего подвесного моста Уильям Тирни Кларк создал также знаменитый мост, связывающий Буду и Пешт. Городок Марлоу более всего, вероятно, известен тем, что на Западной улице в нем жили Перси Биши Шелли и Мэри Шелли; новая книга о них, опубликованная Обществом Марлоу,

называется “Монстры Марлоу”. Мэри Шелли написала здесь немалую часть “Франкенштейна”, а чуть дальше по той же улице Томас Лав Пикок написал “Аббатство кошмаров”. Что-то такое, вероятно, было в здешнем воздухе. Кроме того, в молодости тут жил Т. С. Элиот. Не вдохновил ли его в какой-то мере этот город на написание “Бесплодной земли”? В свое время часто звучал ехидный вопрос: “Кто съел собачий пирог под мостом в Марлоу?”, целью которого было вывести из себя местных барочников и лодочников. Дело в том, что хозяин трактира в Медменеме однажды узнал, что группа барочников собирается совершить налет на его кухню. Только что он утопил выводок щенков; недолго думая он запек их мясо в пироге и поставил пирог в кладовку. Кладовка была ограблена, пирог — съеден, как гласит легенда, под мостом в Марлоу. Обидный вопрос сейчас редко задают по той простой причине, что его мало кто понял бы. Особого смеха в любом случае вряд ли стоит ожидать. Джеймс Торн в своих “Прогулках по речным берегам” (1847) пишет о Марлоу, что “жизнерадостными здешних обитателей не назовешь, и веселость их весьма натужная”.



КУКЕМ

Возможно, от кельтского cwch-ium, что означает “лодочное место”; или от cocc-ham (“дом на холме”). А может быть, “дом повара”? В Книге судного дня название пишется Cocheham. М. А. Лоуэр в словаре британских фамилий Patronymica Britannica (1860) пишет, что coke — старое написание слова cook (повар), происходящего от

латинского coquus. У. У. Скит также полагает, что саксонское сос или cook в названии “Кукем” происходит из латыни. Что любопытно, в местной церкви погребены повар Элеоноры Аквитанской и “мастер специй” Генриха VI. “Что в имени?” — можем мы повторить вслед за шекспировской Джульеттой. Кукем — одно из самых известных мест на Темзе прежде всего потому, что здесь жил Стэнли Спенсер, и благодаря его картинам. Но городок заслуживает внимания и по другим причинам. Здесь имеются два мегалита — “Кукемский камень” и “Дегтярный камень”. Последний, впрочем, может быть и метеоритом. В речной пойме близ Кукема найден ряд захоронений Бронзового века. Представляется вероятным, что первые здешние обитатели явились из Кента, продвигаясь вверх по реке. В большом количестве обнаружены скелеты римлян и саксов. В Кукеме есть поле, называемое “Ноев ковчег”, и это название, как считают, связано с историей о том, будто Шеф, первый и абсолютно легендарный король англосаксов, был сыном Ноя и родился в ковчеге. Итак, Библия пришла в Кукем до того, как картины Стэнли Спенсера подтверили связь этого города с религией. В правление Этельреда Неразумного здесь собирался саксонский витена-

гемот — весьма вероятно, у “Дегтярного камня”. В 716 году в Кукеме уже было аббатство. Кукем пронизан связями с глубокой стариной, люди живут здесь с древних времен, и слои плотно спрессованного прошлого начинаются сразу под поверхностью. Историческое и доисторическое редко обнаруживаются в столь тесной близости. На речном дне, особенно вдоль пути старинного парома, найдены памятники всех периодов. Когда современные домовладельцы решили сделать гидроизоляцию, строители обнаружили несколько слоев пола, кончая полом из колотого мела, который не поддается датировке. Возможно, жилище было здесь всегда — с той поры, как в Кукеме появились первые люди.

КЛИВДЕН

“Долина среди крутых утесов”. Впечатляющее природное окружение особняка с примечательной, пусть и несколько ухабистой, историей. Первоначальное здание построил в 1666 году Джордж Вильерс, второй герцог Букингемский. Оно сгорело в 1795 году из-за неосторожности служанки, читавшей в постели при свече. Дом, который выстроили ему на смену, также сгорел — в 1849 году. Нынешнее здание возвел в 1851 году сэр Чарльз Барри, и современники

писали, что оно напоминает три или четыре больших упаковочных ящика. В разное время в нем размещались герцог Вестминстерский, Уильям Уолдорф Астор, Национальный трест и филиал Стэнфордского университета. Ныне оно рекламируется как роскошный отель. Сад при нем, однако, открыт для публики. Чарльз Кингсли писал, что пейзаж в этом саду — “самый красивый из всех, какие я видел в долине Темзы от Таплоу до Кливдена”. Кливденский “висячий лес” — это остаток первобытных лесов, некогда покрывавших весь регион. Утес возвышается на 42 м, он обильно порос дубом и буком, ясенем и каштаном. С этой лиственной гармонией может соперничать лишь лес Куорри-вуд напротив Марлоу, где настоящее буйство буков, дубов, ясеней и хвойных деревьев. Леса на берегах Темзы — места поистине волшебные, изобилующие намеками на древние времена. Куорри-вуд — это прообраз Дремучего Леса из книги Грэма “Ветер в ивах”. Осенью тут разрастается зеленый лишайник. Именно тут Крот испытал “Ужас Дремучего Леса”: “Теперь казалось, будто весь лес куда-то мчался, бежал, догонял, устремляясь к чему-то или

к кому-то”[105]. Это — холодное прикосновение первобытного леса.

МЕЙДЕНХЕД

Камден считал, что город назван в честь святой девственницы (maiden), чью голову (head) некогда почитали здесь как святыню. В народе полагали, что голова принадлежала одной из одиннадцати тысяч девственниц, мученически погибших вместе со св. Урсулой в Кельне. Скит и Экуолл, однако, высказывают мнение, что название происходит от maegden hyth — “пристань для девиц”, иначе говоря, легкое место для высадки. Были и другие толкования: пристань (hythe) у луга (meadow); большая (magne) пристань; промежуточная пристань (mid-hythe) между Виндзором и Рединго м; или же mai dun hythe (пристань у большого холма). Этот “большой холм” — надгробная насыпь саксонского вождя Теппы (давшего имя городку Таплоу на противоположном берегу), чьи погребальные принадлежности выставлены сейчас в Британском музее. Так или иначе, во времена Книги судного дня это место называлось Эленстоун или Эллингтон. Железнодорожный мост изобразил Тернер на картине “Дождь, пар и

---

[105] Примечания: 105
Перевод И. Токмаковой.

скорость”. Его спроектировал Изамбард Кингдом Брюнель, и современники не верили, что такой мост может держаться: он состоит всего из двух пологих эллиптических кирпичных пролетов, каждый в 128 футов длиной, не имеющих никакой опоры посередине. До сих пор это самые протяженные и плоские кирпичные сводчатые конструкции в мире. Этот мост также славится своим эхом, которое с удовольствием слышат те, кто идет по береговой тропинке под ним.

БРЕЙ

“Сырое или илистое место”, или, возможно, “Выступ холма”. Городок более всего прославился благодаря своему викарию, который во времена от Генриха VIII до Елизаветы I так часто менял свои религиозные убеждения, что стал символом клирика-приспособленца. На эту тему сочинена знаменитая баллада, припев которой гласит:

От этого правила не отступлю
До самого смертного дня, сэр.
Король уступает трон королю,
Но брейский викарий – я, сэр!

ДОРНИ

В Книге судного дня пишется Dornei. “Остров или участок суши, изобилующий шмелями”.

Предположительно здесь некогда был островок, на котором собирали мед. В саду Дорни-корта, особняка тюдоровской эпохи, впервые в Англии вырастили ананас. В лондонском Хем-хаусе есть картина, где изображен садовник из Дорни, который, преклонив колено, преподносит роскошный плод Карлу II. Король показывает на ананас расслабленным пальцем.

БОВНИ

“Место выше острова” или, может быть, “Верхний остров”. На берегу одиноко стоит маленькая церковь св. Марии XII века. Она не используется, но в ней по-прежнему горят свечи. Кампания за ее реставрацию ведется под эгидой Общества друзей заброшенных церквей. Чуть ниже здешней плотины находятся “Афины” — место, где ученики Итонской школы купались в реке нагишом; отсюда название. Здешний берег всегда привлекал купальщиков. Карл Филипп Мориц писал в 1782 году: “Берег тут довольно крутой, поэтому для тех, кто не умеет плавать, соорудили ступени, ведущие прямо в реку. При мне два краснощеких молодых подмастерья, придя из города, мигом скинули платье и бросились в воду”.

ИТОН и ВИНДЗОР

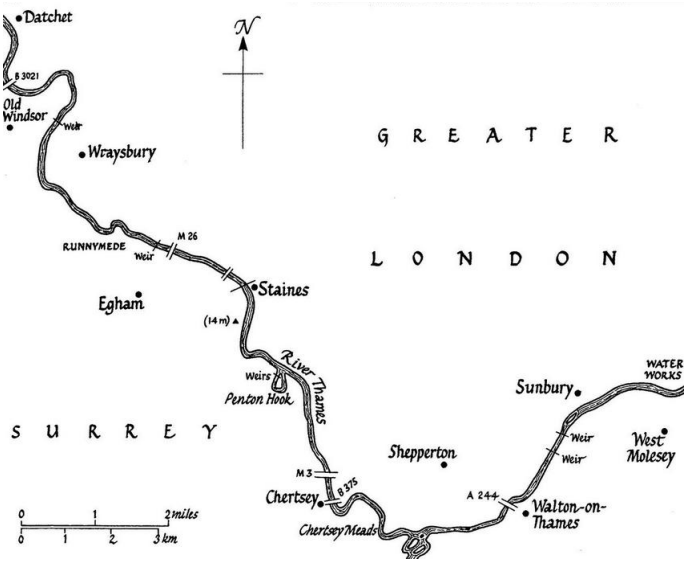
Города, объединенные как рекой, так и об-

щей историей. Виндзор первоначально звался Wyndelshora (у Лиланда — Windelsore), что скорее всего означает извилистый берег (winding shore); можно, с другой стороны, предположить, что на том участке берега была лебедка и "Виндзор" означает wind us over ("перетащите нас через реку"). Некоторые, однако, считают, что "Виндзор" — это wynd is sore ("ветер дует лютый"). "Итон" происходит от eyot-tun (поселение на островке). Виндзорский замок и Итонская школа слишком хорошо известны, чтобы надолго приковать внимание целеустремленного речного путешественника. Замок, правда, представляет некоторый интерес в географическом плане. Он построен на меловом возвышении, резко выступающем из толстого слоя глины. Именно поэтому Вильгельм Завоеватель решил возвести его здесь. Замок выглядит искусственным, но не означает ли это, что он связан с доисторическим прошлым? Вильгельм почувствовал (или ему подсказали), что тут имеется некий древний источник силы. Перестраивая замок с 1360 по 1374 год, Эдуард III по существу использовал рабский труд. Сотни людей из окружающих деревень были привлечены к работам насильно. Саксонский дворец располагался в Олд-Виндзоре в двух милях ниже

по реке. На Темз-филд (“Поле у Темзы”), которое ныне входит в Итонский гребной комплекс, были найдены доисторические курганы, англосаксонские захоронения и средневековые постройки.

ДАТЧЕТ

Этимология весьма темна, однако полагают, что происхождение названия — кельтское или британское. Cet вообще-то означает лес, но в окрестностях Датчета лесов как раз нет. Один приречный город во Франции называется Dacetia, что, по-видимому, происходит от галльских слов, означающих “наилучшее место”. В Книге судного дня Датчет фигурирует как Daceta. Здешние места называли “низменными и сырыми”, и в начале XIX века прозвучало выражение “Черный Датчет”. Более всего, пожалуй, эту деревню прославила сцена бесчестья Фальстафа из “Виндзорских насмешниц”, когда его вываливают из бельевой корзины в датчетскую “грязную канаву”. В той же пьесе здешний берег Темзы назван пологим. Таков он и сегодня.



РАННИМИД

Смысл названия неясен; возможно — running mead (луг для бега). Или место, где устраивались конские состязания (в конце XVIII века здесь, между прочим, действительно был ипподром).

А может быть — rune-mead (рунический луг), то есть место магических видений и обрядов. Или же название произошло от саксонских слов runieg (регулярная встреча) и mede (луг), то есть — луг совета; или от rhine (река или канава). Все это — сплошные догадки. Мы живем среди ландшафта, чьи первоначальные значения нами утрачены. Раннимид известен прежде всего знаменитой встречей короля Иоанна с баронами. Посреди реки есть остров, называемый сейчас островом Великой хартии вольностей; считается, что именно там был подписан славный документ. Имеется даже большой камень, на котором, возможно, покоилась хартия.

СТЕЙНЗ

Или stones (камни). Что за камни? Может быть, имеются в виду какие-то уничтоженные в прошлом стоячие камни? Или римский millarium — милевой камень? В хартии XII века, хранившейся в аббатстве Чертси, упоминаются некие “девять камней”, и считают, что эти камни обозначали границу земель аббатства. Составляли ли они первоначально часть памятника эпохи мегалита? Сейчас здесь кольцевая развязка у моста. Тут, что любопытно, находится Лондонский камень, который некогда отмечал границу

лондонских речных владений. Стейнз — древнее место со следами проживания людей в эпоху мезолита. Римляне соорудили здесь город, который назвали Ad Pontes (У мостов). В “Путеводителе” Антонина говорится, что мост тут был и до прихода римлян; если так, то Стейнз — поистине древнее место переправы. Есть свидетельства существования здесь римского, саксонского и норманского мостов через Темзу, и существует даже теория, что название “Камни” произошло от большого количества разрушенных мостов.

ПЕНТОН-ХУК

Река здесь делает любопытную петлю: идя вдоль нее, надо прошагать полмили, чтобы переместиться на сотню ярдов. Видимо, что-то чрезвычайно твердое помешало реке пробить кратчайшую дорогу. Ныне, однако, тут прорыт канал.

ЧЕРТСИ

“Остров Сеарты”. Ceroti insula (остров Серотуса) упомянут у Беды Достопочтенного. С vii века здесь располагалось знаменитое бенедиктинское аббатство св. Петра. В ix веке его разграбили датчане, в 964 году его заново отстроил король Эдгар. Чертси стал крупным городом, сравнимым с Виндзором, и сыграл важную роль в развитии

долины Темзы. Генрих VIII, однако, перещеголял датчан, и аббатство во время Реформации было практически стерто с лица земли. Абрахам Каули приехал в Чертси спасаться от лондонского шума и деловой суеты; однако, к немалому злорадству Сэмюэла Джонсона, он пережил там череду болезней и неприятностей и безвременно умер, простудившись в поле. Для Джонсона его судьба была доводом против сельского одиночества. Близ Чертси находятся последние заливные луга Темзы.

ШЕППЕРТОН

"Жилище пастухов". В Книге судного дня — Scepertone. Один отрезок здешнего берега называется "Военный участок": тут, по словам Уильяма Гаррисона, "были выкопаны шпоры, мечи и тому подобное, а вдобавок множество человеческих костей; на малом расстоянии к западу по-прежнему видна часть римского лагеря". Итак, тут в древности происходили сражения — вероятно, между римлянами и катувелланами. Шеппертон известен кинои телестудиями, где подобные битвы, без сомнения, разыгрывались заново. Между шеппертонским берегом и Уэйбриджем действует паромная переправа. Паром для пешеходов на этом же речном участке упомянут

в Книге судного дня. Здесь также имеется “Канал Десборо” — короткий водный путь, проложенный через остров (Темза между тем течет по своему извилистому, прихотливому руслу). В этом месте в исторические времена положение русла, судя по всему, менялось. Свидетельство этому — тот факт, что к ряду старых церковных приходов принадлежат земли по обе стороны реки. Темза, иными словами, переместилась.

САНБЕРИ

В старинных документах пишется Sunnabyri, Sunneberie, Suneberie. Если считать, что здесь слились саксонские слова sunna и byri, то получается солнечный город или, возможно, город, в каком-то смысле ориентированный на юг. Есть и другое мнение — что имеется в виду burgh (крепость) вождя по имени Сунна.

ХЭМПТОН

“Фермерское хозяйство у излучины реки”. В Книге судного дня — Hamntone. Здесь расположен Гаррикс-Темпл — “Храм Гаррика”, павильон, задуманный актером Дэвидом Гарриком, где находилась статуя Шекспира. Скульптура работы Рубийяка, моделью для которой послужил сам Гаррик, была позднее по каким-то причинам перемещена в Британский музей. Автором павильо-

на был Ланселот Браун. Сэмюэл Джонсон сказал о Хэмптоне: “Ах, Дэвид, необходимость покинуть подобные места — вот в чем ужас смертного одра!” Чуть ниже по реке — остров Тэггз-айленд, где находятся отель и увеселительный парк, созданные в начале XX века импресарио Фредом Карно. Но лучше всего известен этот район дворцом Хэмптон-корт.

КИНГСТОН

Сомнений по поводу первой части названия быть не может. Королевские ассоциации очевидны. В целом речь идет либо о королевском камне, либо о королевском замке. Здесь короновались многие саксонские монархи. В 838 году Эгберт созвал собрание знати и духовенства в Kyningestun, famosa illa locus (Кингстоне, знаменитом месте). “Королевский камень”, находящийся сейчас перед ратушей, первоначально располагался у дверей церкви, и его считали троном, на котором короновались саксонские правители Уэссекса. В хартии Эдреда, выпущенной в 946 году, Кингстон определенно назван местом возведения на престол. Историк и картограф Джон Спид подсчитал, что здесь было коронованно девять монархов. В Книге судного дня говорится о трех здешних лососевых промыслах. Нынешняя эм-

блема Кингстонского королевского округа — три лосося на синем фоне. Первый деревянный мост между Кингстоном и Хэмптоном был сооружен в 1219 году. Здешняя вода некогда считалась очень чистой и прозрачной.

ТЕДДИНГТОН

“Поселение людей Тодды или Тотти”. В старых документах название пишется Todington или Totyngton. Некоторые считают, что первоначально это был Tide-end Town (“Город, где кончаются приливы”), и здесь действительно проходит граница влияния приливов. В Теддингтоне расположен первый из шлюзов Темзы. Смотрителю шлюза некогда давали короткоствольное ружье со штыком, чтобы наводить страх на разозленных помехой рыбаков и лодочников. Здесь родился актер и композитор Ноэл Кауард, здесь исполнял обязанности приходского священника Томас Трахерн, здесь жил Р. Д. Блэкмор, автор “Лорны Дун”.

ИЛ-ПАЙ-АЙЛЕНД

Более правильное название — Твикнем-эйт (Твикнемский островок). Но здесь действительно продавали пироги с угрем (eel pies). В XIX веке в летние месяцы сюда стекалось множество любителей полакомиться угрем. Члены обществ

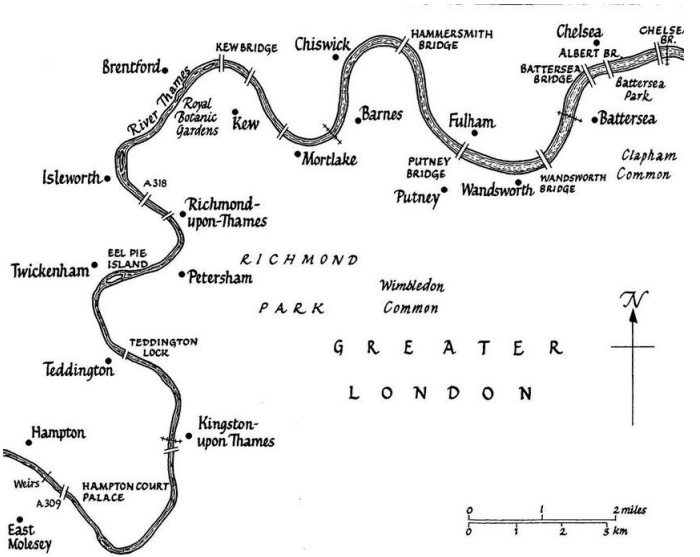
взаимопомощи и профсоюзов, респектабельные горожане, добропорядочные мастеровые, совершая памятные “вылазки”, смешивались здесь воедино. В 1960-е годы здешний отель стал местом выступлений таких групп и артистов, как Rolling Stones, The Who, Дэвид Боуи и Род Стюарт. Ныне на острове обитает довольно-таки эксцентричная братия.

ТВИКНЕМ

Предположительно — поселение или огороженный участок некоего Твики; или, возможно, земля у разветвления реки. В прошлом название писалось Twitnam, Twittanham, Twicenham. Впервые упоминается письменно в хартии 704 года как Tuican hom и Tuiccanham. В XV веке между Твикнемом и Ричмондом уже курсировал паром. Чаще всего, пожалуй, Твикнем приходит на ум по ассоциации. Здесь жили сэр Фрэнсис Бэкон, Готфрид Кнеллер, Мэри Уортли Монтегю, Александр Поуп, Генри Филдинг, Джон Донн, Хорас Уолпол, Дж. У. М. Тернер, Альфред Теннисон, Александр Герцен, герцог Орлеанский и изгнанный португальский король Мануэль II. Поупу принадлежат довольно-таки загадочные строки о том, что

> *Твикнем обогащают более красивые виды:*

Гроты, статуи, урны, кобель и сука Джонстона[106].



“Кобель и сука” — две скульптуры у Орлеан-хауса, принадлежавшего в то время государственному секретарю Джонстону. В местной церкви имеется памятник Поупу с не лишенной горечи эпитафией его собственного сочинения, озаглав-

[106] Примечания: 106
Подстрочный перевод.

ленной: “Тому, кто не хотел быть похороненным в Вестминстерском аббатстве”. По словам Дэниела Дефо, здесь “так много красивых зданий, прелестных садов и роскошных жилищ знати, что сравниться с этим не может ничто в целом мире”. С другой стороны, один француз как-то сказал Поупу: “Все это замечательно, но уберите реку — и ничего стоящего не останется”. Он, пожалуй, был прав. Река для этого места — все. В XIX веке Диккенс назвал Твикнем “приятным и спокойным” местом. Сейчас Твикнем славится стадионом для регби.

ПИТЕРШЕМ

Ham (поселок) Питера. Церковь посвящена опять-таки св. Петру. Один человек, обитавший в этой деревне в XIX веке, записал свой разговор со старожилом. Тот сказал ему: “Я помню время, когда тут еще люди жили. Сейчас, кто тут живет, все гроша ломаного не стоят”.

РИЧМОНД

Название — не местного происхождения: его дал городку Генрих VII в честь своих йоркширских владений. Ричмонд часто изображали, и о нем много писали. В “Эдинбургской темнице” Вальтера Скотта (1818) читаем: “Темза, окаймленная виллами с башенками и украшенная

растянувшимися гирляндами лесов, текла плавно и величаво, словно могущественный властелин этого края, красоты которого лишь свидетельствовали о безграничности его господства; на груди ее колыхались барки и лодки, чьи белые паруса и весело развевавшиеся вымпела оживляли всю картину”[107]. Вид Темзы с Ричмонд-хилла привлекал внимание художников на протяжении трех столетий. В 1902 году он стал первым из видов, охраняемых парламентскими актами. Посвященные этому пейзажу строки Джеймса Томсона были даже написаны на доске, прибитой к одному из здешних деревьев, чтобы никто не сомневался в том, где находятся “чарующий дол” и “улыбающиеся луга”. Как писал Дефо, “вся здешняя местность сияет неописуемо… на расстоянии — только природа, вблизи — только дело рук человеческих; но и то и другое прекрасно”. Нисколько не преувеличивая, можно сказать, что здесь возникло и созрело английское искусство ландшафтного сада, изменившее топографию всего европейского мира. Путешественник Карл Филипп Мориц восторженно воскликнул о Ричмонде: “В своем роде это было самое чистое

[107] Примечания: 107
Перевод С. П. Мирлиной.

откровение о Природе из всех, какие мне довелось видеть". Здесь природа выражала себя через картинность, и слова Морица — показатель почти истерического восхищения, которое в свое время вызывал у людей Ричмонд.

ШИН

Название, вероятно, происходит от староанглийского sceon, означающего укрытие; возможно, имеется в виду укрытие для скота. Альтернативная версия возводит название к староанглийскому sceone (красивый). От того же корня происходит глагол shine (светиться), что приводит на ум слова Дефо о "красоте берегов Темзы, которые светятся по обе стороны реки". Там, где ныне находится лужайка Ричмонд-грин, некогда был замок Плантагенетов Шин-пэлис.

АЙЛВОРТ

Составителям Книги судного дня эта деревня была известна под названием Ghistelworde. Встречаются также варианты Yhistleworth, Istelworth, Ysselsworth и Thistleworth. Этимологи расфантазировались. Наиболее вероятно, впрочем, что название произошло от кельтского uisc (вода) и саксонского worth (деревня). Соединение кельтского и саксонского наименований встречается редко, но Айлворт действительно находится у

воды: здесь протекает не только Темза, но и ее приток Крейн. В прошлом это место считалось отдаленным и заброшенным, и в начале XX века Айлворт назвали “старой и почти позабытой деревней”, которой присуща “грязноватая прибрежная живописность”. Грязноватым Айлворт сегодня назвать нельзя, но прибрежные постройки по-прежнему живописны, и не в последнюю очередь — знаменитое питейное заведение “Лондонский ученик”. Стоящая рядом церковь — странный гибрид: современное здание пристроено к башне XIV века. На близлежащих островках некогда срезали ивовые ветки. В Айлворте в свое время был королевский дворец, принадлежавший Ричарду, графу Корнуоллскому, брату Генриха III, носившему номинальный титул “короля Римского”.

БРЕНТФОРД

Здесь действительно был брод (ford) через речку Брент, и здесь же был брод через Темзу. Имеется легенда о “двух королях из Брентфорда”, но что это были за короли — неизвестно. В прошлом Брентфорд слыл местом грязным и убогим. Джон Гей в послании графу Берлингтонскому (1712) пишет о нем так:

Я не видел скучней деревушки,

Где в пыли белоперые бродят несушки.

Ему вторит Томсон в поэме “Замок праздности” (1748): “Брентфорд, грязный городок…” Короля Георга II, напротив, этот грязный и плохо вымощенный городок восхитил, ибо напомнил ему родную страну. “Мне нравится ехать через Брентфорд, — сказал якобы его величество с сильным немецким акцентом. — Здесь так похоже на Ганновер!” О человеке с очень красным лицом обычно говорили, что он походит на брентфордского Красного Льва (имелась в виду вывеска главной здешней гостиницы). В XVIII веке в Брентфорде возникли крупнейшие пивоварни, а в 1805 году здесь прошел Большой соединительный канал, что добавило городку шума и грязи. Сейчас он производит куда более пристойное впечатление.

КЬЮ

Название в прошлом писалось Kayhough, Kayhoo, Keyhowe, Keye, Kayo и Kewe. Можно предположить, что оно происходит от слова key (ключ) или от quay (пристань); или же оно означает “Место на мысу”. Здешний ботанический сад увековечил Эразмус Дарвин:

У сверкающей Темзы на троне своем

Гордо Кью восседает одна.
И дары из далеких полуденных стран
Шлет послушно ей ныне Весна.

“Даров” тут и сегодня в избытке. Ботанический сад более всего знаменит пальмовым павильоном и пагодой.

ЧИЗИК

Видимо, “Сырная ферма”, как и Кезик в Норфолке. На местном кладбище похоронены Хогарт и Уистлер. Поблизости находится Чизик-хаус. Какое-то время это здание использовали как приют для душевнобольных. Теперь оно открыто для публики. В прошлом в Чизике выращивали саженцы, овощи и фрукты на продажу, и окрестности городка называли “великим лондонским садом”. Он также славился пивоварнями, о которых писали еще в XIII веке. Ныне Чизик более всего известен кольцевой развязкой.

МОРТЛЕЙК

В Книге судного дня пишется Mortelage. Название не означает “Озеро мертвых”, как можно подумать. Лиланд и некоторые другие считали, что это место некогда называлось по-латыни mortus lacus — то есть “мертвое” русло реки, которая стала течь по-другому. Но это вряд ли применимо к

данному участку Темзы. “Мортлейк” может также означать “Ручей (lacu), которым владеет Морта”. Или же название связано со староанглийским mort (молодой лосось). Джон Ди, великий маг елизаветинских времен, жил здесь в доме около реки. Именно тут ему явился ангел Уриэль и дал прозрачный камень, с помощью которого Ди мог вызывать духов. В 1619 году в Мортлейке возникла первая в Англии гобеленовая мануфактура. Здесь же производилась знаменитая керамика.

ПАТНИ

Один из двух городов-близнецов около Темзы: Патни — на суррейском берегу, Фулем — на мидлсекском. Говорили, будто церкви, стоящие у противоположных концов моста, — Всех святых и св. Марии — построили две сестры-великанши; у них был только один молоток, и они перебрасывались им через реку с возгласами: Put it nigh! (Положи его поближе!) и Heave it full home! (Давай его на место!); отсюда — Патни и Фулем. Это, конечно, домыслы, и только. В Книге судного дня Патни называется Putelei, но в позднейших источниках название пишется Puttenheth или Pottenheth. Возможно, это означает “Пристань Путты”. В XVII и XVIII веках окрестные места славились рыбными промыслами. Позднее рыбная

ловля сюда вернулась — на сей раз в качестве популярного спорта. Некогда здесь был паром, но в начале XVIII века его заменили мостом. Один из членов парламента от Лондона заявил, что "сооружение моста через реку Темзу в Патни не просто повредит великому и значительному городу, который я имею честь представлять, не просто нарушит его сообщение и коммерцию, но, по существу, полностью его уничтожит". Путешественники, как правило, плыли до Патни по реке, а оттуда брали карету. Этот район Лондона и сейчас славится гребными клубами — он фактически стал центром гребли на Темзе. В прошлом деревня, знаменитая как место рождения Томаса Кромвеля и Эдуарда Гиббона, Патни распространялся по берегу все дальше, пока в XIX веке не стал представлять собой "цепь фабрик и одноэтажных домишек, где обитают рабочие и мастеровые", а также "нездоровую болотистую местность", посреди которой имеются "дворы, пристани и сараи для повозок". Здесь изготовляли джин, крахмал, свечи, пиво и купорос.

ФУЛЕМ

Fullenhanne или Fullenholme, то есть "Птичье место"; или, возможно, "Огороженное хозяйство сукновала". Кое-кто, однако, предполагает, что

название значит foul home, то есть “Поселение среди грязи, ила”. В прошлом Фулем славился как садами и огородами, так и первым в Британии газовым заводом. До 1973 года здесь была резиденция епископа Лондонского. В Фулеме жили также Сэмюэл Ричардсон и Редьярд Киплинг. Некогда Фулем считался более фешенебельным местом, чем Патни, но позднее их положение друг относительно друга изменилось на противоположное. “Фулемскими” в старину называли шулерские игральные кости.

БАТТЕРСИ

Название — настоящая загадка. Этимологи поминают св. Патрика, св. Петра и жидкое тесто для пудинга (batter). В Книге судного дня — Patricesey, позднее — Batrichsey. Вариант с пудингом, пожалуй, слишком очевиден, чтобы отражать истину. Не исключено, однако, что это был “Остров Бадрика” или “Остров Батты”. Городок в прошлом славился спаржей, ныне район известен своим собачьим приютом. Имеется стихотворение неизвестного автора:

Темза для меня милее,
И прозрачней, и светлее
В Баттерси моем родном.

Но река здесь отличается довольно бурным нравом: волны у моста Баттерси очень даже высоки.

ЧЕЛСИ

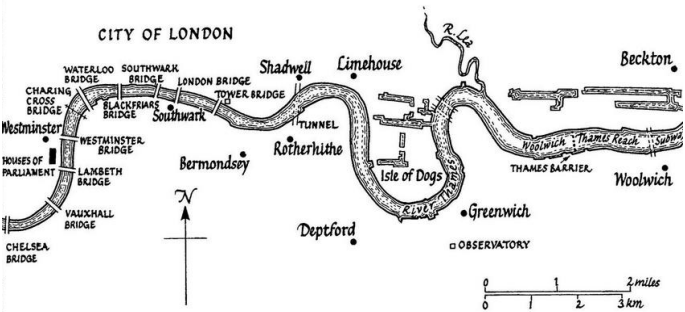
В Книге судного дня — Chelched, позднее — Cercehede. В VIII веке, когда Оффа собрал здесь "синод", название писалось Ceolshythe. Встречается также написание Cealchythe, и это может означать "Пристань для мела или извести" или "Пристань на гравии". Церковь на месте нынешней Старой церкви (Челси-Олд-черч) существовала с VIII века. Здесь находился дом Томаса Мора, и в церкви имеется мемориал, посвященный его семье. Этот участок Темзы иронически называли "морем для кокни". О местных юнцах начала XIX века говорили, что они "мелко завивают волосы на висках с помощью свинцовых валиков; шляпы заламывают или загибают по бокам; а на брюках под коленками имеют до восьми, а то и до до десяти маленьких пуговок, и завязок у них не счесть — в подражание знаменитому разбойнику 'Джеку с шестнадцатью завязками'". Таким образом, Челси всегда был центром моды.

ЛАМБЕТ

Loam-hithe, то есть "Илистый берег"; или, возможно, Lamhytha — "Причал для выгрузки и погрузки ягнят". В Книге судного дня — Lanchei.

Ламбет более всего знаменит своим дворцом — резиденцией архиепископа Кентерберийского. В здешней церкви располагается музей Традесканта, посвященный истории садоводства. Здесь жили разнообразные маги и астрологи; не исключено, что их манила возможность, привлекая на помощь древнееврейский язык, истолковать название как “дом агнца” (бет-эль по-древнееврейски значит “дом Божий”). С другой стороны, район всегда считался довольно скверным. В XVIII веке здесь, среди разнообразных темных личностей и радикалов, жил Блейк. Считалось, что сырой болотный воздух южного берега реки способствует расслабленности и порокам. Ламбет слыл “одной из громадных выгребных ям, великим вместилищем лондонского порока и безнравственности”. Он стал известен своими керамическими фабриками и тем, что называли “вонючими производствами”. В Ламбете, кроме того, изготовляли и ремонтировали лодки. В XIX веке здешний берег находили “отвратительным, застроенным сырыми доходными домами, гниющими пристанями и грязными лодочными сараями”. Сохранилась замечательная серия ранних фотографий, на которых показан живописно-неприглядный береговой пейзаж, позднее

сметенный ради набережной Альберта и примыкающих к ней улиц.



ВЕСТМИНСТЕР

Саксы называли его Thornege, то есть “Островом колючих растений”. Возможно, остров был образован рукавом реки, который назывался Лонг-Дич (Длинной канавой), но скорее всего под островом имелась в виду возвышенность, окруженная низкой болотистой местностью. Здесь некогда стоял храм Аполлона. Нынешнее аббатство возникло в XI веке, но монастырь здесь

был с начала vii века. Себерт, король восточных саксов, воздвиг церковь аббатства и нарек ее West Mynstre (Западным собором) в противоположность Восточному собору (св. Павла), который ранее построил его дядя Этельберт. Останки Себерта и ныне покоятся в аббатстве. По настоянию герцога Веллингтонского нынешнее здание парламента было построено у самой реки, чтобы оно никогда не могло быть окружено со всех сторон гневными толпами.

СИТИ и ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЛОНДОН

Река дала Лондону начало. Согласно одной из версий, название города произошло от кельтского llyn-dun, то есть “Укрепление на холме у воды”. Если так, то кельтское поселение здесь предшествовало римскому. Если двигаться по реке от устья вверх, то здесь впервые встречается твердый высокий берег, защищенный двумя холмами. Кое-кто утверждает, что Темза и есть Лондон — что в ней содержится его текучее воплощение, его сущность, его дух. Когда впервые вышел журнал “Иллюстрейтед Лондон ньюс”, на первой его странице была изображена Темза; река была божеством-покровителем города. Поэт Джон Мейсфилд назвал ее “огромной улицей, вымощенной водой”, центральной магистралью

столицы. Темза так же неотделима от этого города, как кровь от человеческого тела, и можно с немалой долей уверенности утверждать, что никакая другая столица мира не зависела в такой мере от своей реки. Темза была не только рынком, портом и водной дорогой. Она дала Лондону достоинство и величие, подарила ему эстетические возможности, которых без нее он бы не имел. Вот почему великие архитектурные памятники города большей частью расположены на ее берегу. Любопытно, однако, что сами лондонцы редко обращают на Темзу внимание. Они торопливо пересекают ее, если нужно; они не пытаются гулять подле нее и очень мало по ней плавают. Она никуда не ведет. Ее нельзя использовать как дорогу в кино, в театр или в паб. И поэтому ею пренебрегают. В ней не находят интереса. В большей части Лондона, даже в его прибрежных районах, Темзу плохо видно. Она лишь изредка показывается между домами. Что до самой реки — ее эта отчужденность устраивает. Она не набивается нам в друзья, не пытается втереться в доверие. Она по-прежнему выглядит древней, темной и смутной.

САУТУОРК

То есть “Южное укрепление”. Здесь вдоль бере-

га была возведена защитная стена. Некоторые, правда, считают, что work означает крепость, построенную римлянами. У верхнего конца улицы Баттл-бридж-лейн, идущей вниз к Тули-стрит, есть узенький переулок, который и сегодня называется Инглиш-Граундз (“Английская территория”). Это название имеется на карте Лондона 1848 года. На этой же карте рядом расположен маленький заштрихованный участок под названием “Ирландская территория”. Нет ли здесь отголоска яростных баталий XIX века между ирландскими и английскими рабочими? Название Баттл-бридж (Мост битвы) наводит на мысль о каком-то более древнем сражении — но нет, название моста происходит от гостиницы, принадлежавшей монахам суссекского аббатства Баттл.

УОППИНГ

“Место жительства людей Уэппы”. Это древнее племя или сообщество обитало там, где ныне находится построенная Хоксмуром церковь Сент-Джордж-ин-де-Ист. В свое время это место называли “Слякотный Уоппинг”. Сэмюэл Джонсон посоветовал Босуэллу “исследовать Уоппинг”, чтобы поглубже понять лондонский мир. Уоппинг и сегодня служит поучительным примером.

Некогда тут были тучные поля и пастбища. Затем, в XVII и XVIII столетиях, Уоппинг стал прибрежным районом; его описывали как “беспрерывную улицу с переулочками, которые флотские поставщики и трактирщики застроили маленькими домишками со съемными помещениями”. Иными словами — район питейных заведений и борделей. В XIX веке Уоппинг сделался придатком лондонских доков, в XX — районом трущоб и пустырей; сейчас, в XXI столетии, здесь дома с роскошными квартирами, агентства недвижимости и главный офис газетного концерна “Ньюс интернэшнл”.

БЕРМОНДСИ

“Остров (eye) Беормунда”. Слово eye сейчас используется только в названии London Eye (колесо обозрения около Темзы), но первоначально так назывались маленькие островки посреди прибрежных болот или в пойме Темзы. Бермондси возник как гать через болото, которая вела к церкви среднесаксонского периода. В XIV веке на этом же месте появилось аббатство Клюнийской конгрегации, ставшее центром как духовной, так и коммерческой жизни округи. В XVIII веке в Бермондси, как и во многих других прибрежных районах, начали развиваться вредные производ-

ства — такие, как дубление кож и изготовление клея. Здешние разнообразные неприятные запахи стали притчей во языцех. Впрочем, в них находили и пользу: запах дубления, как считалось, отгонял чуму. До сих пор сохранились такие названия улиц, как Таннер-стрит (Дубильщиков), Морокко-стрит (Сафьяновая) и Ледермаркет-стрит (Кожного рынка). Тут возникло выражение "Сумасшедший шляпник", связанное с умственными расстройствами, которыми страдали шляпники Бермондси, вынужденные во время работы вдыхать чрезвычайно токсичные пары ртути. Бермондси принадлежит также сомнительная честь включать в себя "остров Джекоба", который обессмертил в "Оливере Твисте" Диккенс как место, где находилось логово Билла Сайкса: "все отвратительные признаки нищеты, всякая грязь, гниль, отбросы..."[108] Дом Сайкса располагался на Эккет-стрит, которой давно уже нет.

ШАДУЭЛЛ

Это не означает ни "Колодец теней", ни "Тенистые колодцы". Название происходит от колодца Седелеса (Седелес — дохристианское водное божество). Название улицы Шад-Темз близ Бермондси

---

[108] Примечания: 108
Перевод А. Кривцовой.

— это, как полагают, искаженное название церкви Сент-Джон-ат-де-Темз (рыцари ордена св. Иоанна владели мельницами поблизости). Не исключена, однако, связь с Седелесом.

ЛАЙМХАУС

“Место, где расположены печи для обжига извести”. Этим ремеслом здесь занимались с XIV века до 1936 года, когда исчезли последние печи. В XVIII веке в Лаймхаусе был фарфоровый завод; кроме того, район был известен корабельными верфями. В XIX веке его называли Чайнатауном, шла молва о здешних опиумных притонах и опиоманах. Район никогда не был таким опасным и неприятным, каким слыл, хотя столь различные писатели, как Оскар Уайльд и Сакс Ромер, привносили в него дух мрачной и романтической таинственности. Неудивительно, что лондонцы в большинстве своем его избегали. Ныне здесь много дорогого жилья с видом на Темзу.

РОТЕРХАЙТ

Иначе — Редрифф; существует улица Редрифф-роуд. Молва истолковывает название как “Красный риф”, и говорят, что пониже входа в Миллуолский док по дну Темзы проходит полоса розового гравия. Не исключена, однако, связь с саксонскими словами redhra (моряк) и

hythe (гавань). Если так, это место более тысячи лет имело отношение к мореплаванию. Есть и еще одна версия: “Пристань для скота”. Отсюда “отцы-паломники” отправлялись на кораблях в Плимут и Новый Свет. В XVIII веке это был городок, населенный моряками и торговцами всевозможным корабельным товаром. Здесь жил Лемюэль Гулливер. В XIX веке в Ротерхайте возникли разнообразные доки, во многих случаях связанные с балтийскими и скандинавскими портами. Главными товарами были зерно и лес, но немалое значение имела также “сицилийская сера” из Палермо. Чуть западнее церкви у берега можно видеть остатки дворца, построенного Эдуардом III. Здешняя улица Галлиуол-роуд (от слов Galley Wall — стена галер), как считалось, находится там, где Канут некогда приказал прорыть большой канал, чтобы его галеры могли проплыть обходным руслом.

ДЕТФОРД

“Глубокий брод”. Римляне некогда построили здесь мост, но он сгнил. Сейчас на его месте находится Детфордский мост. Тут обнаружено саксонское поселение. Возможно, оно называлось Meretun (“Поселение на болоте”); в 871 году Этельред нанес здесь поражение датчанам. Пожалуй,

наиболее известен Детфорд тем, что тут погиб Кристофер Марло. В Сэйес-корте (доме, которым владел Джон Эвелин) несколько месяцев прожил Петр Великий. Он любил, чтобы его пьяного возили на тачке через аккуратные живые изгороди Эвелина. Зар-стрит (Царская улица) в Детфорде по-прежнему существует, но дома давно уже нет. Петра особенно интересовал Королевский военный порт, возникший в 1513 году — при Генрихе VII. Отсюда отплывали корабли Рэли, Фробишера и Дрейка.

ГРИНВИЧ

От саксонского Grenewic или Grenevic — "Зеленый порт"; wic означает место, где суша встречается с рекой. Возможно, однако, имеется в виду деревня на лугу или даже молочная ферма. Люди селились здесь начиная с эпохи мезолита. При Эдуарде I тут построили королевский дворец, который назывался Плезанс или Пласентия. В Гринвиче родились и Генрих VIII, и Елизавета I. Хоксмур построил здесь церковь св. Алфегия, названную в честь архиепископа Кентерберийского, которого на этом месте забили до смерти бычьими костями датские завоеватели в 1012 году. Здесь возникли Королевская обсерватория и Королевский госпиталь, в здании которого

ныне расположен Гринвичский университет. Отсюда, по мнению некоторых, открывается самый красивый вид на Темзу. Дефо полагал, что ее вода в этом месте “отменно вкусна и свежа, особенно во время прилива”. Вряд ли сегодня это так. Но гринвичский джин здесь по-прежнему производят. К востоку от Гринвича находятся так называемая Подкова — брешь в речном берегу, которая за столетия так и не была заделана, — и “Залив дохлого пса”. Гринвич имеет статус объекта, принадлежащего к Всемирному наследию.

АЙЛ-ОФ-ДОГС

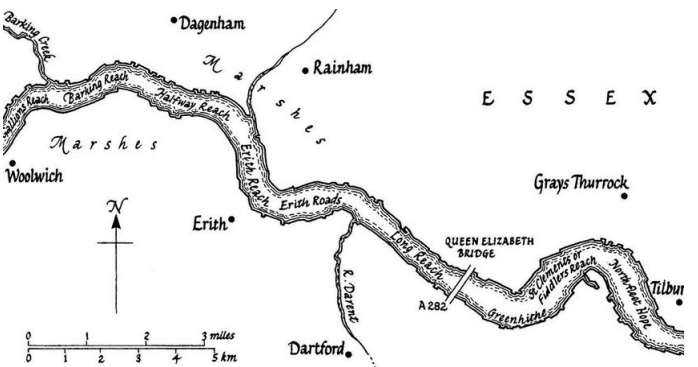
Вопреки названию, это не остров, а полуостров. В свое время был известен как Стебенхит-Марш (или Степни-Марш). Происхождение названия (“Остров собак”) неясно. Может быть, здесь выбрасывали на берег дохлых псов? Может быть, здесь при Эдуарде III находились псарни? В XI веке тут было лесистое болото, на котором епископ Лондонский держал пятьсот свиней (hogs). Тогда, возможно, это в прошлом был Остров свиней? А может быть, Остров уток (ducks)? Или даже — Остров дамб (dykes)? Есть история о том, как один лодочник убил здесь человека, чья собака после этого стала плавать по реке туда-сюда, пока на это не обратили внимание и за ней не проследи-

ли. Так был обнаружен плавающий труп. Затем собака разоблачила убийцу, зарычав на лодочника. Вот и получается — “Собачий остров”. Есть и другая легенда — о пропавшей группе охотников и об их воющих по ночам собаках-призраках. В первобытные времена здесь был лес, остатки которого были обнаружены примерно в 2,5 м под поверхностью воды. В XIX веке их описывали так: “Множество сгнивших деревьев с листьями и ветками на огромных стволах, гнилых насквозь, но сохранивших форму великолепно; кора не повреждена, и деревья были явно вырваны с корнем”. В начале XIX века тут соорудили Вест-Индский док. До 1980-х годов здесь обитало тесно сплоченное и, безусловно, полуостровное сообщество. На Айлоф-Догс была обнаружена каменная церквушка, посвященная Деве Марии. Ныне здесь — городской район Доклендс с громадным небоскребом Канари-уорф.

ВУЛИДЖ

“Шерстяная (овечья) ферма”; или “Место торговли шерстью”. Река здесь в прошлом считалась коварной, с непредсказуемыми омутами и мелями. Гаррисон называет Темзу в этом месте “необъятной”. Она и правда составляет в ширину более мили, и во время прилива вода в ней соле-

ная. Весь здешний прибрежный район некогда назывался болотами Багсби. В настоящее время Вулиджскому участку реки предшествует участок Багсби, где имеется “яма Багсби”. В XVIII веке “яма” была местом казней, а теперь это маленький отрезок берега, где лежат ржавые старые лодки. Кто такой был этот Багсби — никому не ведомо. Одни говорят, что пират, другие — что садовник, третьи — что дьявол. В Вулидже в прошлом находился военный арсенал. Теперь здесь проходит так называемый Барьер — плотина через Темзу.



ЭРИТ

“Место погрузки или выгрузки гравия”. На вершине холма у реки было обнаружено семь или восемь саксонских скелетов. Раньше Эрит назывался Леснес или Лесснес. Развалины Лесснесского аббатства видны и ныне. Местность тут всегда была низменной, плоской, болотистой и считалась нездоровой.

ГРИНХАЙТ

Или Gretenrcse, что означает “Зеленая пристань”. В свое время здесь добывали очень много мела.

ДАГНЕМ

“Жилище человека по имени Декка”. Близлежащий Баркинг получил название от некоего Берики и его потомков. В 1707 году, когда Темза затопила более 2000 га болотистых земель, здесь возникла знаменитая в свое время “Дагнемская брешь”. Район оставался залитым водой до 1721 года, когда была построена дамба. Здесь также был автомобильный завод компании “Форд”. Большое озеро к северу от завода — памятка о “бреши”.

ГРЕЙЗ-ТЕРРОК

Источник названия — поместье Террок, принадлежавшее Ричарду де Грейзу. “Террок”, возможно,

происходит от Thoar's Oak ("дуб Тора"). Или же — от саксонского thorrocke, означающего нижнюю часть корпуса лодки, где скапливается трюмная вода. А может быть, название попросту означает "навозная куча в поле". Последнее кажется наиболее вероятным. Именно здесь начинается "Черный песок". Этот отрезок реки называется "Сент-Клемент" из-за церкви св. Климентия в Уэст-Терроке, которую построили паломники, направлявшиеся в Кентербери, и собиравшиеся здесь рыбаки. Некогда церковь стояла в уединенном месте и была окружена болотами, ныне же ее окружают современные фабрики и нефтеочистные сооружения. Этот участок Темзы называют также "скрипичным", ибо, согласно легенде, здесь утонули три скрипача, и вода из-за их непрекращающихся музыкальных импровизаций до сих пор ведет себя капризно и неспокойно; альтернативная версия, впрочем, указывает, что моряки в прошлом называли хаотическую зыбь на реке "пиликаньем". В путеводителе начала XIX века говорится, что Грейз-Террок по существу состоит "из одной неровно застроенной улицы и маленькой речки, по которой могут плавать суда с небольшой осадкой". Ныне это город приличных размеров. Рядом расположены свалки, что

заставляет вспомнить о старом названии. Здесь построен подвесной мост Королевы Елизаветы II, позволяющий магистрали M25 пересечь эстуарий Темзы.

ТИЛБЕРИ

“Крепость Тиллы” или “Поселение Тиллы”. В Уэст-Тилбери в 1588 году расположился королевский двор, и там Елизавета I обратилась к военным, готовившимся отразить испанское вторжение, со знаменитой речью. В 1670-е годы тут был построен форт для защиты от нападений голландского флота. Не исключено, что “крепость Тиллы” находилась на том же месте. Некогда здесь был монетный двор, и название городка выбито на монетах, отчеканенных при Эдуарде Исповеднике. Дефо писал, что “берег тут повсюду низкий, покрытый болотами и нездоровыми почвами”.

ГРЕЙВЗЕНД

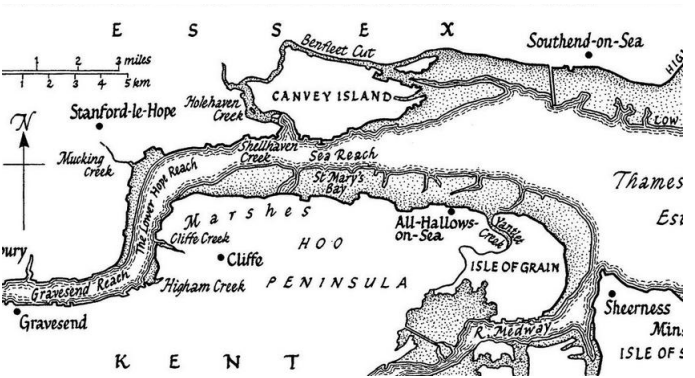
Название не означает “Конец могилы”, вопреки распространенной некогда легенде о том, что именно здесь прошла граница Великой чумы. В Книге судного дня место названо Gravesham, то есть “Графский город” — резиденция графа или префекта округи. Здесь на судах, направлявшихся в Лондонский порт, прибрежные лоцманы

уступали место речным лоцманам. В XIV веке здешние лодочники по-лучили исключительное право перевозить пассажиров в Лондон. Некогда это было место отправления и прибытия; исследователи и будущие колонисты, высылаемые преступники и эмигранты бросали здесь последний взгляд на землю, которую покидали. Именно тут Дэвид Копперфилд распрощался с мистером Пегготи, и тут исчезли из виду Микоберы. Один автор XIX века, писавший о Темзе, говорит об этом месте, что оно связано со “встречами и расставаниями, с великими превратностями судьбы, с острейшими эпизодами жизненной драмы”. Участок реки от Грейвзенда и Тилбери до моря называется the Hope (Надежда). Итак, здесь зачарованное место, которое Конрад некогда назвал одним из “мрачных уголков земли”. Пирс, построенный в 1834 году, существует по сию пору. Здесь начинается так называемый “саксонский берег”, который идет до самого Гастингса.

КЛИФФ

Название писалось: Cliffe, Clive, Cloveshoo, Cliffe-at-Hoo. Городок называли также Bishops’ Cliffe (Утесом епископов), поскольку в саксонский период все епископы из района Кентербери съезжались на ежегодный совет “в местечко,

называемое Клофсхох”. Полагают, что это была первая парламентская система на английской земле. В свое время здесь был процветающий порт; положение на утесе давало городу существенную выгоду. Но в 1797 году сообщалось: “Клифф день ото дня погружается во все бóльшую разруху и бедность, население с каждым годом уменьшается, и некоторые дома, лишившись обитателей, приходят в негодность”. В XIX веке место было названо “одиноким и диким”. Нет сомнений, что людей косила лихорадка. Постепенно жителей становилось все меньше и меньше.



О-В ШЕППИ

от саксонского sceapige, что указывает на обилие овец, которых здесь разводили. Птолемей называет это место Толиапис. Тут, в Минстерапон-Си, находится одна из старейших церквей в Британии. Ее построила королева Сексбурга в 670 году. Ранее на этом месте находился храм Аполлона. Не один век здесь происходили стычки между саксами и датчанами. В 832 году остров захватили “язычники”. С тех пор он так и не вернулся к прежнему состоянию.

КЭНВИ

Остров некоего Каны и его потомков. Примерно 1600 га земли, в прошлом — плоское болото. Возможно, это и есть Конвеннос или Коунос, о котором пишут Птолемей и другие древние авторы. На острове много следов романо-британского заселения. Во II веке здесь жили солевары, но их поселок был уничтожен в результате некоего стихийного бедствия, когда остров оказался под водой. Он всегда был легкой добычей моря. Позднее он стал островом пастухов. Еще позднее на нем поселилась большая группа голландцев, которые в начале XVII века применяли тут свои навыки строительства береговых дамб, за что им и предоставили право проживания. По словам

Уильяма Гаррисона, “иные полагают, что здесь нет ничего, кроме болот, и уподобляют место сие меху для вина, или тискам, или зажиму, или широкому рукаву, ибо тут весьма узко на восточной стороне и широко на западной”. В начале XIX века было высказано мнение, что “фермерствовать на этом острове может лишь человек, которому безразлично, будет он жив или умрет”. Однако в середине XIX столетия “лихорадка” исчезла — во многом из-за осушения болот и уменьшения количества комаров. В начале XX века остров был назван “самым одиноким местом в графствах, примыкающих к Лондону”; однако в последующие годы здесь возникло значительное городское население. Остров также стал местом, где многие лондонцы проводили выходные дни. Во время большого наводнения 1953 года погибло 83 местных жителя.

Карты к разделу “Опыт альтернативной топографии”

Автор карт — Реджинальд Пиггот

Автор дизайна — Дина Дрейзин

От автора

Я благодарен издателям за то, что они предприняли этот проект. Я должен также поблагодарить своих помощников-исследователей Томаса Райта и Мерроу О'Брайена за их неутомимую деятельность. Но особой благодарности заслуживают двое моих коллег, Николас Робертсон и Иэн Джонстон, которые сопровождали меня в пешем путешествии от истока до моря и помогли мне задумать и осуществить этот труд.